

**ШРИ
РАДЖНИШ**

**Истинный мудрец
Искусство умирать**

РАДЖНИШ

**Истинный мудрец
Искусство умирать**

**Москва
2008**

ББК 84,5 ИД
096

Шри Раджниш
Истинный мудрец Искусство умирать 336с.
Москва 2008
ИП Солдатов
ISBN 978-5-94726-091-5

Багван Шри Раджниш — известный также как Ошо — просветленный мастер нашего времени, автор 350 книг.

Книга включает в себя 2 цикла бесед Раджниша по хасидизму — мистическому учению появившемуся в XVIII веке в Белоруссии.

Беседы были проведены в 1975-1976гг в ашраме Раджниша в Пуне, Индия.

Редактор Свами Вит Праяс

Перевод Солдатов АВ 1986-1988 г

© The true sage. The art of dying.
Shree Rajneesh India 1975-1976
© Солдатов А. В. Русский перевод 1988

Формат 60 X 90/16 Бумага офсетная
Гарнитура «Times». Печать офсетная
Усл. печ. л. 21 уч-изд. л. 21
Тираж 2000 экз. Заказ № 3483

ISBN 978-5-94726-091-5

9 785947 260915

Все права на русский перевод этой книги защищены в соответствии с законом России об авторских правах.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера», 163002 г. Архангельск пр. Новгородский, 32
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81
www.ippps.ru

04030300-022
7ПБ(03)-96

без объявления

ISBN 978-5-94726-091-5

Глава 1 Искусство умирать

Когда Раввин Бирнхам умирал, его жена горько плакала.

— Почему ты плачешь? — сказал он. — Вся моя жизнь была прожита только для того, чтобы я смог научиться умирать.

Жизнь это проживание. Это не вещь, это — процесс. Не существует другого способа понять жизнь кроме того, чтобы жить, кроме того, чтобы быть живым, быть в движении, двигаться с этим. Если вы ищете смысл жизни в догмах, философиях, богословии, то это верный способ упустить все.

Жизнь не ждет вас где-то, она происходит с вами. Кем бы вы не были — это ваша жизнь, и если вы начинаете разыскивать ее значение где-нибудь еще, вы упустите ее: человек делал так веками.

Концепции стали очень важными, объяснения стали очень важными — и реальность была полностью забыта. Мы не видим то, что уже существует здесь, мы хотим чего-то лучшего.

Я слышал очень красивую историю.

Несколько лет назад один преуспевающий американец впал в депрессию. Он обращался к психиатрам, но ничего из этого не выходило, не было никого, кто мог бы объяснить ему смысл жизни, который он хотел узнать. Вскоре он услышал об известном и очень знающем гуру, который жил в таинственной и наиболее трудно доступной области Гималаев. И он поверил, что только этот гуру был способен сказать ему, что означает жизнь и какова его роль в ней.

Итак, он продал все свое имущество и начал поиск всезнающего гуру. Он потратил восемь лет, путешествуя от деревни к деревни среди Гималаев, чтобы найти его. И затем однажды он случайно встретил пастуха, который сообщил ему, где проживает гуру, и как достичь этого места.

Ему потребовался почти год, чтобы найти его, но в конечном итоге он добился своего. Итак, он пришел к гуру, который был действительно почтенным, столетним старцем. Гуру согласился помочь ему, особенно после того, как узнал о всех лишениях, которые человек перенес во время своего путешествия.

— Что я могу сделать для вас? — спросил гуру.

— Я хочу узнать смысл жизни, — сказал человек.

На это гуру ответил, не задумываясь:

— Жизнь, — сказал он, — это река без конца.

— Река без конца? — сказал человек удивленно. — После всего того пути, который я прошел, чтобы вас найти, вы можете мне сказать только это — жизнь это река без конца?

Гуру очень рассердился и сказал:
— Ты хочешь сказать, что это не так?

Никто не может сказать вам о смысле жизни. Это ваша жизнь, значение также ваше. Гималаи не помогут. Никто кроме вас не может находиться в ней. Это ваша жизнь, и она доступна только вам. Только в проживании тайна откроется для вас.

Первая вещь, которую я хотел бы сообщить вам: не ищите смысл где-то еще. Не ищите его во мне, не ищите его в священных писаниях, не ищите его в ученых трактатах — все они уводят в сторону, они не дают объяснений. Они просто заполняют ваш ум, они не дают вам осознать то, чем жизнь является на самом деле. И чем более мозг заполнен мертвым знанием, тем более скучными и глупыми вы становитесь. Знание делает людей глупыми; оно притупляет их чувствительность. Оно заполняет их, становится важным, усиливает их эго, — но не дает света, и не показывает им путь. Это невозможно.

Жизнь уже существует, бурлит внутри вас. С ней можно входить в контакт только там. Храм не снаружи, вы — святилище в нем. Так что первая вещь, которую необходимо помнить, если вы хотите узнать жизнь: никогда не ищите ее вовне, никогда не пытайтесь выяснить ее смысл где-то на стороне. Смысл не может быть передан таким способом. Самые великие Мастера никогда не говорили ничего относительно жизни — они всегда поворачивали вас обратно к себе.

Вторая вещь, которую необходимо помнить: однажды, как только вы поймете, что жизнь это вы, вы узнаете, что такое смерть. Смерть это часть того же самого процесса. Обычно мы думаем, что смерть противоположна жизни, что смерть это враг, но это не так. И если вы думаете о смерти как о враге, то это просто показывает, что вы не были способны узнать, что такое жизнь.

Смерть и жизнь — два полюса одной и то же энергии, одного и того же явления, — подобно приливу и отливу, дню и ночи, лету и зиме, — они не разделены и не противоположны, — они дополняют друг друга. Смерть это не конец жизни; фактически, это завершение одной жизни, крещендо одной жизни, кульминационный миг, финал. И только если вы знаете вашу жизнь и ее процесс, вы сможете понять, что такое смерть.

Смерть является органической, неотъемлемой частью жизни, и это очень дружественная ее часть. Без нее жизнь не может существовать. Жизнь существует из-за смерти; смерть дает основу. Смерть, фактически является процессом возобновления. И смерть происходит каждое мгновение. Когда вы вдыхаете и выдыхаете происходит и то и другое? Вдох — происходит жизнь; выдох — смерть...

Именно поэтому, когда ребенок рождается, то первым делом он делает вдох, — начинается жизнь. И когда старый человек умирает, то последняя вещь, которую он проделывает — это выдох, и после этого жизнь прекращается. Выдох это смерть, вдох это жизнь — они подобны двум колесам повозки. Вы живете вдыхая так же как вы живете выдыхая. Выдох является частью вдоха. Вы не можете вдохнуть, если вы

приостанавливаете выдох. Вы не сможете жить, если остановится процесс умирания. Человек, понявший, что такое жизнь, разрешает смерти случаться. Он умирает в каждое мгновение, и в каждое мгновение он возрождается. Его смерть и его воскрешение происходят непрерывно, как единый процесс. Он умирает для прошлого каждое мгновение, и снова и снова рождается в будущем.

Если вы изучаете жизнь, то вы будете способны узнать, что такое смерть. Если вы понимаете, что такое смерть, только тогда вы способны понять, что такое жизнь. Они органично связаны между собой. Обычно, из страха, мы создаем разделение. Мы думаем, что жизнь это хорошо, а смерть это плохо. Мы думаем, что нужно стремиться к жизни и избегать смерти. Мы думаем, что так или иначе, мы должны защитить себя от смерти. Эта абсурдная идея создает бесчисленное множество бедствий в наших жизнях, потому что человек, который защищает себя от смерти, становится неспособным жить. Он становится человеком, который боится выдохнуть; но тогда он не может вдохнуть, он поставлен в тупик. Тогда он просто влачит свое существование; его жизнь больше не является потоком, его жизнь больше не течет как река.

Если вы действительно хотите жить, то вы должны быть готовы умереть. Кто боится смерти в вас? Жизнь ли боится смерти? Это невозможно. Как может жизнь бояться процесса соединения? Что-то еще боится в вас, и это эго. Жизнь и смерть это не противоположности, — эго и смерть являются противоположностями. Жизнь и смерть не противоположности, — эго и жизнь противоположности. Эго против и жизни и смерти. Эго боится жить и боится умереть. Оно боится жить потому, что каждое усилие, каждый шаг в жизни приближает смерть.

Если вы живете, то вы подходите ближе и ближе к смерти. Эго боится умереть, следовательно, оно боится жить. Эго просто влачит существование.

Существует много людей, которые не являются ни живыми, ни мертвыми. Это хуже всего. Человек, который полностью жив, одновременно полностью мертв. Вот в чем смысл распятия Иисуса. Иисуса, несущего свой собственный крест, в действительности не поняли. Он говорил своим ученикам: «Вы должны нести свой собственный крест». Толкование Иисуса, несущего свой крест, очень просто, — на самом деле это означает следующее: каждый должен нести свою смерть постоянно, должен умирать каждое мгновение; каждый должен быть распят, потому что это единственный способ жить полно, тотально.

Когда к вам приходят мгновения полноты жизни, внезапно вы видите также и смерть. В любви это случается. В любви жизнь приходит к кульминации — поэтому люди боятся любви.

Я постоянно удивляюсь людям, которые приходят ко мне и говорят, что они боятся любви. Почему существует этот страх? Он появляется потому, что если вы действительно любите кого-то, то ваше эго начинает исчезать и таять. Вы не можете любить, оставаясь с эго; эго становится

барьером. И когда вы хотите разрушить барьер, то эго говорит: «Это может быть смертельным. Остерегайся!»

Смерть эго не является вашей смертью. Смерть эго в действительности является вашей возможностью жить. Эго это ядовитая оболочка вокруг вас, она должна быть разбита и отброшена далеко прочь. Она входит в бытие естественно, так же когда путешественник идет, то пыль собирается на одежде, на теле, и он должен принять ванну, чтобы избавиться от нее.

Когда мы двигаемся во времени, то пыль опыта, знаний прожитой жизни, оседает на нас. Эта пыль становится нашим эго. Накопленная, она превращается в корку вокруг вас, оболочку, которая должна быть разбита и отброшена. Необходимо принимать ванну постоянно — каждый день, каждый миг, так, чтобы эта корка никогда не стала тюрьмой. Эго боится любить, потому что в любви жизнь достигает своего пика. Но всякий раз, когда достигнут ник жизни, — рядом стоит пик смерти — они идут вместе.

В любви вы умираете и вы рождаетесь заново. То же самое случается, когда вы медитируете или молитесь; или когда вы приходите к мастеру, чтобы сдать... Эго создает все виды препятствий: «Думай об этом, размышляй над этим, будь мудр». Когда вы приходите к мастеру, эго становится подозрительным, сомневающимся, создает беспокойство, потому что вы приходите в жизнь, в пламя, где смерть будет такой же реальной, как и жизнь.

Позвольте напомнить, что смерть и жизнь горят вместе, они никогда не разделены. Если в вас очень мало жизни, тогда вам покажется, что смерть и жизнь разделены... Чем ближе вы подходите к вершине, тем явственнее они сближаются. В самом пике они встречаются и становятся одним. В любви, в медитации, в вере, в молитве, — везде, где жизнь становится абсолютной, — присутствует смерть. Без смерти жизнь не может быть полной.

Но эго всегда думает о разделении, о дуальности; оно делит все. Существование неделимо; оно не может быть разделено. Вы были ребенком, затем вы стали молодым человеком. Можете ли вы провести разделительную черту, — когда вы стали молодым человеком? Можете ли вы отметить точку во времени, где внезапно вы больше не ребенок, а юноша? Однажды вы станете стариком. Сможете ли вы провести разделительную черту — когда вы состарились?

Процессы не могут быть разделены. То же самое происходит, когда вы рождаетесь. Можете вы отметить, когда вы родились? Когда жизнь действительно начинается? Она начинается, когда новорожденный начинает дышать — доктор шлепает его и ребенок начинает дышать. Зарождается ли жизнь тогда?... Или тогда, когда плод еще в матке, или в тот миг когда мать стала беременной, когда ребенок был зачат? Жизнь начинается тогда? Или даже перед этим? Когда жизнь начинается точно? Это процесс без конца и начала. Он никогда не начинается... Когда человек мертв? Человек уже мертв, когда дыхание останавливается?

Многие йоги доказали, что они могут останавливать дыхание, и оставаться живыми; потом они могут вернуться обратно. Так что остановка дыхания не может быть концом. Где жизнь заканчивается?

Она никогда не заканчивается, она никогда не начинается. Мы вечны. Мы были здесь с самого начала — если существовало какое-то начало — и мы собираемся быть здесь в конце, если существует какой-то конец. Фактически, не может быть никакого начала и никакого конца. Мы есть жизнь — даже если существует изменение форм, тел, мозга. То, что мы называем жизнью, является всего лишь идентификацией с определенным телом, с определенным мозгом, с некоторой формой; и то, что мы называем смертью, есть ни что иное, как выход из этой формы, из этого тела, из этой концепции.

Вы меняете дом. Если вы становитесь слишком отождествленными с одним домом, тогда смена будет очень болезненной. Вы будете думать, что вы умираете, потому что старый дом был частью вас. Но этого не случается, потому что вы знаете, что вы только меняете дом, а вы остаетесь прежним. Те, кто смотрели внутрь себя, те, кто нашли себя — узнали вечный, бесконечный процесс. Жизнь является процессом без времени, вне времени. Смерть это часть этого.

Смерть это непрерывное возрождение: помощь в жизни, чтобы возродиться снова и снова, помощь в жизни, чтобы избавиться от старых форм, избавиться от обветшалых строений, чтобы избавиться от старых структур ограничения так, чтобы вы снова могли струиться, снова могли стать свежими и юными, снова смогли стать девственно чистыми.

Я слышал.

Человек небрежно посматривал на витрину антикварного магазина, расположенного рядом с горой Вернон, и наткнулся на древний топор.

— Это очень старинный топор, — сказал он владельцу магазина.

— Да, — сказал тот, — он принадлежал Джорджу Вашингтону.

— Правда? — спросил покупатель. — Он хорошо сохранился до сих пор.

— Конечно, — сказал торговец антиквариатом, — ему три раза меняли топорище и два раза — лезвие.

Такова жизнь — она продолжает менять топорища и лезвия, и фактически, кажется, что все продолжает изменяться, и однако все остается вечно тем же самым. Просто наблюдайте. Вы были ребенком — что осталось от этого сейчас? Только память? Ваше тело изменилось, ваш ум изменился, ваша личность изменилась. Что осталось от вашего детства? Ничего не осталось, только память. Вы не можете сказать — произошло ли это в самом деле, или вы видели сон, или вы читали об этом в книге, или кто-то рассказал вам об этом. Было ли детство вашим или чьим-то еще? Иногда вы просматриваете альбом со старыми фотографиями. Просто посмотрите, — это были вы. Вы не будете способны поверить в это, вы изменились так сильно. Фактически, все

меняется — топорича и лезвия, все. Но что-то еще, в глубине, остается постоянным; постоянным остается свидетельство.

Существует как бы невидимая нить. Все продолжает изменяться, но эта невидимая нить остается той же самой. Эта нить лежит вне жизни и смерти. Жизнь и смерть есть два крыла того, что лежит вне жизни и смерти. И то, что существует за пределами, продолжает использовать жизнь и смерть как два колеса повозки. Оно живет через жизнь; оно живет через смерть. Смерть и жизнь являются его процессами, подобно вдоху и выдоху.

Что-то в вас трансцендентально. Это вы... то, что трансцендентально. Но мы слишком отождествлены с формой — это создает эго. Это то, что мы называем эго. Конечно, эго должно умереть много раз. Так что оно постоянно в страхе, волнении, в дрожи, всегда боящееся, ищущее защиты, безопасности.

Суфийский мистик постучал в дверь дома очень богатого человека. Он был нищий, и он не хотел ничего, кроме еды.

Богатый человек накричал на него и сказал:

— Никто вас здесь не знает!

— Но я знаю сам себя, — сказал дервиш. — Насколько грустным было бы обратное. Если каждый знал бы меня, но я сам не сознавал бы, кто я, то насколько это будет печально. Да, вы правы, никто не знает меня здесь, но я знаю себя.

Только две ситуации возможны, — и вы находитесь в печальной ситуации. Каждый может знать о вас — кто вы есть, но вы сами полностью забыли вашу трансцендентальность, вашу действительную природу, ваш подлинную сущность. Это единственная печаль в жизни. Вы можете найти множество оправданий, но в самом деле печально вот что? Вы не знаете, кто вы.

Как может человек быть счастливым, не зная, кто он, не зная, откуда он пришел, не зная, куда он идет? Тысяча и одна проблема возникает из-за этого основного неведения о себе.

Цепочка муравьев вышла из темноты их подземного убежища в поиске пищи. Это было рано утром. Муравьям случилось пройти под деревом, чьи листья были покрыты утренней росой.

— Что это такое? — спросил один из муравьев, указывающих на капли росы. — Откуда они появились?

— Из земли, — сказали некоторые.

— Из моря, — сказали другие.

Скоро вспыхнула ссора — образовалась группа, которая твердо придерживалась морской теории, и группа, которая придерживалась земной теории.

Только один, знающий и умный муравей, стоял в стороне. Он сказал:

— Прошу остановиться на мгновение и посмотреть вокруг: все притягивается к своему источнику. И, как я сказал: все возвращается к

своему источнику. Неважно, как высоко вы подбрасываете камень, он упадет на землю. То что тянется к свету, происходит из света.

Муравьи не были убеждены полностью, и собирались продолжать обсуждения, но солнце появилось и капли росы испарились с листьев, поднялись к солнцу и исчезли в нем.

Все возвращается к первоначальному источнику; должно возвратиться к первоначальному источнику. Если вы понимаете жизнь, тогда вы понимаете также и смерть.

Жизнь это полное забвение источника, а смерть — воспоминание. Жизнь удаляется далеко от первоначального источника, смерть возвращает к началу. Смерть не уродлива, — смерть прекрасна. Но смерть прекрасна только для тех, кто жил жизнью, не препятствуя, не запрещая, не подавляя. Смерть прекрасна только для тех, кто прожил жизнь красиво, кто не боялся жить, кто был достаточно смел, чтобы жить — кто любил, танцевал, праздновал.

Смерть становится последним праздником, если ваша жизнь была празднованием. Иначе говоря: чем бы ваша жизнь не была, смерть обнажает это. Если вы были скупы в жизни, смерть покажет вашу нищету. Смерть является великим проявителем. Если вы были счастливы в вашей жизни, то смерть покажет ваше счастье. Если вы жили только жизнью физического комфорта и физического удовольствия, тогда, конечно, смерть будет очень неудобной и неприятной, потому что тело должно быть оставлено. Тело является только временным прибежищем, храмом, в котором мы остановились на ночь и уйдем утром. Это не ваше постоянное жилище, это не ваш дом.

Так что, если вы прожили только телесную жизнь и никогда не испытывали что-то лежащее за пределами тела, то смерть будет очень, очень уродливой, неприятной, болезненной. Смерть будет мукой. Но если вы жили не только жизнью тела, если вы любили музыку и поэзию, если вы любили, если вы видели звезды и цветы, и что-то нематериальное вошло в ваше сознание, то смерть не будет такой плохой, смерть не будет такой болезненной. Вы можете принять ее хладнокровно, но все же она еще не является праздником.

Если вы коснулись чего-то трансцендентного внутри себя, если вы проникли в ваш собственный центр — центр вашего существа, где вы больше не тело и не ум, где все физические и эстетические удовольствия типа музыки, поэзии, литературы и живописи оставлены, и вы существуете только как чистое сознание, — тогда смерть становится великим праздником, великим пониманием, великим открытием.

Если же вы узнали что-то внутри себя, то смерть покажется вам запредельной — тогда это больше не смерть, а встреча с Богом, свидание с Богом.

Вы можете найти три определения смерти в истории человеческого разума.

Одно из них присуще обычным людям, привязанным к своему телу, никогда не знавшим ничего больше радости еды или секса, вся жизнь

которых не была ничем кроме еды и секса; кто наслаждался едой, наслаждался сексом, — чья жизнь была очень примитивной, чья жизнь была очень грубой, кто жил в подъезде дворца, никогда не входя в него, кто думал, что это и есть вся жизнь. В миг смерти они будут цепляться за жизнь. Они будут сопротивляться смерти, они будут бороться против смерти. Смерть придет как враг.

Поэтому во всем мире, во всех обществах, смерть изображена темной и дьявольской. В Индии говорят, что посланец смерти очень уродлив — темный, черный — и он появляется, сидя на очень большом и страшном буйволе. Это обычное отношение. Эти люди упустили, они были не способны узнать все измерения жизни. Они не были способны прикоснуться к глубинам жизни и взлететь к ее высотам. Они пропустили всю полноту, они упустили блаженство.

Существует второй тип определения. Поэты, философы иногда говорили, что смерть не является чем-то плохим, смерть — не зло, она всего лишь великий отдых, подобный сну. Это определение лучше первого. По крайней мере, эти люди знали что-то вне тела, они знали что-то об уме. Они жили не только пищей и сексом, их жизнь заключалась не только в еде и размножении. У них есть небольшой опыт души, они немного более аристократичны, более культурны. Они скажут, что смерть подобна великому отдыху; кто-то устал и теперь входит в смерть и покой. Она является отдыхом. Но они также очень далеки от правды.

Те, кто познал жизнь до самой основы, — скажут, что смерть это Бог. Она является не только отдыхом, но воскресением, новой жизнью, новым началом; открывается новая дверь.

Когда суфийский мистик, Баязид, умирал, то люди, которые собрались вокруг него, его ученики, были удивлены, потому что когда пришел его последний миг, то его лицо стало сияющим, озаренным светом. У него была чудесная аура.

Баязид был красивым человеком, и его ученики всегда чувствовали ауру вокруг него, но они не знали ничего подобного тому, что увидели.

Они спросили:

— Баязид, скажи нам, что случилось с тобой. Что происходит с тобой? Прежде, чем ты оставишь нас, скажи свое последнее слово.

Он открыл глаза и сказал:

— Бог приветствует меня. Я иду в его объятия. До свидания.

Он закрыл глаза, его дыхание остановилось. И в этот миг произошел взрыв света, комната наполнилась светом, и затем он исчез.

Когда человек познал запредельное в самом себе, то смерть есть не что иное как другое лицо Бога. Тогда в смерти есть танец. И если вы не способны праздновать смерть, то помните, что вы упустили жизнь? Вся жизнь есть подготовка к этой высшей точке.

Такова суть этой красивой истории.

Когда Раввин Бирнхам умирал, его жена горько плакала.

— Почему ты плачешь? — сказал он. — Вся моя жизнь была прожита только для того, чтобы я смог научиться умирать.

Вся его жизнь была только подготовкой, приготовлением к тому, чтобы познать секреты смерти.

Все религии это не что иное как обучение вас науке — или искусству — умирать. И единственный способ научить вас умирать в том, чтобы научить вас жить. Они не разделены. Если вы умеете правильно жить, то вы узнаете, как правильно умереть.

Так что первая вещь, или наиболее фундаментальная вещь состоит в том, как жить.

Позвольте мне сказать вам несколько вещей. Первое: ваша жизнь это ваша жизнь, а не чья-либо еще. Не позволяйте другим доминировать над вами, не позволяйте диктовать вам, — это измена жизни. Если вы разрешаете, чтобы кто-то диктовал вам — ваши родители, общество, система образования, политики, ваши священники, кем бы они не были — если вы сами разрешаете, чтобы над вами доминировали другие, то вы упустите вашу жизнь. Потому что господство исходит снаружи, а жизнь внутри вас. Они никогда не встречаются.

Я не говорю, что вы должны говорить нет всему: это тоже не очень хорошее. Существует два типа людей. Одни — это послушные люди, готовые сдать себя любому и каждому. У них нет независимой души, они незрелы, детски, всегда ищут фигуру отца, — того, кто бы сказал им, что делать и чего не делать. Они не способны доверять своему собственному бытию. Эти люди составляют большую часть мира, толпу.

Существует также небольшая часть тех, кого общество отвергает, кто отвергает ценности общества. Они думают, что они бунтари. Они не таковы, они — реакционеры. Потому что вы или слушаете общество, или отвергаете его, но общество остается в любом случае фактором определяющим, тогда оно доминирует над вами.

Позвольте мне рассказать вам анекдот.

Один раз Мулла Насреддин после длительного отсутствия вернулся в город, отрастив длинную бороду. Его друзья, конечно, посмеивались над его бородой и спросили его, как это случилось, что он стал обладателем такого куска шерсти.

Мулла начал жаловаться и проклинать свою бороду в непотребных выражениях. Его друзья были поражены и спросили его, почему он продолжает носить ее, если находит это неприятным.

— Я ненавижу проклятую бороду! — ответил Мулла.

— Если ты ненавидишь ее, тогда почему ты ее не сбреешь и таким образом не избавишься от нее? — спросил один из его друзей.

Дьявольский огонь засиял в глазах Муллы и он ответил:

— Потому что моя жена тоже ненавидит ее!

Но это не делает вас свободными. Хиппи, йиппи и другие, — не бунтари, они реакционеры. Они выступают против общества. Некоторые послушны, некоторые непослушны, но центр господства тот же самый.

Некоторые повинуются, некоторые не повинуются, но никто не заглядывает в свою собственную душу.

Настоящий бунтарь тот, кто ни за общество, ни против него, кто просто проживает свою жизнь согласно своему собственному пониманию. Против ли он общества, или он идет вместе с ним, это неважно, это не относится к делу. Иногда он может идти с обществом, иногда он не имеет права идти с обществом, но это не то, что нужно рассматривать. Он живет согласно своему пониманию, в соответствии с его маленьким лучом света. И я не говорю, что он становится очень эгоистичным в связи с этим. Нет, он очень скромный. Он знает, что его луч света очень мал, но никакого другого света нет. Он не непреклонен, он очень скромен. Он говорит: «Я могу ошибаться, но, пожалуйста, позвольте мне ошибаться».

Это единственный способ чему-то научиться. Совершать ошибки это единственный способ научиться. Продвигаться согласно собственному пониманию — единственный способ вырасти и стать зрелым. Если вы всегда смотрите на кого-то, кто диктует вам, то повинуетесь вы или не повинуетесь, это не имеет никакого значения. Если вы смотрите на кого-то другого, кто диктует вам, — решать вам за или против, то вы никогда не будете способны узнать, что такое ваша собственная жизнь. Необходимо жить, и вы должны следовать за вашим собственным маленьким лучом света.

Не всегда ясно, что делать. Вы в большом замешательстве. Пусть будет так. Но найдите выход из этого замешательства. Очень дешево и просто слушать других, потому что они могут передавать вам мертвые догмы, они могут давать вам заповеди — делайте это, не делайте то. И они совершенно уверены в своих заповедях. Искать нужно не определенности, искать нужно понимания. Если вы ищете определенности, то вы попадете в ту или иную ловушку.

Не ищите определенности, ищите понимания. Определенность может быть дана вам дешево, любой может дать ее вам. Но в конечном счете вы останетесь в проигрыше. Вы потеряли свою жизнь ради того, чтобы остаться в безопасности и определенности, а жизнь не определена, жизнь не безопасна.

Жизнь это не безопасность. Каждое мгновение она становится все более и более ненадежной. Это — азартная игра. Никто никогда не знает, что может произойти. И это прекрасно, что этого никто никогда не знает. Если это было бы предсказуемо, то не стоило бы жить. Если все было бы так, как вам хочется, тогда — совершенно определенно, вы не стали бы человеком, вы были бы машиной. Только для машин все безопасно и определенно.

Человек живет свободным. Свобода нуждается в опасности и неопределенности. Действительно разумный человек всегда колеблется, потому что он не имеет никакой догмы для опоры. Он должен смотреть и отвечать. Лао-цзы говорит: «Я колеблюсь, и я двигаюсь по жизни бдительно, потому что я не знаю, что произойдет. Я не знаю закона,

которому надо следовать. Я должен решать в каждый миг. Я никогда не решаю заранее. Я должен решать, когда приходит этот миг!»

Тогда нужно быть очень отзывчивым. Это и есть ответственность. Ответственность это не обязательство, ответственность это не долг — это способность отзываться. Человеку, который хочет узнать, что такое жизнь, нужно быть отзывчивым. Этого не хватает. Столетиями обусловленности сделали вас похожими на машины. Вы потеряли свою человечность, вы обменяли ее на безопасность. Вы в безопасности и комфорте, и все запланировано другими. Они внесли все на карту, они все измерили. Все это абсолютно глупо, потому что жизнь не может быть измерена, она неизмерима. И никакая карта не поможет, потому что жизнь находится в постоянном потоке. Все постоянно изменяется. Ничто не постоянно кроме самих перемен. Гераклит говорит: «Вы не можете войти в одну и ту же реку дважды».

И дороги жизни весьма извилисты. Дороги жизни не похожи на железнодорожные пути. Нет, жизнь не катится по рельсам. И в этом — ее красота, ее слава, ее поэзия, ее музыка — она всегда неожиданна. Если вы ищете безопасности, определенности, ваши глаза останутся закрытыми. И вы будете все меньше и меньше удивляться, вы будете терять способность удивляться. Однажды, когда вы потеряете способность удивляться, вы потеряете религию. Религия является раскрытием вашего удивляющегося сердца. Религия это восприимчивость к тому таинственному, которое окружает нас.

Не ищите безопасности; не ищите совета о том, как прожить жизнь. Люди приходят ко мне и говорят: «Багван, скажите нам, как мы должны прожить нашу жизнь». Вас не интересует, что такое жизнь, вы более заинтересованы в создании твердого образца. Вы более заинтересованы в том, чтобы убить жизнь, чем в том, чтобы ее прожить. Вы хотите, чтобы вам была навязана дисциплина.

Существуют, конечно, священники и политические деятели во всем мире, которые уже готовы, уже сидят, поджидая вас. Придите к ним, и они готовы наложить свою дисциплину на вас. Они наслаждаются властью, происходящей из навязывания другим своих идей.

Я здесь не для этого. Я здесь для того, чтобы помочь вам стать свободными. И когда я говорю, что я должен помочь вам становиться свободным, я имею в виду также и себя. Я должен помочь вам стать свободными и от меня также. Моя саньяса является очень парадоксальным делом. Вы сдаетесь мне, чтобы стать свободными. Я принимаю вас и инициирую в саньясу, чтобы помочь вам стать свободными от любой догмы, от любого священного писания, от любой философии — включая и меня. Саньяса парадоксальна — она должна быть такой, как сама жизнь. Тогда она жива.

Так что первая вещь: не спрашивайте кого-то, как вы должны прожить вашу жизнь.

Жизнь так драгоценна. Проживите ее. Я не говорю, что вы не будете делать ошибок, вы будете их делать. Помните только одну вещь — не

повторяйте одну и ту же ошибку снова и снова. Этого достаточно. Если вы сможете делать новые ошибки каждый день, делайте их. Но не повторяйте ошибки, это глупо. Человек, который может найти новые ошибки, будет расти постоянно — это единственный способ научиться, это единственный способ прийти к вашему собственному внутреннему свету.

Я слышал.

Однажды ночью поэт Авхади из Кермана, очень известный мусульманский поэт, сидел на крыльце своего дома, склонившись над кувшином. Шамс-и-Табризи, известный суфийский мистик проходил мимо.

Шамс-и-Табризи посмотрел на поэта, на то, чем он занимался.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Созерцаю луну в кувшине воды, — ответил поэт.

Шамс-и-Табризи рассмеялся раскатистым, безумным смехом. Поэт почувствовал себя неудобно; собралась толпа.

— В чем дело? — спросил поэт. — Почему ты так смеешься? Почему ты высмеиваешь меня?

— Почему бы тебе прямо не посмотреть на луну в небе, пока ты еще не сломал себе шею!

На небе луна, полная луна, а этот поэт сидел с кувшином воды и изучал отражение луны в нем.

Искать правду в священных писаниях, искать ее в философиях значит смотреть на отражения. Если вы кого-то спрашиваете, как вы должны прожить вашу жизнь, то вы просите о ложной информации, потому что тот человек может говорить только относительно своей собственной жизни. И никогда, две жизни не будут одинаковыми. Что бы он ни говорил или не передавал вам, — это будет его собственная жизнь — и это только в том случае, если он жил. Возможно, он сам кого-то спрашивал, возможно, он сам кому-то следовал, возможно, он сам был подражателем. Тогда — это отражение отражения. И проходят столетия, а люди продолжают отражать чье-то отражение, которое тоже является отражением, — а настоящая луна всегда там, в небе, ждет вас. Это ваша луна, это ваше небо, смотрите прямо. Будьте в этом непосредственны. Зачем заимствовать глаза у кого-то еще? Вам были даны глаза, красивые глаза, чтобы видеть и видеть непосредственно. Зачем заимствовать чье-то понимание? Помните, что для меня это может быть пониманием, но в тот миг, когда вы заимствуете его, оно становится вашим знанием — это больше не понимание.

Понимание это то, что было испытано самим человеком. Если я смотрел на луну, это может быть моим пониманием, но в тот миг, когда я говорю это вам, это становится знанием, это больше не понимание. Тогда это только слова, тогда это только лингвистика. А язык это ложь.

Позвольте мне рассказать вам анекдот.

Фермер на птицефабрике, неудовлетворенный производительностью своих кур, решил воздействовать на них психологически. Он приобрел пестрого говорящего попугая и поместил его в курятник. Он был совершенно уверен, что курицы постараются привлечь внимание красивого незнакомца скорее всего поглощением пищи и радостным кудахтаньем, и будут следовать за ним, подобно стайке девочек за новой поп-звездой. К радости фермера повысилось количество откладываемых яиц.

Петух, конечно, почувствовал ревность, когда его стал игнорировать его же собственный гарем; он подлетел к привлекательному интервенту, набросился на него и стал выдирать из него цветные перья одно за другим. Перепуганный попугай закричал, дрожа от страха:

— Перестаньте, сэр! Умоляю, перестаньте! В конце концов, я здесь только в качестве переводчика.

Многие люди проживают свою жизнь как переводчики. Это самый фальшивый вид жизни. Действительность не нуждается ни в каком языке, она доступна вам на невербальном уровне. Луна есть; не требуется никакого кувшина и никакой воды, не требуется никакого другого посредника. Вы должны просто посмотреть на нее; это невербальное общение. Вся жизнь доступна — вы только должны узнать, как общаться с ней без слов.

Вот и вся медитация — быть в состоянии, в которое не вмешивается язык, в котором заученные понятия не стоят между вами и реальностью.

Когда вы любите женщину, то вас не волнует то, что другие говорили о любви, потому что это помеха. Вы любите женщину, любовь есть, — забудьте все, что вы выучили о любви. Забудьте всех Кинси, забудьте всех Мастерсов и Джонсонов, забудьте всех Фрейд и Юнгов. Пожалуйста, не становитесь переводчиком. Просто любите женщину и позвольте любви быть, позвольте любви вести вас и указывать вам самые сокровенные тайны. Тогда вы сможете узнать что такое любовь.

А все, что другие говорят о медитации, бессмысленно. Однажды я встретил книгу, написанную джайнским святым о медитации. Она была действительно прекрасна, но в ней было несколько мест, по которым я понял, что автор никогда не медитировал сам — иначе бы этих строк в ней не было. Но их было всего несколько и расположены они были далеко друг от друга. Книга, в целом, почти на девяносто девять процентов, была совершенна. Мне она нравилась.

Затем я забыл о ней. В течение десяти лет я скитался по всей стране. Один раз в деревне Раджастана этот святой пришел, чтобы встретить меня. Его имя прозвучало знакомо, и внезапно я вспомнил книгу. Я спросил его, почему он пришел ко мне. Он сказал: «Я пришел к вам, чтобы узнать, что такое медитация». Я сказал: «Я помню вашу книгу, я помню ее очень хорошо, потому что она действительно поразила меня. Кроме нескольких ошибок, которые показали, что вы никогда не медитировали, книга была совершенно правдивой на девяносто девять

процентов. И теперь вы приходите, чтобы научиться медитации. Вы никогда не медитировали?»

Он выглядел немного обеспокоенным, потому что его ученики находились вместе с ним. Я сказал: «Будьте откровенны. Потому что, если вы говорите, что вы знаете медитацию, тогда я не буду говорить об этом. Тогда закончим! Вы знаете. Нет никакой надобности. Если вы скажете мне искренне — по крайней мере один раз будьте правдивы — если только вы скажете, что вы никогда не медитировали, только тогда я смогу помочь вам». Это было сделка, так что он вынужден был признаться. Он сказал: «Да, я никогда никому этого не говорил. Я прочитал много книг о медитации, все старинные священные писания. И я обучал людей и именно поэтому я чувствую беспокойство перед моими учениками. Я обучил медитации тысячи, и я написал книги о ней, но я никогда сам не медитировал».

Вы можете написать книги о медитации, никогда не встретившись с ней. Вы можете научиться очень хорошо выражать себя словами, стать очень умным в абстрактных рассуждениях, в интеллектуальной аргументации, и вы можете забыть полностью, что все это время, которое вы потратили на эти интеллектуальные действия, было потеряно зря.

Я спросил одного старого человека: «Как долго вы интересовались медитацией?» Он ответил: «Всю жизнь». Ему было почти семьдесят лет. Он сказал: «Когда мне было двадцать, то я принял саньясу, я стал джайнским монахом, и с тех пор пятьдесят лет я читал и думал о медитации». Пятьдесят лет думать, читать и писать о медитации, даже учить ей людей, а он ни разу не испытал что такое медитация!

Но так обстоит дело с миллионами людей. Они говорят о любви, они знают все стихи о любви, но они никогда не любили. Даже если они думали, что они любят, на самом деле они никогда не любили. Это была «опьяняющая» вещь, но в ней отсутствовало сердце. Люди живут и продолжают упускать жизнь. Нужна храбрость. Храбрость нужна, чтобы быть реалистом, храбрость нужна, чтобы идти с жизнью, куда бы она ни вела, потому что пути не помечены, не существуют никакой карты. Необходимо продвигаться в неизвестное.

Жизнь может быть понята, лишь если вы готовы войти в неизвестное. Если вы цепляетесь за известное, вы цепляетесь за ум, а ум это не жизнь. Жизнь не является ни умственной, ни интеллектуальной, потому что жизнь это все. Вы полностью заключены в ней, вы не можете только думать о ней. Размышления о жизни это не жизнь. Остерегайтесь этого «о-изма». Люди продолжают думать о том и о другом: есть люди, которые думают о Боге, есть люди, которые думают о жизни, есть люди, которые думают о любви. Есть люди, которые думают о том и об этом.

Мулла Насреддин очень постарел и пошел доктору. Он выглядел очень слабым, так что доктор сказал:

— Я могу сказать только одну вещь. Вы должны сократить вашу половую жизнь наполовину.

Мулла ответил:

— Хорошо. Но какую половину? Когда я говорю о ней или когда думаю о ней?

Это все. Не становитесь переводчиками, не становитесь попугаями. Попугаи это переводчики. Они живут в словах, понятиях, теориях, теологии, — и жизнь проходит мимо, ускользает из их рук. Затем однажды они внезапно начинают бояться смерти. Когда человек боится смерти, знайте точно, что он упустил жизнь. Если он не упустил свою жизнь, то у него не будет никакого страха смерти. Если человек прожил жизнь, то он будет готов прожить также и смерть. Он будет почти очарован явлением смерти.

Когда Сократ умирал, то он был так очарован, что его ученики не могли понять, почему он чувствовал себя таким счастливым. Один ученик, Кредо, спросил:

— Почему вы выглядите таким счастливым? Мы плачем и рыдаем.

— Почему я не должен быть счастливым? Я знаю, что такое жизнь, теперь я хотел бы узнать, что такое смерть. Я у двери большой тайны, и я взволнован! Я продолжаю великое путешествие в неизвестное. Я просто полон восхищения! Я не могу ждать!

И помните, Сократ не был религиозным человеком; Сократ не был верующим.

Кто-то спросил:

— Вы настолько уверены, что душа останется жить после смерти?

— Я не знаю.

Чтобы сказать: «Я не знаю», нужна величайшая в мире храбрость. Профессору лингвистики очень трудно сказать: «Я не знаю». Это трудно для попугаев. Сократ был очень искренним и честным человеком. Он сказал: «Я не знаю».

Затем ученик спросил:

— Тогда почему вы чувствуете себя таким счастливым? Если душа не выживет, что тогда..?

— Я понимаю одно. Если я останусь в живых, то нечего бояться. Если я исчезну, то какой может быть страх? Если я не остаюсь в живых, то я не остаюсь в живых. Тогда где страх? Если там нет ничего, то и страх не может существовать. Если я выживу, я выживу. Не имеется никакой причины для страха. Но я не знаю точно, что произойдет. Именно поэтому я так полон интереса и готов идти в это. Я не знаю ничего.

Для меня, именно таким должен быть религиозный человек. Религиозный человек это не христианин, индуист, буддист, или мусульманин. Все это только пути знания. Христианин говорит: «Я знаю». И его знание исходит из христианских догм. Индус говорит: «Я тоже знаю». Его знание исходит из Вед, Гит и его догм. И индуист против христианина, потому что он говорит: «Если я прав, то вы не можете быть правы. Если вы правы, тогда я не могу быть правым». Возникает серьезный спор, и возникает много обсуждений, дебатов и ненужных конфликтов.

Религиозный человек, действительно религиозный человек — не так называемые религиозные люди — это тот, кто говорит: «Я не знаю». Когда вы говорите «я не знаю», то вы открыты, вы готовы учиться. Когда вы говорите «я не знаю», у вас ни в каком смысле нет никаких предрассудков, у вас нет никаких убеждений, никаких знаний. У вас есть только осознанность. Вы говорите: «Я осознаю, и я увижу, что происходит. Я не буду привносить никаких догм из прошлого».

Это отношение ученика, отношение того, кто хочет обучаться. И дисциплина просто означает обучение. Последователь означает ученика, который является готовым учиться, и дисциплина означает обучение.

Я здесь не для того, чтобы учить вас каким-то догмам; я не передаю вам никаких знаний. Я просто помогаю вам увидеть то, что есть. Живите свою жизнь, чего бы это ни стоило. Будьте готовы к азартной игре.

Я слышал об одном бизнесмене. Он шел из своего офиса в ресторан позавтракать, когда его остановил прохожий, который сказал ему:

— Не думаю, что вы меня помните, но десять лет назад я пришел на городскую биржу. Я попросил у вас займы, и вы дали мне двадцать долларов, потому что, как вы сказали, хотели рискнуть этими деньгами, чтобы поставить человека на путь к успеху.

Бизнесмен задумался на секунду и сказал:

— Да, я помню этот случай. Продолжайте.

— Хотите сделать еще одну ставку?

Жизнь задает вам тот же самый вопрос снова и снова: «Хотите сделать еще одну ставку?» Ничто никогда не известно наверняка. В жизни нет никакого страхования; это просто раскрытие, дикое раскрытие, хаотичное раскрытие. Вы можете построить вокруг себя маленький, безопасный домик, но тогда он станет вашей могилой. Живите с жизнью.

Мы делали это многими способами. Брак это творение человека; любовь — часть жизни. Когда вы создаете брак вокруг любви, вы создаете безопасность. Вы делаете то, что не может быть сделано — любовь нельзя сделать официальной. Вы пытаетесь сделать невозможное, и если благодаря этому усилию любовь умирает, это неудивительно. Вы становитесь мужем, ваша возлюбленная становится женой. Вы больше не два живых человека, вы два механизма. У мужа есть определенные функции, у жены есть определенные функции: они должны выполнять определенные обязательства. Тогда жизнь прекращает свое течение, она заморожена.

Понаблюдайте за мужем и женой. Вы всегда увидите двух замороженных людей, сидящих рядом, не зная, что они делают, почему они сидят здесь. Возможно, им некуда идти.

Когда вы видите, как два человека любят друг друга, то что-то течет, движется, меняется. Когда между двумя людьми есть любовь, они окружены аурой, они постоянно делятся. Они чувствуют вибрации друг друга; они передают друг другу свое существо. Между ними нет стены, их двое и все же не двое — они также и одно целое.

Муж и жена настолько далеки, насколько это возможно, даже если они сидят рядом друг с другом. Муж никогда не слушает, что говорит жена, он давно стал глухим. Жена никогда не видит того, что происходит с мужем; она стала слепой по отношению к нему. Они принимают друг друга как само собой разумеющееся; они стали вещами. Они больше не люди, потому что люди всегда открыты, люди всегда неопределенны, люди всегда меняются. Теперь они должны выполнять определенную роль. Они умерли в тот день, когда поженились. С этого дня они не жили.

Я не говорю, что не нужно жениться, но не забывайте, что любовь это реальная вещь. И если она умирает, тогда брак ничего не стоит.

То же самое справедливо в жизни и во всем остальном, абсолютно во всем. Либо вы живете жизнь — но тогда вам придется жить в неуверенности, не зная, что случится в следующий миг, — либо вы делаете все наверняка.

Есть люди, которые стали настолько уверены во всем, что они никогда не удивляются. Есть люди, которых нельзя удивить. И я здесь для того, чтобы донести до вас послание, которое очень удивительно — вы не поверите в него, я знаю. Вы не поверить, я знаю. Я здесь, чтобы сказать вам нечто абсолютно невероятное — что вы боги и богини. Вы забыли это.

Позвольте мне рассказать вам анекдот.

Как-то зимой, отправляясь во Флориду, Харви Файрстон, Томас Эдисон, Джон Барроуз и Генри Форд остановились в сельском магазине.

— Мы хотим купить лампочки для фар — сказал Форд. — Между прочим, вон там в машине сидит Томас Эдисон, а я — Генри Форд.

Служитель станции даже не посмотрел, только сплюнул немного жевательного табака с очевидным презрением.

— А еще, — сказал Форд, — нам нужна новая крышка, если у вас есть фэйрестоновские. Вон тот парень в автомобиле — Харви Файрстон собственной персоной.

Пожилой служитель не ответил ничего. Когда он поставил на крышку колесо, Джон Барроуз, с длинной белой бородой, высунул голову из окна и спросил: «Как дела?»

Наконец, пожилой служитель оживился. Он свирепо посмотрел в сторону Барроуза и сказал:

— Если вы скажете мне, что вы Дед Мороз, то будь я проклят, если я не разобью вам череп этим ключом!

Он не мог поверить, что в одном автомобиле могут путешествовать Харви Файрстон, Томас Эдисон, Джон Барроуз и Генри Форд. Они были друзьями и путешествовали вместе.

Когда я говорю вам, что вы боги и богини, то вы не поверите, потому что вы совершенно забыли, кто путешествует внутри вас, кто сидит внутри вас, кто слушает меня, кто смотрит на меня. Вы совершенно забыли. Снаружи на вас повесили какие-то ярлыки, и вы доверились этим ярлыкам — ваше имя, ваша религия, ваша страна — сплошная подделка!

Совершенно неважно, индуист вы, христианин или мусульманин, если вы не знаете самого себя. Эти ярлыки вообще не имеют никакого смысла, кроме утилитарного применения. Какой смысл в том, что вы индуист, христианин, мусульманин, индус, американец или китаец? Как это помогает вам узнать ваше существо? Все бесполезно — потому что существо не является ни индусом, ни китайцем, ни американцем; существо не является ни индуистом, ни мусульманином, ни христианином. Существо это просто чистая «естественность».

Чистая естественность это то, что я называю Богом. Если вы можете понять вашу внутреннюю божественность, вы понимаете, что такое жизнь. Иначе вы не можете расшифровать ее. Вот послание. Вся жизнь постоянно указывает на одно, — на то, что вы боги. Если вы поняли это, тогда нет никакой смерти. Тогда вы усвоили урок. Тогда в смерти боги будут возвращаться домой.

Когда Раввин Бирнхам умирал, его жена горько плакала.

— Почему ты плачешь? — сказал он. — Вся моя жизнь была прожита только для того, чтобы я смог научиться умирать.

Вся жизнь... всего лишь обучение тому, как вернуться домой, умереть, исчезнуть. Потому что в то мгновение, когда вы исчезаете, в вас появляется Бог. Ваше присутствие это отсутствие Бога; ваше отсутствие это присутствие Бога.

Глава 2 Путаница — мой метод

Первый вопрос:

Как мы можем подготовиться к смерти?

Не копите ничего подобного силе, деньгам, престижу, добродетели, знанию, даже так называемой духовности. Не копите. Если вы не копите, то вы готовы умереть в любой миг, потому что у вас нет ничего, что можно потерять. Страх смерти — это в действительности не страх смерти; страх смерти исходит из накопленного при жизни. Когда вы имеете слишком много, вы цепляетесь за это. Это то, о чем говорил Иисус: Блаженны нищие духом.

Я не призываю становиться нищими, и я не призываю отказываться от мира. Я призываю быть в мире, но не быть от мира. Не копите внутри, будьте бедны духом. Никогда не обладайте чем-либо — тогда вы готовы умереть. Обладание является проблемой, а не жизнь сама по себе. Чем большим вы владеете, тем больше вы боитесь потерять. Если вы ничем не обладаете, если вы чисты, если ваш дух не загрязнен, если вы просто обнажены, то вы можете исчезнуть в любой миг; всякий раз, когда смерть постучит в дверь, она найдет вас готовыми. Вы не теряете ничего. Идя со смертью, вы не проигравший. Вы можете начать новый эксперимент.

И когда я говорю не копите, то я принимаю это как категорическое условие. Я не говорю, чтобы вы не копили вещи этого мира, но продолжали накапливать добродетели, знания и так называемый духовный опыт, предвидение — нет. Я заявляю категорически: не накапливать. Существуют люди, особенно на востоке, которые проповедуют отречение. Они говорят: «Не копите ничего в этом мире, потому что это все будет потеряно для вас, когда придет смерть». Эти люди кажутся более жадными, чем обычные мирские люди. Их логика — не копите в этом мире, потому что смерть далеко отбросит все это; следовательно, нужно копите что-то, чего смерть отобрать не сможет: вы накапливаете добродетели, характер, этику, знания; накопите опыты, духовные опыты, опыты кундалини, медитацию, то и это; накопите что-нибудь, чего не сможет отнять у вас смерть.

Но если вы копите, то с этим накоплением приходит страх. Каждое накопление приносит страх в той же самой пропорции... тогда вы боитесь. Не копите и страх исчезнет. Я не преподаю вам отречение в старом смысле; моя саньяса — абсолютно новое понятие. Она учит вас быть в мире и одновременно не быть в нем. Тогда вы всегда готовы.

Я слышал о великом суфийском мистике, Ибрагиме Адаме. Он был Императором Бокхара и однажды оставил все и стал суфийским нищим. Когда он стал жить с другим суфийским мистиком, то был озадачен, потому что каждый день тот человек непрерывно жаловался на свою бедность.

Ибрагим Адам сказал ему:

— Так вы оскорбляете ее; быть может это потому, что вы купили вашу бедность задешево.

— Насколько же ты глуп! — отвечал человек, не зная, с кем он говорит, не зная, что Абрахам был в свое время императором. Он сказал:

— Насколько же ты глуп, если думаешь, что кто-нибудь покупает бедность.

Ибрагим ответил:

— В моем случае я отдал за это целое королевство. Я даже отдал бы сотню миров за один ее миг; с каждым днем она приобретает для меня все большее значение. Неудивительно, что я благодарю ее, в то время как вы сожалеете о ней.

Бедность духа это действительная бедность. Слово «суфий» происходит от арабского слова «сафа». Сафа означает чистота. Суфий означает того, кто чист сердцем.

Что такое чистота? Не поймите меня неправильно, — чистота не имеет ничего общего с этикой. Не интерпретируйте ее с точки зрения этических норм. Чистота не имеет ничего общего с пуританами. Чистота просто означает незагрязненное состояние ума, где присутствует только ваше сознание и ничего больше. В действительности, ничто не может проникнуть в ваше сознание, но если вы страстно желаете обладать, то это страстное желание загрязняет вас. Золото не может войти в ваше

сознание. Не существует никакого способа для этого. Как можете вы взять золото в вашу сущность? Нет никакого способа. Деньги не могут проникнуть в ваше сознание. Но если вы хотите обладать, то желание обладать может вступить в ваше сознание. Тогда вы становитесь нечистыми. Если вы не хотите обладать чем-либо, то вы становитесь бесстрашными. Тогда даже смерть — прекрасный эксперимент для того, чтобы пройти через нее.

Действительно духовный человек проходит через огромное количество экспериментов, но он никогда не копит их. Однажды они случаются, и он про них забывает. Он никогда не помнит, он никогда не загадывает на будущее. Он никогда не говорит, что они должны быть повторены, что они должны произойти с ним опять. Он никогда не молится о них. Если они случились, то они случились. Покончено! Он покончил с ними, и он движется дальше. Он всегда доступен для нового, он никогда не несет старого.

И если вы не носите со старьем, то вы найдете жизнь абсолютно новой, неправдоподобно, невероятно новой на каждом этапе. Жизнь нова, только ум стар; и если вы живете умом, то жизнь напоминает повторение, скуку. Если вы не живете умом.... Ум означает ваше прошлое, ум означает накопленный опыт, знания и все такое. Ум означает не то, посредством чего вы продвигаетесь вперед, но то, что приводит вас к виселице. Мозг является похмельем, пылью прошлого, покрывающей зеркало вашего сознания. Потом, когда вы смотрите через него, все представляется искаженным. Ум имеет способность искажать. Если вы не живете умом, то вы узнаете, что жизнь вечна. Только ум умирает — без ума вы бессмертны. Без ума ничто не может умереть; жизнь идет и идет. Она не имеет никакого начала и никакого конца.

Копите, тогда существует начало, и тогда будет конец.

Как подготовиться к смерти.... Когда я говорю: «Как подготовиться к смерти», то я не подразумеваю какую-то подготовку к смерти, которая придет в конце — это далеко не так. Если вы готовитесь к этому, то вы будете готовиться на будущее и снова ум будет участвовать в этом. Нет, когда я говорю готовиться к смерти, то я не имею в виду смерть, которая придет в конце, я имею в виду смерть, которая посещает вас в любой миг с каждым выдохом. Принимайте такую смерть каждое мгновение, и вы будете готовы к заключительной смерти, когда она придет.

Начните умирать для прошлого. Каждое мгновение очищайте себя от прошлого. Умрите по отношению к известному так, чтобы вы стали доступными неизвестному. Со смертью и повторным рождением каждое мгновение, вы будете способны прожить жизнь, и вы будете способны также прожить смерть.

Именно в этом заключается духовность: интенсивно прожить смерть, интенсивно прожить жизнь; жить в обоих случаях так страстно, чтобы ничего не осталось за чертой жизни, даже смерть. Если вы проживаете жизнь и смерть полностью, то вы выходите за пределы. В огромной страсти и интенсивности жизни и смерти, вы преодолеваете дуальность,

вы преодолеваете дихотомию, вы приходите к единству. Это действительно подлинное единство. Вы можете называть это Богом, вы можете называть это жизнью, вы можете называть это правдой, самадхи, экстазом, или чем-то еще, что бы вы не выбрали.

Второй вопрос: *Иногда нам кажется, что вы хотите запутать нас в понятиях любви и медитации. Иногда вы придаете особое значение крайней бесполезности любви, а в других случаях вы объявляете медитацию бесполезной. Иногда же вы говорите, что и любовь и медитация это основные пути просветления.*

Задавший этот вопрос, говорит, что время от времени “нам кажется, что вы путаете нас”. Нет, вы плохо слушали меня. Я всегда путаю, не только время от времени. Путаница — это мой метод.

Я смущаю вас для того, чтобы оторвать вас от ума. Я не хотел бы, чтобы у вас остались в уме какие-то корни под именем любви, под именем медитации или Бога. Ваш ум очень хитер. Он может паразитировать на чем угодно: на медитации, на любви, — он может процветать. Как только я вижу, что ваш ум преуспевает в чем-то, я сразу же должен оторвать вас от этого. Все мое усилие направлено на то, чтобы создать в вас состояние не-ума. Я ни в чем вас не убеждаю. Я здесь не для того, чтобы дать вам некую догму, вероучение, согласно которому нужно жить. Я здесь для того, чтобы отобрать у вас все вероучения, потому что только тогда жизнь может случиться с вами. Я не даю вам что-то согласно чему нужно жить, я просто забираю у вас все опоры, все подпорки.

Ум очень хитер. Если вы говорите: «Выброси деньги», то ум отвечает: «Прекрасно. Могу я теперь зацепиться за медитацию?» Если вы говорите: «Отрекись от мира», то ум говорит: «Хорошо. Могу я теперь обладать духовными опытами?» Если вы говорите: «Откажитесь от мира», то ум говорит: «Я могу отказаться от мира, но теперь я буду цепляться за идею существования Бога».

И нет большего препятствия к Богу, чем идеи о нем. Слово «Бог» стало огромным препятствием, вера в Бога стала огромным препятствием. Если вы хотите постичь Бога, то вы должны будете отбросить все идеи о Боге, все верования — индуизм, христианство, мусульманство. Вы должны будете стать абсолютно спокойными, беспристрастными, невежественными. В этом глубоком невежестве Бог открывает себя в вас — он появляется только в глубокой невинности.

Мое усилие полностью отличается от вашего усилия. То, что делаете вы диаметрально противоположно тому, что делаю здесь я. Мое усилие состоит в том, чтобы создать в вас глубокое невежество, поэтому я должен буду запутать вас. Всякий раз, когда я вижу, что возникает некое знание, я немедленно набрасываюсь на него и разрушаю. И по мере вашего обучения — будучи ближе ко мне, вы обязаны выучить, что бесполезно копить, потому что этот человек не оставит вас в покое. Если вы цепляетесь за что-то, то он намеревается выбросить все это прочь. Так

какая же преследуется цель? Однажды вы просто будете слушать меня, не цепляясь, не делая никаких выводов из этого, не создавая философии, теологии — просто слушать, подобно тому, как вы слушаете птиц, как вы слушает ветер, шумящий в соснах, как вы слушаете реку, текущую в океан, как вы слушаете дикий рев океанских волн. Тогда вы не создаете философию, вы просто слушаете.

Позвольте мне быть диким океаном, ревушим перед вами, или ветром, пробегающим сквозь ветки деревьев, или птицами, поющими утром. Я не философ, я не передаю вам знания. Я пытаюсь показать то, что находится за пределами знаний.

В тот миг, когда вы киваете, в тот миг, когда вы говорите: «Да, это правда», я сразу вижу, что вы накапливаете, и я немедленно должен вернуться к этому и противоречить с той целью, чтобы запутать вас. Путаница это мой метод, я делаю это все время. Я не дам вам передохнуть до тех пор, пока вы не отбросите все попытки философствовать, пока вы не начнете слушать меня без приложения ума, просто из радости, — как вы слушаете музыку. Когда вы начнете слушать меня таким образом, вы никогда не почувствуете себя запутанным. Вы ощущаете путаницу, потому что сначала вы цепляетесь за что-то, а затем, при следующем шаге я разрушаю это. Вы чувствуете путаницу. Вы строите дом, а я снова прихожу и разрушаю его.

Ваш беспорядок фактически создан вами самими. Не стройте дом, тогда я не смогу разрушить его. Если вы создаете, то я собираюсь разрушить это. Если вы не останавливаетесь, чтобы строить дома — картонные домики — если вы прекращаете строить дома, если вы говорите: «Этот человек придет и разрушит» — если вы просто ждете и слушаете, и вы не волнуетесь о том, чтобы построить дом, тогда я не могу спутать вас. И день, когда я не смогу спутать вас, будет для вас днем великого праздника. Потому что теперь вы будете способны понять меня не благодаря вашему интеллекту, но благодаря вашей сущности. Это будет сообщество, а не связь. Это будет передача энергии, а не слов. Вы проникнете в мой дом. Я не позволю вам построить какой-то дом, потому что он станет барьером. Тогда вы начнете жить в этом доме, а я пытаюсь затащить вас в свой дом. Иисус говорит своим ученикам: «В доме моего Бога есть много комнат». Я также говорю вам: «Я беру вас в путешествие, в конце которого вас ожидает прекрасный дворец». Но я вижу вас строящими здания в стороне от дороги, и я должен разрушить их, иначе ваше путешествие не состоится, и вы никогда не достигнете цели. Вы начнете чему-нибудь поклоняться. Вы так спешите, вы так нетерпеливы, что вы просто захватываете все, чтобы я вам не рассказал.

Я не собираюсь допустить, чтобы это произошло. Итак, будьте бдительны. Если вы бдительны, то нет никакой потребности путать вас. Фактически, если вы бдительны, то что бы я не сделал, я не смогу вас спутать. День, когда вы сможете сказать: «Теперь, Багван, вы не сможете спутать меня. Что бы вы не говорили, я слушаю, я радуюсь этому, но я не

делаю никаких умозаключений — станет днем, когда я не могу спутать вас. До этого мига я намереваюсь путать вас снова, снова и снова».

Третий вопрос: *Поскольку секс тесно связан со смертью, то в чем значение добровольного безбрачия?*

Секс больше близок к рождению, чем к смерти. Рождение происходит в результате секса; рождение это сексуальное явление. Конечно, секс также связан и со смертью — но как побочный продукт. Потому что рождение происходит из секса, смерть происходит из секса. Поэтому на востоке возникла абсурдная идея, состоящая в том, что если вы остаетесь в безбрачии, если вы остаетесь брахмачарьей, если вы существуете вне секса, то вы никогда не умрете — вы станете бессмертным. Это глупость, потому что смерть не что-то, что произойдет в будущем, она уже произошла вместе с рождением. Вы не можете избежать этого. Вы можете потворствовать сексу или безбрачию, это не имеет никакого различия.

Мулла Насредин завершил свой столетний юбилей, и несколько журналистов пришли, чтобы взять у него интервью. Он был первым гражданином в своем городе, который достиг столетнего возраста. Они спросили, как ему удалось достигнуть такого почтенного возраста.

Он сказал:

— Я никогда не прикасался к вину, я никогда не интересовался женщинами. Должно быть причина заложена в этом.

Неожиданно что-то в соседней комнате упало с сильным грохотом и шумом. Журналисты насторожились. Они спросили:

— Что происходит?

Мулла ответил:

— Это должно быть мой Отец. Кажется, он снова притащился от девицы, и, кажется, он еще и напился.

Старику было сто двадцать пять лет. Мулла сказал:

— Я достиг этого возраста вследствие безбрачия и потому что я никогда не прикасался к вину. Я держался далеко от женщин, но здесь присутствует мой отец, все еще стремительный, пьющий, все еще приударяющий за женщинами.

Смерть уже произошла в тот миг, когда вы стали воплощенными в теле. В тот миг, когда вы вошли в матку, смерть уже произошла. Ваши часы, часы вашей жизни, могут идти семьдесят лет, восемьдесят лет — это зависит от тысячи и одной причины. Но ваши часы могут идти только до определенного срока. Это не зависит от того, как вы живете вашу жизнь. Смерть произойдет. Смерти нельзя избежать.

Журналист спросил: *Поскольку секс близко связан со смертью, то в чем значение добровольного безбрачия?*

Первая вещь состоит в том, что рождение и смерть связаны с сексом, но только благодаря воздержанию вы не способны преодолеть смерть. Смерть уже произошла при рождении, нет никакого способа преодолеть

это. Она неотвратно происходит, потому что фактически это уже произошло. Это только вопрос времени. Вы мчитесь к ней в каждый миг времени.

Так что не пытайтесь существовать в безбрачии только для того, чтобы избежать смерти, потому что это только страх. Люди, пробующие принять безбрачие, боятся смерти, а тот, кто боится смерти, никогда не сможет узнать, что представляет из себя смерть, никогда не сможет узнать, что такое бессмертие. Так что не надо бояться.

Безбрачие может быть только непосредственным. Вы спрашиваете: Что означает непосредственное безбрачие? Безбрачие может быть только непосредственным, не существует никакого другого типа безбрачия. Если оно не непосредственно, то это не безбрачие. Вы можете заставить себя, вы можете контролировать вашу сексуальность, но это не поможет. Вы не будете в состоянии безбрачия, вы будете только еще более сексуальны. Секс распространится на все ваше существо. Это станет частью вашего подсознания. Он станет вашими мечтами, он станет вашим побуждением в мечтах, он станет вашей фантазией. Фактически, вы станете еще более сексуальными, чем вы были когда-либо прежде. Вы будете больше думать о нем, и вы должны будете подавлять его снова и снова. И сколько бы его не подавляли, он должен быть подавлен снова, потому что победа никогда не достигается полностью. Не существует никакого способа разрушить секс силой, насилием. Не существует никакого способа управлять им, подчинить его. Люди, которые пробовали управлять и подчинить его, сделали мир полностью порнографическим. Ваши так называемые святые имеют очень порнографический ум. Если можно было бы заглянуть в их головы, то вы увидели бы только секс, порнографию. Это обязано было бы так. Это естественно.

Никогда не возлагайте безбрачие на себя. Попытка понять, что такое сексуальность, требует глубокого погружения в это. Она имеет невероятную собственную красоту. Это одна из глубочайших тайн жизни. Жизнь выходит из этого — это великая тайна. Секс не грех; подавление грех. Секс очень естественен, очень непосредственен. Вы не сделали что-нибудь особенное, чтобы иметь его, это врожденное свойство, это часть вашего существа. Не осуждайте его, не судите его, не бойтесь его, не боритесь с ним. Просто проникайте в это больше — больше размышляйте.

Позвольте этому происходить в такой тишине, в таком глубоком восприятии, что вы сможете узнать самую его суть. В миг вашего проникновения в самую суть сексуального оргазма вы увидите, что секс теряет свою привлекательность для вас, ваша энергия перемещается на более высокий уровень, вы становитесь более любвеобильным и менее сексуальными. И это случается спонтанно.

Я не говорю о том, чтобы стать более любвеобильным. Я говорю, что, если вы глубоко погружаетесь в тайну секса, то любовь возникает естественно. Вы становитесь более любящим, а сексуальность становится

все меньше и меньше. И однажды, существует только чистое пламя любви, весь дым секса исчез. Грубая энергия секса была преобразована в более тонкий дух — дух любви.

Тогда я скажу идти глубоко в любовь. Если вы идете глубоко в любовь, тогда снова вы придете в самую ее сердцевину. И в этот миг возникнет молитва. Это также происходит спонтанно. В сексе вы больше имеете отношение к телу; в любви вы больше имеете отношение к душе; в молитве вы внезапно имеете отношение к духу. Существуют три возможности, скрытые в семени секса. И когда секс исчез в любви и любовь исчезла в молитве, то осуществляется непосредственное безбрачие.

Индийский термин для обозначения этого очень красив. Это брахмачарья. Слово буквально означает «живущий подобно Богу». Брахмачарья означает «живущий подобно Богу». Вся энергия — это только молитва, вся энергия только милость, благодарность, благословение. Это становится абсолютно божественным.

Но я не говорю, что секс не божественен. Он начало. Любовь является деревом, молитва — цветок. Молитва возникает из сексуальной энергии. Вам нужно относиться к нему с благодарностью, вы должны уважать его. Секс должны уважать, потому что все происходит из него. Жизнь возникает из него, смерть происходит вследствие его; любовь, молитва и Бог происходят из него. Секс несет весь план вашей судьбы. По мне, секс не только секс, секс есть все.

Итак, если с самого начала вы примете «анти» отношение, то вы пропустите все путешествие под названием жизнь. И вы будете втянуты в борьбу, которая никуда не ведет, вы будете втянуты в борьбу, в которой ваше поражение предопределено заранее. Вы не можете нанести поражение сексуальной энергии, потому что в сексуальной энергии скрыт Бог, в сексуальной энергии скрыты любовь и молитва. Как вы можете нанести поражение этому? Вы так малы, а сексуальная энергия всемирна. Все это существование наполнено сексуальной энергией.

Но слово «секс» подверглось осуждению. Оно должно быть поднято из грязи. Оно должно быть очищено. Храм должен быть построен вокруг него. И помните, безбрачие может быть только непосредственным, не существует никакого другого типа безбрачия. Это не контроль, это не дисциплина; это великое понимание ваших энергий и их возможностей.

Четвертый вопрос: Вы сказали, что кое-кто не должен диктовать нам, что мы должны делать с нашей жизнью. Как совместить это с существующей возможностью и подчинением вам?

Прежде всего, я ни кто-либо, я — никто.

Теперь слушайте вопрос снова. Вы сказали, что никто не должен диктовать вам, что вы должны делать с вашей жизнью. Не подчиняйтесь мне, потому что я диктую вам. Но если вы чувствуете себя капитулирующими, то что могу я сделать? Если вы чувствуете себя капитулирующими, то это ваше чувство. Если я диктую вам, чтобы вы

капитулировали передо мной, то не слушайте меня. Но если ваше сердце диктует вам, тогда что вам делать? Если я говорю, чтобы вы были доступны мне, то не слушайте меня. Но если ваш собственный разум говорит: «Будь доступен этому человеку», — тогда будь.

И здесь не существует никого. Если вы загляните глубоко в меня, то вы не найдете там никого. Дом пуст, все пространство ваше, обратите внимание, я только пространство. Человек, которого вы видите здесь, сидящим на стуле, давно умер. Нет никого, кто может указывать что-нибудь вам.

Только вчера вечером одна ищущая сказала: «Я хотела бы делать то, что делают другие саньясины, но я не могу сдаться. Я не могу потерять свою свободу. У меня было множество убеждений с самого детства, знаний по многим дисциплинам. Теперь я боюсь лишиться свободы». Я говорю: «Не волнуйтесь. Я дарю вам свободу, абсолютную свободу».

Саньяса это свобода. Если вы понимаете правильно, то это абсолютная свобода.

И женщина поняла, потому что я сказал: «Теперь вы боитесь, что вы можете попасть в другую ловушку. Но вы осознаете, что ваше эго может само по себе стать ловушкой и самой большой из всех? Вы существовали внутри многих других обязательств, и вы находите, что все они стали посягательством на вашу свободу — но и ваше собственное эго может стать посягательством». Когда вы не подчиняетесь никому, то никто не может лишить вас свободы, и наибольшая опасность от вашего собственного эго, потеря свободы, для вас также исчезает. Когда вы подчиняетесь мне, то вы в действительности не подчиняетесь мне, потому что я не присутствую здесь. И я не наслаждаюсь вашим подчинением — капитулируете вы или нет не имеет для меня никакого значения. Фактически, когда вы подчиняетесь мне, то вы подчиняете сами себя. Вы не сдаетесь мне. Вы просто сдаете ваше эго. Я только повод, оправдание. Это будет трудно для вас — пойти и сдаться реке, или небу, или звездам, это будет очень трудно, и вы будете выглядеть немного смешными. Так что я претендую только на то, чтобы помочь вам так, чтобы вы не почувствовали себя смешными. Вы можете оставить ваше эго здесь. Не существует никого, кто намерен взять его и никого, кто был бы счастлив с ним, и это помогает.

Будда использовал для таких вещей слово *урауа*. Это *урауа*, — способ помочь тем, кто не может отбросить свое эго до тех пор, пока не найдет некоторую опору. Я делаю свои опоры доступными для вас, но внутри никого нет.

Пятый вопрос: *Почему вы даете нам эти религиозные титулы? Они кажутся абсурдными. Вне ашрама Индусы редко называют меня Свами прямо в лицо.*

Вы должно быть страстно желаете этого. Я не называю вас Свами, чтобы вы были Свами для других. Слово «свами» означает «повелитель». Не желай того, чтобы другие назвали тебя повелителем. Я назвал вас

свами только для того, чтобы указать вам ваш путь — так, чтобы вы стали повелителем сами для себя. Это не должно делать других вашими рабами, это должно сделать мастера из вас. Слово «свами» означает самосовершенствование. Так не расстраивайтесь, если никто не называет вас свами. Фактически, если кто — то называет вас свами, будьте настороже, потому что существует опасность. Вы можете начать думать, что вы являетесь свами, вы можете начать думать, что вы — святой человек или еще что-нибудь подобное. Не заикливайтесь на такой ерунде. Я не собираюсь делать из вас святых, или безгрешных или кого-нибудь еще.

Вы спрашиваете, почему я даю вам эти религиозные титулы, — да потому что они кажутся абсурдными. Так оно и есть. В действительности все мое усилие направлено на то, чтобы сделать вас настолько смешными, настолько абсурдными, чтобы другие смеялись над вами и вы смогли бы также посмеяться над самими собой. В этом и состоит замысел.

Есть еще одна цель, с которой я называю вас свами. Я даю вам эти религиозные титулы, потому что для меня светский и священный не отдельные вещи: светский является священным, обычный является экстраординарным, и естественный является сверхестественным.

Бог не есть что-то далекое от мира сего. Бог находится в мире, постоянно присутствует в нем. Это мой подход... Все божественно в том виде как оно есть. Старая концепция религиозного человека состоит в том, что она жизнеотрицающая. Он осуждает эту жизнь, эту обычную жизнь — он называет ее убийством, светской, иллюзией. Он осуждает ее. Я испытываю настолько глубокую любовь к жизни, что я не в состоянии осудить ее. Здесь я должен расширить рамки ее восприятия.

Когда я даю вам эти религиозные титулы, то я не делаю вас выше других. Не носите идею типа «я-святее-чем-ты», не носите идеи такого сорта. Это глупо.

Я даю вам эту оранжевую одежду. Эта одежда использовалась в течение столетий, пройдя сквозь века с определенной целью, — установить границу между обычной и религиозной жизнью. Я хочу уничтожить все эти различия. Следовательно, я даю вам эти одежды, но я не увожу вас далеко от жизни.

Вы будете жить обычной жизнью, работать, гулять. Вы будете ходить на рынок, вы будете ходить в офис или на фабрику, вы будете чернорабочим, доктором, инженером. Я не заставляю вас — потому тот, кто желает стать верующим специально, является неверующий. И я дал вам эти одежды, чтобы разрушить всю концепцию полностью. Именно поэтому традиционные саньясины сильно настроены против меня.

Я разрушаю все их превосходство. Теперь, рано или поздно, не будет никакого различия. Мой свами растет настолько быстро, что старый традиционный свамизм просто заблудится в джунглях моего свамизма. И люди не узнают, кто есть кто. Такова цель. Я хочу сделать религиозную жизнь обычной жизнью, потому что только эта единственная жизнь и

есть. Иначе — все это только шаги эго. А эта жизнь настолько красива, что нет никакой потребности создавать другую жизнь, превосходящую эту.

Идите глубже в нее, продвигайтесь глубже в нее, и большие глубины будут вами обнаружены. Обычная жизнь несет в себе огромные возможности. Так что я не хочу, чтобы вы стали религиозным только потому, что другие не религиозны. Я хочу отбросить все различия между светским и священным, между святым и не святым. Это великая революция. Вы можете даже не осознавать то, что происходит.

И если традиция против меня, то я могу это понять. Я полностью разрушаю их отношение «я-святое-чем-ты».

Вот почему я выбрал оранжевый цвет. Это было традиционным платьем для саньясинов. Но я выбрал только платье, ничего другого там нет — ничего от традиционной дисциплины. Есть только осознание, любовь к жизни, отношение к жизни, почтение к жизни. Я дал вам оранжевую одежду, но в тот день, когда я увижу, что теперь традиционное различие разрушено, я освобожу вас от нее. Тогда в ней нет никакой надобности. Но это займет время, потому что различие создавали в течение столетий.

Вы не можете постигнуть того, что происходит. Когда саньясин в оранжевой одежде прогуливается с подругой по улице, то вы не можете не задуматься над тем, что происходит. Это никогда не произойдет в Индии, даже в течение десяти тысяч лет. Люди не смогут поверить в это — и вы ожидаете, что они будут называть вас свами? Достаточно и того, что они не убьют вас! Вы разрушаете всю их традицию. Саньясин был одним из тех, кто никогда не смотрел на женщин. Прикосновение было запрещено — держать за руку, невозможно! Этого было достаточно, чтобы бросить его в ад.

Я сделал из вас полностью новый вид саньясина. Это неосаньясин. И за этим, что бы я не делал, стоит метод. Вы можете осознавать это или нет. Я хочу разрушить все традиционное отношение. Жизнь должна быть религиозна, и религия не должна иметь какую-то жизнь. Не должно быть различий между рынком и монастырем. Монастырь должен быть на рынке; божественная часть должна стать частью каждодневной жизни.

Кто — то спросил Бокудзю: «Что вы делаете? Какова ваша религиозная дисциплина?» Он сказал: «Я живу обычной жизнью. Это моя дисциплина. Когда я чувствую голод, я ем, когда я чувствую сон, я сплю».

Да, это — точно, так это и должно быть.

Спрашивающий был озадачен. Он сказал: «Но я не вижу в этом ничего особенного».

Бокудзю сказал: «В этом всю суть. Нет ничего особенного».

Все жаждущие чего-то особенного являются эгоистами.

Спрашивающий все еще озадачен. Он сказал: «Но это все то, что делает каждый — когда хочет, — ест, хочет спать, — спит».

Бокудзю рассмеялся. Он сказал, «Нет, когда вы едите, то вы делаете тысячу и одну вещь. Вы думаете, вы мечтаете, вы воображаете, вы помните. Вы не только едите. Когда я ем, то я просто ем. Тогда существует только еда и ничего больше. Только еда. Когда вы спите, то вы делаете тысячу и одну вещь — вы мечтаете, боретесь, наблюдаете кошмары. Когда я сплю, то я просто сплю, не существует больше ничего. Когда есть сон, то есть только сон. Нет даже Бокудзю. Когда есть еда, то там только еда. Нет даже Бокудзю. Когда я гуляю, то существует только прогулка — никакого Бокудзю. Есть только прогулка, просто прогулка.

Я хотел бы чтобы вы стали такими. Будьте обыкновенными, принесите осознанность в вашу обыкновенную жизнь. Несите Богу вашу обычную жизнь, представьте Бога в вашей обычной жизни. Спите, кушайте, любите, молитесь, медитируйте, но не думайте, что вы делаете или создаете что-нибудь специально. И тогда вы станете особенными. Человек, который готов прожить обычную жизнь это экстраординарный человек. Потому что быть экстраординарным, желать быть особенным — очень обычное желание. Расслабиться и быть обычным — вот это является действительно экстраординарным.

Шестой вопрос: *Почему эта жизнь, которая не имеет ни конца и ни начала, настолько таинственна? Пожалуйста объясните.*

Теперь, не только я даю вам абсурдные ответы, вы также начали задавать абсурдные вопросы. Почему эта жизнь так таинственна? Как я могу знать? Это так! Это просто факт, я не говорю о теориях. Я не говорю, что это моя теория, — то, что жизнь таинственна — тогда вы могли бы спрашивать «почему». Это просто так. Деревья зеленые. Вы спрашиваете почему. Деревья зеленые, потому что они зеленые. Не существует никакого вопроса почему.

Если вы можете спросить «почему» и на вопрос можно ответить, тогда жизнь не будет тайной. Если почему-то можно ответить, тогда жизнь не может быть тайной. Жизнь это тайна, и вопрос почему здесь неуместен.

Почему эта жизнь, которая не имеет ни конца и ни начала, настолько таинственна? Сейчас вы вызываете у меня ощущение вины, как будто я ответственен за жизнь не имеющую ни начала ни конца. Она должна их иметь. Я совершенно согласен с вами, но что делать? Она не имеет ни начала, ни конца.

Я слышал.

Мулла Насреддин говорил одному из своих учеников, что жизнь подобна женщине. Я был удивлен, поэтому я внимательно прислушался к тому, что он говорил.

Он говорил:

— Человек, который говорит, что он понимает женщин, хвастает. Человек, который думает, что он понимает их, простак. Человек, который хочет понять их, наводит тоску. С другой стороны, человек, который не говорит, что он понимает их, не думает, что он понимает их, не

претендует на то, чтобы понять их, даже не хочет понять их — он понимает их!

Жизнь такая же. Жизнь это женщина. Попытайтесь понять жизнь и вы запутаетесь. Забудьте о понимании. Просто живите жизнь, и вы поймете ее. Понимание — это не значит становиться интеллектуальным, знающим; понимание — это становиться тотальным. Понимание не приходит из разговоров; оно приходит. Это и подразумевается, когда мы говорим, что жизнь это тайна. Она может быть прожита, но она не может быть объяснена.

Вы можете знать, чем она является, но вы не можете говорить, что это. Это и есть тайна. Когда мы говорим, что жизнь тайна, то мы говорим, что жизнь не проблема. Проблема может быть разрешена. Тайна это то, что не может быть решено. Неразрешимость бесконечна. И хорошо, что жизнь не может быть разрешена, иначе, что бы вы тогда делали? Только подумайте об этом. Если жизнь это не тайна, и кто — то приходит и объясняет это вам, тогда что вы будет делать? Тогда не остается ничего другого, как совершить самоубийство. Но даже это будет выглядеть бессмысленным.

Жизнь есть тайна; чем глубже вы понимаете это, тем более она прекрасна. Миг приходит, когда внезапно вы начинаете проживать ее, вы начинаете течь в ней. Органическая связь устанавливается между вами и жизнью, но вы не можете выяснять, что это. В этом красота ее, в этом бесконечная глубина.

Да, нет ни начала, ни конца. Как может тут быть какое-то начало жизни и какой-то конец жизни? Начало будет означать, что-то вышло из чего-то, и конец будет означать, что что-то было там и ушло в ничто. Это будет даже еще большей тайной. Когда мы говорим, что жизнь не имеет никакого начала, то мы просто говорим, что она всегда существовала там. Как может быть начало? Можете ли вы отметить строку и сказать, что с этого мига жизнь начинается, как говорят Христианские богословы? Только за четыре тысячи лет до рождения Иисуса Христа, они говорят, что жизнь началась в определенный понедельник. Конечно, это должно было произойти утром. Но как вы можете называть это понедельником, если не существовало воскресенья перед ним? И как можете вы назвать это утром, если не существовало никакой ночи до этого? Только подумайте об этом.

Нет, вы не можете сделать пометку, это глупость. Невозможно провести линию, потому что даже для того, чтобы провести линию, что-то нужно. Необходимо что-то такое, что предшествовало бы этому, иначе установление границ невозможно. Вы можете провести границу, если имеются две вещи, но если имеется только одна вещь, то как вы можете провести ее? Изгородь вокруг вашего дома возможна, потому что есть сосед. Если не существует никакого соседа, то нет ничего за пределами вашей изгороди, изгородь не может существовать. Только подумайте об этом. Если не существует абсолютно ничего за пределами изгороди, то

ваша изгородь превращается в ничто. Как она может существовать? Необходимо что-то за изгородью, чтобы удерживать ее.

Если в какой-то понедельник начинается жизнь, то необходимо воскресенье, чтобы предшествовать этому. Иначе понедельник упадет, разрушится и исчезнет. И таким же образом нет никакой возможности существования какого-либо конца. Жизнь есть, есть просто жизнь. Так было, так будет. Это вечно.

И даже не начинайте думать об этом. Иначе вы упустите, потому что все время, которое вы потратите на размышления об этом — пустая трата времени. Используйте это время, используйте это пространство, используйте эту энергию, чтобы жить.

Седьмой вопрос: Почему вы предпочитаете называть медитацию искусством смерти, а не искусством роста?

Потому что я знаю, что вашему эго очень понравится, если бы я называл ее искусством роста. Искусство смерти приходит подобно удару.

Позвольте мне рассказать вам анекдот.

Однажды Мулла Насреддин увидел толпу, собравшуюся вокруг деревни. Мусульманский священник в огромном тюрбане на голове упал в воду и кричал о помощи. Люди наклонялись и говорили:

— Дайте мне руку, преподобный, дайте мне руку!

Но священник не обращал внимания на их предложения спасти его. Он барахтался в воде и кричал о помощи.

В конце концов Мулла Насреддин вышел вперед:

— Позвольте мне попробовать! Он протянул руку священнику и крикнул ему:

— Возьмите меня за руку.

Священник ухватился за руку Муллы и был вытаснен из воды.

Люди были очень удивлены и спрашивали Муллу о секрете его стратегии.

— Это очень просто, — сказал он. — Я знаю, что этот жадюга ничего никому не даст, даже свою руку. Я знал, что он ничего никому не даст, так что вместо фразы: «Дайте мне руку» я сказал: «Возьмите меня за руку». И конечно же, он взял ее.

Я знаю, что вы хотели бы, чтобы это называлось искусством роста. Тогда ваше эго почувствовало бы себя хорошо. «Это вопрос роста, так что я останусь и буду расти». Этого эго хочет всегда.

Я осознанно назвал это искусством умирания. Медитация есть искусство умирания. Тогда ваше эго будет потрясено.

И вернее будет назвать это искусством умирания, потому что ваше эго не будет расти, ваше эго будет умирать в медитации. Существуют только две возможности: или ваше эго продолжает расти еще больше, оно становится сильнее, или оно исчезает. Если ваше эго продолжает расти и становится все более сильным, то вы все более утопаете в грязи. Вы все

больше и больше запутываетесь, вы попадаете во все большую зависимость от него. Вы задохнетесь. Вся ваша жизнь превратится в ад.

Рост эго подобен разрастанию раковых клеток. Это подобно раку, это уничтожает вас. Медитация не вызывает роста эго, это смерть эго.

Восьмой вопрос: Чем больше вы говорите о смерти, тем больше мое желание жизни. Я только теперь понял, что я в действительности не жил. С того времени как я смог понять, что жизнь и смерть приходят вместе, внутри меня существует сильное желание, которое кричит о жизни, любви и яростной интенсивности. Я обнаружил, что я мучаюсь от мысли, возникающей от моих невыполненных желаний. Может ли человек отказаться от того, чего у него никогда не было? Я чувствую, что я должен возвратиться в тело снова. Иллюзия это или нет, но к моему великому изумлению, я должен признать, что я все еще желаю, и я никогда не чувствовал такого голода.

Когда я говорю «умереть», то это в действительности означает: живите интенсивно; я в действительности подразумеваю: живите страстно. Как вы можете умереть, если вы не жили тотально? В тотальной жизни есть смерть, и эта смерть прекрасна. В страстной, интенсивной жизни смерть приходит произвольно — как молчание, как огромное блаженство. Когда я говорю «умереть», то я не говорю что-нибудь против жизни; фактически, если вы боитесь смерти, то вы будете бояться и жизни. Это похоже на то, что случилось со спрашивающим.

Человек, который боится смерти, будет бояться также и жизни, потому что жизнь приносит смерть. Если вы боитесь врага и закрываете вашу дверь, то другу будет также запрещен вход. И вы настолько боитесь врага, что вы закрываете дверь; поскольку враг может войти, вы закрываете дверь и для друга также. И вы настолько боитесь, что не можете открыть и для друга, потому что кто знает? Друг может оказаться врагом. Когда дверь открыта, то враг может войти.

Люди стали бояться жизни, потому что они боятся смерти. Они не живут, потому что на вершинах, пиках, смерть всегда проникает в жизнь. Вы наблюдали такое событие? Большинство женщин жили фригидной жизнью — они боятся оргазма, они боятся этого дикого взрыва энергии. Столетиями женщины были фригидными; они не знали оргазма.

И большинство мужчин также страдает из-за этого страха — девяносто пять процентов мужчин страдает из-за преждевременной эякуляции. Они так боятся оргазма, существует такой большой страх, что так или иначе они хотят прекратить это, так или иначе они хотят уйти от этого.

Снова и снова они начинают заниматься любовью, и есть страх. Женщина остается фригидной, и мужчина в результате становится настолько испуганным, что он не может оставаться в таком состоянии долго. Сам страх вызывает у него эякуляцию быстрее, чем это должно быть в естественном состоянии, и женщина остается жесткой, закрытой, замкнутой в самой себе. Теперь оргазм исчез из мира из-за страха. В

самый глубокий оргазм проникает смерть; вы чувствуете, как будто вы умираете. Если женщина входит в состояние оргазма, то она начинает стонать, она начинает кричать. Она может даже начать говорить: «Я умираю. Не убивай меня!» Это фактически и происходит. Если женщина входит в состояние оргазма, то она начнет бормотать, она начнет говорить «Я умираю! Не убивай меня! Остановись!» В глубоком оргазме наступает мгновение, когда эго не может существовать, приходит смерть. Но в этом красота оргазма.

Люди стали бояться любви, потому что во время любви также приходит смерть. Если двое влюбленных сидят рядом в глубокой любви и близости, даже не разговаривая... Разговор это бегство, бегство от любви. Когда двое влюбленных говорят, то это просто показывает, что они избегают близости. Слова между ними создают дистанцию — когда слов нет, дистанция исчезает, приходит смерть. В тишине есть смерть затаившаяся рядом — прекрасное явление. Но люди настолько боятся, что они продолжают говорить, необходимо это или нет. Они продолжают говорить о чем угодно и сколько угодно — но они не могут удержаться в состоянии тишины.

Если двое влюбленных сидят тихо, то смерть внезапно окружает их. И когда двое влюбленных сидят тихо, то вы увидите какое-то счастье и какую-то грусть — счастье, потому что жизнь на самой вершине, и грусть, потому что на этой вершине приходит также и смерть. Всякий раз, когда вы тихи, то вы почувствуете некоторую печаль. Даже глядя на розу, — только если вы сидите тихо и не говорите ничего о розе, просто смотрите на нее, — в этой тишине вы внезапно почувствуете, что там присутствует смерть. Вы увидите увядающий цветок; с каждым мгновением он будет уходить, теряться навсегда. Такой прекрасный и такой хрупкий! Такой красивый и такой ранимый! Такой красивый, такое чудо — и скоро он будет потерян навсегда, и он не вернется снова. Внезапно вы станете грустными.

Всякий раз, когда вы медитируете, вы найдете подходящую смерть. В любви, в оргазме, в любом эстетическом переживании; в музыке, в песне, в поэзии, в танце — везде, где вы внезапно теряете ваше эго, присутствует смерть.

Позвольте мне сказать вам одну вещь. Вы боитесь жизни, потому что вы боитесь смерти. И я хотел бы научить вас, как умереть так, чтобы вы потеряли весь свой страх смерти. В то мгновение, когда вы потеряете страх смерти, вы становитесь способными жить.

Я не выступаю против жизни. Как я могу выступать против жизни? Я безумно люблю жизнь! Я так безумно люблю ее, что из-за этого я влюбился также и в смерть. Это часть жизни. Когда вы любите жизнь тотально, то как вы можете избежать смерти? Вы должны полюбить также и смерть. Когда вы сильно любите цветок, то вы любите его и увядающим. Когда вы любите женщину глубоко, то вы любите ее и в старости, и вы однажды полюбите ее смерть. Это часть, часть женщины. Старость не приходит снаружи, она приходит изнутри. Красивое лицо

стало морщинистым — вы любите также и морщины. Они являются частью вашей женщины. Вы любите мужчину, а его волосы поседели — вы любите и эти волосы тоже. Это случилось не преднамеренно; это не авиационные катастрофы. Жизнь не прекращается. Теперь черные волосы исчезли и седые волосы пришли. Вы не отвергаете их, вы любите их, они являются неотъемлемой частью. Затем ваш мужчина становится старым, становится слабым — вы любите и это также. И однажды он умирает — вы любите и это также.

Любовь любит все. Любовь не знает ничего, кроме любви. Поэтому я говорю, что люблю смерть. Если вы можете любить смерть, то для вас будет очень просто любить жизнь. Если вы сможете полюбить даже смерть, то не существует никакой проблемы.

Проблема возникает, потому что спрашивающий подавлял что-то, должно быть он боится жизни. И тогда подавление может принести опасные результаты. Если вы продолжаете подавлять и подавлять, то однажды вы потеряете все эстетическое чувство. Вы потеряете все чувство красоты, чувство изящного, чувство божественного. Затем само подавление станет таким лихорадочным состоянием, что вы сможете делать только уродливое.

Позвольте мне рассказать вам красивый анекдот. Чинмаи прислал его. Он присылает замечательные шутки!

Солдат морской пехоты был послан служить на отдаленную заставу на остров, где не было никаких женщин, но было много обезьян. Он был потрясен, увидев, что все без исключения его товарищи пехотинцы занимаются любовью с обезьянами. И он клянется им, что он никогда не будет заниматься этим. Они говорят ему, чтобы он не зарекался. Но с течением времени пехотинец не может больше сдержаться. Он хватается первую попавшуюся обезьяну, занимается с ней любовью и его ловят на месте преступления его приятели, которые начинают смеяться.

Удивленный, он говорит им:

— Что вы смеетесь, вы сами говорили мне, чтобы я сделал это!

— Да, но ты выбрал самую безобразную!

Если вы подавляете, то возможно, вы можете выбрать безобразную жизнь. Тогда само стремление настолько сильно, что вы не осознаете, что делаете. Тогда вы почти в неврозе. Прежде, чем подавление становится слишком велико, расслабьтесь, продвигайтесь по жизни. Это ваша жизнь! Не чувствуйте себя виноватым. Это ваша жизнь, чтобы жить и любить, и знать, и быть. И какой бы инстинкт Бог не дал бы вам, это лишь показатели того, куда вы должны идти, что вы должны искать, где вы можете найти исполнение своих желаний.

Я знаю, что эта жизнь не все — большая жизнь скрыта за ней. Но она скрыта за ней. Вы не можете сказать, что эта большая жизнь против существующей; вы можете найти эту огромную жизнь только глубже погружаясь в эту жизнь. Существуют волны в океане. Океан скрыт под волнами. Если, видя суматоху и хаос, вы выходите из волн, то вы

выйдете из океана и из его глубины. Прыгайте в волны — они часть океана. Нырните глубоко и волны исчезнут, и затем будет глубина, абсолютная тишина океана.

Таково мое предложение для спрашивающего. Ты ждал долго, больше ждать не нужно. Хорошего понемножку.

Позвольте мне рассказать вам анекдот, старую итальянскую шутку.

Личный официант Римского Папы, относя завтрак Его Святейшеству, поскользнулся и уронил еду на пол.

— Черт возьми! — закричал он, падая.

Его Святейшество появился в дверях своей комнаты:

— Никаких проклятий здесь, сын мой. Говорите вместо этого: «Аве Мария».

На следующее утро, попытавшись принести Его Святейшеству завтрак, он поскользнулся снова, и опять разбросал при падении всю еду.

— Черт возьми! — вскричал бедняга.

— Нет, сын мой, — сказал Папа. — Аве Мария.

На третий день официант трепетал от страха, но в этот миг он вспомнил.

— Аве Мария! — завопил он, падая с завтраком на пол.

— Нет! — Воскликнул Папа. — Черт возьми! Я уже третий день остаюсь без завтрака! С меня довольно!

Это ваша жизнь. Не нужно продолжать пропускать завтрак каждый день. И «Аве Мария» дважды хорошо, но когда это переходит все пределы, то это «Черт возьми»!

Последний вопрос: *Я — кусок камня на горе. Даже это я не смею понять. Вместо этого я сплю. Багван, почему вы говорили мне о реках, океане и себе? И как вы могли дать мне саньясу? Я — кусок камня посреди горы.*

Каждый это кусок камня. До тех пор, пока вы не достигнете вашей величайшей славы, вы будете куском камня. Но ничего нет неправильного в том, чтобы быть им. Кусок камня это ничто иное как глубоко спящий и храпящий Бог. Кусок камня это спящий Бог. Ничего нет неправильного в куске камня, это нужно осознать. Поэтому я дал вам саньясу.

Вы говорите: «Как вы могли дать мне саньясу?»

Саньяса есть не что иное, как усилие, чтобы пробудить вас, усилие, чтобы потрясти вас, усилие, чтобы привести вас в сознание. Саньяса есть ничто иное, как сигнал к пробуждению.

«Даже это я не смею понять — что я являюсь куском скалы в середине горы — вместо этого я сплю».

Вот как скала избегает своего роста, скала избегает своего будущего — благодаря сну. Мечты это барьер. Мечтая мы избегаем действительности, мечтая мы избегаем реальности. Это наш побег. Вы не можете убежать по другому. Это единственный маршрут для побега — сон.

Когда вы слушаете меня, то вы можете помечтать. Когда вы сидите здесь, в вашем мозгу могут пронеситься тысяча и одна мысль. Вы можете думать о будущем или о прошлом. Вы можете быть за и против того, о чем я говорю, вы можете спорить, вы можете обсуждать со мной внутри себя. Но тогда вы упускаете меня. Я подлинно здесь. Обо мне нельзя мечтать, вы можете просто быть здесь со мной. И результат будет огромен.

Но мы продолжаем мечтать. Люди — мечтатели, и таков их путь. Когда они занимаются любовью с женщиной, то они мечтают, когда они едят, они мечтают. Когда они прогуливаются по дороге — они ушли прогуляться утром: солнце встает, день прекрасен, люди встают, жизнь возвращается снова — они мечтают. Они не обращают внимания ни на что.

Мы продолжаем мечтать. Мечта выполняет функцию повязки на глазах, и мы продолжаем упускать реальность.

«Багван, почему вы говорили о реках, океане и небе?»

Потому что это ваши возможности. Камень может летать; камень может отрастить крылья. Я сам был камнем когда-то. Тогда я начал растить крылья, так что я знаю. Я знаю вашу возможность, вы можете не знать ее. Поэтому я говорю о реках, океане и небе. Камень может стать цветком, камень может стать рекой, камень может стать океаном, камень может стать небом — ваши возможности бесконечны! Ваши возможности столь же многочисленны, как и возможности Бога. Вы многомерны.

Вот почему я продолжаю говорить о реках, океане и небе. Однажды великая жажда овладеет вами, новая страсть возникнет для достижения невозможного, и вы будете способны взлететь в небо. Это ваше, добивайтесь этого! Ты просто выглядишь камнем. Камни только смотрятся как камни. Если они сделают небольшое усилие, если они встряхнут сами себя немного, то они найдут, что крылья скрыты в них. Они найдут бесконечно открывающиеся возможности, дверь за дверью.

Но мечтание действует как барьер. В том, чтобы быть камнем нет проблем: слишком долгое существование в мечтах — это проблема. Начинайте отбрасывать мечты. Они бесполезны, бессмысленны, и являются пустой тратой времени и ничем больше. Но люди продолжают мечтать и мечтать... Постепенно люди начинают думать, что мечты и есть их единственная жизнь. Жизнь не мечта, а мечта это не жизнь. Мечтать это значит избегать жизнь.

Позвольте мне рассказать вам анекдот.

На свое семидесятипяtilетие Тетлетауб примчался в кабинет врача.

— Доктор, — воскликнул он, — сегодня вечером у меня свидание с двадцатипятилетней девушкой. Дайте мне что-нибудь для бодрости.

Эскулап благожелательно улыбнулся и выписал старику рецепт. Поздно вечером из любопытства врач позвонил своему пожилому пациенту:

— Помогло ли лекарство?

— Это замечательно — ответил Тетлетауб. — Семь раз получилось.

— Это здорово — согласился доктор. — А как девушка?

— Девушка? — Сказал Тетлетауб. — Она еще здесь не появлялась!

Не грезьте, иначе вы упустите девушку. Вы упустите жизнь. Перестаньте мечтать, взгляните на то, что есть. И это уже перед вами. Это уже вокруг, это внутри и снаружи. Бог только тогда присутствует, когда вы не мечтаете. Если вы мечтаете, тогда ваши мечты занимают ваше внутреннее пространство. Они мешают Богу войти в вас. Эти мечты мы называем *майа*. Майа означает волшебное представление, представление мечтаний. Когда вы не мечтаете, когда вы находитесь в состоянии без мечты, обнажается реальность.

Реальность уже здесь, вам не нужно достигать ее. Вы должны сделать только одну вещь: вы должны отложить ваши мечты. И вы не будете больше камнем, вы сможете лететь со мной до самого конца неба.

Примите мое приглашение, примите мой вызов. Вот что такое саньяса.

Глава 3

Идущий по канату

Однажды, когда хасиды собрались вместе, раввин Израиль пришел к ним. Поскольку он был настроен дружелюбно, они спросили его:

— Скажите нам, дорогой раввин, как должны мы служить Богу?

Он был удивлен вопросом и ответил:

— Откуда я знаю? — И рассказал им эту историю...

У короля были два друга, и оба были признаны виновными в преступлении. Так как он любил их, то хотел оказать милосердие,

но не мог оправдать их, потому что даже слово короля не может идти против закона. Так что он вынес приговор: Веревка была перекинута через глубокую расщелину, и один за другим, оба должны были пройти по ней над пропастью.

Тому, кто достигнет другой стороны, должны будут сохранить жизнь.

Это было выполнено в соответствии с приказом короля, и первый из друзей благополучно пересек расщелину.

Другой, все еще стоящий в начале пути, прокричал ему: — Скажи мне, — друг, как тебе удалось пройти?

— Я не знаю, — отозвался первый, — но всякий раз, когда я чувствовал, что падаю в одну сторону, я отклонялся в другую.

Существование парадоксально: парадокс это сама его суть. Оно существует через противоположности, — это равновесие противоположностей. И тот, кто знает, как балансировать, становится способным узнать, что такое жизнь, что такое существование, что такое Бог. Секретным ключом является равновесие. Несколько вещей прежде, чем мы войдем в эту историю... Сначала, мы были обучены в рамках аристотелианской логики — она линейна, одномерна. Но жизнь идет не по Аристотелю, она скорее по Гегелю. Логика жизни не линейна, она диалектична. Каждый процесс жизни диалектичен, это встреча противоположностей — конфликт между противоположностями и встреча противоположностей. И жизнь проходит через диалектический процесс: от тезиса к антитезису, от антитезиса к синтезу — и снова синтез становится тезисом. Весь процесс начинается опять.

Если Аристотель прав, то тогда будут существовать только мужчины и никаких женщин, или только женщины и никаких мужчин. Если мир был бы создан по Аристотелю, тогда будет существовать только свет и никакой темноты, или только темнота и никакого света. Это было бы логично. Существовала бы или жизнь или смерть, но не то и другое одновременно.

Но жизнь не основана на логике Аристотеля, жизнь имеет обе стороны. И жизнь действительно возможна только из -за обеих сторон, из-за существования противоположностей: мужчина и женщина, инь и ян, день и ночь, рождение и смерть, любовь и ненависть. Жизнь состоит из обеих половин.

Это — первая вещь, которой вы должны позволить глубоко проникнуть в ваше сердце — потому что Аристотель находится в голове. Вся мировая система образования верит в Аристотеля — хотя для самых выдающихся научных умов воззрения Аристотеля являются устаревшими. Он больше не применяется. Наука ушла от Аристотеля, потому что наука подошла ближе к существованию. И теперь наука понимает, что жизнь диалектична, а не логична.

Я слышал.

Вы знаете, что в Ноевом ковчеге заниматься любовью запрещалось, — в наказание выбрасывали за борт?

Когда пары покидали борт ковчега после наводнения, то Ной наблюдал за их уходом. В конце кот и кошка покинули ковчег, сопровождаемые несколькими очень молодыми котятами. Ной поднял брови в удивлении и кот сказал ему: «Ты думал, что мы боролись!»

Ной был последователем Аристотеля; но кот знал дело лучше.

Любовь это определенный вид борьбы, любовь это борьба. Без борьбы любовь не может существовать. Они выглядят противоположностями — потому что мы думаем, что любовники никогда не должны бороться. Это логично: если вы любите кого - то, то как вы можете бороться? Это абсолютно ясно, очевидно, что любовники не должны бороться между

собой, — но они борются. Фактически, они кровные враги; они непрерывно сражаются. В этой борьбе энергия, которая называется любовью, освобождается. Любовь не только сражение, любовь не только борьба, и это истина — она больше чем это. Она также и борьба, — но она еще выше. Борьба не может разрушать ее. Любовь переживает борьбу, но она не может существовать без нее.

Взгляните на жизнь: жизнь устроена не по Аристотелю, не по Евклиду. Если вы не накладываете ваши понятия на жизнь, если вы просто смотрите на вещи как они есть, тогда вы будете удивлены, увидев, что противоположности дополняют друг друга. Напряженность между противоположностями и есть та самая основа, на которой жизнь существует — иначе она исчезла бы. Подумайте о мире, в котором не существовало бы смерти... Ваш ум может сказать: «тогда жизнь будет вечной», но вы не правы. Если смерти не существует, то жизнь просто исчезнет. Она не может существовать без смерти: смерть дает ей основу, смерть придает ей цвет и сочность, смерть придает ей страсть и яркость.

Итак смерть не против жизни — первая вещь — смерть включена в жизнь. И если вы хотите жить по —настоящему, то вы должны узнать, как непрерывно умирать. Вы должны сохранить равновесие между рождением и смертью и вы должны удержаться по середине. Это пребывание в середине не может быть статичным: это не то, как если бы вы достигли чего -то — и конец, тогда ничего нельзя сделать. Это ерунда. Равновесие никогда не достигается навсегда, оно должно достигаться вновь и вновь.

Это очень трудно понять, потому что в наших умах культивировались понятия, которые не применимы к реальной жизни. Вы думаете, что, если только однажды вы достигли состояния медитации, то тогда не существует никакой потребности в чем-либо еще, тогда вы будете в медитации постоянно? Вы не правы. Медитация не статичная вещь. Это равновесие. Вы должны будете достигать ее снова и снова. Вы станете все более способными достигать ее, но она не навсегда, это не предмет в ваших руках. Она должна присутствовать постоянно, только тогда она ваша.

Вы не можете отдыхать, вы не можете говорить: «Я медитировал и понял, что теперь не существует никакой потребности для меня, делать что - то еще. Я могу отдыхать». Жизнь не доверяет отдыху; она есть постоянное движение от совершенного к еще более высокому совершенству.

Послушайте меня: от совершенства к еще более высокому совершенству. Она никогда не несовершенна, она всегда совершенна, но всегда существует возможность к сверх совершенствованию. С точки зрения логики эти утверждения абсурдны.

Я читал анекдот....

Человека обвинили в использовании фальшивых денег с целью оплатить счет. При слушании его дела, ответчик сказал в суде, что он не знал, что деньги были фальшивыми. В доказательство он говорил

следующее: «Я украл их. Неужели я стал бы красть деньги, которые были фальшивыми?»

После обдумывания этого заявления, судья решил, что в этом есть смысл, так что он снял обвинение в изготовлении фальшивых денег. Но он заменил новым — в воровстве.

— Да, я украл их, — ответил ответчик дружелюбно. — Но фальшивые деньги не имеют никакой ценности. С каких это пор стало преступлением красть то, чего нет?

Никто не смог найти изъяна в его логике, и его отпустили.

Но логика не применима в жизни. Вы не можете так легко выйти на свободу.

Вы можете выйти из ловушки, заложенной в законе, по закону и логически, потому что ловушка основывается на логике Аристотеля — вы можете использовать ту же самую логику, чтобы выйти из ловушки. Но в жизни вы не будете способны избежать ловушки из — за логики, из — за богословия, из — за философии, потому что вы очень умны — умны в изобретении теорий. Вы можете выйти из жизни, выйти за ее пределы только через реальные переживания.

Есть два типа религиозных людей. Первый тип — ребенок; он ищет фигуру отца. Первый тип незрел; он не может полагаться на себя, следовательно требуется Бог или кто — то другой. Бог может существовать или нет, не в этом суть — но Бог необходим. Даже если Бога нет, то незрелый ум изобретет его, потому что незрелый ум имеет психологическую потребность — это не вопрос истины, существует ли Бог или нет, это психологическая потребность.

В Библии говорится, что Бог сделал человека по своему образу и подобию, но обратное более правдоподобно: человек сделал Бога своим собственным отражением. Какая бы ни была ваша потребность, в соответствии с ней вы создаете определенный образ Бога, именно поэтому понятие Бога продолжает изменяться с возрастом. Каждая страна имеет свою собственную концепцию, потому что каждая страна имеет собственную потребность. Фактически, каждый отдельный человек имеет отличное от других понятие Бога, потому что его собственные потребности присутствуют там и они должны быть удовлетворены.

Итак первый тип религиозного человека — так называемый религиозный человек, это просто неразвитый человек. Его религия не есть религия, — это психология. А когда религия является психологией, то это только мечта, желание. Это не имеет ничего общего с действительностью.

Я слышал....

Маленький мальчик читал молитвы и закончил их таким пожеланием:

— Дорогой Бог, позаботься о маме, позаботься о папе, позаботься о сестре и тете Эмме и дяде Джоне и дедушке и бабушке и, пожалуйста Бог, позаботься о себе, или мы все пропали!

Это и есть Бог для большинства. Девяносто процентов так называемых религиозных людей являются людьми незрелыми. Они верят, потому что они не могут жить без веры; они верят, потому что вера дает защиту; они верят, потому что вера помогает им почувствовать себя защищенными. Это их мечта, но это помогает. В темные миги жизни, в тяжелой борьбе за существование, без такой веры они будут чувствовать себя покинутыми. Но их Бог не их Бог, нет Бога в действительности. И если только однажды они избавляются от незрелости, то Бог исчезает.

Это то, что случилось со многими людьми. В этом столетии многие люди стали неверующими — не из — за того, что они пришли к выводу, что Бога нет, а только потому, что этот век сделал человека немного более зрелым. Человек повзрослел; человек стал немного более зрелым. Бог детства, Бог незрелого ума, просто перестал существовать.

Это имело в виду, когда Фридрих Ницше объявил, что «Бог умер». Это не Бог умер, это Бог незрелого ума умер. В действительности говорить, что Бог умер не правильно, потому что тот Бог никогда не жил. Правильнее говорить, что «Бог больше не уместен». Человек может больше полагаться на самого себя — он не нуждается в вере, он не нуждается в опоре на веру.

Следовательно, люди стали меньше и меньше интересоваться религией. Они стали безразличными к тому, что происходит в церкви. Они стали настолько безразличными к ней, что даже аргументируют свою позицию следующим образом. Если вы спрашиваете: «Вы верите в Бога?» Они ответят: «Все хорошо, есть он или нет, в этом нет никакой разницы, это не имеет никакого значения». Только из вежливости, если вы верите, то они скажут: «Да, он существует». Если вы не верите, то они скажут: «Нет, он не существует». Но это не более, чем безразличие.

Это первый тип религии; он существовал в течение столетий, в глубине столетий, в глубине веков, и он становится все более устаревшим. Его время прошло. Новый Бог необходим — который не психологический; новый Бог необходим — тот, который существует, Бог в действительности, Бог в реальности. Мы можем даже отбросить слово «Бог» — заменим на слово «реальный», на слово «существующий».

Затем существует второй тип религиозных людей, для которых религия существует не из — за страха. Первый тип религии существует из — за страха, второй тип — также поддельный, также псевдо, также так называемый — не из — за страха, он только из — за разума. Существуют очень умные люди, которые продолжают изобретать теории, которые очень хорошо разбираются в логике, в метафизике, в философии. Они создают религию, которая есть только абстракция: красивый фрагмент художественной работы, интеллекта, интеллектуальности, философичности. Но она никогда не проникает в жизнь, она никогда не соприкасается с жизнью, она просто остается абстрактной концепцией.

Один раз Мулла Насредин говорил мне: «Я никогда не чувствовал, что я что-то должен. Я воровал кур и арбузы, пьянствовал и дрался на

кулаках и ножах, но есть одна вещь, которую я никогда не делал: несмотря на все мои безумства: я никогда не терял свою религию».

Какого рода эта религия? Она не имеет никакого отношения к жизни.

Вы верите, но вера никогда не проникает в вашу жизнь, никогда не трансформирует ее. Она никогда не становится органической частью вас, она никогда не циркулирует в вашей крови, вы никогда не вдыхаете или не выдыхаете ее, она никогда не завоевывает ваше сердце — это просто что-то бесполезное. Возможно, как обрамление, фасад, но никакой пользы для вас. В какой — то день вы направляетесь в церковь; это формальность, социальная потребность. И вы можете формально отслужить Богу, Библии, Корану, ведам, но для вас это ничего не означает, вы не искренни в этом. Ваша жизнь происходит без этого, ваша жизнь происходит полностью другим способом — она не имеет ничего общего с религией. Посмотрите... Кто-то говорит, что он мусульманин, кто-то говорит, что он Индус, кто-то говорит, что он Христианин, кто-то говорит, что он Еврей — их верования различаются, но понаблюдайте за их жизнью, и вы не найдете никакого различия. Мусульманин, иудей, христианин, индуист — они все живут одной и той же жизнью. Их жизнь нисколько не соприкасается с верой. Фактически, верования не могут касаться вашей жизни, вера это средство. Верования являются хитрыми устройствами, через которые вы говорите «Я знаю, что такое жизнь» — и вы можете оставаться спокойными, вы не обеспокоены жизнью. Вы придерживаетесь концепции и эта концепция помогает вам стоять на позиции ума. Тогда жизнь не беспокоит вас серьезно, потому что у вас есть все ответы на все вопросы.

Но помните... До тех пор, пока религия не индивидуальна, до тех пор, пока религия не стала не абстрактной, а реальной, глубоко укоренившейся в вас, проникшей в ваши внутренности, до тех пор, пока она не стала подобна вашей крови и костям, — она бесполезна, в ней нет никакой пользы. Это религия философов, а не религия мудрости.

Когда третий тип приходит... и это реальный тип, — то эти два других становятся фальсификациями религии, псевдо религиями, дешевыми, очень простыми, поэтому они не представляют для вас проблему. Третий очень трудный, сложный; он — огромная проблема; он создаст сложности в вашей жизни — потому что третья, реальная религия говорит, что бог должен быть адресован персонально каждому. Вы должны позвать его и разрешить ему позвать вас, вы должны найти общий язык с ним; фактически, вы должны бороться с ним, вы должны выступить против него. Вы должны любить его, и вы должны ненавидеть его; вы должны быть другом, и вы должны быть врагом; вы должны перенести ваш опыт общения с Богом в свою жизнь.

Я слышал об одном маленьком мальчике — и я хотел бы, чтобы вы стали подобны этому маленькому мальчику. Он был действительно находчивым....

Маленький мальчик потерялся во время воскресного школьного пикника. Его мать начала звать его, и скоро она услышала громкие звуки и детский голос, зовущий:

— Эстелль, Эстелль!

Она быстро нашла мальчика и взяла его на руки.

— Почему ты называешь меня по имени, Эстелль, а не мамой? — спросила она его, поскольку он никогда не называл ее по имени прежде.

— Видишь ли, — ответил мальчик. — Не было никакого смысла кричать «Мама», здесь полно мам.

Если вы кричите «мама», а существует так много мам — в этом месте их много, то вы должны звать лично, вы должны звать по имени.

Если Бог также не зовется лично, по имени, то он никогда не станет реальностью вашей жизни. Вы можете продолжать кричать «отец» но о чем отце вы говорите? Когда Иисус звал «отец», то это был персональный адрес; когда вы зовете, то это абсолютно обезличено. Это по христиански, но это обезличено. Когда Иисус говорил «отец», то это было наполнено смыслом; когда вы говорите «отец», то это бессмысленно — вы не нашли никакого контакта, никакого реального контакта с ним. Только опыт жизни — никакой веры, никакой философии — только опыт жизни сделает вас способными обратиться к нему персонально. Тогда вы сможете встретиться с ним.

И до тех пор, пока Бог не столкнется с вами, — вы просто обманываете самого себя словами... Словами, которые пусты, пустотой; словами, которые не имеют никакого содержания. В прошлом был один знаменитый суфийский мистик по имени Шагиг. Он верил в Бога так глубоко, настолько глубоко, что жил только этим.

Иисус говорит своим ученикам: «Посмотрите на эти лилии в поле — они выросли сами без труда, и однако, они так прекрасны и настолько живы, что даже Соломон не был так красив во всей славе своей». Шагиг прожил жизнь лилии. Было очень немного мистиков, которые жили также, но были люди, которые жили подобным образом. Доверие настолько бесконечно, доверие настолько абсолютно, что нет никакой потребность делать что — нибудь — Бог продолжает делать дела для вас. Фактически, даже когда вы сами делаете их, то на самом деле он делает их; это только вы думаете, что вы делаете их.

Однажды человек пришел к Шагигу, обвиняя его в праздности, лени и попросил его поработать для него.

— Я буду платить вам согласно вашим условиям, — прибавил человек.

Шагиг ответил:

— Я принял бы ваше предложение, если бы не было пяти препятствий. Первое, — вы можете разориться. Второе, — воры могут украсть ваше богатство. Третье, — что бы вы не дали мне, — вы дали бы с неохотой. Четвертое, — если вы найдете недостатки в моей работе, то вы, вероятно, прогоните меня. Пятое, если смерть придет к вам, то я потеряю источник своего пропитания.

— Сейчас, — сказал в заключение Шагиг, — так случилось, что у меня есть Хозяин, который полностью свободен от таких недостатков.

Это то, чем является доверие. Доверяйте в жизни, тогда вы не сможете потерять ничего. Но доверие не может прийти как доктрина, доверие не может прийти с образованием, проповедями, исследованиями, мыслями — доверие может прийти только через жизненные испытания во всех проявлениях, во всех противоречиях, во всех парадоксах. Когда через все парадоксы вы приходите к точке равновесия, то появляется доверие. Доверие это дух равновесия, аромат равновесия.

Если вы действительно хотите достигнуть доверия, то отбросьте все ваши верования. Они не помогут. Верующий ум это глупый ум; доверяющий ум это интеллект в чистом виде. Верящий ум это посредственный ум, ум доверия становится совершенным. Доверие делает его совершенным.

И различие между верой и доверием весьма простое. Я не говорю относительно их значений в словаре — в словаре это может быть так: Вера означает доверие, доверие означает слепую веру, слепая вера означает веру — я говорю о существовании. В существовании вера заимствована, доверие — ваше. Вы верите, но при этом глубоко внутри существует сомнение. Доверие не знает элемента сомнения; оно просто не имеет основания для сомнений. Вера создает разделение внутри вас: часть вашего разума верит, а часть не верит. Доверие едино в вашем существе, во всем вашем существе.

Но как вы можете доверять, если вы не испытали Его? Бог Иисуса не будет делать этого, Бог моего опыта не будет делать для вас, Бог опыта Будды не будет делать — для этого нужен ваш личный опыт. И если вы несете верования в себе, то вы приходите снова и снова к опыту, который не подходит, противоречит верованию, и тогда существует тенденция в уме — не замечать эти переживания, не принимать их, потому что они разрушительны. Они разрушают вашу веру, а вы хотите цепляться за нее. Тогда вы становитесь все более слепыми по отношению к жизни — вера делает ваши глаза слепыми.

Доверие открывает глаза: доверию нечего терять. Доверие подразумевает, что реально то, что реально: «Я могу отложить мои желания и нежелания в сторону, — они никак не воздействуют на действительность. Они могут только отвлекать мой разум от действительности».

Если у вас есть вера и вы натываетесь на опыт, по отношению к которому вера говорит, что он не возможен, или опыт таков, что вы должны отбросить веру, что вы стоите перед выбором между верой или опытом, ум предпочитает выбирать веру и забыть об опыте. Вот почему вы пропустили так много возможностей, когда Бог стучался в вашу дверь.

Помните, что это не только вы разыскиваете истину — истина также разыскивает вас. Много раз рука истины проходила очень близко от вас, она почти коснулась вас, но вы только пожимали плечами. Это не

соответствовало вашим убеждениям, и вы сделали выбор в пользу своих убеждений.

Я слышал очень красивую еврейскую шутку.

Существует история о вампире, который пришел к Патрику О'Рурка в спальню ночью, чтобы выпить его крови. Помня истории, рассказанные ему его матерью, О'Рурк схватил распятие и стал размахивать им перед лицом вампира. Вампир, приостановился на мгновение, зацокал языком, и прокомментировал на самом чистом еврейском языке:

— Ой вэй, баббула! К тебе что, когда-нибудь приходил неправильный вампир?

Если вампир христианин, все в порядке! Вы можете показать крест. Но если вампир еврей, что делать тогда? Тогда «Ой вэй, баббула! К тебе что, когда-нибудь приходил неправильный вампир?»

Если у вас есть некоторое убеждение, и жизнь не согласуется с ними, то что вы намерены делать? Вы можете продолжать показывать ваше распятие — но вампир еврей. Он не собирается принимать во внимание ваш крест. Тогда, что вы будете делать?

Жизнь настолько обширна, а убеждения так ничтожны; жизнь так бесконечна, а верования настолько ничтожны. Жизнь никогда не приспособится к вере и если вы попытаетесь вынудить жизнь втиснуться в рамки ваших убеждений, то вы стараетесь совершить невозможное. Этого никогда не произойдет; это не может произойти по закону природы. Отбросьте ваши верования и начните искать, как испытать.

А теперь — притча.

Однажды, когда хасиды сидели вместе, всем миром, к ним пришел Раввин Израиль. Поскольку он был настроен дружелюбно, то они спросили его: «Скажите нам, дорогой Раввин, как должны мы служить Богу?»

Несколько слов о хасидизме. Первое, слово «хасид» происходит от еврейского слова, которое означает набожные, чистые. Оно происходит от существительного «хасед», которое означает милость.

Это слово «хасид» очень красивое. Вся основа Хасидизма базируется на милости. Это не значит, что вы делаете что-нибудь — жизнь происходит, вы должны быть только тихими, пассивными, бдительными, восприимчивыми. Бог приходит через его милость, не через ваше усилие. Так Хасидизм не имеет никакой строгости, предписываемой для вас. Хасидизм верит в жизнь, в радость. Хасидизм одна из религий в мире, которая жизнеутверждающая. В нем нет отречения; вы не должны отречься от чего-либо. Скорее вы должны веселиться. Основатель Хасидизма, Баал-шем, как сообщают, сказал: «Я пришел, чтобы показать

вам новый путь. Это не голодовка или эпитимия, и это не прощение, но радость в Боге».

Хасид любит жизнь, пытается испытать ее. Сам этот опыт дает вам равновесие. В этом состоянии равновесия, когда-нибудь, когда вы действительно сбалансированы, когда нет отклонения ни на эту сторону, ни на ту сторону, когда вы точно по середине, — вы трансцендируете. Середина это запредельное, середина это дверь, ведущая за пределы.

Если вы действительно хотите знать чем является существование, то это не жизнь и не смерть. Жизнь это одна крайность, смерть — другая крайность. Оно точно по середине, где не существует никакой смерти ни жизни, где нет ни рождения, ни смерти, где человек просто не рожденный, бессмертный. В этот миг баланса, равновесия, милость проливается.

Я хотел бы, чтобы вы все стали Хасидами, получателями милости. Я хотел бы научить вас этой науке, этому искусству равновесия.

Ум очень легко выбирает крайности. Существуют люди, которые потворствуют себе: они потворствуют в чувстве, сексуальности, еде, одежде, домах, в этом и том. Существуют люди, которые потворствуют себе — они скудны по отношению к жизни, они терпят неудачу, их подкашивает. И есть люди, которые наблюдая людей, падающих с каната существования в потворство, падающих в пропасть потворства, становятся трусливыми; они склоняются к другой крайности. Они отказываются от мира, они уходят в Гималаи. Они уходят от жены, детей, из дома, мира, и они идут и скрываются в монастырях. Они выбрали другую крайность. Потворство это крайность жизни; самоотречение — крайность смерти.

Итак имеется некоторая правда в высказывании Фридриха Ницше об Индуизме — что Индуизм — религия смерти. Есть некоторая правда в том, что Ницше говорит о том, что Будда был склонен к самоубийству. Правда состоит в следующем: Вы можете двигаться от одного крайнего значения до другого.

Весь подход Хасидизма состоит в том, чтобы не выбирать какую — то крайность, а только оставаться в середине, доступной для обоих и однако вне обоих, не идентифицируясь с ними, не овладевая и не фиксируясь с ними — только оставаться свободными и радостно наслаждающимися обоими. Если жизнь приходит, наслаждайтесь жизнью; если смерть приходит, наслаждайтесь смертью. Если в своей милости Бог дает любовь, жизнь — хорошо; если он посылает смерть, то это должно быть хорошо также — это его дар.

Баал-Шем прав, когда говорит: «Я пришел, чтобы научить вас радости в Боге». Хасидизм — религия праздника. Это самое чистое цветение во всей культуры Иудаизма. Хасидизм — это аромат всей Еврейской расы. Это одно из наиболее прекрасных явлений на земле.

Однажды, когда хасиды сидели вместе, всем миром...

Хасидизм учит жизни в комунне. Это коммунальный подход. Это учение утверждает, что человек не остров, человек не эго — должен быть не эго, должен быть не островом. Человек должен жить жизнь в комунне.

Мы взращиваем здесь хасидскую общину. Жить в общине означает жить в любви; жить в общине означает жить обязательством, заботится о других.

Есть много религий, ориентированных на самих себя: они думают только о самих себе, они никогда не думают об обществе. Они думают только о том, как «Я» стану освобожденным, как я стану свободным, как «Я» достигну мокши — моя мокша, моя свобода, мое освобождение, мое спасение. Но всему предшествует «мой», себе. И эти религии пытаются существенно понизить уровень эго, но все их усилие в этом базируется на все том же эго. Хасидизм говорит, что если вы хотите отбросить эго, то самый лучший способ состоит в том, чтобы жить в общине, жить с людьми, быть с людьми — с их радостью, с их печалью, с их удачей, с их жизнью и смертью. Создайте в себе интерес для других, вовлекайте, и тогда эго исчезнет само по себе. И когда эго нет, то есть свобода. Не существует никакой свобода с эго, есть лишь свобода от эго.

Хасидизм использует жизнь в общине в качестве механизма. Хасиды жил в маленьких сообществах, и они создали прекрасные общины, очень праздничные, танцующие, наслаждающиеся маленькими радостями жизни. Они делают маленькие вещи священными — еда, питье. Все принимает свойство молитвы. Обыкновенная жизнь уже больше не обыкновенная, она покрыта божественной милостью.

Однажды, когда хасиды сидели вместе, всем миром...

В этом все различие. Если вы наблюдаете заседание монахов Джайнов, то вы никогда не видите какого — то братства — это невозможно. Сам подход различен. Каждый монах — джайн это остров, но Хасиды не острова. Они — континент, наполненный братством.

Помните это. Община, которую я хотел бы взрастить здесь, должна быть скорее хасидской, менее похожа на джайнских монахов, потому что один человек, ограниченный самим собой, уродлив. Жизнь в любви, в том, чтобы отдавать, получать и делиться.

Вы можете прийти в джайнский монастырь или храм, где сидят джайнские монахи — вы можете понаблюдать. Вы совершенно точно увидите, насколько каждый замкнут в самом себе; не существует никаких отношений. На это и направлено все усилие: как не касаться друг друга. Все усилие направлено на то, как разорвать все связи. Но чем больше вы разъединены с общиной и жизнью, тем более вы мертвы. Очень трудно найти джайнского монаха, который все еще жив. И я понимаю это очень глубоко, потому что сам я был рожден джайном и я наблюдал их с самого раннего детства. Я был просто удивлен! Какое бедствие случилось с этими людьми? Что произошло неправильного? Они мертвы. Они трупы. Если вы не приближаетесь к ним с предубеждением, думая, что они являются великими святыми, если вы просто идете, без какого —

либо предубеждения, вы будете озадачены, сконфужены. Что за болезнь, какая болезнь приключилась с этими людьми? Они невротичны. Их интерес о самих себе стал невром.

Община полностью потеряла значение для них — но все значение аккумулируется в общине. Помните... Когда вы любите кого — то это включает в себя не только то, что вы дадите любовь — в отдаче вы растете. Когда любовь начинает прорастать между вами и другим, то вы оба выигрываете. И в этом обмене любовью ваши возможности начинают становиться действительностью. Вот как самореализация случается. Любите больше и вас будет больше; любите меньше и вас будет меньше. Вы всегда пропорциональны вашей любви. Насколько вы любите, настолько вы и существуете.

Однажды, когда хасиды собрались вместе, всем миром, с трубками в руках...

Можете ли вы представить святого с трубкой в руке?

...с трубками в руках, к ним присоединился Раввин Израиль.

Обычная жизнь должна быть освящена, должна быть сделана священной, даже с помощью трубки. Вы можете курить очень молитвенным способом. Или, вы можете просить в очень не молитвенной манере. Это не вопрос, что вы делаете... Вы можете войти в храм, вы можете войти в мечеть, но тем не менее все еще просить очень немолитвенным способом. Это зависит от вас; это зависит от того качества, которое вы вносите в вашу молитву. Вы можете есть, вы можете курить, вы можете пить, и вы можете совершать все эти маленькие вещи, земные вещи, с такой благодарностью, что они становятся молитвами.

Как раз вчера вечером приходил человек. Он поклонился и коснулся моих ног. Способ, каким он сделал это, был, насколько я мог видеть, очень непочтителен. Он был Индус, так что он делал это из долга, как казалось. Или он даже не осознавал того, что он делал — он должен еще поучиться. Но я смог почувствовать, я смог увидеть, что его энергия была абсолютно не молитвенна. И я удивился, почему он пришел. Он хотел стать саньясином. Я никогда не отказываю, но я захотел отказать ему. Я задумался на мгновение, что делать. Если я отказываю, то это смотрится не очень хорошо — но человек был абсолютно неподготовленный. В результате я сказал: «Хорошо, я дам вам саньясу», — потому что я не могу отказать, я не могу сказать нет. Мне очень сложно применять в жизни это слово.

Итак я дал ему саньясу, и тогда все прояснилось. Немедленно он сказал: «Я пришел, чтобы припасть к вашим ногам, теперь помогите мне. Я постовой, — он служил в армии, — Я служу где —то в Паланпуре. Теперь, Багван, при помощи вашей духовной энергии, помогите мне перебраться в Ранчи».

Моя духовная сила должна была быть использована для его перемещения в Ранчи. И что за концепция духовной силы была у него? Теперь все было ясно. Он не был заинтересован в саньясе — это посвящение было только своего рода взяточничеством. Он должно быть подумал, что если он попросит о переброске без саньясы, то это не будет выглядеть хорошо. Поэтому сначала нужно было стать саньясином и тогда просить.

Даже думать так — непочтительно, не духовно. И это человек думает, что он очень духовен. Он говорит, что он последователь Парамахансы Йогананды, и интонация, с которой он говорил, была настолько эгоистична, он чувствовал себя при этом настолько хорошо, настолько превосходно — «Я последователь Парамахансы Йогананды; я ученик. И я работал над собой много лет... и именно поэтому я хочу в Ранчи». Ранчи это центр учеников Парамахансы Йогананды.

И этот человек абсолютно не духовен. Весь его подход не духовен, не молитвен.

То, что который я хочу сделать понятным для вас, заключается в следующем: не важно, что вы делаете. Вы можете касаться моих ног очень непочтительно — тогда все это бессмысленно; но вы можете курить, и вы можете делать это молитвенно, и ваша молитва достигнет Бога.

Это очень трудно для людей, которые зафиксировали свои понятия о религии, духовности, но я хотел бы, чтобы вы стали более гибкими. Не имейте раз и навсегда застывших понятий. Наблюдайте.

... с трубками в руках, к ним присоединился Раввин Израиль.

И был он так дружелюбен, что они спросили его:

— Скажите нам, дорогой Раввин, как должны мы служить Богу?

Да, только при глубокой дружбе можно о чем-то спрашивать. И только в глубокой дружбе можно что-нибудь ответить. Между Мастером и учеником существует глубокая дружба. Это дело любви. И ученик должен ожидать нужного мига, и Мастер должен также ожидать нужного мига; когда дружба прорастает, когда не существует никакой помехи, тогда можно отвечать. Или иногда, даже без вопроса может прийти ответ; даже без использования устной речи сообщение может быть получено.

Он был удивлен вопросом и ответил:

— Откуда мне знать?

Фактически, это ответ для все тех, кто знает: «Откуда мне знать?»

— Как служить Богу? Вы задаете такой важный вопрос, я не в состоянии ответить на него, — сказал Мастер. — Откуда мне знать?

Ничто не может быть известно о любви; ничто не может быть известно о том, как служить Богу — это очень трудно.

Но затем он рассказал им эту историю...

Сначала он говорит: «Откуда мне знать?» Сначала он говорит, что нельзя обладать знанием о таких вещах. Сначала он говорит, что не может дать вам какое-либо знание о таких вещах. Сначала он говорит, что он не может сделать вас более осведомленными о них — это невозможно. Но затем он рассказывает притчу.

Притча совершенна отлична от изложения теорий. Притча более жива, более показательна. В ней немного слов, но она более выразительна. И все великие Мастера использовали притчи, сравнения, анекдоты. Причина состоит в том, что если вы рассказываете о чем-то напрямую, то это убивает многое. Прямое выражение слишком грубо, примитивно, уродливо. Сравнение обрисовывает вещь очень косвенным путем. Оно делает вещи более сглаженными; оно делает вещи более поэтическими, менее логическими, близкими к жизни, более парадоксальными. Вы не можете использовать силлогизм для доказательства существования Бога, вы не можете использовать какой-то аргумент, но вы можете рассказать притчу.

И Еврейская нация одна из самых богатых притчами наций на земле. Иисус был евреем, и он рассказал несколько наиболее прекрасных притч из когда-либо рассказанных. Евреи научились рассказывать притчи. Фактически, у евреев нет серьезной философии, но у них есть красивые философские притчи. Они говорят о многом; без высказывания, без намеков на что-то непосредственно, они создают атмосферу. В этой атмосфере что-нибудь может быть понято. Это и есть все устройство притчи.

Но затем он рассказал им эту историю...

Сначала он сказал: «Откуда мне знать?» Сначала он просто отрицает наличие любого знания об этом. Философ говорит: «Да, я знаю» — и философ предлагает теорию в ясных терминах, логических, математических, силлогистических, аргументативных. Он пытается убедить. Он может привести вас к молчанию.

Притча никогда не пробует убедить вас. Она берет вас неожиданностью, она убеждает вас, она берет вас за душу.

Мастер говорит: «Откуда мне знать?» Он говорит им: «Расслабьтесь, я не собираюсь приводить какие-то аргументы в ее пользу, никакой теории в ее пользу. И вы не должны волноваться, будто я собираюсь убедить вас в чем-то. Просто наслаждайтесь небольшой притчей, небольшой историей». Когда вы слушаете притчу, — вы расслабляетесь; когда вы слушаете теорию, то вы становитесь напряженными. И то, что создает напряжение в вас, не может быть очень полезным. Это разрушительно.

Но затем он рассказал им эту историю...

Были два друга у короля, и оба были признаны виновными в преступлении. Так как он любил их, то хотел оказать милосердие, но не мог оправдать,

потому что даже слово короля не может идти против закона. И вот он вынес приговор...

У притчи есть атмосфера, очень домашняя атмосфера — как будто ваша бабушка рассказывает вам историю перед тем, как вам заснуть. Дети просят: «Расскажите нам сказку». Это помогает им расслабиться и быстрее заснуть. Сказка очень расслабляет и не создает никакого давления на ваш ум; скорее, она начинает заигрывать с вашим сердцем. Когда вы слушаете сказку, то вы не слушаете ее головой — вы не можете слушать сказку головой.

Если вы слушаете головой, то вы упустите. Если вы слушаете головой, то нет никакой возможности понять сказку; сказка должна быть понята сердцем. Вот почему нации и страны, которые живут «головой» не могут понять прекрасных шуток. Например, немцы! Они не могут понять. Они являются одной из самых интеллигентных наций в мире, но у них нет хорошего запаса шуток.

Один человек рассказывал немцу — я подслушал это в ашраме, — человек сказал немцу, что он слышал прекрасную немецкую шутку.

— Но имейте в виду, что я — немец.

— Да-да, я буду рассказывать медленно, очень медленно.

Это очень трудно. Германия — страна профессоров, логиков — Кант, Гегель и Фейербах — они всегда думали головой. Они культивировали ум, они создали великих ученых, логиков, философов, но все же что — то упустили.

У нас в Индии не много шуток; существует великая нищета духа. Вы не сможете найти особенную, типичную для Индии шутку, нет. Все шутки, распространенные в Индии, пришли с Запада. Не существует индийских шуток. Я не встретил ни одной. И вы можете поверить мне, потому что я встречал шутки, рожденные во всех странах мира! Нет шутки, рожденной в Индии, их не существует в принципе. В чем причина? Опять из — за очень интеллектуальных людей. Они сочиняют и разрабатывают теории; начиная с вед до Сарваралли Радхакришны, они только сочиняли и разрабатывали теории и теории, они продвинулись в этом настолько глубоко, что забыли о том, как рассказывать прекрасные истории или сочинять шутки.

Раввин начал рассказывать эту историю — ученики должны были расслабиться, должны были стать расслабленными и внимательными. Это прекрасная история: когда рассказывают притчу, то вы внимательны, но не напряжены. Вы можете расслабиться, и при этом вы внимательны. Возникает пассивное внимание, когда вы слушаете притчу. Когда вы слушаете теорию, то вы становитесь очень напряженными, потому что если вы случайно пропустите одно слово в ее изложении, то вы не будете способны понять ее. Вы становитесь более сконцентрированными. Когда вы слушаете рассказ, то вы становитесь более медитативными — в результате там ничто не может быть потеряно. Даже, если несколько слов

потеряны, то ничто не будет потеряно, потому что, если у вас есть ощущение рассказа, то вы поймете его, это понимание не зависит от слов.

Ученики должны расслабиться и Мастер рассказывает историю.

И вот он вынес приговор: веревка была перекинута через глубокую расщелину, и один за другим, оба должны были пройти по ней над пропастью. Тому, кто достигнет другой стороны, должны будут сохранить жизнь.

Это предложение полно смысла —

Кто достигнет другой стороны, тому должны сохранить жизнь.

Иисус много раз говорит своим ученикам, «Приходите ко мне, если вы хотите жить в изобилии. Если вы хотите жизнь в изобилии, то придите ко мне». Но жизнь в изобилии случается только с теми людьми, которые уходят за пределы рождения и смерти, которые уходят за пределы двойственности к другому берегу. Другой берег, другая сторона, — только символ трансцендентального. Это только намек. Ничего особенного не говорится, дан только намек.

И затем история продолжается.

Приказ короля был исполнен, и первый из друзей благополучно пересек расщелину.

Существует два типа людей.

Первый просто благополучно пересек. Обычно мы должны спрашивать, как пройти по канату. Канат, протянутый над пропастью — это опасно. Обычно мы хотели бы знать способы, средства, метод, — как идти. Мы хотели бы знать как. Методика — должна существовать методика. Столетиями люди ходили по канату.

Но первый просто шел без всяких вопросов, даже без ожидания, что сначала пройдет другой. Это естественная тенденция: позволять другому идти сначала. По крайней мере вы будете способны наблюдать и обзирать, и это будет полезно для вас. Нет, первый просто пошел. Он должно быть был человеком огромного доверия; он должно быть был человеком, уверенном в успехе. Он должен быть человеком, который понял одну вещь в жизни: есть только один способ научиться и для этого надо жить, испытывать. Не существует никакого другого способа.

Вы не можете научиться ходить по канату, наблюдая за канатоходцем — нет, никогда. Потому что это дело не похоже на технологию, которую вы можете наблюдать со стороны, это некоторый внутренний баланс который знает только ходок. И он не может быть заимствован. Он не может просто рассказать вам о нем; это не может быть выражено словами. Никакой канатоходец не может рассказать никому, как он делает свое дело.

Вы едете на велосипеде. Можете вы рассказать кому-либо, как вы едете на нем? Вы знаете равновесие; это своего рода ходьба по канату, только на двух колесах, установленных по прямой линии. И вы едете, быстро и вы едете так уверенно. Если кто-то спросит в чем состоит секрет, то

можете вы описать это одной формулой, такой как H_2O ? Можете вы уменьшить его насколько это возможно? Вы не скажете: «Это принцип, я следую этому принципу», — вы скажете: «Единственный способ для вас состоит в том, чтобы прийти и сесть на велосипед, и я помогу вам начать кататься. Вы обязаны упасть несколько раз, и затем вы узнаете, что единственный способ познать что-то состоит в том, чтобы узнать». Единственный способ научиться плавать — плавание — со всеми опасностями, заключенными в нем.

В начале человек должен прийти к глубокому пониманию в своей жизни, что жизнь не похожа на учебник. Вы не можете обучаться ей, вы должны испытать ее. И он должен быть человеком огромной осведомленности. Он не колебался, он просто шел, как будто он всю свою жизнь ходил по канату. Он никогда не ходил прежде; это было для него впервые.

Но для осознающего человека все в первый раз, и он может делать вещи совершенно — даже когда он делает их в первый раз. Его успех не произрастает из его прошлого, его успех произрастает из настоящего. Запомните это. Вы можете делать все двумя способами. Вы можете сделать что —нибудь, потому что вы делали это прежде — так как вы знаете как делать это, вы не должны обдумывать, вы можете просто делать это механически. Но если вы не делали этого прежде и вы собираетесь сделать это первый раз, то вы должны быть чрезвычайно бдительными, потому что в этом случае у вас нет никакого опыта в прошлом. Так что вы не можете полагаться на память, вы должны положиться на осознание.

Есть два источника действий: или вы действуете, полагаясь на память, на знание, на прошлое, на разум; или вы действуете из осознания, из настоящего, из состояния не ума.

Первый человек должно быть был человеком не ума, человеком, который знает, что вы можете просто быть бдительными и продолжать видеть то, что происходит. И что бы ни произошло, — хорошо. Великое мужество.

...И первый из друзей благополучно пересек расщелину.

Другой, все еще стоящий на начале пути, закричал ему:

— Скажи мне, друг, как тебе удалось перейти?

Второй отражает разум большинства, массовое сознание. Второй хочет узнать сначала, как пересечь расщелину. Каков метод? Имеется ли методика, которую нужно изучить? Он ждет, чтобы другой рассказал.

— Скажи мне, друг, как вам удалось перейти?

Другой должно быть верит в знание. Он должно быть верит в чужой опыт.

Много людей приходят ко мне. Они говорят: «Багван, подскажите нам. Что случилось с вами?» Но что вы будете делать с этим? Будда говорил об этом, Махавира говорил это, Иисус рассказывал — что вы сделали с этим? До тех пор, пока это не произошло с вами, это бесполезно. Я могу рассказать вам еще одну историю и тогда вы можете присоединить ее к длинному списку в вашей памяти, но это совершенно не поможет.

Ожидание знания от других это совершенно безнадежное занятие, потому то, что могут дать другие, не имеет никакой цены, и то, что имеет какую-то цену, не может быть дано и не может быть передано.

Первый отозвался:

— Я ничего не знаю, кроме того...

Даже после того, как он перешел, он сказал: «Я не знаю...» Потому что, фактически, жизнь никогда не становится знанием; она остается только выстраданным опытом, но никогда знанием. Вы не можете выразить это словами, выразить с помощью формулы, построить на этом ясную теорию.

— Я не знаю ничего об этом: всякий раз, когда я чувствовал, что падаю в одну сторону, я отклонялся в другую.

Лишь это может быть сказано: «Было две крайности, — левая и правая, и всякий раз, когда я чувствовал, что я слишком сильно отклоняюсь влево и равновесие терялось, я отклонялся вправо. Но снова я должен был балансировать, потому что потом я начинал уходить слишком вправо и снова чувствовал, что равновесие теряется. И я отклонялся влево».

Так что он сказал две вещи: «Я не могу сформулировать как знание. Я могу только констатировать. Я не знаю точно, что происходило, но я могу дать только какой —то намек. И это не так много; фактически, вам это знание не очень нужно. Вы испытаете это сами. И только лишь это может быть сказано».

Будду спрашивали снова и снова: «Что случилось с вами?» И он всегда отвечал:

— Это нельзя описать словами, но я могу рассказать вам — при каких обстоятельствах это произошло. Это может быть в какой —то степени поможет вам. Я не могу раскрыть абсолютную правду, но я могу рассказать как: каков путь, каков метод, в какой ситуация я был, когда это произошло, когда милость пролилась на меня, когда благословение снизошло на меня.

Этот человек говорит:

...кроме того, что всякий раз, когда я чувствовал, что падаю в одну сторону, я отклонялся в другую.

«Это все. Ничего больше. Вот как я балансировал, вот как я остался в середине». А блаженство в середине.

Раввин говорит своим ученикам: «Вы спрашиваете, как мы должны служить Богу?» Он указывает в этой притче: оставайтесь посередине.

Не потворствуйте слишком и не отказывайтесь от слишком многого. Не будьте только в мире и не избегайте его. Удерживайте равновесие. Когда вы почувствуете, что сейчас вы впали в слишком большое потворство, — откажитесь, а когда вы чувствуете, что вы слишком от много отказываетесь, становитесь аскетом — наклонитесь опять к потворству. Держитесь посередине.

В Индии на дорогах вы найдете таблички: «Держитесь левой стороны» — в Америке вы увидите «Держитесь правой стороны». В мире существует только два типа людей: некоторые придерживаются левой стороны, некоторые придерживаются правой стороны. Третий тип это самая вершина сознания. И правило таково: «Держитесь середины». Не пытайтесь применить его на дороге, но на жизненном пути придерживайтесь середины: никогда влево, никогда вправо, только середина.

И в середине будет мгновение равновесия. Существует точка — вы можете понять, можете почувствовать это — существует точка, в которой вы не отклоняетесь ни к какой крайности — вы точно посередине. В этот миг внезапно возникает блаженство, все находится в равновесии.

И вот как можно служить Богу. Оставайтесь в равновесии, — и это становится служением Богу; оставайтесь в равновесии, и Бог становится доступным для вас и вы доступны Богу.

Жизнь не технология, даже не наука; жизнь это искусство — или было бы даже лучше назвать ее интуицией. Вы должны почувствовать это. Она подобна балансированию на канате.

Раввин выбрал красивую притчу. Он не говорил о Боге вообще; он не говорил о служении ему; он в действительности не ответил на вопрос прямо. Ученики должно быть сами забыли о вопросе — в этом красота притчи. Она не делит ваш ум на вопрос и ответ, она просто дает вам намек, на то, каким должно быть все.

Жизнь не имеет на этот счет никаких «ноу-хау». Помните, что жизнь это не Америка, это не технология. Американский ум или если быть более точным, современный ум, имеет тенденцию создавать технологии из всего. Даже когда есть медитация, современный ум немедленно хочет сделать из нее технологию. Затем мы создаем машины, и человек теряется, и мы теряем контакт с жизнью.

Помните, что есть вещи, которые не могут быть выучены, но которые могут только быть схвачены. Я здесь, вы можете наблюдать за мной, вы можете взглянуть на меня, — и вы увидите равновесие, и вы увидите тишину. Это почти материально, вы можете коснуться этого, вы можете слышать это, вы можете видеть это. Это здесь. Я не могу сказать, что это, я не могу специально дать вам методы, как достигнуть этого. Максимум, так это я могу рассказать вам несколько притч, несколько историй. Они будут только намеками. Те, кто понимают, позволять этим намекам проникнуть в их сердца подобно семенам. В определенное время, в

определенный сезон, они прорастут и вы поймете меня в действительности только в день, когда вы также испытаете тот же самое, что испытываю я. Я пристал к другому берегу, вы кричите с другой стороны: «Скажи мне, друг, как ты сумел перейти?» Я могу сообщить вам только одну вещь:

— *Я ничего не знаю, кроме того, что всякий раз, когда я чувствовал, что падаю в одну сторону, то я наклонялся в другую.*

Держитесь середины. Будьте бдительны, чтобы вы не потеряли равновесия, и тогда каждый примет заботу о самом себе.

Если вы сможете оставаться в середине, то вы сможете общаться с Богом, заслужить его милость. Если вы сможете оставаться в середине, то вы сможете стать Хасидом; вы сможете получить милость. А Бог это милость. Вы не сможете сделать ничего, чтобы найти его; вы можете сделать только одну вещь: не стоять на его пути. И всякий раз, когда вы двигаетесь в крайность, вы становитесь настолько напряженными, что это напряжение делает вас слишком твердыми; всякий раз, когда вы находитесь в середине, напряжение исчезает, вы становитесь текучими, струящимися. Вы уже не на пути. Когда вы находитесь по середине, то вы больше не стоите на пути у Бога — или позвольте мне сказать вам это следующим образом: когда вы находитесь по середине, то вас нет. Точно в середине происходит чудо — вас нет, вы ничто.

Это секретный ключ. Он поможет открыть вам замок тайны, существования, вас.

Глава 4 Пусть будет так

Первый вопрос: *Что-то случилось со мной благодаря вам, но это — что-то невыразимое.*

Что это, я не знаю. Но это все равно есть.

Человеческое ум стремится преобразовать каждый опыт в вопрос. Это очень разрушительный шаг. Пожалуйста, не делайте его. Вся цель пребывания со мной в том, чтобы узнать то, что неизвестно, узнать то, что невыразимо, узнать то, что не может быть определено с помощью слов. Когда это начинает происходить, то не делайте проблемы из этого, не создавайте вопроса — потому что каждое ваше сомнение станет препятствием. Тогда ваш ум начнет еще что-нибудь выдумывать, и вы будете отвлекаться.

Когда это начинает случаться, то наслаждайтесь этим, любите это, лелейте это, вкусите это, танцуйте с этим, пойте с этим, но не задавайте вопросов. Просто будьте этим. И отдайте этому все пространство. Оно вырастет. Требуется пространство внутри вас для того, чтобы это смогло вырасти.

Не спешите разрабатывать теорию из всего этого. Теории очень опасны. Они могут уничтожить ребенка еще в чреве. В тот миг, когда вы начинаете думать в терминах анализа, зная, чем это является и чем это не является, сравнивая, помечая, вы продвигаетесь к аборту. Вы упустите то, что должно вырасти, — вы уничтожите это. Не будьте самоубийцей, не будьте аналитиком, просто позвольте этому быть. Ощущайте его присутствие — но не разумом. Ощущайте его присутствие всем вашим существом. Позвольте вашему сердцу раскрыться навстречу этому, и оно вырастет.

И по мере роста будет постепенно приходить понимание. Понимание не придет благодаря анализу, размышлению, глубокому раздумыванию, логике. Понимание придет благодаря глубокому и еще более глубокому опыту.

Вы говорите, что что-то произошло с вами из-за меня, но его нельзя точно определить. Позвольте всему этому быть. Будьте счастливы. Вы благословенны. Когда что-нибудь неопределенное начинает происходить, тогда вы на правильном пути, вы продвигаетесь к Богу, к последней тайне. Всякий раз, когда есть что-то внутри вас, что вы не можете понять, то это просто показывает, что что-то большее, чем вы сами, вошло в вас — иначе вы смогли бы понять это, вы смогли бы отобразить это. Что-то большее, чем разум, проникло в вас; луч света в темноте души, луч света в темной ночи разума. Ум не может постичь этого; это вне его понимания. Но не вне понимания, помните. Вне того понимания, на которое способен ум, но не вне понимания вообще — потому что существует понимание, которое не имеет отношения к уму: понимание тотальным, вашим тотальным бытием, вашей тотальностью.

Но это приходит не благодаря анализу, не благодаря разложению по полочкам событий; это приходит благодаря накоплению опыта. Ешьте его! То, что не может быть выражено, должно быть съедено вами. Иисус говорит своим ученикам: «Ешьте меня». Под этим он подразумевает: ешьте невыражаемое, ешьте неизвестное. Переварите это, позвольте этому циркулировать в вашей крови. Позвольте этому стать частью вас. И тогда вы будете знать. И знание возникнет так же внезапно, как возникнет и опыт.

Сейчас луч вошел в вас. Позвольте ему стать частью вас — только тогда вы поймете его.

Это понимание не есть понимание на самом деле, если вы были ознакомлены с ним до сего времени. Вы знали только ум и его методы. Он маркирует вещи немедленно. Всякий раз, когда вы спрашиваете что это, о чем вы спрашиваете в действительности? Вы видите куст и цветок, и вы говорите: «Что это?» Кто — то говорит «куст роз» и вы думаете, что вы поняли. Кто — то говорит только слово «роза» и вы думаете, что вы поняли.

Но если вы не знаете названия, то вы чувствуете небольшое смущение. Этот неизвестный цветок конфликтует с вами, смущает вас. Вы чувствуете, что ваш престиж находится под угрозой. Потому что этот

неизвестный цветок непрерывно говорит: «Ты не знаешь меня, так что тогда ты вообще знаешь? Ты не знаешь даже меня?» Цветок продолжает интенсивно давить на вас, и вы начинаете чувствовать смущение. Вы хотите узнать для того, чтобы вы смогли покончить с этим вызовом. Вы идете в библиотеку, вы изучаете книги, Британскую Энциклопедию: Вы выясняете название цветка — роза. Это «роза» — хорошо, — вы наклеили на него ярлык. Теперь вы чувствуете облегчение.

Но что вы сделали? Только присвоили название розовому кусту и думаете, что поняли его? Вы потеряли возможность для понимания. Вы упустили великий вызов. Потому что, хорошо запомните — название «роза» дано человеком розовому кусту, а розовый куст не знает вообще никакого имени. Если вы рассказываете кусту розы о розовом кусте, то куст розы не поймет о чем идет речь. О чем вы говорите? Что за ерунду вы несете? Куст розы не имеет никакого названия, к которому он имел непосредственно хоть какое-то отношение — имя дано другими, дано людьми подобными вам, которые не могут допустить неизвестного нигде.

Незнание не такая простая вещь: оно создает такой большой дискомфорт. Вы видите кого-то; вы говорите: «Что это за человек?» И тогда кто-то говорит, что он китаец, или африканец, или японец, и вы чувствуете себя свободно. Что вы узнали? Только то, что говорят, что он китаец... Существуют миллионы китайцев — восемьсот миллионов — и никакой другой китаец не похож на этого. Фактически не существует «китайцев». Есть миллионы и миллионы китайцев — каждый из которых индивидуальность, отличается от остальных; у каждого своя подпись, его собственное бытие. Что вы поняли, определив этого человека как «китаец»? Но в результате вы чувствуете облегчение.

Какой религии он принадлежит? Он буддист. Другая метка пришла к вам в руки. Теперь вы знаете немного больше. К какой партии он принадлежит? Он коммунист. Вот еще несколько меток. Вы набираете еще немного ярлыков — и тогда вы думаете, что poznали человека.

Является ли знание настолько простым, насколько об этом думает ум? Навешивание ярлыков не есть знание. Навешивание ярлыков это только способ избежать возможности узнать что-то новое. Вы смогли бы познать человека, если бы стали его частью. Вы смогли бы познать куст розы, если бы вы медитировали наедине с ним, если бы вы позволили, чтобы аромат его проник в ваши легкие и в ваше сердце: если бы вы прикоснулись к нему с любовью. Если бы вы объединились с этим кустом розы, то вы смогли бы узнать что-нибудь.

Я не говорю, что вы можете познать куст розы полностью. Если вы сможете познать отдельный куст розы полностью, тогда считайте, что вы poznали всю вселенную — потому что в отдельном кусте розы заключена вся вселенная: солнце, и луна, и звезды, и прошлое, и настоящее и будущее. Все время и все пространство сходятся на том маленьком кусте роз. Если вы сможете познать его полностью, то вы познаете полностью

всю вселенную. Тогда ничто не оставлено позади. Каждая маленькая вещь настолько велика.

И когда что-то подобное неизвестному цветку начинает расцветать внутри вас, то не спешите критически относиться к этому; не размещайте все по полочкам, не препарируйте это и не начинайте искать компоненты. Наслаждайтесь этим, любите это. Позвольте этому прорасти. Милость пролилась на вас. Вы стали Хасидом.

Значение Хасида — милость.

Второй вопрос: Господь Шива раскрыл много способов равновесия Деви, своей супруге в «Вигьян Бхайрав Тантре». Расскажите, пожалуйста, об этих методах с точки зрения Хасидского искусства равновесия, баланса?

Нет, я не буду говорить что-то об этих методах — потому что Хасидизм абсолютно не техничен. Весь подход не техничен. В Хасидизме нет техник — только чистая радость жизни.

Хасидизм это не путь медитации, это путь молитвы. У молитвы нет техники. Существует миллионы техник медитации, потому что медитация это научный подход ко внутренней реальности. Хасидизм это не наука, это искусство. Хасидизм не верит в техники, но только в любовь.

Запомните хорошо: технологичный ум это математический ум. Ум преданного нематематический; ум любовника — это ум поэта. Любовь это романс, — не техника. Любовь это мечта, — не техника. У любви совершенно другой подход к жизни.

В Хасидизме нет техник; там нет ни йоги, ни Тантры. Он просто говорит: доверяйте жизни, доверяйте Богу, и что бы ни было дано вам, наслаждайтесь этим. Наслаждайтесь этим так глубоко и с такой благодарностью, чтобы при этом любая обыкновенная вещь становилась священной; каждая небольшая вещь в жизни становится священной. Трансформируйте все в священное — мирское исчезает, когда вы несете вашу энергию любви, милости, благодарности.

Любовь это не техника, так что никто не сможет преподавать вам, как любить. И если вы случайно встречаетесь с книгами, которые говорят, что они могут преподавать вам, как любить, остерегайтесь этих книг. Если вы однажды узнаете техники любви, то вы никогда не будете способны полюбить снова. Эти техники станут барьером. Любовь это естественное спонтанное явление. Даже животные любят — у них нет Кинси, Мастеров и Джонсонов, и они достигают оргазма естественно, без какой-либо научной помощи. У них нет никаких сексуальных терапевтов, и они не идут ни к какому гуру, который обучает искусству любви. Это врожденное качество. Каждый родившийся приносит это с собой.

Существует несколько вещей, которые вы приносите с вашим рождением. Ребенок рожден... никто не учит ребенка, как ему дышать. Если бы это зависело от обучения, то тогда никто не был бы способен выжить, потому что требуется время на то, чтобы научить

новорожденного. Его сначала нужно было бы послать в школу, обучить языку, дисциплине, и затем, в заключение, после по крайней мере семи, восьми или десяти лет, мы будем способны преподать ему, как дышать — он не понимает даже слова «дышать». Нет, это не зависит от какого-либо обучения. Ребенок рожден со способностью дышать; это врожденное. Это такое же врожденное, как цветок на кустарнике. Это такое же врожденное как вода, мчащаяся к океану — естественно.

В миг рождения все существо новорожденного страстно желает, жаждет дыхания — не осознавая происходящего, потому что он никогда не дышал прежде. Никто никогда не обучал его, он никогда не делал этого, у него нет никакого опыта — оно просто происходит само собой.

Точно также, однажды, в возрасте четырнадцати лет, ребенок начинает чувствовать огромное влечение к противоположному полу. Никто не обучал его этому; фактически, учителя всегда учили против этого. Вся человеческая история кажется обучением против сексуальности, против сексуальной энергии. Религии, культуры, цивилизации, священники и политические деятели — они все учили, как подавить секс. Но он не может быть подавлен. Его, кажется, невозможно подавить.

Это естественное явление. Оно возникает. Оно возникает даже, когда вы против — посмотрите правде в глаза. Даже, когда вы — против этого, оно возникает не смотря на вас. Это сильнее вас. Вы не можете управлять этим. Это естественно.

Хасидизм говорит, что, если человек начинает жить естественной жизнью, то однажды, внезапно, любовь к Богу возникает, точно также, как любовь к женщине, или любовь к мужчине; точно также, как дыхание возникает после рождения. Этим драгоценным мигом нельзя управлять; вы не можете спланировать его, вы не можете подготовиться к этому, это не нужно. Вы просто живете естественной жизнью. Не боритесь с природой, плывите вместе с ней, и однажды внезапно вы увидите, что милость пролилась на вас. Огромный стимул возникает в вашей сущности, новая любовь в существовании — это Бог. Потому что, когда любовь возникает, существование становится индивидуальным. Тогда это — больше не «это»; это становится «ты». Тогда это — связь между «я» и «ты».

Хасидизм просто говорит: не будьте неестественными, и молитва родится сама по себе. Здесь нет никаких методов. И в этом красота.

Если вы пропустили естественный поток молитвы, тогда необходимы техники. Медитация это замена молитвы; она вторична по отношению к молитве. Если вы пропустили молитву, тогда медитация необходима, но если молитва возникла в вас, тогда не нужно никакой медитации. Молитва — это спонтанная медитация; медитация — это молитва с определенным усилием. Молитва с техникой — это медитация; медитация без техники это молитва.

Хасидизм — религия молитвы, именно поэтому в Хасидизме нет никакого отречения. Хасид живет естественной жизнью, которую Бог завещал ему. Везде, куда бы Бог не забросил его, он живет, он любит; он

наслаждается маленькими удовольствиями жизни. А когда вы начинаете наслаждаться маленькими радости, общий эффект — великое блаженство вашего бытия.

Это должно быть понято. Не ждите какого-то великого блаженства, которое прольется на вас. Этого никогда не происходит. Великое блаженство — это ничто иное, как маленькие радости, накапливающиеся в вашем бытии. Общее количество всех маленьких радостей — это большое наслаждение. Едите, — наслаждайтесь этим. Пьете, — наслаждайтесь этим. Принимаете ванну, — наслаждайтесь этим. Гуляете, — наслаждайтесь этим. Такой прекрасный мир, такое прекрасное утро, такие прекрасные облака... что еще вам нужно для праздника? Небо, полное звезд... что большего вам нужно, чтобы быть полным молитвы? Солнце, встающее с востока... чему большему вы можете поклоняться? И среди тысячи и одной колючки возникает маленький цветок розы, открываются его бутоны, — такие хрупкие, такие ранимые, и в то же время настолько сильные, готовые бороться с ветром, с молнией, с грозами. Посмотрите мужественно... что еще вам нужно для того, чтобы понять доверие?

Методы необходимы, когда вы пропустили эти маленькие открытия, ведущие к Богу. Если вы продолжаете вглядываться в маленькие открытия, то общим результатом будет огромная дверь. И внезапно вы начинаете видеть, что такое молитва. Не только видеть, вы начинаете жить этим.

Подход Хасидизма полностью отличается от Тантры. И Хасидизм намного выше любой Тантры, потому что это естественная Тантра, это естественный путь. Это — путь Дао.

Но ум очень хитер. Ум хочет управлять. Ум хочет управлять даже отношениями в любви; ум хочет управлять даже таким таинственным явлением как молитва. Ум — великий контролер. Навязчивая идея ума состоит в том, что он должен управлять всем, чтобы не оставить что-нибудь вне контроля — отсюда техники. Ум всегда требует методов, и он продолжает планировать все на сколько это возможно.

Если вы планируете все на свете, если вы управляетесь со всеми проблемами сами, то вы никогда не даете возможность Богу проникнуть в вас, взять управление на его плечи. Вы никогда не разрешаете Богу помочь вам. Вы думаете, что вы должны быть независимыми; вы думаете, что нет никакого другого пути, чем помочь самому себе. Вы остаетесь неоправданно нищими.

Маленький ребенок играл рядом со своим отцом, который сидел в саду. И ребенок попытался перетащить большой камень. Камень был слишком большой, и он не смог ничего с ним сделать. Он очень старался. Он весь вспотел.

Отец сказал: «Ты не используешь всю свою энергию». Ребенок сказал: «Нет. Я использую всю мою энергию. И я не думаю, что я могу сделать больше». Отец ответил: «Ты не попросил меня помочь тебе. Это также

твоя энергия. Я сижу здесь и Ты не попросил меня, чтобы я помог тебе. Ты не используешь всю свою энергию».

Человек, который живет в соответствии с методиками, может думать, что он использует всю свою энергию, но он не просил помощи у Бога. Человек, который просто мыслит методами, неполноценный человек. Хасид чрезвычайно богат, потому что он действительно использует всю свою энергию. Хасид открыт; ум, ориентированный на определенный метод — это закрытый ум. Он продолжает планировать все. Даже если ваши планы выполнены, то вы не будете счастливы, потому что это ваши планы. Они такие же небольшие, как и вы. Даже, если вы преуспеваете в своих планах, то вы потерпите поражение; даже в вашем успехе будет присутствовать привкус расстройств. Потому что: что вы получаете? Если вы терпите неудачу, то вы будете расстроены наверняка. Когда вы терпите неудачу, то вы расстроены, но когда вы добиваетесь успеха, тогда вы расстроены также.

Откройте себя божественному. Вы живете естественно; не пытайтесь улучшать, не живите идеями, не живите моральными устоями — живите только естественной жизнью. Природа должна быть вашей единственной дисциплиной — и то, что естественно, то и хорошо, потому что этого желает Бог, он хочет, чтобы это было так. Если вы можете принять с благодарностью вашу жизнь такой, какой хочет Бог... Если он дал вам пол, то он дал вам и секс — он знает лучше. Вы не должны силой навязывать себе какое-то безбрачие. Насильственное безбрачие уродливо, более уродливо, чем естественный секс. И если вы принимаете естественный секс, то вы найдете, что после некоторой точки естественный секс переходит в естественное безбрачие. Тогда возникает брахмачарья. Тогда вы начинаете жить совершенно другой жизнью.

Но это приходит, когда вы течете с рекой жизни.

Вы видите? Река течет с гор, пробегает тысячи миль и затем, однажды, исчезает в океане. Если река была бы великим мыслителем и она начала думать: «Это ведет вниз. Я не должна делать так. Мое жилище находится в горах. Река с начала своего рождения видит только пики Гималаев — это мое жилище. А я падаю. Это грех, падаю на ледник, падаю по направлению к земле, с высоты рая...» Если реки были бы мыслителями, то они сошли бы с ума, потому что это падение вниз, в ад. Но реки не наделены способностью мыслить, они очень счастливы. Они принимают это. На то была воля божья, — чтобы быть на вершине, а теперь его желание, — исследовать глубины.

И человек, который действительно хочет познать высоту, должен также познать и глубину, иначе он не будет способен познавать. Глубина — другая часть высоты. Чем более высок горный пик, тем глубже долина. Если вы хотите познать дерево, то вы должны познать также и корни. Дерево растет вверх, а корни растут вниз. И дерево существует между ними: Восходящее движение и нисходящее движение. Это напряжение, которое даст жизнь дереву.

Река течет, доверяя, не зная, где она течет — она никогда не была здесь прежде и у нее нет никакой карты, никакого путеводителя, чтобы течь. Но она течет, доверяя: если это происходит так, как это происходит, то это должно быть хорошо. Она течет, поет и танцует. И затем однажды любая река — течет ли она на восток или она течет на Запад, или Юг, или Север, — это не важно — любая река в конце концов, в конечном счете, достигает конца своего пути, исчезает в океане. В океане она достигает окончательной глубины.

Теперь путешествие завершено. Она знала пики Гималаев, теперь она узнала глубину океана. Теперь опыт полный; теперь круг замкнулся. Теперь река может исчезнуть в нирване; теперь река может исчезнуть в мокше. Это и есть то, что называется освобождением.

Хасид живет подобно реке. Он доверяет. Человек, которым завладел метод, это человек не-доверия, человек сомнения. Он не может доверять жизни, он доверяет своим собственным методам.

Я слышал прекрасный анекдот. Бодхи прислал его мне. Коллекционер горилл стремился собрать как можно больше этих обезьян, так что он поехал за ними в Африку. Скоро он оказался в хижине Большого Белого Охотника.

— И сколько вы хотите за каждый экземпляр? — спросил коллекционер.

— Хорошо, — сказал Охотник, — пятьсот долларов мне, пятьсот долларов тому небольшому пигмею, что стоит там с винтовкой, и пятьсот долларов моей собаке.

Коллекционер не мог уяснить, почему собака должна получить пятьсот долларов, но будучи практичным человеком, он рассудил, что цена в полторы тысячи долларов была вполне приемлемой, и его не волновало, как эта сумма будет поделена.

На сафари Большой Белый Охотник загнал гориллу на дерево, после чего залез на него и ударил гориллу по голове. Как только горилла упала на землю, собака подбежала и схватила ее зубами, осуществив это молниеносным движением. Между тем Охотник спустился вниз, принес клетку и поместил в нее гориллу.

Коллекционер был изумлен. Он сказал Охотнику:

— Это просто фантастика! Я никогда не видел что-нибудь подобное в своей жизни! Вы конечно заслуживаете ваших пятьсот долларов, и собака — замечательная, что могу я сказать? — она просто потрясающая. Ну, а пигмей с винтовкой — он, кажется, ничего не делает.

Охотник сказал:

— Не беспокойтесь о пигмее. Он заслуживает своих денег.

Так действовали и дальше: ловили гориллу за гориллой, пока в заключение они не столкнулись с гориллой, которая увидела весь процесс поимки. Охотник поднялся вверх на дерево, и как только он собрался ударить гориллу по голове, горилла повернулась и ударила его первой.

Охотник, падая с дерева, прокричал пигмею:

— Стреляй в собаку! Стреляй в собаку!

Это и есть технически ориентированный ум. Он учитывает все, любую неожиданность. Он не оставляет никакой лазейки в системе.

Религиозный человек не может жить таким запланированным способом, это не возможно для него. Он должен оставить много лазеек для Бога, чтобы иметь возможность пропустить его. Фактически, если вы понимаете правильно, то религиозный человек это такой человек, который не планирует ничего — потому что как мы можем планировать? И какими возможностями мы обладаем для планирования? Мы ограничены. Мы имеем маленький свет интеллекта, но этого слишком мало. Доверяя ему полностью, вы создаете весьма посредственную жизнь. Огромное никогда не проникнет в эту посредственную жизнь; бесконечное никогда не проникнет в эту посредственную жизнь; бесконечное никогда не вступает в эту посредственную жизнь.

Хасидизм это очень революционный шаг — в нем заключен большой риск. Риск заключается в отбрасывании разума, который, как кажется, должен быть единственной нашей защитой; отбрасывание разума, который, как кажется, вселяет в нас только уверенность; отбрасывание разума, который, как кажется, и есть наша надежда. И тогда можно довериться не-ума — назовите это Богом; доверять существованию, а не себе. Хасидизм это великая сдача.

Третий вопрос: *Багван - только один Мастер и навсегда?*

Я могу понять и оценить вашу трудность. Я говорю о таком количестве Мастеров, о таком количестве путей и таком количестве дверей — естественно, что вы можете начать путаться.

Но вы можете запутаться, только если вы цепляетесь к моим словам. Если вы не цепляетесь за мои слова, то я говорю ту же самую вещь снова и снова, хотя слова могут быть различными, и я, при этом, могу использовать различные подходы. И когда я использую какой-то подход, какой-то путь, то я полностью с ним. Тогда я не беспокоюсь ни о чем еще. Даже вещи, которые я сказал прежде, меня совершенно не заботят.

Когда я говорю о Хасидах, то я — Хасид. И тогда я полностью в этом. Это единственный способ открыть секрет вам. Если я остаюсь безучастным, если я остаюсь безстрастным, если я только зритель, профессор, только объясняющий что-то вам, то это не даст понимания, которое требуется, это не даст вам прозрения. Тогда вы соберете информацию, и пойдете домой — вы станете более хорошо осведомленным, но не знающим человеком.

Итак, всякий раз, когда я говорю о каком-нибудь Мастере или каком-то пути, или о каком-то священном писании, то я полностью погружен в это, мое участие абсолютно. В эти миги ничто больше не существует для меня, потому что я нахожусь в страсти, я в страстной любви с этим учением.

Конечно, я могу понять вашу трудность, потому что, когда я страстно говорю, что Хасидизм это путь, то вы теряетесь, потому что однажды я говорил, что Тантра это путь, в другой раз я говорил, что Дзен — это

путь, и в следующий раз я говорил, что Дао — путь. Так что же есть путь?

Когда я говорю об одном пути, то я и есть тот путь. Не цепляйтесь за мои слова, прислушайтесь к бессловесному посланию. И если оно затрагивается до вашего сердца, если оно поет в вашем сердце, то тогда вы нашли свой путь. Тогда забудьте все, что я сказал прежде и все, что бы я ни собирался сказать в будущем. Тогда вы не должны беспокоиться. Вы нашли ваш ключ. Теперь вы можете открыть замок.

Я буду продолжать говорить, потому что я говорю для миллионов. Когда вы нашли ваш ключ, наслаждайтесь, что бы я не сказал еще, но не возмущайтесь снова и снова. Вы нашли ваш ключ, но теперь я должен говорить кому-то еще, кто пока не нашел своего ключа. Когда вы нашли ваш мир, вашу тишину, ваше блаженство, то вы получили то, в чем нуждались, но существует множество других, кто еще не получил этого. Я буду говорить им, и я буду использовать все возможности для этого.

Например, когда я говорю о Хасидизме, он может затронуть ваше сердце и тогда ваша любовь может возникнуть на этом пути. Моя страсть может воспламенить вас. Именно поэтому я говорю со страстью. Если я говорю бесстрастно, как это делают профессора.... Я не профессор. Когда я говорю о Хасидизме, я — Хасидский раввин. Тогда — это мой путь, о котором я и говорю. Это не чей-то еще путь, о котором я просто рассказываю вам, это мой путь, по которому я прошел, который я полюбил, который я узнал, который я испытал. Я говорю о моем собственном опыте, и если это захватывает и что-то сжимается в вашем сердце, и молитва становится вашим путем, тогда забывается все, что бы я не говорил, тогда вам нет необходимости менять свое мнение снова и снова.

Если этого не произошло, тогда вы должны посмотреть. Если этого не произошло, тогда не волнуйтесь об этом, забудьте все об этом: я скажу о чем-нибудь еще, я открою другую дверь. Возможно эта дверь окажется вашей. Но когда вы нашли дверь, тогда можете не волноваться о других дверях, которые я буду открывать, потому что все двери ведут к одному и тому же. Не волнуйтесь о том, что вы должны войти в эту дверь — возможно Багван собирается открыть другую — большую и золотую дверь. Но все они на самом деле одинаковые.

И дверь, через которую вы упали в сети любви, — золотая дверь для вас. Теперь нет никакой другой двери, если, открывая именно эту дверь, вы полюбили ее. И вы найдете другие, входя через другие двери, но когда вы достигаете самого центра существования, то вы всегда встретитесь там с огромной любовью и братством. Кто-то станет Хасидом, кто — то станет монахом Дзен, кто-то станет Тибетским ламой, и кто-то станет Суфием, кто-то придет через затворничество в тишине, кто-то придет, танцуя — но в центре все встречаются в глубоком братстве.

Я знаю, что это очень трудно. Если вы выберете двух Мастеров, то вы будете существовать в конфликте. Никогда не выбирайте двух Мастеров, — одного вполне достаточно, более чем достаточно.

Когда Мулла Насредин умирал, то он призвал своего сына, попросил его подойти к нему поближе и сказал ему:

— Сын мой, я должен сказать тебе одну вещь — даже несмотря на то, что я знаю, что ты не будешь меня слушать, потому что я сам не слушал своего собственного отца, когда тот умирал. Он сказал мне: «Насредин, не увлекайся женщинами слишком сильно». Но я не мог сопротивляться; искушение было слишком велико. И я увлекся одной женщиной, другой женщиной... — Он сам женился на девяти женщинах, максимальном количестве женщин, на котором Коран разрешает жениться.

И он сказал:

— Я создал ад. Я много страдал. Я знаю, что ты не будешь слушать меня, но все же я говорю это, потому что теперь я ухожу и больше не будет никакой возможности сказать это тебе. Я знаю, что ты будешь влюбляться в женщин, но по крайней мере запомни одну вещь: «Сын мой, только однажды, один раз. И, по крайней мере, сильно».

Если вы влюбляетесь в двух женщин одновременно, то что это означает? Это показывает, что у вас раздвоение личности. Вы шизофреник, вы не один, вас двое. Если вы влюбляетесь в трех женщин одновременно, тогда вас трое. Существуют люди, которые влюбляются в любую женщину, которую они видят. Они влюбляются в каждую проходящую. Каждая женщина для них является объектом любви. Их толпы. Вы можете посчитать, сколько людей живет в вас, пересчитав всех женщин, в которых вы влюблены одновременно. Это очень красивый способ определить, сколько людей живет в вас одновременно, очень простой критерий.

Но любовь к одной женщиной делает вас единым, дает вам согласие, вы становитесь цельной натурой. Вы становитесь нормальными, потому что тогда нет никакого конфликта.

Я слышал.

Невеста и жених зашли в лифт в отеле, и хорошенькая девушка, обслуживающая лифт, сказала:

— Привет, мой сладкий, — обращаясь к жениху. Ни слова не было произнесено до тех пор, пока парочка не поднялась до своего этажа, и тогда невеста воскликнула:

— Что это за нахальная девка?

— Я тебе все объясню но только не сейчас, — сказал жених, совершенно смущенный. — Завтра у меня будет достаточно проблем, когда мне придется объяснять ей, почему я с тобой.

Даже любить одновременно двух разных женщин опасное занятие — но любить двух Мастеров — в миллион раз более опасное занятие. Потому что любовь женщины может быть только любовью тела, так что

дух идет далеко позади. Или максимум, — любовь женщины может быть любовью ума, и дух также остается позади. Но любовь к Мастеру принадлежит душе и если вы влюбляетесь одновременно в двух Мастеров, то ваша душа разделится, вы будете полностью раздроблены, вы начнете распадаться на части, вы не будете способны остаться цельным. Вы просто потеряете все очертание и всю форму, всю целостность. Вся суть того, чтобы быть с мастером в том, чтобы соединиться с ним.

Однажды вы влюбляетесь в Мастера: останьтесь. Я не говорю оставаться с ним, даже когда вы разочаровались. Когда вы разочаровались, то он не является больше вашим Мастером, тогда нет никакой точки соприкосновения для того, чтобы остаться с ним. Тогда ищите другого.

Но никогда не будьте с двумя Мастерами в вашем разуме одновременно. Будьте решительными относительно этого — потому что такое решение это не обычное решение, оно очень важное. Оно будет решать все ваше существование, его качество, его будущее.

Третий вопрос: *Любимый Багван, вы действительно опасны. Вы говорите нам, что хотите разбить наши дома так, чтобы мы могли войти в ваш дом, но я видел его. В вашем доме нет никакого пола, никаких стен, никакого потолка. Так что я продолжаю смотреть с крыльца, оцепеневший как столб, боясь быть втянутым внутрь.*

Это правда. Все мое усилие состоит в том, чтобы заманить вас; заманить вас туда, куда вы никогда не желали попасть.

Ученик и Мастер сосуществуют в великом конфликте; происходит великая борьба. И ученик может победить только, если он неудачник. Если Мастер побеждает, то ученик наслаждается, он очень счастлив. Борьба существует потому, что ученик пришел к Мастеру по ложным причинам — возможно он пришел, чтобы найти некоторый вид духовного эго. Он потерпел неудачу в жизни; деньги, власть, престиж, респектабельность, успех на рынке, амбиции в политическом мире — он потерпел там неудачу. Он не смог достигнуть самого пика своего эгоистического путешествия: он не смог стать президентом или премьер-министром — теперь жизнь выскользнула из его рук, а он хочет быть кем — то. Это очень, очень неудобно остаться никем.

В результате люди начинают искать и попадают в область религии. Там все кажется более простым. Там кажется проще достигнуть некоторого эго, определенной кристаллизации эго. По крайней мере вы можете стать саньясином очень просто. И вы можете почувствовать себя великим. Вы можете почувствовать, что вы стали особенным.

Так называемые религиозные люди пробуют достигнуть чего-нибудь такого, чего они не были способны достигнуть в мире — иногда они пробуют этого добиться через суровость, аскетизм. Кто — то быстро в течение дней становится особенным — нигде больше такое невысказано.

Он может быть мазохистом, он может истязать сам себя — он может. Или он может быть самоубийцей. Он может. Но он начинает получать отклик от людей — он великий махатма. Он постится так много: он против тела, он против комфорта. Он может лежать на ложе из шипов, или он может стоять годами. Или он может сидеть на столбе в пустыне годами — сидя там на столбе. Очень неудобно. Он не может спать, он не может отдыхать — но тогда он привлекает людей. Неожиданно он стал очень важным. Даже те премьер-министры и президенты, которыми он хотел стать и потерпел при этом неудачу, начинают приходить к нему, потому что они думают, что если такой великий аскет может благословить их, то они смогут приобрести в мире большой вес. Он чувствует себя весьма удовлетворенным. Теперь это сверх удовлетворено. Даже короли и премьер-министры и президенты приходят к нему.

Ученик приходит по ложным причинам. Или ученик приходит для того, чтобы достигнуть определенного сорта умиротворения, потому что он находится в большой суете. Почему он хочет достигнуть мира? Он хочет достигнуть мира так, чтобы он смог удовлетворить свои амбиции наилучшим способом.

Всем недавно я рассматривал рекламу Махариши Махеш Йоги Трансцендентальной медитации. Она обещает все: хорошую работу, профессионализм, здоровье, умственном здоровье, физическом здоровье, долголетие; все, что человек может только пожелать, она обещает. Это длинный список. Экономические, духовные, социальные, физические, психологические — все выгоды — только сиди в течение двадцати минут и повторяй что-нибудь глупое. Кока-кола, кока-кола или что-нибудь вроде этого.

Так просто! Вот почему говорится, что вы не должны говорить вашу мантру кому-то еще — иначе они будут смеяться! Это должно сохраняться в тайне. Если вы скажете ко-му-то, что я повторяю кока-кола, кока-кола, то они подумают, что вы сошли с ума. Так что мантра должна сохраняться в абсолютной тайне. Вы будете хранить ее всегда, потому что она будет выглядеть совершенно абсурдно, если об этом рассказать кому-то еще.

Только двадцать минут повторения какого-то совершенно абсурдного слова и вы получаете так много пользы? Это немедленно заинтересовывает средний ум. Трансцендентальная медитация Махариши Махеш Йоги не медитация и она не трансцендентальна; это просто попытка эксплуатировать простаков, эксплуатировать людей, которые всегда что-то ищут и разыскивают; ищут панацею, ищут исцеление.

Когда вы приходите к настоящему Мастеру, то он говорит, что не существует никакого средства, он говорит, что не существует никакой панацеи. И он не скажет, что он сделает вас умиротворенными и здоровыми, и еще это и то, и тогда вы сможете войти в мир и ваши усилия, благодаря вашим амбициям, станут более эффективными. Нет, он будет говорить, что вы находитесь в возмущенном состоянии, что вы

находитесь в суматохе из-за амбиций. Отбросьте амбицию. Настоящий Мастер может только обещать вам, что он уберет вашу амбицию, что он уничтожит ваше эго. Он может только обещать, что он уничтожит вас. Вы пришли, чтобы быть защищенными, вы пришли, чтобы достичь определенной безопасности, вы пришли, чтобы найти определенные опоры, по настоящий Мастер — тот, кто отберет все ваши опоры, — опору за опорой, прочь от вас. Однажды вы просто сколлапсируете. И в самом этом разрушении, из пепла возникнет новое бытие. Это новое бытие не имеет ничего общего с вами. Эта новое бытие настолько ново, что оно порывает с вами. В нем нет никакого прошлого, в нем нет будущего, в нем только чистое присутствие, здесь и сейчас.

Вопрос от Кришны Радхи. Она права. Я действительно опасен. Да, это так. Так что остерегайтесь меня. И если вы сможете уйти вовремя, то хорошо. Иначе как долго сможете вы торчать на крыльце? Если вы взойшли на крыльцо, то это не очень далеко и до дома.

И крыльцо также воображаемое, потому что в доме нет никакого пола, никакой крыши, никакой стенки — как может такой дом иметь крыльцо? Только подумайте об этом. Крыльцо просто мнимое.

Я помогаю вам увидеть крыльцо, так что вы сможете по крайней мере войти на крыльцо — тогда путешествие становится проще. Я иногда обещаю вам вещи, которые вы просите, просто для того, чтобы помочь вам побыть здесь подольше. Весь ваш ум будет говорить вам снова и снова, что вы просили о дурацких вещах. И тогда однажды, внезапно, вы найдете, что крыльцо исчезло и, правильно: Ведь дом никогда не существовал.

Но дом, в котором нет никаких стен и никакой крыши и никакого пола, это дом Бога — потому что само небо его крыша, и сама земля его пол, и отсутствие границ это его граница.

Да, я не тащу вас в какой-то дом, который имеет границы, потому что тогда дом будет просто снова другим заключением, он будет другой тюрьмой. Возможно немного более удобной, немного больше приукрашенной, возможно немного более новой и построенной в более современном стиле, но все же тюрьмой.

Мой дом — дом свободы. Именно такой, как говорит Радха Кришна. В вашем доме нет ни пола, ни стен, ни потолка, так что я смотрю с крыльца, ухватившись за столб. Смотрю снова. Столба нет.

Вы верите в столб, потому что вы хотите за что-то ухватиться. Присмотритесь снова. Откройте ваши глаза. Не существует никакого столба и не существует никакого смысла в захвате. Расслабьтесь. Отпустите себя. И внезапно вы исчезаете, и вы становитесь бесконечностью, вы становитесь пространством. Вот что такое Бог — пространство без границ.

Мой дом это дом Бога, это не искусственный храм.

Я слышал анекдот.

Двое служащих выпили один или два раза в баре в центре города после трудового дня. Один предложил по третьей, но друг отказался, говоря, что он лучше пойдет домой и объяснит все своей жене.

— Объяснишь что? — спросил друг.

— Откуда я знаю? Я ведь еще не дома.

Не стойте в подъезде. Вы ничего не узнаете, стоя в подъезде. Идите домой. Исчезните в этой бесконечности, которую я делаю доступной для вас. Только тогда вы узнаете. И тогда не будет никакой потребности в каком-либо объяснении, никакой потребности в какой-то теории, в каком-то совершенствовании — потому что непосредственный опыт — само-очевидное доказательство. До сих пор вы жили в маленьких домах и маленьких темных тюремных камерах, и вы не можете предположить, что можно жить в такой абсолютной свободе. Вы потеряли способность быть свободными.

Эта способность должна быть повторно получена, эта способность должна быть восстановлена. Я здесь ни для того, чтобы ограничить вас, я здесь ни для того, чтобы давать вам принципы, все мое усилие направлено на то, чтобы дать вам жизнь без принципов, спонтанную жизнь, без ограничений. Единственный дар, который я могу дать вам, — это свобода. И у свободы нет никаких границ, — она также бесконечна, как небо. Требуйте все небо — все оно ваше.

Пятый вопрос:

Кто станет лучшим учеником: обученный дурак или безграмотный дурак? И для интеллигенции, пожалуйста, объясните ваш афоризм: Благословенные дураки.

Я не вижу интеллигенции здесь — за исключением благословенных дураков. Возможно задающий вопрос может являться исключением — Пандит Свами Йога Чинмайя. Он может быть исключением. Но я не вижу кого-то еще из интеллигенции здесь.

Есть очень странное высказывание Магомета — рай обычно заселен дураками. Когда я встретился с этим высказыванием, то я был очень удивлен. Я никогда не ожидал, что Магомет был настолько революционен. Грандиозное высказывание! Что он подразумевает под этим — под тем, что рай обычно заселен дураками? Но раз за разом, всматриваясь в вас, я чувствовал, насколько он был прав! Здесь все также занято дураками.

Позвольте мне объяснить вам, сколько есть типов дураков. Первый: тот, кто не знает, и не знает, что он не знает. Просто дурак. Затем второй: тот, кто не знает, но знает, что он знает. Сложный дурак, ученый дурак. И третий: тот, кто знает, что он не знает — благословенный дурак.

Каждый рожден как просто дурак — это «простака». Каждый ребенок просто дурак. Он не знает, что он не знает. Он еще даже не осознал возможности знания — это Христианская притча об Адаме и Еве.

Бог сказал им: «Не ешьте яблока с дерева знания». До того случая, как они съели плод дерева знания, они были просто дураками. Они не знали

ничего. Конечно, они были чрезвычайно счастливы, потому что, когда вы не знаете ничего, то трудно быть несчастными. Несчастье нуждается в небольшом обучении; несчастье нуждается в небольшом усилии для его создания; несчастье нуждается в небольшой технологии. Вы не можете создать ад без знания. Как можете вы создать ад без знания?

Адам и Ева были подобны маленьким детям. Каждый раз дети рождаются подобными Адаму. И он живет в течение нескольких лет — максимум четыре года, в то время как его становится все меньше и меньше с каждым днем. Он живет в раю, потому что он не знает, как создать несчастье. Он доверяет жизни; он наслаждается маленькими вещами — камешками на берегу или морскими раковинами. Он собирает их, как будто он нашел сокровище. Обычные цветные камни напоминают кохиноры. Все очаровывает его — капли росы в утреннем солнце, звезды ночью, луна, цветы, бабочки — все притягательно.

Но затем и он начинает узнавать: бабочка это только бабочка, цветок это только цветок. В этом нет ничего большего. Он начинает узнавать имена: это роза, а это чамра, а это чамели, а это лотос. И эти имена становятся барьерами. Чем больше он знает, тем больше он выключен из жизни. Он становится «головным». Теперь он живет головой, не через сущность. Вот в чем смысл падение. Он вкусил от дерева познания.

Каждый ребенок должен вкусить от дерева познания. Каждый ребенок настолько прост, что он должен стать сложным — это часть его роста. Так каждый ребенок шагает от простой глупости к сложной глупости. Есть различные степени сложной глупости — некоторые люди только поступают в высшее учебное заведение, некоторые люди становятся дипломированными специалистами, некоторые становятся кандидатами, некоторые докторами и профессорами — существуют степени. Но каждый ребенок должен вкусить какое-то знание, потому что искушение познанием весьма велико. Что — то, остающееся неизвестным, становится опасным, опасностью. Требуется узнать, потому что при приобретении знания об этом, мы будем способны справиться с ним. Без знания, как мы собираемся справиться с этим? Так каждый ребенок обязан стать хорошо осведомленным человеком.

Так что первый тип дурака неизбежно должен стать вторым типом дурака. Но из второго третий может произойти или может не произойти, это не обязательно. Третий возможен только тогда, когда второй тип дурака стал великой ношей — он стал нести настолько много знания, максимальное значение; он стал только головой и потерял всю чувствительность, все понимание, смысл жизни; он стал только теориями и священными писаниями, и догмами, и словами. словами вокруг своего ума. Однажды, если человек осознает эту ситуацию, то он должен отбросить все это. Тогда он становится третьим типом дурака — благословенным дураком.

Тогда он достигает второго детства; он заново рождается. Помните высказывание Иисуса: «В Царство Божие будут приглашены только те, кто подобен маленьким детям». Но не забудьте, что он говорит «подобно

маленьким детям», что он не говорит «маленькие дети». Маленькие дети не могут войти; они должны войти через мир, они должны быть отравлены миром, и затем очистить сами себя. Этот опыт должен присутствовать.

Так что он не говорит: «Маленькие дети», а он говорит те, кто подобны маленьким детям. Это слово «подобно» очень важное. Оно означает тех, кто не ребенок и однако подобен ребенку. Дети это святые, но их святость следует из того, что они еще не испытали искушения грехом. Их святость очень проста. В ней нет никакого веса, потому что они не заслужили ее, они не работали для этого, они еще не были соблазнены. Искушения приходят рано или поздно. Будет тысяча и одно искушение, и ребенок будет стремиться в разных направлениях. Я не говорю, что он не должен идти по тем направлениям. Если он запрещает себе, удерживает себя от продвижения, то он останется всегда первым типом дурака. Он не станет частью царства Иисуса, он не способен будет заселить рай Магомета — нет. Он будет просто оставаться невежественным. Его невежество не будет ничем, кроме подавления, оно не будет необременительно.

Сначала он должен достигнуть знания, сначала он должен грешить, и только после греха, и знания, и отрицания Бога, и прохода сквозь дикий мир, блуждая, живя с собственным эго, он становится способным однажды отбросить все это.

Не каждый будет способен отбросить все. Все дети продвигаются от первого типа дурака до второго, но от второго только несколько благословенных достигают третьего — следовательно они называются благословенными дураками.

Благословенный дурак — самая большая степень понимания, потому что он пришел к пониманию того, что знание бесполезно, он пришел к пониманию того, что все знание это барьер к знанию. Знание — барьер к знанию, так что он отбрасывает знание и становится чистым знающим. Он просто достигает ясного видения. Его глаза свободны от теорий и мыслей. Его ум — больше не ум, его ум это просто интеллигентность, чистая интеллигентность. Его ум больше не захлавлен мусором, его ум больше не связан с заимствованным знанием. Он просто сознает. Он — пламя осведомленности.

Тетуллиан разделил знание на две категории: одну он называет неосведомленное знание — это вторые дураки, неосведомленное знание. Ученый муж знает и не знает потому, что он не знает этого в качестве своего собственного опыта. Он слушал, запомнил; он попугай, в лучшем случае — компьютер.

Только вчера я получил письмо от саньясина Нинада из Америки. Он говорит: «Багван, я очень счастлив. В офисе, где я работаю, компьютер каждое утро встречает меня. Компьютер говорит: «Свами, Намасте».» Теперь он очень счастлив. И он знает хорошо, что это компьютер, который говорит: «Свами, Намасте». Нет никого. Но даже слово делает

его счастливым. Он знает, что это только машина — никого нет, в ней нет никакого сердца. Никто не говорит.

Когда ученый муж говорит что — нибудь, то он — компьютер. Он говорит: «Свами, Намасте». Это похоже на попугая. Тетуллиан говорит, что это знание в действительности не знание, а невежество в одеянии знания, невежество, замаскированное под знание. Это падение, падение из детской невинности. Это искажение. Это искаженное состояние ума. Хитрое, умное, но искаженное.

Затем Тетуллиан говорит, что есть другой тип знания, которое он называет «знание невежества». Это когда человек отбрасывает все знание, теории, смотрит непосредственно, изучает жизнь такой, как она есть, не несет никаких идей об этом, позволяет реальности быть такой, какая она есть, встречается реальность непосредственно, прямо, без прямых знаний о ней; позволяет тому, что есть, цвести. Он просто слушает реальность, смотрит на нее и говорит: «Я не знаю». Он ребенок; Иисус говорит о таких как он — он не ребенок, но подобен ребенку.

И я говорю: «Да, есть благословенные дураки, потому что они должны наследовать все благословение Бога». Переход от первого ко второму осуществляется автоматически: от второго к третьему — не автоматически. От второго до третьего нужно решиться на скачок — вот что такое саньяса. Вы решаете, что у вас есть достаточно знания; теперь вы хотели бы снова быть невежественными, вы хотели ли бы родиться заново, повторно родится. Я акушерка. Я могу помочь вам стать дураками.

И помните, если вы не достигли третьей степени, то вся ваша жизнь это простая трата времени.

Адам не повиновался Богу. Каждый Адам должен не повиноваться. Адам лишился милости. Каждый Адам должен пасть. Адам вкусил плод древа знания. Каждый Адам должен стать знающим, это естественный процесс. Я знаю тысячами притч, но нет ни одной, которая может сравниться с этой притчей о падении Адама. Это наиболее поучительная притча из всех. Именно поэтому я возвращаюсь к ней снова и снова, и она продолжает открывать все новые значения.

И когда Адам превратился в Христа, то он стал третьим типом дурака. Христос — третий тип дурака — благословенный дурак. Что Адам делал, то Христос разрушил. Христос возвращается обратно в великом повиновении, невинности.

Раввины, Еврейские религиозные люди, священники Иерусалимского храма, — они были учеными дураками. Они не могли терпеть Иисуса. Ученых дураков всегда возмущали благословенные дураки. Они должны были убить его, потому что даже его присутствие было неудобно; его присутствие было такой вершиной мира, любви, сострадания и света, что все ученые дураки осознали, что все их существование находится под угрозой. Если этот человек жил, то тогда они были дураками и единственный способ избавиться от этого человека

состоял в том, чтобы разрушить его настолько, чтобы они смогли бы снова стать учеными мужами своего народа.

Сократ был убит хорошо образованными людьми; Мансур был убит другими хорошо образованными людьми. Всегда возникал великий конфликт, когда третий тип дураков возникает в мире. Все ученые мужи собираются вместе; все их дело находится под угрозой. Все, что они знают этот человек объявляет глупостью. И они также знают в глубине своего сердца, что это действительно глупость, потому что это не приносит никакой личной выгоды. Никакого наслаждения, никакого благословения от этого нет. Они такие, какими они были всегда — знание не затронуло их сердец, не стало преобразованием всего их существа. Они знают об этом в глубине сердца, именно поэтому они становятся более непримиримыми. Они хотят уничтожить таких людей, потому что против такого человека они никто. Без Иисуса они были великими священниками храма; с Иисусом внезапно они стали никем. При появлении Иисуса появился сам Бог, и все священники почувствовали, что всю их славу у них забрали.

От второго до третьего только очень храбрые люди совершают скачок. Это скачок в неизвестность. Религия только для самых храбрых, фактически для безрассудных людей. Она не для трусов.

Несколько анекдотов....

Один старичок любивший выпить, очень обученный и начитанный, предстал перед лицом правосудия за свою пагубную привычку в городке где он жил.

— Вас обвинили в пьянстве и нарушении порядка, — констатировал судья. Можете ли вы привести какую-нибудь причину в свое оправдание?

— Человеческая бесчеловечность заставляет человека тысячи раз страдать, — начал заключенный в порыве красноречия. Я не такой разбойник, как По, не такой распутник, как Байрон, не такой неблагодарный, как Китс, не такой невожатый, как Бернс, не такой робкий, как Теннисон, не такой вульгарный, как Шекспир, не такой...

— Достаточно, — прервал судья. — Девяносто дней — и, офицер, перепишите всех, перечисленных им, и посадите их на такой же срок. Они такие же, как и он.

Здесь судья — это первый тип дурака, а осужденный — второй тип дурака. И земля

обычно населена этими двумя типами дураков. Третий тип — Иисус, Будда — редко встречается.

Индийский термин для обозначения дураков — буддху — происходит от Будды. Когда Будда отказался от своего королевства, и многие, многие люди начали следовать ему, то вся страна была в смятении. Люди начали говорить другим: «Не будьте буддху, не будьте дураками, не идите за этим человеком». Люди начали называть тех, кто последовали за Буддой, буддху.

Он буддху, он дурак, потому отказался от королевства.

Кто еще отказался бы от королевства? Люди страстно желают, мечтают о королевстве, а он отказался от него — он должно быть дурак.

Третий тип — очень редкое явление. Но оно случается. И если вы достаточно храбры, вы можете совершить прыжок.

Второй анекдот.

Когда — то один водитель рассказал мне, что он сделал лучшее, на что был способен, а я ответил, что это было не достаточно хорошо, и как только я оставил этого товарища, как в этот самый миг полицейский остановил его и начал выписывать квитанцию.

— Офицер, — возразил водитель с негодованием, — Я не превышал скорости! Здесь разрешено ехать со скоростью пятьдесят миль в час, а я ехал со скоростью только сорок.

— Я знаю, — объяснил полицейский, — но я не могу догнать тех, кто действительно едет быстро.

Третий тип дурака очень быстр. Где боятся ходить ангелы, там он идет беззаботно. Третий тип дурака очень быстр, именно поэтому я называю его действие прыжком в неизвестность. Третий тип дурака мчится мужественно и решительно. Второй тип дурака не настолько храбр. Он продолжает собирать кусочки отсюда и оттуда. У него не настолько много мужества или скорости. Он скорее позаимствует знание, чем приобретет свое, он заимствует знание. Такой путь более дешев, и он может приобретать знание оптом.

Если вы хотите познать реальность непосредственно, то это очень трудно. Это требует полного самопожертвования. Второй тип дурака только пытается добраться до некоторого предела. Предел это следующее: если он может получать знание по дешевке, то он готов, но если есть что — нибудь угрожающее, то тогда он возвращается обратно.

Будьте храбры. Если у вас нет бесконечного мужества, то вы не будете способны стать третьим типом, благословенным дураком.

И последний анекдот.

Обычно никто не остается в первом состоянии, которое есть только теория. Каждый должен пройти через него, разница только в степени, в количестве, но не в качестве. Так что люди почти всегда находятся во второй категории. От второй до третьей: Везде помните это правило....

Не будьте закрытым сознанием. Будьте подобны старой деве, которая поймала грабителя в своей комнате. Он упрасивал ее:

— Пожалуйста, леди, позвольте мне уйти. Я не сделал ничего плохого.

Старая дева ответила ему:

— Ничего, учиться никогда не поздно.

И вот что я хотел бы сказать вам. Если вы находитесь во второй категории, если вы думаете, что вы интеллигенция, тогда никогда не

поздно научиться. Знаний, которыми вы обладаете, достаточно, теперь научитесь познанию.

Знания покрывают ум подобно пыли, собирающейся на зеркале. Знания это не познание — познание это полностью другое качество и другой вкус. В нем есть аромат знаний.

Позвольте мне сказать вам различие. Знание означает, что вы собираете информацию, опыт, систематизируя, запоминая; познание означает, что вы уже не собираете ничего, вы просто остаетесь доступными тому, что случается или собирается случиться. Познание это состояние открытого сознания. Чем больше вы знаете, тем больше вы становитесь закрытыми, потому что тогда вы не можете убежать от знания, которое у вас есть, оно всегда проявляется.

Если вы прислушиваетесь ко мне и вы хорошо образованный человек, ученый муж, тогда вы не можете слушать меня непосредственно, прямо. Вы не можете слушать меня. В то время как я говорю, глубоко внутри себя вы судите, оцениваете, критикуете — нет никакого диалога, есть дебаты. Вы можете выглядеть молчаливыми, но вы не молчаливы, ваше знание автоматически вращается. Оно разрушает все то, о чем я говорю. Оно искажает. И все, что достигает вас, это не подлинно, — все, что достигает вас это только то, что ваше знание разрешает достигнуть вас.

Обучающийся ум это такой ум, который слушает внимательно без оглядки на прошлое, который остается открытым, подобным зеркалу, который просто отражает что бы то ни было. Если вы начинаете обучаться, то вы достигнете знания. И знание поможет вам увидеть, что вы не знаете ничего. Человек, который пришел познать в действительности, становится осознающим свое невежество — он знает, что он не знает. В этом знании — невежество это мутация, преобразование, революция.

Так совершите прыжок из второго состояния глупости к третьему состоянию благословенного дурака. Я благословляю тех, кого можно назвать благословенными дураками.

Глава 5 Крестьянская мудрость

Раввин Висакар Баер встретил старого крестьянина из деревни Олешни, которого знал еще в молодости.

Не зная о его высоком положении, крестьянин окликнул его: — Баер, что у тебя новенького?

— А у тебя? — спросил раввин.

— Хорошо, — ответил тот, — я скажу тебе.

Того, что ты не приобретаешь благодаря собственной работе, у тебя нет.

С того времени, всякий раз, когда раввин Баер говорил о жизни, он добавлял: «Старик из Олешни сказал: «Того, что ты не приобретаешь благодаря собственной работе, у тебя нет».

У сознания два измерения: одно — это иметь, и другое — это быть. И существуют только две категории людей: одни борются за то, чтобы иметь все больше и больше, и другие — те, кто понял тщетность этого и изменил свою жизнь на другое направление, в направлении бытия. Эти люди пробуют узнать, кто они.

В мире «иметь» вы только верите, что у вас что-то есть, но в действительности у вас нет ничего. Вы приходите ни с чем, и вы уходите ни с чем. И все, что происходит в промежутке между этим подобно сну. Это похоже на правду, когда это есть, это кажется реальностью, но когда это уходит, — вы понимаете, что в действительности ничего не произошло. Действительность осталась незатронутой вашей мечтой. Мир «иметь» это ничто, это только мир мечты.

Религиозный человек — тот, кто осознает тщетность всего этого. Вы не можете иметь что-нибудь еще, за исключением вас самих. И все, что вы имеете, за исключением вас самих, это обманом. Это иллюзия. И, фактически все, чем вы владеете, владеет вами больше, чем вы им. Владеющий в конце концов становится тем, чем владеет. Вы думаете, что вы владеете стольким — драгоценности, власть, деньги — но на самом деле вами владеют все эти вещи, вы в клетке, прикованы цепью, заключены в тюрьму этими вещами.

Посмотрите на богатых людей. Они не владеют богатством — они также бедны, как и любой другой бедный человек в мире, они нищие, как любой другой нищий. Фактически, чем бы они не владели, это владеет ими. Они обременены этим.

Итак первая вещь, которую нужно понять, состоит в том, что существуют две двери: иметь и быть. Если вы затерялись во сне «иметь», то вы находитесь в мире. Вы можете сидеть в пещере в Гималаях, разницы нет — мир все еще там, потому что мир находится в самом желании обладать. И никто еще когда-либо не обладал чем-нибудь.

Только одной вещью можно обладать, и она у вас уже есть — вы сами, ваше собственное сознание. Но чтобы иметь его, нужно тяжело работать. Вы не сможете получить это легко. Сначала вы должны будете развязаться с миром «иметь». Это будет подобно смерти, потому что вы с этим отождествлялись — вы это ваш автомобиль, ваш дом, ваш счет в банке. И когда вы начинаете пробуждаться от этого сна, вы начинаете чувствовать, как будто бы «я» исчезает, потому что то, с чем вы отождествлялись, начинает исчезать. Одно отождествление исчезает, одна часть вас исчезает. Остается лишь пустота.

Когда все ваши отождествления исчезают, и вы просто брошены, то остается только чистое пространство — чистое как сама жизнь, такое же чистое, как смерть. Ничего более. Это ваша сущность. Только этой сущностью и можно обладать, потому что она уже там. Вы можете

обладать только этим, оно уже там, вы не можете обладать чем-нибудь еще. Все желания это желания тщетного. Они ведут только к огорчению.

Обычно, даже когда люди становятся религиозными, они продолжают думать в терминах «иметь» — обладание раем или обладание удовольствиямирая — но они продолжают думать в терминах «иметь». Их рай это ничто иное, как их запрограммированное желание обладать всем. Все, что они упустили здесь, они хотели бы иметь в следующей жизни. Но это то же самое желание. Действительно религиозный человек это тот, кто осознал всю тщетность желания, невозможность иметь что-то в этом или в другом мире. Вы можете обладать только собой. Вы можете быть хозяином только вашего собственного бытия. Если вы не пытаетесь добиться этого.... Это тяжелая работа, и здесь нет кратких путей, ее нельзя сократить; несмотря на то, что говорит Тимоти Лири, здесь нет кратких путей. Лекарство, наркотики не способны помочь вам в этом. Это очень дешево, это очень хитро. Это химический обман. Вы хотите добраться до самой сути вашего внутреннего бытия без какого-либо усилия. Это просто обман. Без всякого труда вы хотите завладеть этим.

Когда Махавира обладает этим, то он работал для достижения этого весьма интенсивно; когда Баал Шем обладает этим, то он работал очень тяжело для достижения этого. Он пожертвовал всем своим существом для достижения этого. Все его бытие стало молитвой, преданностью, жертвой божественному. Его нет здесь, он просто полностью отдал всего себя. Тогда он обладает. Или Кабир или Заратустра... Они все прошли тяжелый путь. Тяжелый путь — единственный способ. Нет никаких кратких путей.

Но человек всегда пробовал изобретать упрощенные пути, многими способами. Наркотик это последнее изобретение хитрого человеческого ума. Просто глотая таблетку или делая себе укол вы думаете, что вы можете стать Буддой, выдумаете, что вы можете достигнуть благодаря этому всеобщего обладания вашей сущностью. Вы просто станете зависеть от наркотика, а не станете хозяином вашей сущности. Теперь будет возникать страстное желание принять наркотик — все больше и больше, опять и опять. Большие и большие количества будут необходимы. Скоро вы превратитесь в развалину, скоро вы превратитесь в пустыню, скоро вы будете покинутыми всем, что было красивым, правдивым, всем божественным. Но соблазн существует. Человеческий ум думает, что он сможет найти некий короткий путь.

Вы можете вспомнить отдельные сны. В этих снах, если вы путешествуете в поезде, то вы проезжаете много станций. Вы в Лондоне, и затем, внезапно, вы в Токио — вы проскакиваете все путешествие. Неосознанность страстно желает коротких путей. В мечтах это решается просто, но в реальной жизни это невозможно — вы не можете избежать никакой стадии, и вы не можете пропустить никакой станции на пути. Как бы быстро вы не шли, нет никакого способа пропустить что-нибудь.

Быстрее или медленнее, нет никакого значения. Но вы должны пройти весь путь полностью, и вы должны пройти тяжелый путь.

Наркотики всегда соблазнительны для человека. В этом нет ничего нового. Это также старо как человек — в ведах использовали сому. В Индии продолжали использовать наркотики на протяжении столетий — чарас и гашиш, и опиум — они пробовали все. Теперь безумие распространяется по всему миру. Сейчас люди пытаются найти упрощенный путь — очень легкий и дешевый — которым вы сможете овладеть, если вы можете глотать. Самадхи нельзя проглотить. И Бог это не химический феномен; вы должны заслужить его, только тогда вы можете завладеть им.

Есть и другие — существуют также другие методы. Не только наркотики, которые сокращают путь, есть также и другие методы. Они все гарантируют вам, что в результате очень небольших усилий, фактически без усилий вообще, вы сможете достигнуть цели — например, — пойте мантру несколько минут каждый день. Пение мантры сможет только притупить ваш ум; любое повторение притупляет ваш ум, делает вас глупыми и тупыми. Если вы просто продолжаете петь мантру, то это уничтожает вашу чувствительность, это создает скуку, это приносит дремоту в ваше сознание — вы становитесь скорее бессознательным, чем сознающим, вы начинаете соскальзывать в сон. Матери всегда знали, что когда новорожденный беспокоен и не может заснуть, то они должны спеть колыбельную. Колыбельная это мантра. Мать повторяет что-нибудь снова и снова, и ребенок чувствует скуку. Постоянное повторение создает монотонную атмосферу. Ребенок не может никуда уйти — мать сидит у кровати и повторяет колыбельную. Ребенок не может уйти; ребенок не может сказать: «Перестань!» Он должен слушать. Единственная возможность избежать скуки — это заснуть. Так он пробует избежать этой колыбельной и избежать матери.

Мантра работает так же: вы начинаете повторять определенное слово и создаете монотонное состояние для самого себя. Любая монотонность убийственна; любая монотонность оглушает вас, разрушает остроту вашего мышления.

Это пробовали многими способами. В старых монастырях всего мира — Христианских, Индуистских, Буддистских — во всех монастырях пробовали один и тот же прием только в большем масштабе. Жизнь монастыря стандартна, полностью регламентирована. Каждое утро вы должны встать в три или пять часов утра, и начинается тот же самый круг. Затем вы должны продельвать одно и то же действие весь день в течении всей вашей жизни. Это распространяет мантру на всю вашу жизнь, делая ее рутинной.

И раз за разом, делая одну и ту же вещь снова и снова, человек становится подобен сомнамбуле. Бодрствует ли он или спит нет никакой разницы, — он может просто продолжать делать пустые жесты и пустые движения. Он теряет все различие между сном и бодрствованием.

Вы можете пойти в старые монастыри и понаблюдать монахов, прогуливающих словно во сне. Они стали роботами. Между тем, когда они встают утром и когда они отходят ко сну, нет никакого различия — пространства накладываются друг на друга. И изо дня в день все одинаково. Фактически, слово «монотонность» и слово «монастырь» происходят из одного корня. Они оба означают одно и то же.

Вы можете создать такую монотонную жизнь, в которой интеллект не нужен. Когда интеллект не нужен, то вы становитесь унылым. И когда вы становитесь унылым, конечно вы начинаете чувствовать какой-то мир, какое-то спокойствие — но оно не реальное, это псевдореальность. Реальная тишина живая, трепетная. Реальная тишина позитивна; она включает в себе энергию, она интеллектуальна, осознающая, полна жизни и интереса. Она заражает энтузиазмом.

Ложная тишина, псевдо тишина, это просто тупость. Вы можете видеть это. Если перед вами глупый человек — идиот, слабоумный — то вы почувствуете некоторую тишину вокруг него: это та же самая тишина, которую вы можете почувствовать на кладбище. Он создает пространство скуки вокруг себя. Он кажется безразличным к миру, отрешенным от всего, не связанный ни с чем; он сидит подобно большому комку грязи. Нет никакой вибрации жизни, какой-либо энергии; нет ничего, бегущего вокруг него. Это не реальная тишина. Он попросту глуп.

Когда вы подходите близко к Будде, то он тих из-за его интеллигентности, он тих из-за его осознанности: он тих, не потому, что он принудил себя быть тихим, он тих просто потому, что он понял бессмысленность бытия, которое нарушается каким — либо способом. Он тих, потому что понял, что нет никакого смысла в бытии, которое взволновано и нет никакого смысла в напряженном существовании. Его спокойствие исходит из понимания. Оно переполнено пониманием. Когда вы подходите близко к Будде, то вы ощутите полностью другой аромат — аромат сознания.

И вы не только почувствуете свежесть, легкий ветерок вокруг него, вы почувствуете, что вы также стали более живыми, пылающим. Просто при близком приближении к нему, ваша собственная внутренняя сущность начинает светиться; лампа начинает гореть внутри вас. Когда вы совсем рядом с ним, почти слились, то вы внезапно чувствуете, что вы больше не подавлены. Его присутствие вытаскивает вас из грязи, в которую вы совершенно погрузились. Его присутствие приподнимает — вы почувствуете жизнь, любовь, сострадание, красоту, реальность.

Человек, который продолжает петь мантру и жить монотонной жизнью, как запрограммированный, — это мертвец; он просто жестикулирует и движется, потому что он должен это делать. И он делал те же самые вещи так много раз, что нет никакой потребности тревожиться о них, он может делать это даже во сне. Он стал очень эффективным в этом, но его эффективность просто означает, что он стал машиной. Именно поэтому он молчалив. Вы увидите такую тишину, если вы случайно

повстречаетесь с людьми, практикующие Трансцендентальную Медитацию. Они успокаивают сами себя, повторяя определенную мантру; они заставили свой ум сохранять спокойствие. Но это дешевый трюк, и вы не сможете получить реальный успех такими дешевыми приемами.

Реальный успех становится доступным только тогда, когда вы работаете с полной отдачей.

Но помните, что я не говорю, что реальный успех становится доступным благодаря вашей работе... Существует некоторый парадокс в этом. Вы должны работать интенсивно, вы должны работать с полной самоотдачей, страстно, и однако вы не должны забывать, что это не происходит только из-за вашей работы. Оно случается по милости. В этом — послание Хасидизма.

Вы работаете интенсивно — это никогда не приходит без вашей интенсивной работы, это очевидно; это происходит только тогда, когда вы работали интенсивно, но эта работа только создает ситуацию для того, чтобы оно произошло. Это не как в случае причины и следствия. Это не похоже на нагревание воды до ста градусов, когда она должна закипеть — это не так. Это не закон природы; это не имеет ничего общего с миром гравитации. Это второй закон, полностью другой закон — закон милости. Вы работаете интенсивно, вы достигаете сотни градусов, затем вы ждете там — трепеща, выжидая, живой, счастливый, в праздничном настроении, напевая, пританцовывая. Вы ждете там на отметке сотни градусов. Это должно быть так, вы должны подойти к отметке сотню градусов — но сейчас вы должны ждать, вы должны ждать терпеливо, с любовью. Когда нужный миг приходит, когда ваша работа завершена ваше ожидание также завершено, тогда милость спускается. Или вы можете говорить, что милость поднимается — оба выражения означают одно и то же, потому что это исходит из самой глубины вашего существа. Это похоже на то, что что-то спускается на вас, потому что вы не знали вашей внутренней сути до сих пор. Кажется, как будто откуда-то свыше это нисходит на вас — но это, в действительности, исходит откуда-то изнутри. Изнутри также как и извне.

Интенсивная работа необходима, чтобы достигнуть милости, но реальные вещи случаются только из-за милости. В этом парадокс. Трудно понять это. Из-за этого парадокса миллионы людей потеряли путь. Есть те, кто говорит — и они очень логичны, их логика безупречна — они говорят, что если это приходит только благодаря их усилию, то зачем беспокоиться о милости и Боге? Если это случается только благодаря усилию, тогда все хорошо, они совершат усилие и они заставят это произойти. Так что они не говорят о милости или Боге. Они упустят, потому что это никогда не происходит только благодаря вашему собственному усилию.

Существуют люди, которые говорят, что, если это случается только благодаря милости и никогда из-за вашего собственного усилия, тогда

зачем беспокоится? Мы должны ждать — и всякий раз, когда Богу будет угодно, то это произойдет.

Те и другие упускают. Одни упускают из-за эгоизма — «Только моего усилия достаточно. Только одного меня достаточно — другие упускают из-за лени, летаргического сна». И те и другие упускают.

Те, кто пришли домой, должен идти парадоксальным путем. Это парадокс: «Я должен работать интенсивно, не только интенсивно, я должен вложить себя полностью, без остатка -только тогда я буду способным получить милость». Но это случается через милость. Наступает миг, когда я сделал все, что смог, и тогда я молюсь, поскольку теперь не возможно ничего сделать с моей стороны, теперь что-то необходимо с другого конца, теперь ты также можешь сделать что-то». И Бог начинает работу над вами только тогда, когда вы сделали все, что могли сделать. Если чего-то все еще недостает, и часть вашего существа задействована не полностью, тогда Бог не может прийти вам на помощь. Бог помогает только тем, кто помогает себе сам.

Это парадокс Хасида. Он работает интенсивно и он полагает, что настал миг для Его милости, милости Бога.

И это прекрасно. Мы очень слабы. Наши усилия не могут создать что-то значительное. Наш огонь очень слаб — благодаря только этому огню мы не можем создать все необходимое пламя. Мы только капля. Мы не можем создать океан из этой капли. Но если капля может упасть в глубину молитвы, то создать океан возможно. Когда капля расслаблена, она может содержать в себе океаны. Она незначительна, если вы смотрите только на ее периферию; но она огромна, если вы всматриваетесь в ее центр.

Человек — это и то, и другое, — человек парадоксален. Он — это наименьшая частица сознания, атом, и однако он содержит безбрежное. Целое небо содержится в нем.

Итак что сначала нужно понять два языка: язык «иметь» и язык «быть». И вы должны переключиться с языка «иметь» на язык «быть».

Позвольте мне рассказать вам несколько анекдотов.

Японский чиновник ругал свою дочь:

— Мне сообщили, что ты ходишь на свидание с иностранцем. Кроме того, он американский солдат, и что еще хуже, он еврей.

Девушка быстро спросила:

— Какой шмяк рассказал вам это?

Слово «шмяк» говорят все. Нет никакой потребности говорить как -то иначе.

Человек, который знает только язык «иметь», имеет совершенно другое качество в своем бытии: то, как он ходит, как он сидит, то, как он говорит, слова, которыми он пользуется, слова, которые он избегает использовать, люди из его круга и люди, которых он избегает, места, которые он посещает, и места, которые он не посещает — все указывает

на что-то. Даже отдельные, обычные слова на что-то указывают. Даже когда человек, пытающийся иметь все больше и больше приходит к Мастеру, его можно увидеть по тому, как он приходит, по желанию с которым он приходит. Даже, если он сдастся, то в его сдаче вы сможете найти его язык.

Человек пришел, чтобы увидеть меня. По тому, как он пришел, я смог увидеть, что он был абсолютно безразличен ко мне. Это было настолько ясно, это настолько бросалось в глаза. Он стремился не ко мне, в его бытии не было никакого стремления; он был совершенно без энергии.

Я был удивлен. Я удивился, почему он пришел ко мне. И затем он начал говорить о Боге. Слово «Бог» было просто неуместным в его языке. Оно не имело смысла. Он говорил на некоем языке, который не знал, как использовать. Я ждал, потому что-то должно было стоять за этими словами о Боге. Он говорил: «Я хочу понять Бога, и я хочу понять самого себя». Но по тому, как он говорил это и по тому, как он выражал это, было абсолютно ясно, что он пришел не для этого. Возможно только для того, чтобы быть вежливым по отношению ко мне или только для того, чтобы начать диалог, он использовал эти выражения.

И затем он сказал: «Я приду однажды и стану саньясином».

И я сказал: «Если вы пришли, и вы ищущий, и вы хотите понять Бога, тогда зачем тратить время? Вы уже потратили впустую достаточно». Ему было уже почти шестьдесят пять лет. Он сказал: «Это правда. Но только сейчас я борюсь на выборах». В это время проходили выборы. «И вот, я пришел, чтобы получить ваше благословение». Я сказал: «Тогда почему вы тратите впустую так много времени, говоря о Боге, говоря о душе, говоря о медитации?»

Индусы очень опытные в этих вещах — по традиции, они научились этим словам. Эти слова парят в воздухе, они захватили их. У них нет никаких корней в их бытии, они только плавают над ними, слова существуют в них без всяких корней, никак не относясь к ним.

Я сказал: «Почему вы потратили впустую так много времени, говоря о Боге и душе? Вы должны были сначала сказать правду». Он был немного озадачен. И я сказал ему: «С самого начала я был удивлен, почему вы пришли ко мне — потому что вы пришли ко мне, и однако, на самом деле, вы не пришли ко мне. Ваш язык был ясным и громким. Вы сидели здесь и все же, вас здесь не было, я мог наблюдать, что ваше присутствие было ложным, только физическим. И я смог увидеть политика в вас; фактически, вы говорили о Боге, как о политической стратегии. Это было вашей политикой».

Есть люди, которые говорят: «Честность это самая лучшая политика». Даже из честности они сделали стратегию. Стратегия означает политику. «Платите, чтобы быть честным», — говорят они. Так что честность это так же полезный инструмент, чтобы заработать большее количество денег, заработать больше престижа, быть более представительным. Но как может честность быть стратегией? Даже говорить так — что честность это самая лучшая стратегия — чрезвычайная профанация. Это

все равно, что говорить, что Бог это самая лучшей политика, или что медитация самая лучшая политика, или что любовь это самая лучшая политика.

Если вы говорите на языке «иметь», то вы можете использовать Бога, медитацию и многое другое, но это будут лишь маски, слова и что-то другое будет скрыто за ними.

— Я боюсь, что это плохие новости, — сказал доктор мужу сварливой жены. — Вашей жене осталось только несколько часов жизни. Я надеюсь вы понимаете, что ничего невозможно больше сделать. Не берите близко к сердцу!

— Все правильно, Док, — сказал муж. — Я страдал годами и могу потерпеть еще несколько часов!

Люди говорят на разных языках. Даже если они используют одни и те же слова, они не вкладывают в них одинаковый смысл. Слушайте смысл, и никогда не слушайте слова. Если вы слушаете слова, то вы никогда не поймете людей. Слушайте смысл — это означает совершенно другую вещь.

Укротительница львов полностью контролировала своих зверей. По ее команде, свирепый лев подходил смиренно к ней и брал кусок сахара из ее рта. Посетители цирка изумлялись — все за исключением одного человека, Муллы Насреддина.

— Любый мог бы делать это, — закричал он из амфитеатра.

— Вы осмелились сделать это? — крикнул в ответ конферансье.

— Конечно, — ответил Насреддин, — я могу сделать это не хуже льва.

Всякий раз, когда вы слушаете, слушайте смысл. Всякий раз, когда вы слушаете человека, слушайте всю его индивидуальность — и вы сразу сможете увидеть, живет ли человек в измерении «иметь» или в измерении «быть».

И это будет очень полезно для вашего собственного внутреннего роста и вашего изменения. Просто наблюдайте за людьми. В начале легче наблюдать за людьми, чем наблюдать самого себя, потому что люди по отношению к вам — это объекты, и существует дистанция между вами и ими. И вы можете быть более объективны к людям, потому что вы не привязаны к ним. Просто наблюдайте. Делайте это обязательно.

Будда говорил своим ученикам: «Наблюдайте каждого, проходящего мимо вас: гуляющих по улицам, наблюдайте людей. Видьте, что именно происходит. Не слушайте их слова, потому что они очень хитры, они обманщики». Когда кто-то говорит что-нибудь, то слушайте его лицо, его глаза, его сущность, жесты, и вы будете просто удивлены, как до сих пор выжили только со словами. Человек может говорить: «Я люблю тебя», а его глаза просто будут отрицать это. Человек может улыбаться губами, а его глаза будут осмеивать вас, отвергать вас. Человек может

говорить «Привет» и жать вашу руку, а его все существо будет осуждать вас.

Слушайте язык тела, язык жеста — язык, скрытый за языком. Слушайте его значение.

И сначала будьте бдительны по отношению к другим. Позвольте каждому, кто приходит к вам, быть экспериментом в осознанности. Тогда и вы постепенно станете способными наблюдать самого себя. Затем направьте весь опыт жизни на самого себя и используйте то же самое по отношению к самим себе. Когда вы говорите кому-то: «Я люблю тебя», то слушайте, что вы действительно говорите — не эти слова. Слова почти всегда фальшивы.

Язык очень хитер, и может упаковывать вещи настолько красиво, что контейнер становится очень важен и вы теряете содержание. Люди стали очень искушенными на поверхности, но само их внутреннее ядро примитивно. Вслушивайтесь в суть происходящего. Войдите в каждое слово.

Сначала наблюдайте за другими, затем наблюдайте самих себя. И затем вы увидите, что есть несколько мигнов, когда вы двигаетесь в измерение «быть». Эти мигны — мигны красоты, мигны удачи. Фактически, всякий раз, когда вы видите, что вы чувствуете себя очень счастливым, то вы вступили в контакт с измерением «быть», потому что нет никакой другой счастливой возможности.

Но если вы не наблюдаете этого, то вы можете неправильно истолковать. Вы сидите с женщиной, которую вы любите, или с мужчиной, которого вы любите, или с другом, и внезапно вы чувствуете возникающее в вас ощущение благодати, глубокой радости — без всякой причины, безо всякой видимой причины. Вы дрожите от радости. И тогда вы начинаете находить причины снаружи; вы думаете, что это потому, что женщина сидит с вами рядом она любит вас так сильно. Или потому что вы встретили друга после многих лет разлуки. Или потому что полная луна так красива. Вы начинаете находить причины.

Но те, кто стали прислушиваться к своим сердцам, к их реальным значениям, не будут искать причины снаружи. Они будут смотреть внутрь. У них есть контакт с их существом. Возможно женщина, которую вы любили, провоцирует ситуацию, действует подобно трамплину, и вы прыгнули в самих себя непосредственно.

Трудно прыгнуть в самих себя, когда есть некоторый антагонизм снаружи. Тогда вы должны быть снаружи. Когда кто-то любит вас, то вы можете отбросить все меры защиты, вы можете отбросить все ваши стратегии, вы можете отбросить всю вашу политику, вы можете отбросить всю вашу дипломатию. Когда кто-то любит вас, то вы можете быть ранимы; вы можете поверить, что он или она не намерены победить вас, что вы можете быть совершенно незащищенными и вы не будете убиты сокрушены, присутствие вашего друга будет успокаивать и оно не отравит вас, всякий раз, когда есть ситуация, где вы можете оставить себя без защиты, вы можете отбросить ваши стратегии и вашу броню, то

внезапно вы начинаете контактировать с вашей сущностью — вы передвигаетесь из измерения «иметь» в измерение «быть». Всякий раз, когда это случается, есть удача, радость, праздник. Даже, если это длится только секунду, внезапно двери рая открыты. Но снова и снова вы теряете это, потому что вы не осознаете. Это происходит случайно.

Помните, что религиозный человек это тот, кто понял это случайное явление и кто понял тайный ключ этого. И теперь он не продвигается в измерение бытия случайно, у него есть ключ — и всякий раз, когда он хочет двигаться, он открывает дверь, он открывает дверь и входит в нее.

Это единственное различие. Обычное счастье и счастье религиозного человека различаются только так — религиозный человек в любое время, в любом месте может идти в свое бытие. Теперь он знает прямой маршрут, и он не зависит от внешних опор.

Вы слишком сильно зависите от внешних опор. Иногда вы находитесь в красивом доме; это ощущение приятно. Вы путешествуете в красивом автомобиле — автомобиль шумит и все прекрасно — это приятно. В этом чувстве вас начинаете подходить ближе к вашему существу. Но вы не правильно поняли; вы думаете, что это из-за автомобиля, поэтому вам нужно владеть им. Возможно автомобиль создал ситуацию, но автомобиль это не причина. Возможно красивый дом создал ситуацию, но он это не причина.

Если вы думаете, что это причина, тогда вы двигаетесь в мир «иметь»; тогда вы должны иметь наиболее красивый автомобиль — вы должны владеть его. Тогда вам нужно иметь самый лучший дом, вам нужно иметь самый лучший сад, вам нужно иметь самую лучшую женщину и самого лучшего мужчину. И вы продолжаете собирать, и однажды внезапно вы узнаете или понимаете, что ваша жизнь истрачена понапрасну. Вы собрали много, но вы потеряли все источники счастья. Вы потерялись среди собранных вещей. Основная логика была в том, что когда вы чувствовали себя хорошо и счастливо, вы хотели владеть этой вещью.

Послушайте меня... этой вещью нет необходимости обладать. Вы просто наблюдайте за тем, что происходит внутри вас, и вы ощутите происходящее без всякой внешней помощи. Вот, что делает саньясин. Это не значит, что вы должны иметь все, обладать всем, но вы должны остаться бдительными, понимать, что вы не можете обладать чем-нибудь в этом мире. Все, чем вы обладаете, может функционировать только как следствие — но это не причина. Причина внутри. И вы можете открывать дверь без какой-либо внешней опоры, в любое время, в любом месте, и вы можете входить, и вы можете радоваться.

Вы больше не привязаны к чему-либо. Вы можете использовать вещи, они полезны... Я не против вещей, помните. Никакой Хасид не против вещей, помните. Используйте вещи, но не верьте, что вещи могут вызывать ваше счастье. Используйте вещи, они имеют применение, но не считайте их целями. Это не цель, это средство. Цель внутри вас, и цель такова, что к ней можно продвигаться непосредственно без какой-либо

помощи снаружи. Если только вы знаете это, то вы становитесь хозяином вашего бытия.

Прочувствуйте то, что я говорю. Если я просто говорю и вы слушаете и понимаете это интеллектуально, это не поможет.

Мулла Насреддин отказался пить по трем причинам.

— Перечисли их, — сказал местный задира.

— Во-первых, — сказал Мулла, — это запрещено моей религией. Во-вторых, я обещал моей бабушке на ее смертном ложе, что я не возьму в руки, ни прикоснусь, ни попробую на вкус этот мерзкий напиток.

— И третья причина? — настаивал задира, несколько смягченный.

— Я только что выпил, — сказал Насреддин.

Если вы просто слушаете меня, если вы просто понимаете меня и никогда не экспериментируете в вашей внутренней лаборатории сознания, то чтобы я ни говорил, все останется только в вашей голове. Это никогда не станет жизненным опытом. И до тех пор, пока это не становится жизненным опытом, — это бесполезное знание, мусор. Вы можете опять начинать собирать знание, и снова попадете в то же самое измерение «иметь». И вы можете продолжать собирать так много знаний, сколько доступно. Это одна из несчастий современного человека, что так много знания стало доступным. Этого не было никогда раньше.

Как доказано, самое большое бедствие для современного человека — это огромное количество знания, которое стало доступным. Прежде оно никогда не было доступно в такой степени. Индус жил по Индуистскими священными писаниями, мусульманин жил по мусульманским священными писаниями; христианин использовал для жизни библию — и они были изолированы друг от друга, и никто не входил мир другого знания. Вещи были ясно очерчены; не существовало никакого наложения.

Теперь все переплетается, и огромное количество нового знания стало доступно. Мы живем во время «информационного взрыва». В этом взрыве вы можете начинать собирать информацию; вы можете стать великим ученым очень просто, очень легко, но это не изменит вас.

Опять, помните, что знание лежит в измерении «иметь»; понимание принадлежит измерению «быть». Они выглядят одинаковыми, но это не так. Они даже не похожи, они диаметрально противоположны друг другу. Человек, который продолжает собирать знания, одновременно продолжает терять понимание. Понимание требует ум, подобный зеркалу — чистый, неиспорченный. Я не говорю, что знания бесполезны. Если у вас есть понимания, чистое, подобное зеркалу, свежее, то вы можете использовать ваши знания очень полезным способом. Оно может стать полезным. Но понимание это главное.

Знание очень просто; понимание очень трудно. Для понимания вы должны пройти через многие огни. Для получения знания в этом нет

необходимости — поскольку вы можете продолжать добавлять все больше знания самому себе.

Легкомысленный городской парень, с большим обаянием, но маленьким счетом в банке, удивил своих друзей внезапным браком с очень уродливой женщиной, чьим единственным достоинством была тугая пачка банкнот. После брака его друзья были вдвойне удивлены настойчивостью, с которой он таскал свою жену повсюду с собой.

— Я могу понять, что ты женился на этой уродливо женщине из-за денег, — подметил один из его близких друзей совершенно искренне, — но почему ты должен таскать ее с собою каждый раз, когда ты куда-нибудь идешь?

— Это просто, — объяснил муж. — Это легче, чем целовать ее на прощание.

Проще иметь знания, очень дешево, это ничего не стоит; очень трудно, тяжело достигнуть понимания. Вот почему очень немногие, очень редкие люди пытаются медитировать, очень немногие пытаются молиться, очень немногие когда-либо делают усилия познать, что такое истина. А все, что вы не познали сами, бессмысленно. Вы никогда не сможете быть уверены в этом. Сомнение никогда не исчезает; сомнение остается подобно червю в земле, изнутри подрывающий ваше знание. Вы можете громко кричать, что вы верите в Бога, но ваш крик не доказывает ничего. Ваш крик доказывает только одно: что есть сомнение. Только сомневающийся кричит громко. Вы можете стать фанатично верующим, но ваш фанатизм просто показывает то, что сомнения существуют.

Только человек, у которого есть сомнения внутри, становится фанатиком. Фанатичный Индуист это тот, кто в действительности не верит, что индуизм это истина. Фанатичный Христианин просто означает того, у кого есть сомнения в Христианстве. Он становится фанатичным, агрессивным — не с целью доказать что-нибудь другим, а целью доказать самому себе, что несмотря ни на что он верит, он действительно верит. Он должен доказать это.

Когда вы действительно знаете что-то, то вы не фанатичны. Человек знания это тот, кто пришел, чтобы понять и познать проблески бытия, проблески Бога, становится очень, очень нежным, чувствительным, хрупким. Он не фанатик. Он становится женственным. Он не агрессивен. Он становится глубоко страдающим. И, благодаря знанию, он понимает других. Он может понять даже диаметрально противоположную точку зрения.

Я слышал о хасидском раввине. Он говорил:

— Жизнь подобна реке.

— Почему? — спросил ученик.

— Откуда мне знать? Разве я философ?

На другой день раввин говорил:

— Жизнь подобна реке.

— Почему? — спросил другой ученик.

— Вы правы, — ответил раввин. — Почему это должно быть так?

Это огромное понимание. Никакого фанатизма. Человек знания обладает чувством юмора. Вспоминайте всегда об этом. Если вы видите кого-то, кто не обладает никаким чувством юмора, знайте, что этот человек не знает ничего. Если вы случайно встречаете серьезного человека, тогда вы можете быть уверены, что он претворяется. Знание приносит искренность, но вся серьезность исчезает. Знание приносит игривость: знание приносит чувство юмора. Чувство юмора должно быть.

Если вы находите святого, у которого нет никакого чувства юмора, тогда он не святой. Это невозможно. Его серьезность говорит, что он не достиг. Если только у вас был хоть какой-то собственный внутренний опыт, то вы становитесь очень игривы, вы становитесь очень невинны, как дитя.

Человек знаний очень серьезен. Человек знаний всегда распространяет серьезную, мрачную атмосферу вокруг себя. Он не только несет атмосферу серьезности, он делает любого, с кем он входит в контакт, серьезным. Он навязывает им серьезность. Фактически, глубоко внутри, его волнует то, что он ничего не знает. Он не может расслабиться. Его серьезность это напряженность. Он измучен. Он знает, что его знание только для его успокоения, он знает, что его знание полностью ложное — поэтому он не может смеяться над ним.

Послушайте:

Раввин сказал:

— Жизнь подобна реке.

— Почему? — спросил ученик.

— Откуда мне знать? Разве я философ?

И на другой день раввин сказал снова:

— Жизнь подобна реке.

— Почему? — спросил другой ученик.

— Вы правы, — ответил раввин. — Почему это должно быть так?

Вы видите несерьезность? Вы видите огромное чувство юмора?

Хасидизм создал несколько великих святых в этом мире. И мое уважение к ним огромно, потому что они не серьезные люди. Они могут пошутить и они могут посмеяться — и они могут посмеяться не только над другими, они могут посмеяться и над собой. Это прекрасно. Если вы продолжаете собирать знания, то вы можете иметь большое количество знания, но это не поможет, когда возникает потребность. Вы можете продолжать разбрасывать его вокруг и показывать и выставлять это, но всякий раз, когда потребность возникает и дом находится в огне, вы

внезапно увидите, что вы забыли все, что вы знали — потому что вы никогда не знали. Это было только в вашей памяти.

Везде, где есть аварийная ситуация... например, когда человек умирает. Он забудет все свои знания. В этот миг он забудет, что душа бессмертна. Это был совет для других. В этот миг он забудет, что он возвращается к Богу — и что он должен идти счастливо и танцуя. В этот миг он будет цепляться за жизнь: Все его знания уйдут.

Я знал одного очень ученого человека, интеллектуала, знаменитого во всей его стране. Он был не только ученым, он был последователем Дж. Кришнамурти. Он приходил, чтобы посмотреть на меня, и он сказал, что нет никакой необходимости в какой-либо медитации — так говорит Кришнамурти.

Я послушал его и засмеялся. Он спросил меня: «Почему вы смеетесь всякий раз, когда я говорю об этом?» Я повторил снова: «Я слушаю тебя, я не слушаю, что ты говоришь. Твое существо дает мне полностью другое сообщение. Если действительно нет никакой потребности в медитации, то нет никакой потребности и в священных писаниях, нет никакой потребности ни в каких методах, нет никакой потребности даже в молитве — и если бы ты понял это, то тогда это преобразовало бы тебя полностью.» Он ответил серьезно: «Это правда. Я понял умом, но однажды я пойму это также и не умом. Я сделал только первый шаг, второй придет».

Затем, однажды, его сын пришел ко мне, чтобы сказать: «Отец очень плох, кажется у него сердечный приступ и он вспоминает тебя». Так что я помчался к нему. Он лежал на кровати, повторяя Рам, Рам, Рам. Я коснулся его головы и сказал: «Что ты делаешь? Целую жизнь ты говорил, что нет медитации- что ты делаешь, повторяя Рам, Рам, Рам..?». «Он сказал: «Не смущай меня в этот миг. Смерть у дверей. Я умираю. Кто знает? Возможно Бог есть. И кто знает, возможно люди, которые всегда говорили: «Вспоминайте его имя, и он простит вас», — правы. Сейчас не время для споров, позволь мне повторять это.»

В течение сорока лет он не сказал ни одной мантры, но теперь, внезапно, сорок лет знания отброшены. В нем нет никакой пользы — в этой опасной ситуации, когда есть смерть, он забывает Кришнамурти полностью. Он становится снова обычным индусом. Это было бы правильно для обычного индусского селянина — повторять Рам, Рам — ему простительно — но этому человеку? Он написал книги, он читал лекции по всей стране, он помог многим людям избавиться от их мантр и избавиться от их медитаций и их священных писаний. И сейчас, внезапно, он повторяет мантру.

Но он пережил сердечный приступ, и пришел повидаться со мной после двух или трех месяцев — и снова он обратился к своему знанию. Я сказал: «Теперь брось свои глупости. Смерть придет снова и ты будешь повторять Рам, Рам, Рам. Так зачем все это?»

Очень богатый старый человек остался холостяком. Ему было около семидесяти пяти. И вот однажды, его женатый друг, убедил его жениться.

— Ты не должен упустить это удовольствие, — сказал он.

Так что он решил жениться. Поскольку у него было много денег, то он немедленно нашел красивую девушку. Вскоре они отправились в медовый месяц.

Он взял женатого друга и его жену как гидов в этом новом для себя исследовании. На следующее утро они встретилось в мотеле на завтраке. Друг рассказал ему все о сексе и как заниматься любовью и что делать и что не делать.

— Что за фантастическое время я провел вчера вечером, — сказал женатый человек. — Мы пошли в постель вчера вечером. Моя жена полна страстного желания, я полон страсти, и у нас была изумительную ночь любви. А ты, старина?

— О, мой Бог! — ответил богатый старик. — Я начисто забыл об этом!

Если вы прожили целую жизнь холостяком, -то даже если кто-то руководит вами, рассказывает вам вещи и вы запоминаете их, то они не имеют какого-либо глубокого контакта с вами — они просто плавают над вашей головой. Они не касаются вас.

Старик сказал: «О мой Бог! Я начисто забыл об этом!» Семьдесят пять лет одинокого сна создают свои механические привычки.

Если вы продолжаете накапливать знания, то это создает привычку; это никогда не дает вам какого-либо понимания, но это дает вам привычку, привычку копить больше, очень опасную привычку. Даже если вы случайно встречаетесь с Буддой или Иисусом, то вы упустите, потому что с ними вы также будете накапливать. Вы будете отмечать в голове — «Да, это правда, достойно воспоминания». Ваше накопление станет больше и больше, но вы будете только мертвым музеем или музеем мертвых вещей.

И чем больше вы озабочены тем, чтобы иметь знания, тем меньше будет возможность того, что у вас будет подлинное понимание; понимание, которое приходит через познание бытия, через бытие, — будет упущено.

Помните, ум это ничто иное, как то, что вы собрали до сих пор. Ум — это все, что есть внутри вашей сущности. Вне ума — ваша реальная сущность, вне «иметь» — ваше подлинное бытие. Снаружи вы собрали вещи; внутри вы собрали мысли — и то и другое относятся к измерению «иметь».

Когда вы больше не привязаны к вещам и когда вы больше не привязаны мыслям, внезапно — откроется небо, откроется небо бытия. И это единственно стоящая вещь и единственная вещь, которую вы можете действительно иметь.

Теперь — притча.

Раввин Висакар Баер встретил старого крестьянина из деревни Олешня, которого знал еще в молодости. Не зная о его высоком положении, крестьянин позвал его:

— Баер, как живешь?

— А как ты живешь? — спросил раввин.

— Хорошо, — ответил приятель. — Я расскажу тебе. Что ты не приобретаешь благодаря своей собственной работе, то не твое.

С того времени, всякий раз, когда Раввин Баер говорил о том, как прожить жизнь, он добавлял: «Старик из Олешни сказал: «Что вы не приобрели благодаря вашей собственной работе, того вы и не имеете».

Чрезвычайно значительное высказывание. Возможно крестьянин не придает серьезного значения этому, но раввин понимает это. Это был драгоценный камень. Вне зависимости от этого обычного крестьянина.... Он имеет права не понимать, но раввин понял это -- вы понимаете только то, что вы можете понять.

С того времени, всякий раз, когда Раввин Баер говорил о том, как прожить жизнь, он добавлял: «Старик из Олешни сказал: «Что вы не приобрели благодаря вашей собственной работе, того вы и не имеете».

Старик должен принимать это за обычный способ. Он говорил, что в этой жизни вы можете иметь только то, для чего вы работали. Нет никакого другого способа. Нужно интенсивно работать, чтобы иметь что-нибудь.

Это опыт обычного крестьянина. Крестьянин не был королем; король может иметь много такого, что он не заработал своим собственным трудом.

Очень важного, богатого человека бедняк спросил один раз:

— Какой самый лучший способ стать богатым в этом мире?

— Самый лучший способ — это найти правильных родителей.

Вы можете иметь много не работав, если вы были достаточно мудры, чтобы найти нужное чрево. Очень немногие способны на это. Они просто бросаются в любое доступное чрево!

Вы можете грабить, вы можете обманывать, вы можете эксплуатировать... существует тысяча способов. Но фермер, крестьянин, действительно жил своим собственным трудом. Он не был королем, он

не был политиком, он не был богачом — сколько он ни заработал, — это все его.

Крестьянин наверное сказал это в обычном смысле, но посмотрите на красоту этого. Что бы вы не слышали, вы слышите в вашем измерении. Раввин услышал это совершенно другим способом. Это высказывание засияло в его бытие. Это было простое, обычное утверждение, но раввин был в глубокой медитации, раввин был в совсем другом измерении — измерении «быть».

Когда вы находитесь в измерении бытия, маленькие вещи, обычные камешки, становятся драгоценными камнями. Обычные вещи принимают такие цвета, становятся настолько красочными. Обычные события становятся настолько психоделическими...это зависит от вас, от вашего видения.

С того времени, всякий раз, когда Раввин Баер говорил о том, как прожить жизнь, он добавлял: «Старик из Олешни сказал: «Что вы не приобрели благодаря вашей собственной работе, того вы и не имеете».

Это правда. Во внутреннем мире это абсолютная истина — хотя это может быть неправдой во внешнем мире. Во внешнем мире существует тысяча и один способ быть нечестным, обманывать, грабить, воровать, захватывать, эксплуатировать. Фактически, во внешнем мире рабочих немного, одни мошенники. У хитрецов есть много. Те, кто работают, не много имеют. Те, кто не работают, — имеют много.

Но во внутреннем мире это утверждение — абсолютная истина. Вы не можете владеть чем-то, в вашей сущности чего вы не заслужили. И это заработано тяжело; невозможно срезать путь. Поэтому не пытайтесь обмануть Бога. Человек, который находится в заблуждении из-за наличия вещей, полностью теряет возможность достижения состояния бытия.

Я слышал.

Муж выстрелил в тещу, и она подала на него в суд.

— Вы были пьяны, — сказал судья, — поэтому я должен сказать вам кое-что. Это спиртное воспламенило вас. Это спиртное заставило вас ненавидеть вашу тещу. Именно спиртное заставило вас купить револьвер, чтобы выстрелить в нее. Именно спиртное заставило вас войти в дом вашей тещи, достать револьвер, нажать на курок и выстрелить. И заметьте, именно спиртное заставило вас промахнуться!

Это та же самая история, то же самое спиртное. Вся ваша жизнь это амбиция, которая подобна спиртному. Следите за этим. Остерегайтесь этого. Это единственная иллюзия в мире.

Однажды вы уйдете, и тогда вы поймете, но тогда уже будет слишком поздно.

Я слышал историю об одном человеке.

Он приехал во Флориду со своей женой, и был очарован лошадиными скачками. Он и его жена держали пари, и после нескольких дней у них осталось только два доллара на двоих. Но он был оптимистом и убедил жену, что все будет хорошо, если она позволит ему сыграть еще раз.

Было сорок к одному в первом заезде, и он решил поставить. Лошадь пошла.

В каждом состязании человек ставил, и в каждом заезде он выигрывал. К концу последнего заезда у него было более десяти тысяч долларов, и он решил прекратить играть. По пути обратно к отелю он остановился в небольшом клубе для карточной игры и поднял свой капитал до сорока тысяч за счет игры в рулетку. Еще одна игра, решил он, и он прекратит испытывать судьбу. Он поставил все его сорок тысяч на черное.

Колесо завертелось. Крупье объявил:

— Номер четырнадцать, красное.

Человек вернулся обратно в отель. Его жена вызвала его на веранду.

— Как дела? — спросила она с надеждой.

— Я потерял два доллара, — пожал плечами муж.

В самом конце, когда приходит смерть, вся игра в тысячи и тысячи долларов, достижение этого, достижение того, стать этим, стать тем, сила, престиж, деньги, известность — ничего не стоят. В финале вы можете только сказать: «Я потерял себя».

Когда вы устремлены в измерение «иметь», происходит только одно — вы утрачиваете свое бытие. Жизнь это великая возможность, грандиозная возможность. Фактически, существуют миллионы возможностей для того, чтобы постигнуть самого себя, узнать — кто вы. Но это приходит тяжелым путем. Вы должны работать для этого.

Не пытайтесь заимствовать. Ничто не может быть заимствовано во внутреннем мире. И не пытайтесь стать просто хорошо осведомленными. Достигайте ясности, достигайте видения, в котором нет места для существования мыслей в вашем уме. Это самая трудная вещь в мире. Отбросить тысячи мыслей — это самая трудная вещь в мире, великий вызов. Любой другой вызов мал, очень мал. Это — самое большое приключение, которое вы можете принять и те, кто храбр, принимают вызов и идут на это.

Самый большой вызов в том, как отбросить ум, потому что только когда ум исчезает, может прийти Бог. Только когда известное исчезает, может существовать неизвестное. Только когда нет никакого ума, нет вас, ничего от вас не осталось, внезапно есть то, что вы искали всегда, вечно. Бог есть когда вас нет. Это самая трудная вещь.

Последний анекдот.

Раввин Гроссман и Отец О'Маллей сидели рядом на банкете.

— Съешьте немного ветчины, — предложил священник.

— Извините не могу, — ответил раввин.

— Попробуйте немного, — просил священник. — Это действительно вкусно!

— Благодарю, но я не ем свинину в соответствии с моей религией.

— Это действительно восхитительно! — сказал Отец О'Маллей пятью минутами позже.

— Вы должны попробовать эту ветчину, вам понравится!

— Нет, спасибо! — отвечал Раввин Гроссман.

После обеда, оба обменялись рукопожатием.

— Скажите мне, — сказал еврейский священнослужитель, — Вы наслаждаетесь сексом с вашей женой?

— О, Раввин, вы должны знать, что мне не дозволено жениться, — сказал священник. — Я не могу заниматься сексом!

— Вам нужно попробовать, — сказал раввин. — Это будет лучше, чем ветчина!

Это все, что я могу сказать вам. Вы должны испробовать состояние не-ума, состояние «быть». Это лучше, чем все собранные вместе миры.

Мир бытия это единственно реальный мир, мир истины. И если вы не пришли в него, то вы продолжаете блуждать в чужих землях. Вы никогда не сможете вернуться домой. Вы приходите домой только тогда, когда вы вошли в самое внутреннее ядро вашего существа — насколько это возможно. Это трудно, но не невозможно; трудно, но не невозможно. Это трудно, конечно, но это случается. Это случилось со мной, это может случиться с вами.

Но не цепляйтесь за дешевые средства. Не пробуйте обманывать химическим путем или что-то еще. Не пытайтесь заимствовать знание. Не накапливайте.

Это уже там, накопления только скрывают его. Оно уже есть. Если вы прекращаете накапливать и отбрасываете весь мусор, который вы накопили внутри себя — это то, чем является ваш ум, мусор. Если вы отбрасываете этот мусор, то внезапно возникает абсолютная чистота, абсолютная красота, абсолютное благословение.

Один мудрец, светило века, обучал своих учеников из неистощимого источника мудрости.

Он заносил все знания в толстый том, что хранился на почетном месте в его комнате.

Мудрец не разрешал никому открывать этот том. Когда он умер, те, кто окружали его, считая себя наследниками, поспешили открыть книгу, стремясь обладать тем, что она содержала.

Они были удивлены, сконфужены и разочарованы, когда нашли, что там заполнена только одна страница.

Они еще более огорчились и были раздражены, когда попытались проникнуть в значение фразы, возникшей перед.

Она гласила: «Когда вы поймете различие между содержащим и содержимым, знание придет к вам».

Позвольте мне повторить это: «Когда вы поймете различие между содержащим и содержимым, знание придет к вам».

Содержащее — это ваше сознание, содержимое — это ваш ум. Содержащее — это ваша сущность, содержимое — это то, что вы накопили. Когда вы понимаете различие между содержимым и содержащим, между умом и бытием, тогда у вас будет знание. В отдельно выделенный миг, когда вы помните и вы распознаете, что вы не содержимое, а содержание — происходит изменение, происходит революция. И это — единственная революция, которая существует.

Глава 6 Почему нет женщин?

Первый вопрос:

Сегодня на лекции вы превозносили добродетели хасидизма. Но если они настолько достойны, настолько полны чувства братства, то почему они исключают женщин из религиозных практик и в частности из экстатического религиозного танца?

Пратима задала вопрос. Он очень уместен, и его нужно понять. Первая вещь, которую нужно помнить, всегда помнить, — никогда не судить прошлое на основании сегодняшних стандартов. Это не сострадательно. Например, когда хасидизм зарождался, разрешить женщинам участвовать в экстатическом танце было невозможно. Это не значит, что мистики хасидизма не осознавали, это не значит, что они не хотели позволить это — они хотели, но это было невозможно. Даже Будда боялся посвящать женщин в монахини.

В чем состояло опасение? Был ли он ортодоксальным человеком? Нет, нельзя найти более революционный ум, но много лет он настаивал на том, чтобы запретить принимать женщин. Нет, причина должна находиться в чем-то еще.

Религия существует в обществе. Если общество против некоторой вещи, то даже основатель должен идти на какие-то компромиссы. Иначе религия не будет существовать вообще. Общество не совершенно, общество еще не то, чем оно должно быть, но религия должна существовать в этом обществе, в тех рамках, в каких общество позволяет ей быть. Революционеры пробуют идти немного дальше границы, но даже они не могут зайти слишком далеко. Если они заходят слишком далеко, они будут искоренены.

Например, если вы будете делать медитацию обнаженными, я совершенно не возражаю. Фактически я поддерживаю это, потому что одежда является частью подавляющей культуры. Я знаю это, но все же я должен настаивать, чтобы вы не раздевались при медитации. Потому что это создаст столько проблем, что медитация станет невозможной. Это

будет слишком. Разрушать возможность медитировать только из-за одежды или наготы было бы глупостью. Было бы хорошо, если бы я мог позволить вам быть абсолютно свободными — свободными и от одежды также. Но тогда общество не позволило бы нам существовать вообще, а мы должны существовать в обществе. Так что мы должны выбрать меньшее из двух зол.

Или, возьмите наркотики. Я не поддерживаю наркотики, но я также не против них. Я не поддерживаю Тимоти Лири, я не думаю, что вы можете достичь самадхи с помощью наркотиков — в чем я абсолютно уверен. Никто никогда не достигал самадхи с помощью наркотиков, несмотря на то, что говорят Олдос Хаксли и другие. Это слишком просто, и благодаря химическим веществам не существует никакой возможности достичь высшего. Но я сознаю, что наркотики могут помочь определенным образом. Они могут дать вам намек; они не могут дать вам действительность, но они могут давать вам намек на действительность, и этот намек может стать прорывом. Этот намек может вытащить вас из вашего прошлого и послать вас на поиски реального. Если вы видели Бога, даже в своем сне, то вся ваша жизнь будет преображена. Конечно, Бог во сне это сон, но на следующее утро вы начнете изучать мир — где может вы найти это явление, которое произошло в вашем сне?

Многие люди начинают свое путешествие к Богу, истине, самадхи, потому что они когда-то получили определенный намек. Возможно благодаря наркотикам, возможно через сексуальный оргазм, возможно через музыку или иногда случайно. Иногда человек выпадает из поезда, ударяется головой и получает намек. Я не говорю делать из этого метод! Но я знаю что это происходило. Определенный центр получает толчок, и человек получает намек, взрыв света. Никогда снова это не повторится; теперь он будет начинать искать это. Это возможно. Вероятное больше не вероятное, это стало возможным. Теперь он имеет некоторую связь, определенный контакт. Теперь он не может отдыхать.

Я не за наркотики, но я и не против наркотиков. Но все еще, в этом сообществе, в моей коммуне, наркотики нельзя разрешать. Политики никогда не были достаточно умны, и не следует ожидать от них слишком много. Фактически, только глупые люди интересуются политикой. Если они были умны, то они не были бы в политике вовсе.

Движение нельзя разрушить из-за таких незначительных мелочей. Это был бы глупостью. Через сотню лет моя позиция, что наркотики нельзя позволять в ашраме, будет признана антиреволюционной. Конечно, я знаю, что это антиреволюционно. Пусть это будет записано.

Хасидские мастера хорошо знали это. Не позволять женщинам участвовать в экстатических религиозных церемониях, в экстатических танцах антигуманно, антиреволюционно. Но существующее общество против этого. Из-за этого все могло умереть. Так что они должны были пойти на запрет.

Буддизм умер в Индии. Знаете почему? Это произошло, потому что Будда в конце концов позволил женщинам становиться монахинями. Он

сам говорит: «Моя религия жила бы, по крайней мере, пять тысяч лет, но теперь она просуществует не больше пяти сотен лет, потому что я пошел на очень большой риск». Просто позволить женщинам становиться монахинями было таким риском, что Будда сказал: «Жизнь моей религии сократилась на четыре с половиной тысячи лет — максимум она будет продолжаться только пятьсот лет». И это произошло именно так. Буддист жил только пятьсот лет, и эта жизнь не была похожа на кульминацию, оптимум. Каждый день жизнь замедлялась, каждый день смерть подбиралась ближе и ближе. Что произошло?

Общество. Общество было ориентировано на мужской пол. Позволить женщине войти в религиозный орден означало разрушить старую иерархию, превосходство мужчины. Даже человек подобный Махавиру, очень революционный человек, как рассказывают, скажет, что женщины не могут войти в мокшу как женщины. Сначала они будут должны родиться мужчинами и затем... Так что никакая женщина не входила в джайнскую мокшу, в нирвану, непосредственно как женщина. Сначала она должна изменить свое тело, принять очертания и форму мужчины, а затем она может войти.

Почему Махавиру должен был сказать это? Общество, политика страны, священники и политические деятели были чрезвычайно шовинистически настроены. Определенный компромисс был необходим, они не позволили бы ничего. Махавиру жил нагим, но он не разрешал, чтобы женщины расхаживали нагими, потому что общество не было готово принять даже его наготу. И мало-помалу людьми признали его, без удовольствия, неохотно, но принять идею, что и женщины могли бы жить нагими, было выше их сил.

И поскольку Махавиру сказал: «Если вы не отбросите все — даже одежду — если вы не станете невинными, как новорожденные, то вы не можете войти в мое царство Божие», он был должен сказать, что женщины не могут войти в него непосредственно. Если бы он сказал, что женщины могут войти непосредственно, тогда несколько храбрых женщин вышли бы вперед и сбросили бы свою одежду — стали бы нагими. Лишь для того, чтобы избежать появления обнаженных женщин, он должен был говорить неправильные вещи. И я знаю, что он знал, что это было неправильно — я знаю, потому что и я говорил множество неправильных вещей. Но мы должны существовать в определенном невротическом обществе. Если вы живете с безумными людьми, то вы должны идти на компромиссы. Если вы живете с безумными людьми, то, по крайней мере, вы должны притвориться, что вы также безумны.

Здесь присутствует Нарендра. Его отец сошел с ума тридцать или сорок лет назад. Он ушел из дома. Спустя несколько месяцев его поймали в Агре и посадили в тюрьму с сумасшедшими. В Лахоре была специальная тюрьма только для сумасшедших. Он говорил, что в течение девяти месяцев все шло прекрасно, потому что он был также безумен. После девяти месяцев, случайно он выпил целый кувшин карболовой кислоты — сумасшедший — он нашел ее в ванной и он выпил ее. Это вызвало у

него рвоту, тошноту, понос. Понос продолжался в течение пятнадцати дней непрерывно, и его безумие исчезло. Это помогло, это помогло как катарсис. Когда его безумие исчезло, тогда начались проблемы, потому что он был окружен сумасшедшими. Теперь впервые он осознал, где он — кто-то дергал его за ногу, кто — то сжимал его голову, и люди говорили и танцевали. А он больше не был сумасшедшим. Те три месяца, в течении которых он не был сумасшедшим, но жил с сумасшедшими, были наиболее болезненными; они были глубоко беспокойными. Он не мог спать.

И он ходил к властям говорил: «Освободите меня, потому что я больше не сумасшедший!» Они не слушали, потому что каждый сумасшедший говорит, что он уже не сумасшедший. Так что это не доказательство. Он был должен был отбить все свое заключение продолжительностью в один год. Он рассказал мне, что он никогда не мог бы забыть те три месяца; они были непрерывным кошмаром. Но девять месяцев до этого он был совершенно счастлив, потому что он также был сумасшедшим.

Вы и представьте себе не можете, что происходит с человеком, когда он становится Буддой или Баал Шемом в стране, в мире, который абсолютно безумен. Он больше не безумен, но он должен следовать вашим законам, иначе вы убьете его. Ему приходится идти на компромиссы. Конечно, он не может надеяться, что вы пойдете на компромисс с ним. Вы не в том состоянии, в котором можно думать. Но он может думать. Только высшее может идти на компромиссы с низшим, только великое может идти на компромисс с низшим, только мудрец может идти на компромисс с глупцами.

Так и произошло, женщины никогда не были приняты. Лишь в этом столетии, совсем недавно, женщины вышли из темной ночи прошлой истории.

Я слышал:

Однажды, когда Голда Мейер была премьер-министром Израиля, Индира Ганди, премьер-министр Индии, приехала в Израиль. Когда Индира Ганди приехала в Израиль, ее приветствовала Голда Мейер. После осмотра всех исторических достопримечательностей, госпожа Ганди сказала:

— Я хотел бы посетить синагогу.

— С радостью, — ответила премьер-министр Израиля. Двумя неделями позже один из членов кабинета министров спросил госпожу Ганди:

— Что вы узнали в Израиле?

— Много вещей, — ответила она. — Но самым важным из всего, что я узнала, было то, что в израильских синагогах мужчины молятся на первом этаже, а премьер-министры поклоняются на балконе.

Они были женщинами, но она подумала, что премьер-министры поклоняются на балконе, а мужчины на полу.

Если что-то укоренилось, очень трудно это изменить, даже для премьер-министра. Даже премьер-министру трудно изменить традицию.

Хасиды были новым путем, и вместо того, чтобы разрушить все движение, они предпочли жить в обществе с его правилами и его законами. По крайней мере, послание достигло мужчин. Если оно не может достигнуть женщин прямо сейчас, то позднее оно дойдет и до них — но, по крайней мере, оно укоренится на земле.

Я существую в чужом и странном мире. Я хотел бы дать вам многое, но я не могу, потому что вы сами будете сопротивляться. Я хотел бы, чтобы вы осознали многое в вашем бытии, но вы будете против меня. Я должен продвигаться очень медленно, с оглядкой; это не может быть сделано прямо.

Только посмотрите. Я сделал то, что спрашивала Пратима о хасидизме. Я сделал это. В моей коммуне мужчины и женщины больше не разделены. Именно поэтому индуисты перестали приходить в мой ашрам. Они не могут приходить. Когда они приходили, все их вопросы в той или иной степени касались того, что это за ашрам — мужчины и женщины встречаются и смешиваются, гуляют вместе, держась за руки. Даже после медитации они обнимают и целуются? Что это за отношения? Это нехорошо.

Они приходили ко мне и говорили:

— Это нехорошо, этого допускать нельзя. Багван, ты должен вмешаться.

Я никогда не вмешивался, потому что для меня в этом нет ничего неправильного — мужчина и женщина не должны быть на расстоянии. Они не должны быть разделенными, никто не выше и никто не ниже. Они различны, но равны. Различие прекрасно, оно нужно. Различие должно быть подчеркнуто, но равенство должно быть сохранено. И для меня любовь это единственный путь к Богу.

Я не слушал их. Постепенно они исчезли. Теперь только очень храбрые индусы могут войти сюда. Теперь только очень немногие индусы могут сюда войти, те, чей ум не подавлен, те, для кого Фрейд уже позади. Но Индия в целом еще не прошла Фреда. Фрейд все еще неизвестен в Индии. Фрейд еще не вошел в индийскую душу.

Но я сделал это. И я хасид, поэтому вы можете простить стариков-хасидов. Время не пришло в тот миг; даже сейчас это очень трудно. Я сталкиваюсь с трудностями каждый день. Каждая мелочь создает трудности. Этим трудностей можно было бы избежать, если я вел себя ортодоксально. Я не могу вести себя ортодоксально — потому что тогда не имеет смысла в том, что я здесь, тогда я не мог бы передать послание вам — и я не могу быть абсолютно революционным, потому что тогда не было бы никакой возможности для общения между вами и мною.

И я не заинтересован в том, быть мучеником, потому что мне кажется, что это какой-то мазохизм. Люди, которые всегда ищут возможность стать мучениками, действительно не осознают того, что они делают — они занимаются поисками самоубийства. Я не мученик. Я люблю жизнь,

я люблю все, что подразумевается под жизнью, и первые мастера-хасиды любили жизнь так же сильно, как и я. Именно поэтому я говорю о них. Когда я выбираю, о каком пути говорить, я выбираю то, что меня трогает.

Хасиды не были политическими революционерами. Они не были реформаторами. Они не пытались преобразовывать общество, они пытались изменить отдельную душу. И они должны были существовать в обществе. Помните это всегда.

Что происходит всякий раз, когда устанавливается традиция? Когда хасидизм стал устоявшейся традицией, он сам по себе стал ортодоксальным. Сейчас время наступило. Если коммуна хасидов существует в Нью-Йорке — а она есть в Нью-Йорке, — время пришло, но теперь они сами по себе стали ортодоксальными. Они имеют собственную традицию, они не могут идти против Баал Шема. И современные хасиды в самом деле не мастера, они лишь последователи последователей.

Вы здесь со мной. Вы встретились с чем-то подлинным. Когда вы с кем-то другим, это не будет оригиналом. Вы слышали это от меня, затем вы расскажете это кому-то еще и многое будет утеряно. Затем это человек идет к кому-то еще и передает послание. И опять многое теряется. Через несколько лет и несколько передач истина будет полностью искажена, и останется лишь ложь. И снова революционное движение становится ортодоксальной традицией.

Второй вопрос:

«Не сделаете ли вы это для меня? Не отсечете ли вы мне голову? Потому что я не могу отбросить ее. Я знаю это, потому что я пробовал.»

Я могу сделать это, но будет много проблем. Позвольте мне рассказать вам анекдот.

Святой Петр обратился к новоприбывшему, нетерпеливо ждущим у ворот.

— Я не могу найти ваше имя, — сказал он. — Пожалуйста напишите по буквам его для меня.

Человек написал, и Святой Петр опять сверился со списком резервированных мест. Через несколько мгновений он возвратился:

— Знаете ли, вы должны были объявить здесь еще десять лет назад. Кто ваш врач?

Если я отрублю вам голову, святой Петр спросит вас:

— Вас ждали много жизней назад. Кто ваш гуру?

Это не может быть выполнено другим. Это не то, что можно сделать снаружи. Фактически, не можете сделать это и вы. Вы должны дорасти до этого. Это не то, что вы можете сделать или навязать, это приходит через глубочайшее понимание.

Отбросить голову — одна из самых трудных вещей, потому что вы отождествляетесь с ней. Вы — голова. Ваши мысли, ваши идеологии,

ваша религия, ваша политика, ваши священные писания, ваше знание, ваша личность — все находится у вас в голове. Как вы можете ее отбросить? Только представьте, что вы отбрасываете голову! Тогда кто вы такой? Без головы вы — никто. Вы должны расти в понимании. Когда вы сможете вырастить новую голову выше этой головы, только тогда вы сможете отбросить эту голову. Это основное усилие медитации — помочь вам вырастить новую голову, которая не нуждается в мыслях, не нуждается в идеологиях; которая есть чистое сознание и которая самодостаточна; которая не нуждается ни в каком внешнем влиянии, чтобы жить; которая живет из самого внутреннего ядра. Когда вы вырастили новую голову, то старая будет отброшена очень легко. Она отпадет сама собой. Если я принуждаю вас к чему-то, вы будете сопротивляться этому, вы будете бояться, вам будет страшно. И никто не хочет умирать. Это великое искусство, которое нужно изучить.

Я слышал.

Это было в день казни. Как только Мулла Насреддин ступил на эшафот, он внезапно остановился и отказался сделать следующий шаг.

— Извольте идти, — сказал стражник терпеливо. — в чем дело?

— Мне кажется, — сказал Насреддин, — что эти ступеньки слишком шаткие. Они недостаточно безопасны.

Его собираются повесить, но эти ступеньки выглядят «слишком шаткими» — недостаточно безопасными, чтобы по ним ходить! Даже в миг смерти человек продолжает цепляться — до самого конца. Никто не хочет умирать, и если вы не обучаетесь смерти, то никогда не будете способны жить, вы никогда сможете узнать, что такое жизнь. Человек, который способен умереть, это тот, кто способен жить, потому что жизнь и смерть две стороны одной и той же монеты. Вы можете принять или отбросить обе, но они завязаны в один узел, это не две разные вещи.

Если вы боитесь смерти, будете бояться жизни. Именно поэтому я говорю об этом подходе хасидов. Весь подход состоит из методов, способов и средств того, как умереть — искусство смерти есть также и искусство жизни. Умереть как эго значит родиться как не-эго; умереть как часть значит родиться как целое; умереть как человек значит совершить основной шаг к тому, чтобы родиться Богом. Но смерть трудна, очень трудна. Вы наблюдали ее? За исключением человека, никакое животное не может совершить самоубийство. Для любого животного невозможно даже подумать о самоубийстве. Вы думали об этом? Слышали ли вы о самоубийстве дерева, о самоубийстве животного? Нет. Только человек, интеллект человека, может сделать возможным совершение самоубийства.

И я не говорю об обычном самоубийстве — потому что это в действительности не самоубийство, вы просто меняете тело — я говорю об окончательном самоубийстве. Если вы умерли так, как я учу вас

умирать, вы никогда не родитесь заново. Вы исчезнете в космосе, вы не будете больше иметь никакой формы, вы станете бесформенным.

Я слышал:

Одного человека обвинили в том, что он вторгся на территорию чужой фермы и охотился на перепелов. Адвокат пытался запутать фермера.

— Итак, — сказал он, — Готовы ли вы поклясться, что этот человек стрелял в ваших перепелов?

— Я не говорил, что он их убил, — был ответ. — Я сказал, что я заподозрил его в этом.

— Ну вот, теперь мы подходим к этому. Что заставило вас подозревать этого человека?

— Во-первых, — ответил фермер, — Я поймал его на своей земле с ружьем. Во-вторых, я услышал выстрел и увидел, что несколько перепелов упало. В-третьих, я нашел четырех перепелов в его сумке, и вы не можете сказать, что птицы влетели туда и совершили самоубийство.

Только человек способен на самоубийство. Это слава человека. Только человек способен думать, что жизнь не стоит жить, только человек способен додуматься до того, что жизнь просто бесполезна. Обычно, когда люди совершают самоубийство, они совершают его не потому, что они поняли тщетность жизни, они совершают это только потому, что они поняли этой тщетность *этой* жизни — и они надеются, что в другой жизни что-то изменится к лучшему. Духовное самоубийство означает, что человек пришел к пониманию того, что не только эта жизнь бесполезна, но жизнь бесполезна как таковая. Затем он начинает думать о том, как бы избавиться от того, чтобы родиться вновь и вновь, как избавиться от того, чтобы попасть в заточение этого тела, в эту клетку; затем он начинает думать, как стать абсолютно свободным от любой формы. Это и есть мокша, это и есть освобождение — или вы можете называть это спасением. Человек никогда не может быть счастлив в теле, потому что оно так ограничено. Кругом стены; вы в тюрьме. Это не похоже на тюрьму, потому что эта тюрьма с вами — куда бы вы не шли, она идет с вами, поэтому вы не чувствуете себя как в тюрьме. Как только вы узнаете о жизни без тела, как только вы стали способны выходить из тела — хотя бы на одно мгновение, — тогда вы увидите, как вы ограничены, в какой вы тюрьме.

Тело это оковы, ум это оковы, но вы должны понять — я не могу заставить вас освободиться. Запомните одну вещь: вас можно заковать снаружи, но вас нельзя принудить к свободе снаружи. Кто — то может посадить вас в тюремную камеру, но никто не может вытащить вас из тюремной камеры. Если вы хотите оставаться в тюремной камере, вы найдете ее где-нибудь еще. Вы сможете выйти из одной тюрьмы, но вы окажетесь в другой — из огня в полымя. Вы можете легко менять свои тюрьмы, но это несущественно. Вот что все делают веками. В каждой жизни вы были как в тюрьме — иногда мужчина, иногда женщина,

иногда черный, иногда белый, иногда индус, иногда китаец, иногда американец. Вы прошли через все возможные формы. Когда люди приходят ко мне, и я смотрю на них, удивительно, сколько форм они прошли, сколько тел, сколько форм они прожили, сколько имен и религий и стран... и все еще они не удовлетворены. И они продолжают ходить по прежнему кругу вновь и вновь.

Запомните еще одну вещь. То же, что я говорил вам о самоубийстве, — которое присуще только человеку, и никакое животное не совершает его, — справедливо и для скуки. Скука присуща лишь людям. Буйвол никогда не скучает, осел никогда не скучает — только человек, только высоко развитое сознание. Если вам не наскучила ваша жизнь, то это просто показывает, что вы живете на очень низком уровне сознания.

Будда скучал, Иисус скучал, Махавира скучал — они скучали до смерти! Вокруг одно повторение и больше ничего. Из скуки приходит отречение. Человек, которому наскучил мир, становится саньясином. Ищут не другой мир, ищут окончаний поисков. Это самоубийство тотальное, окончательное.

Третий вопрос:

Слушая Тебя, я чувствую, будто я умираю, будто Ты непрерывно отталкиваешь меня дальше и дальше. Ты — мой пик, мой Эверест, такой прекрасный, такой далекий, и все же очень близкий. Могу ли я что-то сделать, чтобы открыться Тебе?

Моя цель состоит в том, чтобы подтолкнуть вас к смерти, сбросить вас в пропасть неизвестного, подтолкнуть вас к опыту ноля. Мы в Индии называем это самадхи. Это нулевой опыт — где в каком-то смысле вы есть, а в каком-то вас нет; где вы пусты от всего содержания, остается только содержащее; где все записи из книги исчезли, и осталась лишь пустая книга. Это настоящая Библия, настоящие веды. Когда все записанное исчезло, и книга абсолютно пуста; когда все содержание, все мысли, ум, эмоции, желания исчезли, и существует только чистое сознание, чистое от всего этого — вот что я называю бездной.

Ты говоришь: «Ты — мой пик, мой Эверест». Да, это так, но пик будет позже. Сначала появится бездна. Я и твоя бездна. Позволь мне рассказать очень красивый анекдот. Слушай его очень, очень внимательно, и позднее, когда ты будешь тихо сидеть дома, поразмышляй над ним.

Человек пришел на ранчо купить лошадь, выбрал одну и сказал:

— Эй, какой породы вон тот красивый пони?

— Паламино, — сказал владелец ранчо.

— Любимый ваш друг это мой друг. Я хотел бы его купить, — сказал человек.

Владелец ранчо ответил:

— Я должен сказать, сэр, что он принадлежал проповеднику. Если вы хотите, чтобы лошадь тронулась, скажите: «Господи»; если вы хотите, чтобы лошадь остановилась, скажите: «Аминь».

— Позвольте мне опробовать эту лошадь, — сказал покупатель. Он забрался на нее и сказал:

— Господи!

Лошадь резво тронулась и поскакала галопом в горы. Человек испугался и закричал:

— Господи, господи!

Лошадь понеслась еще быстрее.

Внезапно они очутились перед обрывом, и в панике стал кричать:

— Ох! Ах! — но это не помогло. Он вспомнил и сказал:

— Аминь.

Лошадь встала прямо у самого края обрыва. Выгирая пот со лба, он с облегчением сказал:

— Господи!

Ты спрашиваешь: «Что я могу сделать, чтобы открыться Тебе?» Скажи «Господи», и все случится само собой.

Четвертый вопрос:

Я люблю слушать, как Ты говоришь, но больше всего мне понравилось, когда вчера Ты спросил, слышим ли мы Тебя.

Я хотел бы спрашивать это каждый день, каждое мгновение. Вы слышите меня? Но только из вежливости я не спрашиваю об этом. В этот день микрофон сломался и я смог набраться мужества. Но помните, вы солгали мне. Когда я спросил, слышите ли вы меня, вы ответили, что не слышите. Вы лгали. Если вы не слышали моего вопроса, то как вы могли ответить на него? Снова из-за вежливости я промолчал. Мне пришлось.

Молодая женщина приехала к Мулле Насреддину за советом. Она сказала Мулле:

— Должна ли я выйти замуж за парня, который лжет мне?

— Да, если вы не хотите остаться незамужней навсегда, — сказал Насреддин.

Я должен принимать вас, лжецов, как моих учеников, потому что нет другого выхода, если я не хочу остаться мастером без учеников. В этот миг вы мне лгали. Вы слышали меня, и все же сказали: «Нет». Не только вам было приятно, что я спрашиваю вас, слышно ли меня. Мне также понравился ваш ответ.

Пятый вопрос:

Вы называете Хасидизм радостным, просветленным сообществом, однако хасидизм современного Нью-Йорка кажется таким жестким, строгим и догматичным, как для не евреев, так и для других евреев. Как случилось это превращение?

Так происходит всегда. Истина не может долго оставаться на земле; она приходит и уходит. Если вы доступны, то она ударяет вас и затем уходит. Вы не можете удержать ее на земле. Земля настолько лжива и люди настолько погружены в их ложь, что правда не может оставаться здесь долго. Всякий раз, когда Будда приходит на землю, то правда появляется на несколько мгновений. Когда Будда уходит, то правда так же исчезает. Только следы остаются, и вы продолжаете поклоняться следам. Следы это не Будда, и слова произнесенные Буддой — обыкновенные слова. Когда вы повторяете их, это только слова, они не означают ничего. Это Будда знал смысл за словами. Вы можете повторять те же самые слова, но они не будут означать то же самое, потому что человек, произносящий эти слова не тот. Хасиды были избранной общиной, когда Баал Шем был там. Когда он шел по земле, то Хасиды были одним из наиболее красивых сообществ на земле — они процветали. Мастер необходим, живой Мастер необходим. Просто в присутствии живого Мастера расцветает ваш внутренний цветок. После того, как исчез Баал шем, осталась только традиция. Что он сказал, что он делал, — легенды о нем, их много. И затем люди продолжают повторять их, люди продолжают подражать им. Эти люди обречены на ложь. Но это естественно, так что нет смысла сердиться на них. Когда я уйду отсюда, эта община не будет такой радостной, не может быть. Это естественно. Тогда будут слова и люди будут повторять их и они будут пытаться следовать им религиозно, но будет присутствовать усилие. Сейчас нет никакого усилия. Вы просто течете со мной. Сейчас это спонтанно, сейчас это любовь. Тогда это будет каким-то долгом, который нужно выполнить. Вы будете чувствовать обязательство. Вы запомните меня. Вы захотите жить так же, но что -то очень жизненно важное будет упущено. — жизнь будет отсутствовать. Всякий раз, когда Мастер уходит, то только труп его учения остается. Поэтому всегда ищите живого Мастера. Мертвый Мастер бесполезен — потому что мертвый Мастер не означает ничего кроме мертвого обучения. Всегда ищите живого Мастера. Но это очень трудно, потому что людские умы очень консервативны. Со временем вы признаете кого-то, как Мастера, после того, как он уходит. В этом трудность. Со временем вы распознаете, что Иисус это Мастер, но Иисуса уже нет. Потом есть лишь Христиане, потом есть лишь церкви, Римский папа и священник, и они ловят вас. Да, Хасидизм стал ортодоксальным, но Хасиды не были таковыми. Они были живой религией, очень живой рекой. Я слышал:

Яростный антихристианин еврей лежал при смерти. Все семейство собралось вокруг него, он умирал:

— Призовите священника.

Все были поражены как ударом молнии, но его жена, сказал их старшему сыну:

— Сходи, это его последнее желание. Призовите священника.

И вот сын призвал католического священника, который принял старого человека в лоно Церкви, дал ему последние обряды и наставления, и ушел. Старший сын, со слезами на глазах, прошептал отцу:

— Папа, всю вашу жизнь ты внушал нам, что Церковь Рима является антирелигиозной. Когда пришли твои последние мгновения, как ты можешь признать ее? Ты — Еврей, и ты всегда верил в Иудейские традиции. Как можешь ты сделать такое в последний миг?

И на последнем вздохе старик пробормотал:

— Еще один ублюдок умер.

Он перешел в Католики для того, чтобы Католик умер. «Один из ублюдков умер!» Люди всегда становятся на этот путь, потому что они живут умом. Ум есть традиция. Я слышал.

— Ваш дедушка религиозный человек? — спросила молодая студентка своего приятеля.

— Он такой ортодокс, — ответил парень, — что когда он играет шахматы, то использует не епископов¹, а раввинов!

Эго живет на пути традиций. Чтобы быть революционным, требуется быть вне эго. И это не то, что вы можете сделать один раз и навсегда, вы должны делать это каждый раз снова и снова, потому что эго продолжает закрывать вас, эго продолжает углубляться в вас. Каждое мгновение, которое вы проходите, — что бы вы не прожили, что бы вы не испытали, становится вашим эго. Вы должны отбросить это. Отказ не на всегда. Вы должны отказываться каждое мгновение; что бы не собралось, вы должны отказываться от этого. Только тогда отказ станет революцией. И вы должны отказаться не только от привычных вещей в мире, вы должны также отказаться от привычных идеологий — Еврейской, Христианской, Индуистской, мусульманской. Вы должны отказаться от мыслей настолько, чтобы вы могли стать чистым, подобным зеркалу, отражению. Тогда ваше сознание может оставаться неискаженным, не замутненным никакой мыслью, чтобы вы смогли видеть вещи непосредственно и ваше сознание не отвлекалось и не искажалось бы никакими предрассудками. Когда традиция устанавливается, когда религия больше не революционна, то вы начинаете интерпретировать это по своему. Тогда вы не беспокоитесь о том, что имел в виду Будда, тогда вы начинаете читать свои мысли в утверждениях Будды. Тогда вы не беспокоитесь, что говорил Кришна, вы продолжаете читаться в Гите то, что вам хотелось прочесть. Тогда происходит извращение. Именно поэтому я настаиваю

¹ По-английски шахматная фигура «слон» называется «епископом».

снова и снова: если вы можете найти живого Мастера, будьте с ним — потому что вы не сможете исказить живого Мастера. Вы попытаетесь! Но вы не сможете исказить его, потому что живой Мастер может остановить вас, когда вы искажаете его послание. Но мертвая книга, священное писание — Библия, Коран, Гита — что могут они сделать? Они могут быть священными, но они совершенно мертвы; вы можете делать с ними все что захотите. А человек очень хитер и очень умен.

Когда старый Фенесси упал на улице, скоро собралась толпа и начались предложения о том, как его оживить. Маггайе О'Релли завопила:

— Дайте бедному человеку немного виски.

Никто не обратил на нее никакого внимания и толпа продолжала выкрикивать предложения. В результате Фенесси открыл один глаз, приподнялся на локоть и сказал тихо:

— Попридержите ваши языки и послушайте, что говорит Маггайе О'Рейли!

То, что мы хотим услышать, то, что мы хотим, — становится нашим священным писанием, становится нашей интерпретацией. Люди застыли. Хасиды они, буддисты или суфии, или Дзен-буддисты, не имеет значения — ум человека застыл. Там, где они есть, они создают жесткость. Вы можете быть индусом, и вы можете стать христианином, или из христианина вы можете стать мусульманином, но это не имеет существенного различия, потому что вы останетесь собой. И вы будете делать тот же самое будучи христианином, вы будете делать то же самое будучи мусульманином или индуистом. В какую идеологию вы верите не имеет значения. То, что реально имеет значение, это — вы, ваше сознание, ваше состояние сознания. Вы здесь со мной. Ваши дети, следующее поколение, будут верить в меня просто потому, что их отец или их мать верили в меня. Они не будут иметь прямого контакта со мной. Они будут просто верить; это не будет доверие, это будет только умственная вещь, формальная вещь. Иногда дети приходят и принимают саньясу, когда их мать принимает саньясу. Ребенок не знает, что он делает, куда он идет; он просто подражает матери. Мать поступила по ее собственной воле, но ребенок пришел просто как тень. Для матери я имею совершенно другой смысл, а для ребенка я ничего не значу. Если мать ушла к другому Мастеру, то ребенок последует за ней. Если мать стала мусульманкой или христианкой, то ребенок станет мусульманином или христианином. Для ребенка это неважно, это не имеет значения для ребенка — но это может стать частью его эго, что он — саньясин. Позже в жизни он может носить оранжевое, может носить мала, и он будет совершать формальности, но на самом деле он будет обыкновенным, как повсюду этом мире. И со своей верой он будет делать то, что делают всегда обычные умы — он станет жестким, фанатичным в отношении ее. Он объявит, что здесь истина и нигде больше. Когда вы объявляете, что только ваша вера истинна, а все другое ложно, — вас не заботит истина вообще. Вас заботит лишь утверждение вашего эго. Это эго заявляет:

«Моя страна права, моя религия права. Неправильно это или правильно, но моя страна права, моя религия права — потому что это моя религия». Глубоко внутри это значит, что мое «Я», должно быть право.

Шестой вопрос:

Вчера ночью, на рассвете, я видел два сна один за другим. В одном вы сидели в комнате в полной тишине. Я вошел в комнату очень медленно, подошел все ближе и ближе к вам, поклонился, коснулся ваших ног. Вы положили руки на мою голову. Я чувствовал блаженство, экстаз, очень много света. Второй сон: это была красивая комната, очень холодная, успокаивающая, синего цвета. Вы лежали на кровати. Лакими и некоторые другие ученики и я сам сидели там — очень немного учеников было там. Лакими поманила меня пересест поближе к вашей кровати. Вы показывали что-то, что не показывали прежде. Ваши пальцы совершали совершенно другие жесты. Это выглядело так, как будто вы давали ваше последнее послание. Я мог даже слышать его очень ясно и отчетливо. Это было: «Пейте меня, ешьте меня, дышите мною. Не покидайте меня не выпитым, не съеденным и не прочувствованным». И мы все плакали.

Вот здесь ты ошибся. Вы должны были смеяться. Исправьте свой сон. В следующий раз не совершай этой ошибки.

Седьмой вопрос:

Станет ли день расставания днем встречи? И будет ли сказано, что мой закат был по правде говоря моим рассветом? Мое сердце станет ли деревом, под тяжестью тяжелого плода, который я могу сорвать и дать им? Являюсь ли я арфой в руках Божественного, которое дотрагивается до меня, или флейтой, через которую его дыхание может проходить сквозь меня? Я — искатель тишины, и где то сокровище, что я нашел в тишине, и которое могу раздать с уверенностью?

Да, миллион раз, да. Пусть это будет твоим гидом. Ты только позволь Божественному, и оно будет петь через твою флейту. Не вставай у него на пути. Только одна вещь необходима — не препятствуйте Богу. Вопрос не в том, — играет ли Бог на твоей флейте или нет. Вопрос в том, позволишь ли ты ему это или нет. Если ты позволяешь ему, то именно в этот миг начинается песня. Если ты не позволяешь ему, продолжаешь молиться: «Поиграй на моей флейте», тогда это никогда не случится. Человеку нужно лишь сдаться, и ничего другого не делать — в полном доверии, в глубокой любви. Не будьте делателем, только сдающимся. Отпустите себя. И чтобы вы не просили, я говорю да, миллион раз да.

Восьмой вопрос:

Я был грустным ребенком, испуганным юношей, злым молодым человеком. Однако всю свою жизнь я глубоко внутри чувствовал, что все это забавно, абсурдно, смешно. Когда я был в семинарии несколько лет назад, мой друг сказал мне, что мы имеем такую ограниченную способность к божественному, что если бы Бог рассказал нам шутку, то мы бы умерли от смеха. Я помню утверждение моего друга, потому что с начала прибытия в Пуну я почувствовал внутри себя бьющийся животный смех. Я чувствую, что Бог рассказал мне шутку, и что смех постепенно растирает меня. Я немного боялся, что я не справлюсь с ним до тех пор, пока я не уеду из Пуны; и тогда я стану смеяться так громко и сильно, что вы услышите меня даже из Техаса. Пожалуйста скажите мне, смогу ли я пережить эту шутку?

Невозможно пережить такую шутку. Смех, которому я обучаю вас, есть что-то, что способно разрушить вас полностью. Смех, которому я обучаю вас, очень разрушителен, это распятие на кресте. Но только после такого разрушения существует созидание. Только вне хаоса есть рождение звезд и только после распятия на кресте есть воскресение. Нет, ты не будешь способен пережить этот смех. Если ты действительно позволишь это, то ты будешь поглощен этим, ты исчезнешь и только смех останется. Если вы смеетесь, тогда смеха нет вообще. Когда существует только смех, а вас нет, тогда это все. И только тогда вы слышите шутку, которую рассказывает Бог. Да, весь это космос шутка: Индусы называют это лила. Это шутка, это игра. И в тот день, когда вы понимаете, вы начинаете смеяться, и этот смех никогда не останавливается. Он продолжается и продолжается. Он распространяется на весь космос. Смех это молитва. Если вы можете смеяться, то вы научились, как молиться. Не будьте серьезны; серьезный человек никогда не может быть религиозным. Только человек, который может смеяться, — не только над другими, но и над самим собой, может быть религиозным. Человек, который может смеяться абсолютно, кто видит всю глупость, странность и все игры жизни, становится просветленным в этом смехе. Нет. Вы спрашиваете: «Пожалуйста, расскажите мне, переживу ли я эту шутку?»

Нет, если вы слышали шутку, то вы не сможете остаться в живых. Если вы не слышали, то тогда это к несчастью, потому что вы останетесь в живых.

Последний вопрос и наиболее важный:

Багван, почему у евреев длинный нос?

Сейчас вам нечего бояться. Я не собираюсь произносить речь на полтора часа, — нет, потому что я знаю ответ. Когда вы не знаете ответа, то вы должны дать очень длинный ответ. Вы видите, именно поэтому я продолжаю говорить так долго. Когда я не знаю ответа, то я должен говорить очень долго. Пока я говорю, вы забываете ваш вопрос. Но когда

я знаю ответ, это не нужно. А я знаю ответ. Так получилось, что я знаю ответ.

Как ко мне попал этот ответ — об этом я должен кое-что вам рассказать.

Однажды — всего несколько дней назад — Вивек рано утром задала мне вопрос:

— Почему у евреев длинные носы?

Я сидел на стуле в обычной позе. Я поправил свое полотенце, посмотрел на часы и собрался начать огромную лекцию по философии и физиологии еврейского носа. Она испугалась и приготовилась к худшему. Естественно — потому что если я взлечу, то чтобы вернуться на землю, мне нужно по меньшей мере полтора часа. И она сказала:

— Стой! Стой! Я знаю ответ! Можешь не отвечать!

Я был очень потрясен, потому что я был уже готов начать. Поспешно она сказала:

— Потому что воздух бесплатный!

Это прелестно. Мне понравилось. Это объясняет все. У евреев длинные носы, поэтому что воздух бесплатный!

Глава 7 Сокровище

Раввин Бунам рассказывал эту историю юношам, когда они впервые приходили к нему, историю о раввине Эзике, сыне раввина Якеля, который жил в Кракове...

После долгих лет полной нищеты, которая не поколебала его веры в Господа, ему приснилось, что кто-то предложил взглянуть на сокровище под мостом, который ведет к королевскому дворцу в Праге. Когда этот сон повторился в третий раз, он поехал в Прагу. Но мост охранялся день и ночь, и он не мог начать копать. Тем не менее, он каждое утро приходил к мосту и до вечера ходил вокруг него.

В конце концов, начальник охраны, наблюдавший за ним, вежливо спросил его, не ищет ли он чего, или не ждет ли он кого.

Раввин Эзик рассказал свой сон, который заставил его приехать из далекой страны.

Начальник рассмеялся: «И чтобы исполнилась твоя мечта, ты износил ботинки, чтобы приехать сюда! Бедный мальчик. При вере во сны, если бы мне это приснилось, я должен был бы поехать в Краков и искать сокровище под плитой в комнате еврея Эзика, сына Якеля! Вот, что мне приснилось. И подумай, что бы это было такое, ведь половину евреев зовут Эзиками, а другую половину — Якелями! И он опять

засмеялся. Раввин Эзик ушел, приехал домой, выкопал сокровище из-под плиты и построил молитвенный дом, который называется Школа раввин Эзика

Раввин Бунам обычно прибавлял: «Почувствуйте эту историю своим сердцем, и делайте то, что оно говорит сами. Есть нечто, что вы не сможете отыскать нигде в мире, даже у цадиков но, тем не менее, есть место, где это можно найти».

Жизнь — это поиск, постоянный поиск, отчаянный поиск, безнадежный поиск... поиск того, чего человек не знает. Существует потребность искать, человек не знает, что он ищет.

И существует определенное состояние ума, когда что бы вы не получили, не приносит удовлетворения. Кажется, что огорчение становится уделом всего человечества, потому что, что бы вы не получили, становится ненужным в тот самый миг, как оказывается у вас. Вы снова начинаете искать.

Поиск продолжается, получаете ли вы что-то или нет. Кажется неважным, получили вы это или не получили, — в любом случае поиск продолжается. Бедные ищут, богатые ищут, больные ищут, здоровые ищут, сильные ищут, слабые ищут, глупцы ищут, мудрые ищут — и никто точно не знает что.

Сам этот поиск — что это такое и почему — следует понять. Кажется, что в человеческом существе, в его сознании есть дыра; кажется, что в самом строении человеческого сознания есть дыра, черная дыра. Кажется, что ничто не способно ее заполнить, ничто не может помочь этому. Вы бросаете что-то туда, и все это исчезает. Это лихорадочный поиск. Вы ищите в этом мире, в другом; иногда вы ищите это в деньгах, во власти, в положении, и иногда вы ищите это в Боге, в благословении, в любви, в медитации, в молитве, но поиск продолжается. Кажется, что человек болен поиском.

Поиск не позволяет вам быть здесь и сейчас, потому что он всегда ведет вас куда-то еще. Поиск — это проекция, поиск — это желание, что-то еще, которое необходимо, что-то существующее, но существующее где-то еще, а не там, где есть вы. Это конечно существует, но не в это мгновение времени, не сейчас, но где-то еще. Это существует потом, там, этого никогда нет здесь и сейчас. Это придирается к вам, дергает вас, давит на вас, это бросает вас в еще большее сумасшествие, вы сходите с ума, и это никогда не исполняется.

Я слышал о великой суфийской женщине-мистике, Рабии аль-Адавии.

Однажды вечером, люди нашли ее сидящей на дороге, ищущей что-то. Она была старой женщиной, ее глаза плохо видели, и ей было трудно видеть. И ее соседи пришли, чтобы помочь ей. Они спросили:

— Что ты ищешь?

— Вопрос неуместен, я просто ищу. Если вы можете помочь мне, помогите.

Они засмеялись и сказали:

— Рабия, ты что, сошла с ума? Ты говоришь, что наш вопрос неуместен, но если мы не знаем, что ты ищешь, то как мы можем тебе помочь?

— Хорошо. Чтобы вы были довольны, я ищу свою иголку, я ее потеряла.

Все стали ей помогать, но сразу же поняли, что дорога очень большая, а иголка — крошечная. И они спросили:

— Пожалуйста, покажи точно, где ты ее потеряла. Иначе будет очень сложно. Дорога большая, и мы можем продолжать поиски вечно. Где ты ее потеряла?

— Вы опять задаете неуместный вопрос. Какое это имеет отношение к моим поискам?

— Ты явно сошла с ума! — сказали они.

— Хорошо, чтобы удовлетворить ваше любопытство, я потеряла ее в доме.

— Тогда почему ты ищешь ее здесь?

— Потому что здесь есть свет, а там, внутри, его нет.

Солнце садилось и до сих пор освещало дорогу.

Эта притча имеет очень большое значение. Вы когда-нибудь спрашивали себя о том, что вы ищите? Вы когда-нибудь глубоко задумывались о том, что вы ищите? Нет. Даже если в самые неясные миги, миги мечтаний, у вас есть какие-то намеки на то, что вы ищите, это никогда не становится определенным, это никогда не точно. Вы еще не определили, что это такое. Если вы попытаетесь сделать это, — чем определеннее оно будет становиться, тем больше будет у вас чувство, что это не надо искать. Поиск может продолжаться только в состоянии неопределенности, в стадии мечтаний; когда все вокруг неясно, вы начинаете поиск, движимые какой-то внутренней силой, движимые какой-то внутренней срочностью. Одно вы знаете: вам нужно искать. Это внутренняя потребность. Но вы не знаете, что ищите.

А если вы не знаете, что ищите, как вы можете найти это? Это неопределенно: вы думаете, что это в деньгах, во власти, в положении, в престиже. Но потом вы видите уважаемых людей, людей, обладающих властью, — и они тоже ищут. Потом вы видите очень богатых людей, — и они ищут. Они ищут до самого конца своей жизни. Поэтому богатство не поможет, власть не поможет. Поиск продолжается вне зависимости от того, что у вас есть.

Должно быть это поиск чего-то другого. Эти названия, эти ярлыки — деньги, власть, престиж — они существуют для того, чтобы удовлетворить ваши умы. Они существуют только для того, чтобы помочь вам чувствовать, что вы что-то ищите. И это что-то все так же неопределенное, очень неясное чувство.

Первое правило для настоящего искателя, для искателя, который насторожился, стал увереннее, — это точно обозначить поиск, сформировать его ясную концепцию, вывести его из дремлющего бессознательного состояния, встретить его в глубокой бдительности; прямо посмотреть на это, встретиться с этим. И сразу же начинается происходить трансформация. Если вы начнете определять свои поиски, то вы начнете терять к ним интерес. Чем более определенным он будет становиться, тем меньше он будет интересовать вас. Как только точно станет известно, что это, он неожиданно исчезнет. Это существует только тогда, когда вы невнимательны.

Это надо повторить: поиск существует только тогда, когда вы находитесь в спящем состоянии, поиск существует только тогда, когда вы неуверенны, поиск существует только в вашей неуверенности. Неуверенность создает поиск.

Да, Рабия права. Внутри нет света. И из-за того, что внутри нет света и сознания, вы начинаете искать снаружи — потому что там это вам кажется более отчетливым.

Все наши чувства экстривертны. Глаза открываются наружу, руки движутся наружу, ноги — тоже, уши слышат внешние звуки, шумы. Все, что у вас есть, все открывается наружу, все пять чувств экстривертны. Вы начинаете искать там, где видите, чувствуете, прикасаетесь — свет чувств падает наружу. А искатель находится внутри.

Эту дихотомию следует понять: искатель внутри, но так как свет находится снаружи, искатель начинает двигаться по направлению к нему, пытаться там найти то, что могло бы исполниться.

Этого никогда не произойдет. Это никогда не происходило. Это не может произойти по природе вещей, потому что пока вы не нашли искателя, весь ваш поиск бессмыслен. Пока вы не узнаете, кто вы есть, все, что вы ищите — тщетно, потому что вы не знаете искателя. Не зная того, кто ищет, как вы можете двигаться в нужном направлении, в верном измерении? Это невозможно. Первое должно быть решено сначала.

И эти две вещи очень важны: во-первых, совершенно точно определитесь с объектом ваших поисков. Не продолжайте просто спотыкаться в темноте. Сконцентрируйте ваше внимание на объекте поиска, на том, что вы действительно ищите. Потому что иногда вам нужно одно, а вы продолжаете искать другое, даже если ваши поиски заканчиваются успешно, ваше желание не будет исполнено. Вы когда-нибудь видели людей, которым повезло в поисках? Вы в чем-то еще видели больших неудачников? Вы слышали поговорку о том, что нет ничего успешнее успеха. Поговорка должна быть была изобретена очень глупыми людьми. Ничто не терпит такой неудачи, как успех.

Об Александре Великом говорят, что в тот день, когда он стал повелителем мира, он закрыл двери комнаты и начал плакать. Я не знаю, было ли так на самом деле, но даже если бы он был хоть немного интеллигентен, это должно было случиться.

Его генералы были очень обеспокоены. Что случилось? Они никогда не видели, чтобы он плакал. Он был человеком другого типа, он был великим воином. Они видели его в великих трудностях, в ситуациях, когда жизнь подвергалась большой опасности, когда смерть была очень близка, и тогда они не видели у него ни одной слезинки. Они никогда не видели его в миги отчаяния и безнадежности. Что же теперь случилось с ним, теперь, когда он победил, когда он стал завоевателем мира?

Они постучались, вошли и спросили: «Что с вами случилось? Почему вы плачете как маленький ребенок?» Он ответил: «Теперь, когда я победил, я понял, что проиграл. Теперь я знаю, что сейчас нахожусь в том же месте, как был тогда, когда я затеял это бессмысленное завоевание мира. И это стало теперь мне ясно, потому что нет больше мира, который можно было бы завоевать, иначе я бы остался в путешествии, я мог бы начать завоевывать другой мир. Теперь нет мира, который можно было бы завоевать, теперь некуда идти, и неожиданно я предоставлен самому себе».

Удачливый человек всегда оказывается наедине с самим собой в конце концов, а потом он испытывает муки ада, потому что он потерял всю свою жизнь. Он искал и искал, он положил на это все, что у него было, теперь он добился успеха, и его сердце оказывается пустым, а душа незначительной, и нет аромата, нет благословения.

И поэтому первое, что нужно знать, это что вы ищите. Я на этом настаиваю, потому что чем больше вы концентрируетесь на объекте поиска, тем больше он начинает исчезать. Когда ваш взгляд полностью сконцентрирован, неожиданно оказывается, что здесь нечего искать, ваши глаза сразу же начинают смотреть вперед. Когда нет объекта поиска, когда все объекты исчезли, — везде пустота. В этом есть изменения. Вы неожиданно начинаете смотреть на себя. Теперь вам нечего искать, и появляется новое желание познать ищущего.

Если нечего искать, вы земной человек; если нечего искать и вопрос «Кто искатель?» стал важен для вас — тогда вы верующий человек. Так я различаю мирское и религиозное.

Если вы все равно что-то ищите: может быть в другой жизни, на другом берегу, на небесах, в раю, не имеет значения, — вы все равно мирской человек. Если все поиски прекратились, и вы неожиданно осознали, что теперь существует только одно — «Кто этот искатель во мне? Что это за энергия которую он ищет? Кто я?» — тогда произошла трансформация. Все ценности неожиданно изменились. Вы начали двигаться внутрь.

Тогда Рабия больше не сидит на дороге, ища иголку, которая потерялась где-то в темноте ее души. Начав однажды двигаться внутрь... В начале очень темно — Рабия права. Там очень, очень темно, потому что на протяжении жизней, вы никогда не были внутри — ваш взгляд был сконцентрирован на внешнем мире.

Вы когда-нибудь видели это? Наблюдали? Иногда когда вы входите в дом с улицы, где очень солнечно, жарко и яркий свет, когда вы неожиданно входите в комнату или в дом, становится очень темно,

потому что ваши глаза сфокусированы на внешнем свете. Когда очень много света — глаза режет. В темноте глаза отдыхают. В темноте зрачок расширяется, а на свету достаточно и суженного зрачка. Так функционирует камера и так устроены ваши глаза. Камера была изобретена наподобие человеческого глаза.

Поэтому, когда вы неожиданно входите в помещение, ваш собственный дом кажется темным. Но если вы немножко посидите, темнота постепенно исчезнет. Теперь стало светлее, ваши глаза привыкли.

На протяжении многих жизней вы находились под жарким солнцем, поэтому когда вы вошли внутрь, вы совершенно забыли как это делается, как приспособить ваши глаза. Медитация это не что иное как перенастройка вашего видения, перенастройка вашей способности видеть, ваших глаз. В Индии это называется третьим глазом. Это не глаз который где-то находится, это перенастройка, полная перенастройка ваших взглядов. Раз за разом темнота рассеивается, начинает чувствоваться неуловимый свет.

И если вы будете искать внутри, а для этого требуется время, — постепенно, медленно, вы начнете чувствовать прекрасный свет внутри. Но это не агрессивный свет, он не похож на солнце, он больше похож на луну. Он не ослепляет, он не ярък, не ослепителен, он очень спокоен, он прохладен, он очень мягкий, это бальзам.

Шаг за шагом, когда вы привыкнете к внутреннему свету, вы увидите что вы и есть тот самый источник. Искатель становится виден. Тогда вы увидите, что сокровище находятся внутри вас, а вся проблема заключалась в том, что вы искали его снаружи. Вы искали его где-то снаружи, а оно всегда было внутри вас, оно всегда было здесь, внутри вас. Вы искали в неверном направлении, вот и все.

Все вам доступно так же как доступно кому-нибудь другому, так же, как это доступно Будде, Баал-Шему, Моисею, Мухаммеду. Это все доступно вам, вы только смотрите не в том направлении. Что касается сокровищ, вы не беднее, чем Будда или Мухаммед, нет, Бог никогда не создавал бедняка, это не происходит, это не может произойти, потому что Бог создает вас из своего богатства. Как он может создать бедного человека? Вы — его творение, вы часть его бытия, как же вы можете быть бедным? Вы богаты, бесконечно богаты, богаты как сам бог.

Но вы смотрите в неверном направлении. Направление неверно, поэтому вы продолжаете терять. И это не значит, что вы не добьетесь успеха в жизни, вы может его добиться, но все равно вы проиграете. Ничто не принесет вам удовлетворения, потому что во внешнем мире нельзя достичь ничего, что можно было бы сравнить с внутренним сокровищем, с внутренним светом, с внутренним блаженством.

Теперь эта история. Она имеет огромное значение.

Раввин Бунам обычно рассказывал юношам, когда они впервые приходили к нему, историю раввина Эзика, сына раввина Якеля, который жил в Кракове...

После долгих лет полной нищеты, которая не поколебала его веры в Господа, ему приснилось, что кто-то велел ему искать сокровище под мостом, который ведет к королевскому дворцу в Праге. Когда этот сон повторился в третий раз, он поехал в Прагу. Но мост охранялся день и ночь, и он не смел начать раскопки. Тем не менее он каждое утро приходил к мосту и до вечера ходил вокруг него.

В конце концов начальник охраны, наблюдавший за ним, вежливо спросил его, не ищет ли он чего-нибудь или не ждет ли он кого-нибудь.

Раввин Эзик рассказал ему свой сон, который заставил его приехать из далекой страны.

Начальник рассмеялся:

— И лишь в угоду своему сну ты износил ботинки по пути сюда? Бедный малый. А что до веры в сны, если бы я в них верил, мне пришлось бы поехать в Краков и искать сокровище под плитой в комнате еврея Эзика, сына Якеля! Вот что мне приснилось. Представить себе смешно, ведь половину евреев зовут Эзиками, а другую половину — Якелями!

И он опять засмеялся. Раввин Эзик поклонился, приехал домой, выкопал сокровище из-под плиты и построил молитвенный дом, который называется «Молитвенный дом раввина Эзика».

Раввин Бунам обычно прибавлял: «Примите эту историю себе в сердце, и делайте так, как оно вам подсказывает. Есть нечто, что вы не сможете отыскать нигде в мире, даже у Цадика, но тем не менее, есть место, где это можно найти».

Первое, что следует понять в этой истории, это то, что ему снилось. Все желания снятся, а все сны уносят вас от вас — это сущность снов.

Вы можете спать в Пуне и вам может сниться Филадельфия. Утром вы не проснетесь в Филадельфии, вы проснетесь в Пуне. Во сне вы можете быть везде, сон обладает огромной свободой, потому что он нереален. Во сне вы можете быть где угодно: на Луне, на Марсе. Вы можете выбрать любую планету, это ваш выбор. Во сне вы можете быть где угодно, есть только одно место, где вы не можете быть — это там, где вы есть сейчас. Это первое, что нужно понять о сознании во сне. Если вы там, где вы есть, тогда сон не может существовать, потому что в нем нет смысла.

Если вы находитесь точно там, где вы есть, и вы есть то, что вы есть, то как же может сон существовать? Сон может существовать только в том случае, если вы уйдете от самих себя. Вы можете быть бедняком и мечтать о том, что вы — император. Вы можете быть обыкновенным человеком и мечтать о том, что вы — неординарная личность. Вы идете по земле, но вам снится, что вы парите в небе. Сон должен быть подделкой реальности, сон должен быть чем-то иным, нежели реальность.

В реальности нет сна, поэтому те, кто хочет познать реальность, должны прекратить мечтать.

В Индии мы разделили человеческое сознание на четыре стадии. Первый этап — это обыкновенное бодрствующее сознание. Сейчас вы находитесь на этом этапе сознания. Что такое обыкновенное бодрствующее сознание? Кажется, что вы бодрствуете, а на самом деле нет. Вы немного пробуждены, но это немного такое ничтожное, что ничего не значит.

Вы можете идти домой, вы можете узнать жену или мужа, вы можете ехать на машине... этого немного будет достаточно. Это дает вам какую-то эффективность. Но это очень небольшое сознание, очень легко исчерпывающееся, очень легко теряющееся. Если кто-то оскорбляет вас, вы становитесь злыми. Вы больше не держите себя в руках. Поэтому, когда злость проходит, многие люди говорят: «Почему я сделал это? Как я сделал это? Как я мог это сделать? Это случилось без моей помощи». Да, они правы, это происходит без вашей помощи, потому что вы теряете свой разум. В гневе, в ярости, люди становятся одержимыми, они делают то, что никогда бы не сделали, если бы хоть немного отдавали себе отчет. Они могут убить, они могут разрушить, они могут причинить вред даже себе.

Обыкновенное бодрствующее сознание только называется «бодрствующим», глубоко внутри сон продолжается. Видна всего лишь маленькая вершина айсберга, большинство скрыто в темноте. Понаблюдайте иногда за этим. Простите закройте глаза и загляните внутрь: вы увидите, что сны парят вокруг вас как облака. В любое время дня вы можете сидеть в кресле, закрыть глаза, расслабиться и вы неожиданно увидите, что начинаются сны. На самом деле они не начинаются, они продолжают, как днем звезды исчезают с неба. На самом деле они не исчезают, они там, но из-за света солнца вы их не видите. Если вы спуститесь в глубокий колодец, очень глубокий, темный колодец, вы посмотрите на небо и сможете увидеть несколько звезд, даже в полдень. Звезды там, когда наступает ночь они не снова появляются, они всегда там были, все двадцать четыре часа. Они никуда не исчезали, их просто спрятали солнечный свет.

То же самое происходит и с вашими мечтами: они непосредственно под поверхностью, они продолжают прямо под поверхностью. Сверху есть

тонкий слой сознания, под ним находятся тысяча и одна мечта. Закройте глаза и вы обнаружите, что спите.

Поэтому люди оказываются в большом затруднении, когда начинают медитировать. Они приходят ко мне и говорят: «Это что-то смешное, странное. Мы никогда не думали, что может быть так много мыслей». Они никогда не закрывали глаза, они никогда не сидели в расслабленной позе, они никогда не входили внутрь, чтобы увидеть, что происходит там, потому что они были слишком вовлечены во внешний мир, они были слишком заняты. Из-за этой занятости они никогда не осознавали постоянной внутренней энергии.

В Индии обыкновенное бодрствующее сознание называется первым этапом. Второй этап — это сам сон. Каждый раз, когда вы закрываете глаза, то оказываетесь во сне. В нем вы находитесь всю ночь, почти всю. Помните ли вы утром ваш сон или нет, не имеет большого значения, вы продолжаете спать. Есть по крайней мере восемь циклов ночного сна. Один цикл продолжается много минут — пятнадцать, двадцать минут, потом провал, потом наступает другой цикл, потом провал, потом опять следующий цикл. На протяжении всей ночи вы постоянно видите сны, сны и сны. Это второй этап сознания.

Эта притча касается второго этапа сознания. Обычно все желания существуют на втором этапе сознания, в состоянии сна. Желание — это сон и работа за мечту обречена на поражение с самого начала, потому что сон никогда не сможет стать реальностью. Даже если иногда вы чувствуете, что он почти осуществился, он никогда не исполняется, сон по своей природе пуст. Он ничем не заполнен.

Третий этап — это сон, глубокий сон, сушупти. В нем все сны исчезают — но и сознание так же. Пока вы бодрствуете, есть немного сознания, очень немного; когда вы спите, даже это маленькое сознание исчезает. Но все равно остается йота сознания, поэтому вы можете утром вспомнить, что вам снился такой-то сон. Но в глубоком сне исчезает даже это. Ничего не остается. Пустота окружает вас.

Таковы три обычных состояния. Четвертый этап называется турийа. Четвертый просто называется «четвертый». Турийа означает «четвертый». Четвертое состояние — это состояние Будды. Это похоже на сон без сновидений с одним отличием, — и это отличие очень велико. Сон спокоен как глубокий сон, как глубокий сон без сновидений, но он абсолютно живой, сознательный.

Кришна в своей Гите говорит, что настоящий йог никогда не спит. Это не значит, что настоящий йог просто сидит посреди комнаты и не спит всю ночь. Есть глупцы, которые так и делают. То, что настоящий йог никогда не спит, означает, что когда он спит, то остается живым, в сознании.

Ананда прожил с Буддой сорок лет. Однажды он спросил Будду: «Одно очень удивляет меня, я заинтригован. Ты должен ответить мне. Это просто любопытство, но я больше не могу его сдерживать. Когда ты спал ночью, я много раз наблюдал за тобой, часы мы провели вместе, и ты

спишь так, что кажется, как будто ты бодрствуешь. Ты так изящно спишь, твое лицо, твое тело — все грациозно. Я видел много спящих людей, и они начинали бормотать, их лица искажались, их тела теряли грацию, их лица становились уродливыми, они больше не были красивыми...» Всея красотой можно управлять, контролировать, использовать ее, — в глубоком сне она исчезает. «И еще», — сказал Ананда — «Ты никогда не меняешь положения, все время оставаясь в одной и той же позе. Куда ты в начале положил руку, там она и лежит всю ночь. Ты никогда не меняешь позу. Создается впечатление, что глубоко внутри ты бодрствуешь.» Будда ответил: «Ты прав. Это происходит, когда медитация совершенна».

Тогда сознание проникает в ваше существо настолько глубоко, что вы остаетесь в сознании на всех четырех этапах. Когда вы остаетесь в сознании на всех четырех этапах, сон исчезает, потому что он не может существовать в бодрствующем сознании. И обычное бодрствование становится необычным состоянием бодрствования, то, что Гурджиев называет воспоминанием себя. Человек абсолютно помнит себя, каждый миг. Пропasti не существует. Воспоминание продолжается. Тогда человек становится просветленным существом.

И глубокий сон остается, но совершенно изменяется его качество. Тело спит, но душа находится в сознании, бодрствует, наблюдает. Все тело находится в глубокой тьме, но лампа внутреннего сознания ярко горит.

Эта история говорит:

После долгих лет полной нищеты, которая не поколебала его веры в Господа, ему приснилось, что кто-то велел ему искать сокровище под мостом, который ведет к королевскому дворцу в Праге.

После многих лет полной нищеты естественно, что человеку начнут сниться сокровища. Нам всегда снится то, чего у нас нет. Попоститесь днем, и ночью вам приснится еда. Попробуйте приучить себя к воздержанию, и ваши сны станут сексуальными, они будут иметь сексуальную окраску.

Поэтому психоаналитики говорят, что анализ снов имеет огромное значение, потому что они показывают то, что вы подавляете. Ваш сон становится символическим показателем того, что вы подавляете в сознании. Если человеку постоянно снится еда, пиры, это просто означает, что человек сам морит себя голодом. Джайнским монахам всегда снится еда, они могут говорить об этом, могут и не говорить. Если вы слишком много поститесь, вы обречены на то, что вам постоянно будет сниться еда. Поэтому многие религиозные святые начинают так бояться сна.

Даже Махатма Ганди очень боялся спать. Он старался сокращать сон до минимума. Верующие люди стараются не спать долго, четыре часа, самое большее — четыре часа. Три часа — это идеально. Почему?

Потому что как только необходимость тела в отдыхе удовлетворена, ваш ум начинает развивать сны. И немедленно ум преподносит вам то, что вы подавляли. Махатма Ганди сказал: «Я придерживаюсь воздержания тогда, когда дело касается моего бодрствующего сознания, но в моих снах все наоборот». Он был честным человеком, честнее, чем другие так называемые святые. Он хотя бы признал, что в своих снах он не холостяк.

Но до тех пор, пока вы не воздержанны в своих снах, вы не воздержанны на самом деле, потому что сон показывает то, что подавляется на протяжении дня. Сон просто приносит вас к сознанию. Сон — это язык, сообщение от подсознания, которое говорит: «Пожалуйста, не делай со мной этого. Это невозможно выдержать. Прекрати эту бессмыслицу. Ты разрушаешь мою естественную спонтанность. Позволь мне, позволь всему, что есть потенциально во мне, расцвести».

Когда человек ничего не подавляет, сны исчезают. Поэтому Будде никогда не снятся сны. Если ваша медитация будет глубокой, вы немедленно обнаружите, что ваших снов становится все меньше, меньше и меньше. В день, когда сны совершенно исчезнут и вы достигнете ясности во время сна — ни облаков, ни тумана, ни мыслей, простой, тихий сон, без вмешательства сновидений, в этот день вы станете Буддой, ваша медитация расцветет.

Психоанализ настаивает на том, что сны должны быть поняты, потому что человек очень хитер: он может обмануть, когда бодрствует, но не может обмануть когда спит. Сон правдивее... обратите внимание на иронию. Сон намного правдивее говорит о вас, чем ваше так называемое состояние бодрствования. Человек стал настолько фальшивкой, такой подделкой, что на его состояние бодрствования не следует полагаться, вы слишком испортили его. Психоаналитик сразу хочет войти в ваши сны, он не интересуется вашей религией, ему не интересна ваша жизненная философия, он не хочет знать, индус вы или христианин, индеец или американец, все это ерунда. Он хочет знать какие вам снятся сны. Обратите внимание на иронию — ваши сны стали настолько реальными, что ваша действительность менее реальна, чем ваши сны. Вы живете псевдо-жизнью, неаутентичной, фальшивой, такой, что психоаналитик вынужден проникнуть в ваши сны, чтобы найти хоть крупицу правды. Только сны остались вне вашего контроля.

Есть люди, которые пытаются контролировать и сны. На Востоке были изобретены способы, помогающие контролировать сны. Это значит, что вы даже не позволяете сознанию передать вам какое-то сообщение. Вы можете это сделать. Вы можете выращивать сны, если очень постараетесь. Вы можете начать планировать сны. Вы можете рассказать историю своему подсознанию, чтобы повторить это во сне. Если вы будете делать это постоянно, день за днем, вы сможете испортить подсознание.

Например, однажды, последователь Кришны жил со мной. Он сказал: «Мне всегда снится Кришна». Я спросил его: «Как тебе это удается. Сон — это не то, что мы можем создать сами. Как ты это делаешь», Он ответил: «Это простой способ, о котором рассказал мне мой учитель. Каждую ночь, когда я засыпаю, я постоянно думаю о Кришне, мечтаю о нем. После трех лет постоянных тренировок однажды это произошло. О чем бы я не мечтал, все продолжится в моем сне. С тех пор мне снятся потрясающе религиозные сны».

Я сказал: «Расскажи мне обо всех подробностях, потому что ты можешь создать историю, но подсознание будет посылать сигналы в саму историю, подсознание может использовать ее для своих собственных посланий». Он ответил: «Что ты имеешь в виду?» Я сказал: «Ты просто мне перескажи свой сон во всех деталях».

И он начал мне рассказывать. Сон был полон секса. Кришна был его любовником, а он был мужчиной-гопи, его «подружкой». Содержание сна было гомосексуальное. Они танцевали вместе, целовались, обнимались, любили друг друга.

Я сказал: «Ты изменил форму, но содержание осталось. И как я понимаю ты гомосексуалист». Он был очень потрясен и обеспокоен. Он сказал: «Что ты имеешь в виду? Как ты узнал об этом?» Я объяснил ему: «Твой сон — ясное сообщение».

Он начал рыдать и плакать. Он сказал: «С самого детства меня никогда не тянуло к женщинам, меня всегда привлекали мужчины. И я думал, что это хорошо, потому что женщины могут совратить меня с пути истинного».

Гомосексуальное содержание перешло в его религиозную историю. Кришна был ни кем иным, как гомосексуальным партнером. Он стал очень обеспокоен и в ту самую ночь сон исчез, уступив место чисто гомосексуальному сну. Он сказал: «Что вы сделали со мной?» Я ответил: «Я ничего не сделал, я просто объяснил тебе все. Ты можешь выдумать историю, но подтекст все равно останется прежним».

Просто посмотри. Иди к неверующему человеку. Ты увидишь картинки с обнаженными женщинами в индийских домах, в домах бакалавров. Эти люди неверующие. Но приди к верующему человеку. У него могут быть прекрасные картины богов и богинь, но просто посмотри на содержание, на детали этого. Актриса из фильма или богиня — это не имеет значения. Просто посмотри на грудь! Она обозначит то же самое содержание. История может быть другая. У кого-то может быть картина богини на стене, а у кого-то — Элизабет Тейлор или кто-то еще, но это не имеет значения. Зовешь ли ты ее богиней или актрисой из фильма — не имеет значения. Посмотри на детали и ты увидишь, чего желает человек.

Вы можете манипулировать вашими снами, вы можете разрушить чистоту посланий вашего подсознания, но все равно оно будет делать это. Оно должно. Это крик к вам, потому что вы разрушаете свою собственную природу, вашу собственную непосредственность.

Этот сон появился после долгих лет полной нищеты, которая не поколебала его веры в Господа, ему приснилось, что кто-то приказал ему искать сокровище под мостом, который ведет к королевскому дворцу в Праге.

Беднякам всегда снятся королевские дворцы и королевские сокровища и подобные вещи. Если у вас очень богатые сны, это просто показывает, что вы — бедный человек. Только очень богатым людям снится, что они стали саньясинами — Будде, Махавире. Живя во дворцах, им снились сны, как они становятся саньясинами, потому что они были пресыщены своими успехами. Успех для них закончился, он больше не имел той привлекательности, того блеска. Они думали, что жизнь бедняка и есть настоящая жизнь, и они начали искать там, где еще не были.

По сон всегда куда-то исчезает. Богач думает, что бедняк живет настоящей жизнью, а бедняк думает, что настоящей жизнью живет богач. Но заблуждение одно и то же: они оба думают: «Настоящая жизнь находится где-то там, где меня нет. Каким-то образом я исключен из жизни, ей наслаждается кто-то другой. Куда бы я ни пошел, жизнь просто исчезает. Когда бы я не настиг ее, то всегда нахожу пустоту». Но это всегда происходит где-то еще. Жизнь похожа на горизонт, она находится где-то впереди. Это мираж.

Когда этот сон повторился в третий раз, он поехал в Прагу.

И помните, если сон повторяется много раз, он становится похож на правду. Повторение делает вещи реальными.

В своей автобиографии «Моя борьба» Адольф Гитлер написал, что если вы повторяете ложь, она становится правдой. Повторение — вот ключ ко всему. И он знал это. Он пользовался этим. Он не просто утверждает что-то теоретическое, он пользовался этим всю свою жизнь. Он говорил ложь, совершенно абсурдную ложь, но он настаивал на одном — он повторял. Когда вы продолжаете снова и снова повторять какую-то ложь, она начинает становиться реальной, потому что она гипнотизирует ум.

Повторение — это метод гипноза. Повторяйте что-то — и это запечатлется в вашем существе, именно так мы обманываемся в жизни. Если вы будете повторять: «Эта женщина прекрасна, эта женщина прекрасна...», если вы будете это повторять, то начнете видеть в ней красоту. Она может быть, а может и не быть, — это не имеет значения, если вы будете довольно долго повторять, это станет правдой. Если вы думаете, что деньги — цель жизни, повторяйте, и они станут целью.

Так действует вся реклама: просто идет повторение. Рекламодатель верит в науку повторения: он просто повторяет, что этот сорт сигарет лучший. Когда вы прочитаете это в первый раз, то можете не поверить. Но в следующий раз, снова и снова, сколько же вы можете оставаться неверующим? Шаг за шагом возникнет вера. И вера будет такой, что вы

не будете осознавать ее. Она будет скрытой, подсознательной. Однажды, неожиданно, когда вы придете в магазин и продавец спросит, какие сигареты вы хотите купить, вы назовете определенный сорт. Это повторение сработало. Оно гипнотизировало вас.

Вот так в мире действовали религии, от этого зависит и вся политика. Рекламируйте, повторяйте людям, и не беспокойтесь, верят они этому или нет, это не имеет значения. Гитлер говорит, что между правдой и ложью есть одно различие: правда — это ложь, которая повторялась много раз. А человек может поверить любой лжи. Людское доверие бесконечно. Люди могут верить в ад, люди могут верить в рай, люди могут верить в ангелов, люди могут верить в дьяволов, они могут верить во что угодно! Вы просто повторяйте.

И здесь нет необходимости спорить. Реклама никогда не спорит, вы когда-нибудь замечали это? Нет необходимости спорить. Реклама просто убеждает вас, она никогда не спорит. Спорящий может не убедить вас, но человек, который убеждает вас, просто бросает вам мягкие утверждения, а не прямые аргументы... Потому что когда кто-то спорит с вами, вы можете защищаться, но когда кто-то просто указывает на определенные вещи, не прямым путем, просто предполагая, вы быстрее будете убеждены.

Сон действует точно так же, сон — это продавец. Сон просто постоянно повторяется. Он никогда не спорит, он просто настаивает на повторении. И если он часто повторяется, человек начинает верить в него.

Когда он повторился в третий раз, он поехал в Прагу. Но мост охранялся день и ночь, и он не смел начать раскопки.

В мире очень много конкуренции. Каждое место охраняется, за каждую вещь нужно бороться, а это не просто. Это что-то очень странное. В этом мире нет ничего, имеющего смысл, но все равно, за все надо бороться. Кажется, что ничто не имеет значения, но все равно, конкуренция большая, много конфликтов. Все стремятся к этому, это создает проблему, не из-за того, что в этом что-то есть. В этом ничего нет, но все пытаются стремиться к этому. Все стремятся занять чужое место, поэтому мир так перенаселен.

На самом деле, он не так перенаселен, как кажется. Посмотрите... мы сидим здесь, каждый сидит на своем собственном месте. Это место совершенно не переполнено людьми. Но если безумие неожиданно завладеет вашими умами и все начнут пытаться занять чужое место, здесь будет столпотворение. Сейчас вы спокойно сидите, в той же ситуации вы бы стремились друг к другу. Сейчас вы довольны своим местом и не стремитесь к чужому. Но если вы начнете стремиться к другим местам, другие люди начнут защищаться, начнут отталкивать вас. Тогда начнется борьба, война.

Почему в мире так много войн? Причина в том, что каждый пытается занять чужую территорию. И другой делает то же самое. Он может брать пример с вас.

Но мост охранялся день и ночь, и он не смел начать раскопки. Тем не менее он каждое утро приходил к мосту и до вечера ходил вокруг.

Вот что делают многие. Но очень немногие делают это успешно, многие просто ходят вокруг. Но они продолжают делать это. Если вы не можете добиться успеха, ваши желания, ваши надежды, продолжают оставаться. В конце концов, вы можете пойти на то место, и ходить вокруг. Весь день, с утра до вечера, он ходил вокруг — вот, что многие делают, ожидая, что произойдет какое-то чудо. Однажды может не быть охраны, однажды будет праздник, однажды появится возможность копать... человек ждет и продолжает ждать. Этого никогда не происходит, и никогда не произойдет, но вся жизнь теряется в ожидании.

Тем не менее, он каждое утро приходил к мосту и до вечера ходил вокруг него.

В конце концов начальник охраны, наблюдавший за ним, вежливо спросил его, не ищет ли он чего-нибудь или не ждет ли кого-нибудь.

Раввин Эзик рассказал ему свой сон, который заставил его приехать из далекой страны.

Начальник рассмеялся:

— И лишь в угоду своему сну ты износил ботинки по пути сюда? Бедный мальчик. А что до веры в сны, если бы я в них верил, мне пришлось бы поехать в Краков и искать сокровище под плитой в комнате еврея Эзика, сына Якеля! Вот что мне приснилось. Представить себе смешно, ведь половину евреев зовут Эзиками, а другую половину — Якелями!

И он опять засмеялся. Раввин Эзик поклонился, приехал домой, выкопал сокровище из-под плиты и построил молитвенный дом, который называется «Молитвенный дом раввина Эзика».

Это прекрасная история и очень правдивая. Так происходит в жизни. Вы где-то ищите то, что уже есть внутри вас.

Раввин Эзик опустил на колени, поблагодарил человека, отправился домой... Это путешествие религии: путешествие обратно домой. А человек, который понял жизнь, всегда платит ей уважением, потому что она выбила вас из ваших снов. Он не против жизни, он просто знает, что

не имеет ничего общего с жизнью, он просто знает, что искал в неверном направлении.

Жизнь всегда была сострадательной, жизнь всегда говорила вам снова и снова, что вы ничего здесь не найдете, возвращайтесь домой. Но вы ее не слушаете.

Вы зарабатываете деньги, и сегодня деньги есть, а потом жизнь говорит: «Что у тебя есть?» Но вы не слушаете. Вы думаете, что надо вложить деньги в политику, что вы станете премьер-министром или президентом, тогда все будет хорошо. Вот вы становитесь премьер-министром, и жизнь снова говорит: «Чего ты добился?» Вы не слушаете. Вы обдумываете что-то еще, еще и еще. Жизнь громадна, поэтому теряется много жизней.

Но не сердитесь на жизнь. Это не жизнь огорчает вас, это вы не слушаете жизнь. Именно это я называю критерием, краеугольным камнем: если вы видите святого, выступающего против жизни, знайте, что он ее еще не понял. Иначе он опустился бы перед ней на колени в большом уважении и почтении, потому что жизнь пробудила его ото сна. Жизнь шокирует. Жизнь причиняет боль. Боль приходит потому что вы желаете то, что невозможно. Это не приходит из жизни, это приходит из ваших ожиданий.

Люди говорят, что человек предполагает, а Бог располагает. Это никогда не происходило. Бог никогда не располагал чем-то. Но в ваших собственных ожиданиях вы сами чем-то располагаете. Прислушайтесь к ожиданиям Бога, держите свои собственные ожидания при себе. Будьте спокойны. Прислушайтесь к тому, что хочет большинство, не пытайтесь иметь личные цели, не пытайтесь иметь личные желания. Не просите ничего отдельно, целое движется навстречу своему предназначению. Просто будьте частью целого. Сотрудничайте. Не вступайте в конфликт. Сдайтесь ему. А жизнь всегда отсылает вас обратно к вашей собственной реальности, вот почему она шокирует.

Она шокирует вас, потому что не выполняет ваши мечты. И хорошо, что жизнь никогда не исполняет ваши мечты — она всегда располагает. Она дает вам тысячу и одну причину чтобы огорчиться так, чтобы вы могли понять, что ожидания неуместны, а мечты тщетны и желания никогда не исполняются. Тогда вы отбрасываете желания, вы отбрасываете мечты, отбрасываете предположения. Неожиданно вы возвращаетесь домой и находите там сокровище.

Раввин Эзик поклонился, приехал домой, выкопал сокровище из под своей плиты и построил молитвенный дом.

Сокровище всегда ждало его под плитой. В этой же комнате ему снилось, что сокровище было где-то рядом с дворцом короля в Праге. В его собственной комнате, в его собственном доме, оно просто ждало, чтобы его выкопали.

Это очень показательно. Ваше сокровище находится в вашем существе, не ищите его где-то еще. Все дворцы и все мосты к дворцам не имеют значения, вы должны создать свой собственный мост внутри своего существа. Дворец там, сокровище там.

Бог никогда не посылает никого в этот мир без сокровища. Он посылает вас готовыми с любой ситуации, как же может быть иначе? Когда отец посылает сына в долгое путешествие, он полностью подготавливает его. Он готовит даже к неожиданным ситуациям. Он совершает все приготовления.

Вы несете все необходимое. Просто войдите в ищущего и не ищите снаружи. Ищите искателя, именно его.

Из-за этого раввин Эзик построил молельный дом. Это было такое огромное открытие, такой громадный опыт — «Господь положил сокровище туда, где я всегда жил. Я был беден по своей собственной вине, я был беден не потому что Бог захотел этого. Что касается него, я был королем, всегда королем». Из-за этого понимания он построил молельный дом, храм, из своего сокровища. Он хорошо использовал его.

Когда человек находит внутреннее сокровище, возникает молитва — это значение притчи. Он построил молельный дом назвав его школой раввина Эзика. Когда бы вы не поняли милость божью, сострадание, любовь, что же еще вы можете сделать? Великая молитва благодарности возникает внутри вашего существа, вы чувствуете, что переполнены его любовью. Что еще вы можете сделать? Вы просто опускаетесь на колени и молитесь.

И помните, если вы молитесь, чтобы попросить о чем-то, это не молитва. Когда вы молитесь, чтобы поблагодарить его за что-то, только тогда это становится молитвой. Молитва всегда выражает благодарность. Если вы просите о чем-то, молитва испорчена желанием. Это еще не молитва, это все еще отравлено снами. Настоящая молитва приходит только тогда, когда вы пришли к себе, когда вы узнали, что Бог уже дал вам это без вашей просьбы. Когда вы поймете, что он вам дал, какие бесконечные источники он вам дал, возникнет молитва. Вы захотите сказать Богу «Спасибо». Это будет ни что иное, как чистая благодарность.

Когда молитва — просто благодарность, это молитва. Никогда не просите ни о чем в молитве, никогда не говорите: «Сделай то, сделай это, не делай это». Никогда не давайте Богу советов. Это показывает вашу не религиозность, это показывает недостаток веры. Благодарите его. Ваша жизнь — уже благословение, блаженство. Каждый ее миг — это настолько чистая радость, но вы упускаете ее, это я знаю точно. Поэтому молитва не появляется, иначе вы бы построили молитвенный дом, вы бы стали этим храмом — его святыней. Его святыня исходила бы из вас. Он бы растворился в вас, и его аромат был бы разнесен ветром.

Этого не происходит, потому что вы что-то упускаете. Вы это упускаете не из-за него, вы это упускаете из-за самих себя. Если вы чего-то желаете, и думаете, что сокровище где-то есть, вы двигаетесь в

будущее. Оно необходимо вам из-за вашего желания, будущее — это побочный продукт желания. Как вы можете отразить желание в настоящем? Настоящее уже здесь, вы не можете отразить в нем никакое желание, оно не допускает желаний. Если вы желаете, настоящее уже закончилось, вы можете желать только в будущем, только в завтрашнем дне.

Это следует понять. Желание всегда существует в будущем, но будущего никогда нет рядом. Будущее — это то, чего еще нет, а желание существует только в будущем. И желание может приходить из прошлого, которого уже тоже нет. Прошлое закончилось, а будущее еще не наступило. Желание приходит из прошлого, поэтому вы должны знать, что вы пожелали в прошлом. Как вы можете желать то, что совершенно ново? Вы не можете желать чего-то нового. Вы можете только попросить о повторении. У вас есть деньги, вы можете попросить еще денег, но деньги вы знаете. У вас есть власть, вы просите больше, но власть вы тоже знаете. Человек не может желать неизвестного. Желание — это просто повторение известного. Просто взгляните на это. Вы знали это, но оно не исполнилось, поэтому вы просите об этом снова. Вы думаете, что оно исполнится? В большинстве случаев вы просите большего, но если одна рупия не наполняет вас, как же может тысяча рупий наполнить вас? Если одна рупия не наполняет, десять тысяч рупий будут десятками тысячами невыполненных желаний, это простая логика. Если одна женщина не исполнила ваши мечты, этого не сделают и десять тысяч женщин. Если одна женщина создала такой ад, что же с остальными десятками тысячами... просто подумайте! Это простая арифметика. Вы можете решить это.

Вы можете попросить только из прошлого и в будущее, а и то, и другое не существует. Существует только настоящее. Это мгновение — единственное, что есть. В нем вы не можете желать, вы просто можете быть в нем. Вы можете просто наслаждаться им.

А я никогда не встречал человека, который был бы несчастен в настоящем. Вы удивитесь. Много раз люди приходили ко мне и говорили, что очень несчастны, то и это, и я просто говорил им: «Закройте глаза и поймите, несчастны ли вы сейчас или нет». Они закрывали глаза, они открывали глаза и говорили: «Именно сейчас я не несчастен».

Именно сейчас никто не несчастен. Нет такой возможности. Это не возможно по самой природе вещей. В этот самый миг вы несчастны? В этот миг? Вы могли бы быть несчастными мгновение назад, да, это так. Или вы можете стать несчастными мгновение спустя, это тоже допускается. Но прямо сейчас, между двумя этими несуществующими мгновениями, вы несчастны? Никто никогда не был таким.

Этот миг — это всегда чистое благословение, этот миг всегда полон радости, огромного удовольствия, этот миг — миг Бога. Прошлое принадлежит вам, будущее принадлежит вам, а настоящее принадлежит Богу. Мы делим время на три части — прошлое, настоящее, будущее, но

мы не должны делать этого. Это разделение неверно. Время может быть разделено между прошлым и будущим, но настоящее — это не часть времени, это часть вечности. У Бога нет прошлого, помните, вы не можете сказать, что Бог был. У Бога нет будущего, вы не можете сказать, что Бог будет. У Бога есть только одно время — настоящее. Бог есть. Бог всегда есть. На самом деле, Бог — это иное название для существования. Где бы вы ни были в этот миг, вы счастливы, благословлены. Возникает молитва. Вы становитесь святыней. Вы станете Школой раввина Эзика, вы становитесь молитвенным домом.

Раввин Бунам обычно прибавлял: «Примите эту историю себе в сердце, и делайте так, как вам оно подсказывает. Есть нечто, что нельзя отыскать нигде в мире, даже у Цадика, но, тем не менее, есть место, где это можно найти».

Цадик означает мастер. Слово «цадик» происходит от ивритского корня, который означает: чистый, чистота, сама чистота. Цадик означает мастер, тот, кто достиг своего «настоящего», кого больше нет в прошлом и еще нет в будущем, который есть только здесь и сейчас, кто есть лишь присутствие. Быть в присутствии присутствия мастера, значит быть в настоящем. Вот и все. А если вы в присутствии мастера, это может помочь вам быть в настоящем, потому что его присутствие становится заразительным.

Но раввин Бунам говорит: «Есть нечто, что вы не сможете отыскать нигде в мире, даже у цадика...» Он говорит, что есть то, что вы нигде больше не можете найти, даже в присутствии мастера. Но не будьте беспомощными — есть место, где это можно найти.

Это место — вы и это время — сейчас. На самом деле попытка цадика, мастера — это ничто иное, как попытка бросить вас в настоящее, чтобы вы стали доступны Богу или чтобы Бог стал доступен вам.

Этому настоящему нельзя научить, его можно поймать — отсюда ценность сатсанга, бытия в присутствии цадика, мастера, гуру. Просто быть там, ничего не делая... На самом деле, мастер ничего не делает. Он просто здесь. Мастер — это молитва, постоянная благодарность. С каждым вздохом он благодарит Бога, не словами, само его дыхание и есть благодарность, с каждым ударом своего сердца он благодарит. Его благодарность не выражается словами, она экзистенциальна. Его существо — это молитва. Находиться в присутствии такого человека поможет вам ощутить сам вкус молитвы. Этот вкус начнет новое путешествие в вашей жизни — внутреннее путешествие.

Вы искали на протяжении веков, миллионы лет, но еще не нашли. Теперь дайте искателю быть увиденным. Вы так долго путешествовали извне, что очень устали, очень утомлены.

Иисус говорит: «Те, кто устал, те, кто несет тяжелый груз, должны прийти ко мне. Я дарую им отдых». Что он имеет в виду? Он просто

говорит: «Придите ко мне. Я отдыхаю. Будьте рядом со мной. Почувствуйте этот вкус». Этот вкус изменит ваше движение и вы начнете двигаться внутрь.

Здесь вы со мной. Почувствуйте вкус моего бытия. Не просто слушайте мои слова, слушайте меня. Испробуйте меня. И тогда, неожиданно вы окажетесь здесь и сейчас, вы начнете двигаться внутрь, вы не будете ничего просить и не будете ничего желать, вы не будете делать ни единого движения в будущее и у вас не будет никакого цепляния за прошлое.

И в этот миг придет освобождение, это мгновение станет просветлением.

Глава 8 Ребенок на берегу времени

Первый вопрос:

Багван, кто ты и в какие игры ты играешь с нами, и сколько ты будешь играть? Объясни пожалуйста.

Буду искренен с вами, — я не знаю, кто я. Знания невозможны там, где я нахожусь. Есть только знающий, знания исчезли, осталось только вместилище, содержимого нет.

Чтобы знания существовали, в действительности необходимо великое разделение — разделение на познающего и знание. Между ними появляется познание. Познание необходимо, чтобы пришло знание.

Пространство в котором я нахожусь, совершенно не разделено и неделимо. Знание невозможно. Поэтому, чтобы быть точным, я не знаю.

И я хотел бы, чтобы вы тоже пришли к этому невинному невежеству, к этому состоянию незнания. Потому что состояние незнания — это высшее стадия познания, не знаний, заметьте, а познания. И это познание бессодержательно — это не то, как будто вы что-то знаете, здесь нечего знать. Вы просто есть. Я есть, но я не знаю, кто я есть. Все отождествления исчезли, позади осталась только огромная пустота.

Я называю это пустотой, потому что вы полны отождествлений, иначе это было бы абсолютным присутствием, не отсутствием. Это присутствие чего-то, что по своей природе не может быть превращено в познание.

Поэтому я не знаю, кто я есть, но я полон этим незнанием. И кто бы ни пришел к этой двери незнания, он смеется над всеми знаниями и глупостями, которые существуют под их именем. Знание посредственно. Находиться в состоянии незнания это интеллигентность, осознанность и это не накопление чего-либо. Каждый миг то, что происходит исчезает, оно не оставляет за собой следа, никакого существенного следа. Человек выходит из этого снова чистым, невинным, снова похожим на ребенка.

И я — ребенок на берегу времени, собирающий морские ракушки, цветные камни. Но я полон. Я не знаю, кто я, потому что меня нет. Когда я говорю «меня нет», я имею в виду, что «я» больше не уместно. Я использую это слово, очевидно, что я должен использовать его, и нет ничего в мире, что было бы против, но это больше не уместно в моем внутреннем мире. Оно все еще используется в разговоре с вами, но когда я один, меня нет. Когда я с вами, тогда слово «я» должно быть использовано как приспособление для общения. Но когда я один, меня нет. Есть одиночество, есть присутствие, но «я» нет. Поэтому кто должен знать и кого знать?

Сначала я сказал вам, что исчезло содержание, теперь я бы хотел сказать вам — потому что, чем больше вы становитесь готовы и восприимчивы, тем больше я могу сказать вам — что и то, что содержит тоже исчезло. Содержащее имеет значение только вместе с содержимым, что оно значит без содержимого? Ни содержимого, ни содержащего нет. Что-то есть, точно есть, абсолютно есть, но у него нет имени. В любви вы можете назвать это пространство Багван, и в глубоком уважении я тоже могу назвать это Багван.

Вчера вечером я читал письма в газете. Автор письма спрашивал меня, кто назначил меня Багваном. Багваном нельзя назначить. Если кто-то кого-то назначает Багваном, то тот кто назначил, и будет им, а не назначенный. Это признание, это осознание. Багван просто значит, что выраженного в словах уже здесь нет, — вот и все. Желание обладать, быть обладаемым, желание накапливать, желание оставаться верным, желание быть, страстное желание жизни исчезло. Когда туман желания исчезает, и остается только пламя в своей чистоте, кто будет назначать? Кто назначает? Это не назначение. Или, если вам очень нравится это слово, тогда я скажу: «Это само назначение». Но это тоже не имеет большого смысла. Это провозглашение.

Автор письма хочет, чтобы я сказал, кто. Никто не может решить, кто я. Это говорю я сам. Только я знаю, что происходит внутри меня, никто больше не может этого знать. До тех пор, пока вы также не придете к этому состоянию божественного бытия — оно скрывается за вами, в любой миг вы станете достаточно отважным, чтобы войти туда, вы можете — только тогда вы узнаете меня, не раньше.

Я тоже, с огромным уважением, называю это пространство Багван. Слово «Багван» прекрасно. Английское слово «Бог» не так прекрасно. «Багван» просто значит: благословенный. Вот и все. Благословенный. И я могу сказать о себе, что я благословенный. Я это говорю только потому, чтобы вы тоже смогли получить сердце, и вы тоже боролись бы за него, так что мое присутствие могло бы стать для вас мечтой, так, что мое присутствие могло пробудить в вас желание странствовать, так, что мое присутствие могло зажечь в вас огонь — огонь, который сожжет вас, посредством которого вы подлинно возродитесь. Огонь который разрушит вас, полностью вас уничтожит, и, тем не менее, вы из него выйдете абсолютно новыми, без личности, без имени, без формы.

Я провозгласил себя Багваном, потому что я хотел бы, чтобы вы тоже пришли к этому признанию. Вы забыли язык. Кто-то должен существовать перед вами как реальность, а не как идея, не так, как кто-то в писаниях. Кришна существует в Гите, Христос существует в Библии — возможно они были, возможно не были, никто не может быть уверен.

Я просто здесь, перед вами. Если вы достаточно отважны, чтобы открыться мне, неожиданно из вашего зерна начнет прорастать росток, вы начнете расти в неизвестном измерении. Чтобы сделать это измерение доступным вам, я провозглашаю себя Багваном. Это больше никого не касается.

Но я могу провозгласить себя Багваном, только потому что меня нет. Назвать себя благословенным может только тот, кого нет.

Если вы есть, вы останетесь несчастными, само ваше существо — это печаль. Ад существует не где-то еще — ад это ограниченное состояние, ад это несчастье, когда вы живете с «я». Жить с эго, значит жить с адом.

Ты спрашиваешь меня: “Что за игры вы играете с нами?” Конечно это игра. Я несерьезен. А если вы серьезны, то мы с вами не пересечемся. Серьезность вообще не встречается на моем пути. Я совершенно несерьезен. Это игра. Я хотел бы назвать ее «сумасшедшей игрой».

Слово «сумасшедший» я составил так: игра учителя и ученика! Это сумасшедшая игра! Я готов быть мастером. Если ты тоже готов стать учеником, начинаем!

И это больше никого не касается. Это игра между мной и вами. Если ты решил стать учеником, как я решил стать Мастером, тогда мы сможем играть в эту игру. А те, кто решили стать учениками, наслаждаются этим!

Если вы решаете стать учеником, вы входите в новый мир — совершенно иной мир сердца, любви, доверия. Тогда это становится игрой. Вы не серьезны, но, тем не менее, вы очень искренни. Никогда не принимайте серьезность за искренность. Искренность очень игрива, она никогда не бывает серьезной. Она правдива, достоверна, но никогда не бывает серьезной. Искренность никогда не мрачна, она кипит весельем, излучает внутреннюю радость.

Радуйтесь, что я здесь! И только если вы решите быть учеником, вы сможете понять, что я делаю здесь, только тогда вы сможете понять эту безумную игру, эту безумно безумную игру. Это игра, на самом деле, она последняя в жизни. Вы играли во множество других игр, это последняя. Вы играли в любовников, в друзей, в отцов, в мужей, в жен, матерей, братьев, в богатых, в бедняков, вождей и в последователей — вы играли во все игры. И только те, кто играли во все эти игры, могут играть в эту игру, потому что они достаточно зрелы, чтобы играть в нее.

Это последняя игра. После нее игры прекращаются, прекращается игра. Если вы правильно сыграли игру Мастер-ученик, постепенно вы приходите к точке, где все игры исчезают. Остаетесь только вы — здесь нет ни Мастера, ни ученика. Это просто средство.

Между Мастером и учеником — если правильно соблюдаются правила игры — возникает преданность. Это тот аромат, та река, которая течет

между берегами Мастера и ученика. Вот почему это так сложно понять для постороннего. Но меня совершенно не волнует, как это понимает посторонний, это очень эзотерическая игра. Она только для вовлеченных, только для безумных людей. Поэтому я и не заинтересован давать ответы посторонним людям, потому что они не поймут. Они не в том бытии, в котором понимание становится возможным.

Просто посмотрите. Если два игрока в шахматы играют и вы не знаете, что такое шахматы, и начинаете задавать вопросы, они просто скажут: «Замолчи! Сначала походи и научись играть. Это сложная игра».

Шахматы ничто по сравнению с этой безумной игрой! Вся ваша жизнь — ваши эмоции, ваши чувства, ваш ум, тело, сознание, душа, все вовлечено, поставлено на кон. Это последняя азартная игра.

Поэтому единственные, кто это может понять — это не посторонние люди, посторонние всегда будут ощущать неловкость. Они не знают языка.

Я здесь не для того, чтобы играть роль священника, я здесь не для того, чтобы играть роль пророка. На самом деле, пророк — это никто иной, как отвергнутый политик. Язык пророка — это язык политика, конечно во имя веры. Пророк — это революционер, он хочет изменить мир, весь мир, по желанию своего сердца. Я не хочу менять мир. Он хорош так, как он есть, и он останется таким как есть. Все пророки потерпели неудачу. Эта игра обречена на провал.

Я не священник, потому что я не принадлежу ни одной религии, я просто принадлежу религии как таковой. Я не иудей, я не индуист, я не христианин, я не мусульманин, я не джайн — я не принадлежу ни к какой религии. Поэтому я не священник, я не пророк. Я просто люблю чистую религию.

Позвольте мне рассказать анекдот.

Мистер и миссис Гольдберг скупались и копили деньги на то, чтобы их старший сын учился в колледже. В конце концов они накопили денег и решили отослать сына в хороший колледж вдали от дома. Они посадили его на поезд и со слезами распрощались с ним.

Через несколько месяцев он вернулся домой на рождественские каникулы. Родители были очень рады видеть своего сына Сэмми дома. Мать приветствовала его словами:

— Самелах! Как хорошо снова видеть тебя.

— Мама, — ответил сын, — не называй меня больше Самелах. Кроме того, я теперь взрослый человек, и я хочу, чтобы ты называла меня Самуэлем.

Она извинилась и сказала:

— Я надеюсь, что в отъезде ты ел только кошерную еду.

— Мама, мы живем в современном мире, и держаться за старые традиции нелепо. Я пробовал разную еду, и, поверь мне, было бы лучше, если бы и ты сделала также.

— Ну, скажи мне, ты ходил в синагогу, чтобы совершить благодарственную молитву?

Сын ответил:

— Тебе на самом деле кажется, что хождение в синагогу, когда ты в окружении не евреев, подходящее занятие? Честно говоря, мама, это нечестно задавать такие вопросы.

Услышав это, миссис Гольдберг, сдерживая гнев, посмотрела на старшего сына и сказала:

— Скажи мне, Самуэль, ты все еще обрезан?

Меня не интересует, обрезаны ли вы или нет. Меня не интересует, иудей ли вы, индуист, христианин или мусульманин. Для меня подобные вещи — полная чушь. Я не учу вас никакой религии. Все мои усилия, вся моя роль здесь направлена на то, чтобы вы осознали реальность такой, какая она есть, чтобы вы осознали факт, а не мечтали о чем-то, чтобы вы осознали истину, но не рассказывать вам теорию. Я не теоретик, я не теолог. На самом деле, теология убила Бога, и столько религий создало столько беспорядка в сознаниях людей, вместо того, чтобы помогать, они только принесли вред. Вместо того, чтобы обращать людей в веру, они создали политику во имя религии — великое насилие, конфликт, ненависть были созданы во имя религии.

Для меня, религия просто значит измерение любви. Я здесь для того, чтобы показать вам красоту жизни, великолепие, которое окружает вас. Из самого этого великолепия к вам придут первые проблески Бога.

Я здесь, чтобы соблазнить вас любовью к жизни, чтобы помочь вам стать хоть немного более поэтичными, помочь вам умереть для мирского и обыкновенного, так, чтобы необыкновенное вошло в вашу жизнь. Но это возможно только если вы решите стать учеником.

Саньяса — это великое соглашение, договоренность. Когда я посвящаю вас в тайну саньясинов, я посвящаю вас в мир моей игры. И если вы готовы идти со мной, величайшие двери откроются перед вами. Но это двери не мечети, не церкви, не гурудвары, не храма — это двери самой жизни. Жизнь — это единственная усыпальница Бога, а игриное отношение к этому и есть молитва.

«Кто вы и что за игры вы играете с нами? Долго вы собираетесь это делать?» — Это не вопрос времени. Если вы решите быть учеником, вы можете продолжать и продолжать — в теле и без него, с сознанием и без него, в жизни и без нее. Эта игра — вечная игра., поэтому я и называю это последней игрой. Те, кто решил играть с Христом, они до сих пор играют, это продолжается в новых долинах, на новой природе. Те, кто решил играть с Буддой, до сих пор играют. Игра настолько прекрасна, настолько вечна, кто хочет прекратить ее?

Я могу не быть в этом теле, но это будет потерей только для тех, кто не близок мне, это будет потерей только для тех, кто не обладает достаточным мужеством быть со мной. Когда я покину тело, это не будет

для вас потерей, если вы были настоящим учеником. Игра продолжится. Я останусь доступным, вы останетесь доступными. Это вопрос сердца, это вопрос сознания. А сознание не знает времени, сознание находится за пределами времени, сознание безвременно.

Поэтому этот вопрос имеет значение для чужих людей, но я не буду отвечать на него. Если вы не посторонний, вы знаете, что у этой игры есть начало, но у нее нет конца. Вы входите во что-то, что будет длиться вечно.

«Багван, объясните пожалуйста». — В игру нужно играть, а не объяснять ее. Если вы ее объясните, она потеряет все свое очарование. Приходите, становитесь партнером. Принимайте в ней участие.

Есть некоторые вещи, которые нельзя объяснить — они погибают во время самого объяснения. Например, нельзя объяснить шутку. В этом ее красота: или вы ее понимаете или не понимаете. Если вы просите: «Объясните пожалуйста», ее нельзя объяснить. Если кто-то объясняет и она становится абсолютно понятной вам, она не будет вызывать смех. Потому что смех появляется только тогда, когда шутка неожиданно обрушивается на вас. Когда есть прыжок, качественный скачок, возникает смех. Вы находились в одной плоскости, история двигалась по одной плоскости, а потом происходит неожиданный поворот, который вы не могли предвидеть. Этот самый поворот — происшествие которого вы не могли предположить — придает шутке красоту. Этот поворот потрясает вас. Этот поворот обнажает сущность. У вас были ожидания - «Что произойдет? Что произойдет?» — все шло обыкновенно и потом, неожиданно, в истории происходит неожиданный поворот. У сюжета неожиданный поворот. Тогда созданное напряжение спадает и вы начинаете смеяться. Напряжение спало, взорвалось. Но если кто-то объяснит ее вам, проанализирует, все объяснит вам — тогда шутка исчезнет. Шуткой надо наслаждаться, а не понимать ее.

Весь этот мир — космическая шутка. Если вы попытаетесь понять его, вы упустите...так, как всегда упускали философы. Они пытались найти решение проблемы, они пытались найти ключи. Это огромная тайна. У нее нет ни ключей, ни замков. Она доступна, если доступны вы. Но для рассудка, который стремится к пониманию, она сложна и становится недоступной.

Не пытайтесь понять жизнь. Просто живите! Не пытайтесь понять любовь. Погружайтесь в нее. Тогда вы все познаете — и знание произойдет из вашего опыта. Это знание никогда не разрушит тайну: чем больше вы знаете, тем больше вы знаете, что многое еще осталось узнать. Жизнь это не проблема. Рассматривать ее как проблему, значит делать неверный шаг. Это тайна, которую надо прожить, пролюбить, испытать.

На самом деле, существующий рассудок после объяснений становится опасаящимся рассудком. Из-за огромного страха он хочет, чтобы все было объяснено. Он не хочет ни во что углубляться, пока это не будет объяснено. После объяснения он чувствует, что территория знакома, теперь он знает ее географию, теперь он может продвигаться с помощью

карты, путеводителя и расписания. Он никогда не готов двигаться по незнакомой территории без карты, без путеводителя. Но жизнь такова. Здесь невозможна никакая карта, потому что жизнь продолжает меняться. Каждый миг становится новым. Я говорю вам, что под солнцем нет ничего старого. Все новое. Это огромный динамизм, совершенное движение. Только изменение остается постоянным, только изменение никогда не меняется — все остальное меняется.

И вы не можете иметь карту, к тому времени, как карта готова, она уже устарела. К тому времени, как карта становится доступной, она становится бесполезной. Жизнь изменила свой курс. Жизнь начала играть новую игру. Вы не можете справиться с жизнью при помощи карт, потому что она неизмерима. И вы не можете справиться с жизнью при помощи путеводителей, потому что они могут помочь только в том случае, если вещи стабильны. Жизнь не постоянна, это динамизм, это процесс. У вас не может быть карты. Это неизмеримо, это неизмеримая тайна. Не спрашивайте объяснений.

Поэтому, хотя я и отвечаю на ваши вопросы — потому что это часть соглашения этой сумасшедшей игры: вы спрашиваете, а я отвечаю — вы никогда не должны воспринимать эти ответы как объяснения, они такими не являются. Это просто вступление в тайну, предшествование тайны, соблазнение тайной. Это не настоящие ответы.

Мои ответы — это не ответы, мои ответы просто существуют для того, чтобы помочь вам избавиться от вопросов и начать жить. Ответ становится ответом, когда он просто разъясняет ваш вопрос и вы удовлетворены тем, что получили необходимую информацию, и вашего вопроса больше нет. Теперь то место, которое занимал вопрос, занимает ответ. Мои ответы в этом смысле не похожи на ответы. Они помогут вам отбросить вопрос, но они не дадут на него ответ. А как только уйдет вопрос, вы обнаружите, что на его месте нет ответа. Ответа не будет. Весь мой способ ответов заключается в том, что я даю ответ, но, тем не менее, не отвечаю на вопрос. Я отвечаю, чтобы вы не чувствовали обиду — ваш вопрос должен уважаться, я высказываю свое уважение — но я не могу ответить на него, потому что у жизни нет ответов.

И это я называю зрелостью ума: когда кто-то приходит к тому, что смотрит на жизнь без всяких вопросов, и просто мужественно и бесстрашно погружается в нее.

Второй вопрос:

Сны нереальны. Но я слышал и читал, что мать Махавиры увидела во сне перед его рождением девять белых слонов. Тогда что это означает?

И какой тогда смысл растолковывать сны?

Сны нереальны, но такова же и жизнь. Сны нереальны, но такова же и жизнь. Ваша жизнь — это просто мечта, потому что вы крепко спите. Разве вы не слышите собственный храп?

Вы крепко спите. То, что вы называете жизнью — это просто сон, который вы смотрите с открытыми глазами. Вы видите два вида снов: один — с открытыми глазами, другой — с закрытыми глазами. Но и то, и другое — это сны.

Вы говорите: *«Сны нереальны. Но я слышал и читал, что мать Махавиры увидела во сне перед его рождением девять белых слонов...»*. То, что вы читали — сон, и то, что вы слышали — сон. Что бы вы ни слышали о Махавиры, не имеет с Махавирой ничего общего. Это ваш сон.

И просто посмотрите — матери Махавиры приснилось девять белых слонов. Сначала это сон, потом это становится сном о белом слоне. Сон есть сон! Белый слон? История прекрасна, она говорит, что жизнь похожа на китайскую шкатулку — шкатулка в шкатулке. Это похоже на лук. Вы чистите его, там еще один слой, вы снимаете его, еще слой — шкатулка в шкатулке.

Прежде всего рождение Махавиры — это сон, а рождение от матери — другой сон. Потом это снится матери. И ей снятся белые слоны! Посмотрите на весь этот абсурд.

И есть глупые люди, которые начинают анализировать сны и поднимают вокруг них столько шума. Джайны говорят, что когда бы тиртханкара ни родилась, матери снятся определенные сны. И если подобные сны не снятся, то человек не будет тиртханкарой. Поэтому всем матерям должны снятся сны — помните это. В Индии родилось двадцать четыре тиртхаркары, и всем их матерям снился один и тот же сон. Так должно быть, это нормальная вещь — вы не можете избежать этого! Если вам не приснится сон, ваш сын не будет тиртханкарой. Когда моей матери начали снятся сны, я сказал: «Остановись! Это не нужно. Я не собираюсь делать ничего обычного или формального. Нет необходимости, чтобы снились белые слоны. Ты можешь отдохнуть».

Глупые люди продолжают находить глупости, но они хорошо их приукрашивают. Вы спросите, что это значит. Это ничего не значит. Это просто значит, что вы больше заинтересованы в снах, чем в реальности.

Людей не интересует сам Махавира. Если бы мать Махавиры забыла, что ей должны присниться подобные сны, джайны не приняли бы его как двадцать четвертого тиртанкару. Это было одной из самых важных вещей, которую надо было решить. Вы можете этого не знать, но были некоторые другие люди, которые тоже говорили, что они тиртанкары. Во времена Махавиры было восемь людей, которые тоже провозглашали себя тиртанкарами и было очень сложно решить этот вопрос, потому что никаких критериев не существовало. Поэтому людям и пришлось изобретать такие глупые критерии. Говорят, что только матери Махавиры снились подобные сны. У матери Гошалака таких снов не было. Бедный Гошалак страдал из-за этого. Мать Махавиры была очень умной женщиной, она очень умно все спланировала. Или это хорошо

сделали астрологи Махавиры — мать умерла сразу же после его рождения. На самом деле, я не думаю, что она сказала кому-то о своем сне, потому что она сразу же умерла. Но это тоже определенный показатель. Джайны говорят, что когда мать умирает сразу же после рождения ребенка, значит родился тиртанкара. Для матерей все очень сложно. Смерть матери Махавиры должно быть была чистой случайностью. Мать Гошалака осталась жива. Это не признается. Гошалак страдал, потому что его мать осталась жива. Мать Махавиры умерла. Это глупый критерий. Они не смотрят прямо на Махавиру, они смотрят на другие указатели.

Когда Иисус был жив, иудеи задавали ему определенные вопросы, потому что он должен был исполнить предсказания Ветхого Завета. Были ли они исполнены или нет? Иисус был реальным, находился прямо перед ними, но он их не интересовал, их интересовали пророчества Ветхого Завета. Если бы они исполнились, он был бы тем человеком, если бы они не исполнились, он был бы не тем человеком. Каким же глупым может быть человечество? Иисус здесь — но это ничего не доказывает, нет. И иудеи отрицали его, потому что они думали, что он не подходит всех их критериям. Они должны были распять его, потому что они думали, что он просто шарлатан, обманщик, он не выполнил все пророчества.

А христиане говорят, что он выполнил все предсказания. Сейчас это стало всего лишь словесной игрой аргументации, логики. Реальность совершенно забыта.

Посмотрите на реальность. Если Махавира есть, он есть, вне зависимости, снились ли его матери белые или черные слоны. Снились ли ей сны или вообще не снились, это не имеет значения; была ли она жива или умерла, это тоже не имеет значения. Все это не важно. Если Махавира есть, смотрите на него. Его присутствие и будет достаточным доказательством. А если это не достаточное доказательство, тогда нет смысла беспокоиться о других доказательствах. Что они могут сделать?

И какой тогда смысл растолковывать сны? У тех, кто задает вопросы, есть только сны, у них нет настоящей жизни, поэтому, отвечая на их вопросы, я буду вытаскивать их из болота их снов. Меня не интересуют их сны, меня интересует сознание, которому снятся сны. Это сознание не сон. Оно спит, они во сне, но это не сон. Это действительность, и она должна быть извлечена из состояния сна.

Поэтому я использую все необходимые средства. Если иногда я чувствую, что анализ сна может помочь вам избавиться от него, я анализирую этот сон. Но всегда помните, что меня не интересует сон, я не психоаналитик. Но если я чувствую, что раскрывая сон я смогу заставить вас понять, что вы — это не сон, что вы его свидетель, я сделаю это. Действительность не во снах, действительность в том, кто их видит — а он должен бодрствовать. Я действую как будильник.

Третий вопрос:

Для людей, которые были так окружены ложью и обманом в состоянии бодрствования, может ли запоминание снов, повторение и испытание их в состоянии бодрствования стать действенным методом — первым шагом на пути по тропе высшего сознания и истины? Может ли этот способ увеличить жажду Бога до тех пор, пока не приходит миг, когда спящее сознание отбрасывается?

Да, в каком-то смысле это может помочь — но помните, только в ограниченных пределах. Иначе подобные люди будут сначала терять время на сон, потом на проигрывание сна в состоянии бодрствования, затем на кушетку психоаналитика, рассказывая сны — и психоаналитик анализирует их. Тогда сон становится очень важным. Ему не нужно уделять столько важности.

Существует большая потребность в изменении сознания от содержимого до содержания. Какое-то время сны можно использовать. Разыгрывание их может принести пользу. Если ночью вам приснился сон, разыгрывание его утром может принести большую помощь, потому что ночью вы спали. Сон был, послание было, послание было доставлено подсознанием, но сознание крепко спало. Это похоже на то, как если бы вы напились, кто-то позвонил вам и вы бы как-то взяли трубку, послушали, — но вы точно не можете вспомнить, что вам говорили, потому что вы были пьяны. Вы получили сообщение, подсознание передало вам определенное сообщение — вот, что такое сон: сообщение подсознания, что вы делаете что-то неправильное, что вы действуете против природы, что вы идете против меня, что вы идете против себя. Это предупреждение от сознания, что хватит, достаточно! Вернитесь домой, будьте естественны, будьте более непредсказуемы. Не затеряйтесь в социальных формальностях и морали, не становитесь подделкой. Будьте настоящими.

Сообщение доставлено, но вы спите и утром вы не можете ничего точно вспомнить. Вы видели это? Когда вы утром просыпаетесь, на несколько секунд какие-то отрывки сна появляются в сознании — только на несколько секунд, не больше, чем на три секунды, ну самое большее — на шесть секунд, на минуту. Потом они исчезают. Вы умылись, выпили чашку чая, ночь закончилась, — теперь вы ничего не помните. И даже когда вы просыпаетесь утром, то помните только отрывки. Когда вам снится сон, он снится вам определенным образом: он начинается в пять часов утра, вы входите в него, а потом, в шесть часов вы просыпаетесь. Это было окончание сна, но не начало и не середина. Потом вы идете против течения. Если вы хотите вспомнить сон, вы должны двигаться в обратном направлении, как будто вы читаете книгу наоборот. Это очень сложно.

И потом, еще одна вещь. Когда вы в сознании, вы снова начинаете интерпретировать содержание сна, вы не позволяете себе получить все послание. Вы отбрасываете много вещей. Если во сне вы убили свою мать, вы отбросите это. Вы не вспомните это, вы не позволите себе

осознать это. Или вы позволите этому быть в сильно измененном виде: вы убили кого-то другого. Или, если вы жили в обществе, где ценится ненасилие, вы даже не вспомните, что совершили убийство — эта часть сна просто исчезнет. Мы слышим только то, что хотим слышать.

Однажды я слышал.

Умиравший лежа на смертном одре говорил:

— Сара, я хочу, чтобы ты перед моей смертью узнала, что портной Гинзбург должен мне двести долларов, мясник Моррис должен мне пятьдесят долларов, и сосед Клейн должен мне триста долларов.

Его жена повернулась к детям и сказала:

— Какой чудесный человек ваш отец. Даже умирая, он помнит, кто должен ему деньги.

Старик продолжил:

— И, Сара, я также хочу чтобы ты знала, что я должен хозяину земли сто долларов.

На что жена закричала:

— О, нет, теперь он начинает бредить.

То, что вы хотите слышать, то хорошо, иначе — «о, нет!» — тогда вы немедленно отключаетесь.

Вы будете помнить сон, теперь надо понять сам механизм. Сон — это сообщение подсознания сознанию, потому что сознание делает что-то такое, что подсознание считает неестественным. А подсознание всегда право, помните это, подсознание — это ваша природа. Сознание выражается обществом, это условность. Сознание означает общество внутри вас. Это уловка общества. Сознание делает что-то, что подсознание считает очень противоречащим природе, поэтому подсознание хочет сделать предостережение. Утром, когда вы вспомните, снова вы вспомните это при помощи сознания, снова сознание вмещается. Все, что идет против него, не будет принято, а будет принято то, что приятно. Но не в этом суть. На самом деле, горькая часть и была подлинным посланием.

Но попробуйте. То, что делается, может принести пользу. Вместо того, чтобы помнить сон, переживание его может быть более полезным. И они могут быть разными. Когда вы помните, это воспоминание сознательно, когда вы переживаете, вы переживаете это целиком. В переживании больше вероятности, что подсознание снова сможет передать сообщение.

Например, ночью вам приснилось, что вы шли по дороге. Вы продолжали идти, а дорога не кончается. Эта нескончаемая дорога порождает в вас огромный ужас, потому что сознание не может справиться ни с чем бесконечным, сознание начинает бояться. Нескончаемая? Звучит очень скучно. Вы идете, идете и идете, а дорога не кончается. Вы расстраиваетесь, вам это надоело, вы падаете, но дорога все продолжается. У вас есть пределы, а дорога кажется беспредельной.

Если вам снится подобный сон... Он снится многим людям, потому что несет в себе какое-то послание. Известный русский писатель Максим Горький видел этот сон много раз. Он сказал, что в жизни это был один из самых важных снов, он повторялся почти каждый месяц. Это должно быть было большое сообщение, иначе он бы не повторялся почти каждый месяц. А он повторялся, и это просто означает, что Горький не понимал его смысл. Как только вы понимаете значение сна, сообщение доставлено, этот сон прекращается. Если сон постоянно повторяется, это просто означает, что вы не поняли его смысл, и подсознание продолжает стучаться вам в дверь. Оно хочет, чтобы вы его поняли.

Помнить одно — вы закрываете глаза и вспоминаете сон, это похоже на то, как вы смотрите кино. Переживание совершенно другое. Вы создаете полную ситуацию, вы видите ее всю. Это не сон на экране, — вы переживаете это. Вы снова на дороге. Оглянитесь. Закройте глаза, когда вспомните это, оглянитесь. Что это за дорога? Там растут деревья или вокруг пустыня? Какие деревья? На небе солнце или ночь? Мысленно увидите это, постоит на дороге, увидите это и сделайте это как можно более цветным, потому что подсознание очень красочно. Сознание просто черное — белое, а подсознание очень психоделично.

Пусть все будет цветным. Увидьте великолепие деревьев, цвет цветов, яркость звезд. Почувствуйте дорогу, касающуюся ваших ног, — неровную, гладкую, мертвую, оживленную. У каждой дороги есть свои особенности. Вдохните. Стоя там, сделайте вдох. Что вы чувствуете? Может быть недавно прошел дождь и от земли поднимается тонкий аромат? Или, может быть, расцвели цветы, и в воздухе чувствуется их аромат? Ощутите ветерок: теплый он или прохладный. Потом начните двигаться, как будто вы двигаетесь в реальности. Это не на экране памяти, вы переживаете это. И при помощи этой чувствительности вкуса, прикосновения, воздуха, чувства, свежести, тепла, зелени, цвета, это снова станет реальным. Снова подсознание начнет посылать вам сообщения. Они могут иметь очень большое значение.

Но этому есть предел. Попробуйте понять это таким образом, но всегда помните, что вне зависимости от того, видите ли вы это ночью или переживаете днем, это все равно сон. А в подсознании находится другая дверь в ваше существо, которую надо открыть.

Фрейд и его последователи думают, что человек не ограничен сознанием и подсознанием. Человек не ограничен сознанием и подсознанием, также есть сверхсознание. И это более верно.

Поэтому я не думаю, что вы есть только сознание. До Фрейда считалось, что есть только сознание. Когда Фрейд впервые представил концепцию подсознания, его засмеяли, потому что люди сказали: «Что за ерунда! Как сознание может быть бессознательным? Сознание означает сознание. Если оно бессознательно, это не сознание, если это сознание, оно сознательно». Конечно, их грамматика была правильной и их язык был верным, но по существу они ошибались. И мало по малу Фрейд победил. Истина всегда побеждает.

Теперь в мир психологии нужно представить новый уровень — это уровень сверхсознания. Психологи снова выступают против этого. Они скажут: «Что за ерунду вы говорите! Вы привносите религию в психологию. Каким-то образом мы избавились от религии, а теперь вы опять привносите ее!» Но вы не можете избавиться от религии, ведь это не что-то случайное, — она очень существенна. Вы должны распознать ее. И вы должны распознать ее требования.

У человека есть сознание, подсознание и сверхсознание. Человек — это троица, отсюда и значение старой концепции троицы в христианстве и иудаизме. На Востоке у нас существует концепция тримурти — трех лиц Бога, трех лиц существования. Человек — это треугольник. Это следует помнить.

Вы спрашиваете: «Для людей, которые были так окружены ложью и обманом в состоянии бодрствования, может ли запоминание снов, повторение и испытание их в состоянии бодрствования стать действенным методом?...» Да, это действенный метод, но с ограниченной возможностью. И лучше используйте переживание вместо воспоминания.

«Может ли это стать первым шагом по тропе высшего сознания и истины?». Конечно, но только первый шаг. Есть много людей, которые теряются в первом шаге и никогда не предпринимают второй. Пока вы не сделали второй шаг, первый не имеет значения. Только вместе со вторым шагом первый приобретает значение. И только когда вы достигли своей цели, ваше путешествие становится уместным. Иначе оно неуместно, а уместность трансцендентальна.

Поэтому, сначала переживите свои сны. Это поможет, это сделает вас более бдительным. А потом, даже в своих снах, даже когда вы их переживаете или когда вы проснулись, идете по улице, в обыкновенном состоянии, начинайте смотреть на себя как на свидетеля, а не участника. Как на наблюдателя. Наблюдателя, смотрящего, свидетеля, — это настоящий шаг, который ведет вас в действительность. Это за пределами сна.

Сны могут помочь, так что хватка снов в вашем сознании потеряется, но настоящий шаг наступает только тогда, когда вы начинаете наблюдать. Пробуйте это целый день. Что бы вы ни делали, помните, что вы — наблюдатель. Идя... помните, что тело идет, вы — наблюдатель. За едой... помните, что тело ест, вы — свидетель. Если это распространится по всему вашему телу, однажды, неожиданно, вы увидите, что во сне у наблюдателя есть маленькая возможность. А когда вы тоже помните, что «я просто наблюдатель» во сне, тогда сон исчезает. Тогда, с исчезновением снов, новое сознание поднимается в вас. Это сознание я называю сверхсознанием. И это сознание — цель психологии будд.

Пятый вопрос:

Как я могу приблизиться? Что я должен сделать?

Позвольте мне рассказать анекдот.

— Помогите мне, — попросил мужчину раввина. — У меня жена и двенадцать детей и я не могу обеспечивать их. Каждый год моя жена дарит мне нового ребенка. Что мне делать.

— Делать? — вскричал раввин, — Разве вы уже не достаточно сделали?

Вы спрашиваете меня: «Что я должен сделать, чтобы приблизиться к вам?» Ваши действия не помогут, потому что делая что-то, вы начинаете больше заботиться о том, кто делает, а это вскармливает это, а это — это преграда между мной и вами. Не делая ничего вы сможете больше приблизиться ко мне, чем делая что-то. Вы приблизитесь ко мне не при помощи силы воли, а при помощи уступки. Только когда вы поймете, что ничего нельзя сделать, и вы станете беспомощным и расслабитесь, неожиданно вы обнаружите, что вы подошли ко мне ближе. Когда вы подчиняетесь, вы приближаетесь ко мне.

Ум продолжает спрашивать: «Что мне делать?» Если вы будете что-то делать, это действие не даст вам уйти от этого.

Разрешите мне рассказать еще анекдот.

Старик Гинзбург чувствовал отвращение к семье. Он сказал, что покидает ее и уезжает в Японию.

Мальчики спросили:

— Папа, как ты туда попадешь?

Он ответил:

— Не беспокойтесь, я доплыву туда.

Они проводили его до дока, и пока он не видел, привязали к весельной лодке очень длинную веревку. Он помахал им на прощание, и начал грести к горизонту. Они дали ему провести в лодке всю ночь, но когда солнце стало вставать, они начали беспокоиться о его самочувствии. Был очень сильный туман и лодку не было видно. Старик грел всю ночь, и неожиданно услышал:

— Аве Гинзберг, вы в порядке?

Он повернулся на голос и закричал:

— Кто знает меня в Японии?

Он думает, что достиг Японии, гребя всю ночь, а лодка привязана длинной веревкой. Он никуда не уплыл. Если вы хотите приблизиться ко мне, делая что-то, тогда у вас может быть короткая или длинная веревка, но вы все равно будете привязаны к берегу, и не сможете далеко уплыть.

Делая что-то никто не может приблизиться к Учителю. Делая что-то, вы можете добиться чего-то в мире, но делая что-то вы не сможете достичь чего-то в Боге — только не деланьем, огромной восприимчивостью, пассивностью. Просто оставьте это мне, просто наслаждайтесь пребыванием здесь. Танцуйте, пойте, празднуйте. Вы забудете всю эту

ерунду о приближении, и будете приближаться: с помощью танца, пения, радости вы сможете приблизиться ко мне.

Вопрос от Прии. Она задает его сегодня, но три недели назад я передал ей послание идти и каждый день танцевать. Она задала этот вопрос сегодня, но он пришел ко мне три недели назад. Он мог прийти к ней сегодня, в ее собственное сознание он мог прийти сегодня, но три недели назад я внезапно почувствовал, что в ее подсознании возникло большое желание приблизиться ко мне, поэтому я и сказал ей идти танцевать. Она танцует, и, поверьте мне, она приближается.

При помощи танцев, смеха, радости, вы приближаетесь ко мне, потому что в танце вы расслабляетесь, делатель, исчезает. Вы теряетесь в пении. Когда бы вы не потерялись, я могу проникнуть в ваше существо; когда вы есть, это сложно, потому что вы закрыты.

Шестой вопрос:

Я слышал, что саньясины говорят, что находятся с вами из-за какой-то выгоды. Их причина с просветления или в чем-то подобном. Но я не думаю о каком-то просветлении или выгоде, которую я буду иметь, пребывая с вами. Мне просто нравится ваше присутствие, без каких-либо причин. Прокомментируйте пожалуйста.

Тогда почему вы задаете такой вопрос? В нем и есть мотив. Вы хотите, чтобы я сказал: «Хороший мальчик. Ты совершенно прав. Ты тот человек, который достигнет просветления, а не другие, потому что у тебя нет мотива», поэтому и был задан вопрос!

Но помни, ты не можешь обмануть меня. Твои слова не могут обмануть меня. Твои слова не могут скрыть мотив. Почему ты просишь, чтобы я прокомментировал? Если тебе действительно нравится быть здесь, не нужны никакие комментарии. Если ты действительно любишь меня, этого достаточно, больше ничего не нужно. Когда есть любовь, нет вопросов, это невопрошающее отношение.

Но ты хочешь, чтобы я сказал: «Это верное направление. Ты на верном пути. Скоро просветление снизойдет на тебя, а те, у кого есть мотивы, упустят это».

Позвольте мне рассказать анекдот.

Еврейская пара оказалась во Флориде и обнаружила, что не может найти комнату в отеле. Единственное место, где можно было остановиться, это отель, который был известен тем, что не пускал евреев.

Муж повернулся к жене и сказал:

— Бекки, ты молчи, ни одно слово не должно слететь с твоих губ. Предоставь все мне. Я хорошо говорю по-английски, человек за стойкой ни о чем не догадается, и мы получим комнату.

Уверенные в этом, они подошли к стойке. Дейв спросил о комнате, гостиничный клерк дал им ключи от комнаты, и они поселились там.

Бекки говорит:

— Дэйв, здесь так жарко, может быть мы пойдем вниз и поплаваем в бассейне?

Дэвид сказал:

— Хорошо, но ни одного слово не должно слететь с твоих губ.

Они спустились вниз к кабинкам для переодевания. Дэйв делает знак мальчику, тот приносит шезлонги и полотенца.

Бекки поворачивается к нему и спрашивает:

— Могу я войти в бассейн?

Он отвечает:

— Хорошо, но помни, ни единого звука.

Бекки подходит к краю бассейна и опускаешь одну ногу в ледяную воду, и, не успев понять, что делает, кричит:

— Ой, вэй! — Когда все к ней поворачиваются она, не моргнув глазом говорит:

— Что бы это ни значило.

Но вы не можете обмануть. Чтобы вы ни делали, это будет видно. Мотивация — это то, что нельзя скрыть. Нет способа спрятать ее, нет языка, чтобы скрыть ее. Мотивацию просто видно.

Теперь, позвольте мне вот что вам сказать. Мотивация может быть не очень понятна вам, вы можете быть не очень уверены в ней, но она есть. А я не говорю, что в этом есть что-то плохое, я не пытаюсь обвинить вас в этом. Всегда помните одну вещь: никогда не испытывайте ни из-за чего чувство вины.

Мотивация — это естественно, в этом нет ничего плохого. Абсолютно естественно иметь мотивацию, иначе что бы вы делали? Только сумасшедший может прийти сюда без причины. Как же вы можете прийти без причины? У вас должна быть причина, чтобы учиться медитации, чтобы жить более спокойной жизнью, чтобы учиться любви, чтобы иметь более теплые взаимоотношения, узнать, что такое жизнь, узнать, что такое смерть, чтобы узнать, есть ли что-то после смерти. Вы не можете прийти ко мне без причины.

Поэтому я абсолютно принимаю это и вы должны принять это — вы должны прийти ко мне по какой-то причине.

Это моя работа здесь — помочь вам отбросить мотивацию. Вы приходите по какой-то причине — это ваша обязанность, без этого вы не можете прийти. Тогда начинается моя работа: помочь вам отбросить мотивацию. Она приводит вас ко мне, но потом сама по себе она становится препятствием. Вы приходите ко мне по какой-то причине, а потом вы должны научиться отбрасывать ее. И когда вы это сделаете, неожиданно вы окажетесь не только рядом со мной, вы станете одним со мной, потому что близость — это все-таки расстояние. В близости все равно есть расстояние. Как бы близко вы ни были, все равно есть расстояние. Настоящая близость может быть только когда все расстояние и вся близость исчезает, вы просто становитесь одним со мной, а я — одним с вами; когда мы только кажемся двумя, но мы не таковы.

Осознайте мотив в вопросе и это поможет вам отбросить его. Сознание помогает вам сделать это. Что бы вы ни осознали, это начинает ускользать из ваших рук. Вы не можете сознательно удержать это, вы не можете сознательно злиться, вы не можете сознательно быть жадными, вы не можете сознательно иметь мотив.

Сознание — это такое изменение, оно приносит столько света в ваше существо, что тьма просто исчезает.

Поэтому, единственное, что надо помнить, это то, что не надо беспокоиться о мотивации других людей, это вас не касается. У них есть причины, они будут из-за этого страдать, они создадут свой собственный ад. Вы просто не беспокойтесь об этом, вы просто продолжайте смотреть на свои собственные причины, вы просто продолжайте все глубже и глубже проникать в то, почему вы здесь.

И никогда не испытывайте чувство вины, если вы обнаружили мотив. Если вы его нашли, это естественно. Но когда я говорю, что это естественно, я не имею в виду, что это должно быть всегда. Это естественно, но это должно пройти. Когда это исчезает, начинает происходить что-то сверх естественное. Если вы не уварены в этом, и если вы продолжаете скрывать это, тогда это никогда не исчезнет.

Это может быть уловкой сознания — искать мотив в других. Вы можете использовать других людей как козлов отпущения. Это одна из величайших психологических истин человеческого сознания, что все, что вы хотите скрыть в себе, начинает отражаться в других. Когда бы вы ни начинали видеть что-то в ком-то еще, помните, что это послание. Немедленно идите внутрь — это должно быть там. Другие действуют просто как экран. Когда вы видите злость в других, идите и смотрите в себя, и вы найдете ее там, когда вы видите в других слишком много эгоизма, просто загляните внутрь и увидите, что он там. Внутреннее действует как проектор, другие люди становятся экранами и вы начинаете видеть фильмы, которые на самом деле принадлежат вам.

Последний вопрос:

Я не чувствую себя мужчиной, хотя в зеркале я вижу мужское лицо.

Великое озарение произошло с тобой, великое осознание. Пусть оно углубится, пусть оно станет постоянной уверенностью.

Ни одно лицо не может быть вашим. Все лица — фальшивы. Однажды у вас была морда льва, потом осли, дерева, скалы. Теперь у вас лицо мужчины — или женщины, уродливое, прекрасное, белое, черное.

Но у вас нет лица. Ваша реальность безлика. И это отсутствие лица есть то, что люди Дзен называют подлинным лицом. Это не лицо вообще.

Когда вы еще не родились, какое у вас было лицо? Когда вы умрете, какое лицо вы понесете с собой? Лицо, отражение которого вы видите в зеркале, будет отброшено, оно исчезнет в земле — прах к праху. Вы уйдете безликим, так же как безликим и пришли.

Сейчас у вас нет лица, лицо это просто верование — вы слишком поверили зеркалу. А когда вы приходите к пониманию этой безликости, вы увидите лицо Бога.

Глава 9 “Я вижу все, что нужно!”

Однажды, уже будучи слепым, раввин Бунам пришел к раввину Фишелю. Раввин был известен своими чудесными исцелениями.

— Доверься мне, — сказал хозяин, — я восстановлю твой свет.

— Не обязательно, — ответил Бунам, — я вижу все что нужно!

Духовность — это не вопрос морали, это вопрос видения. Духовность — это не практикование добродетелей, потому что как только вы начинаете применять на практике добродетель, это больше не добродетель. Примененная добродетель — мертвая вещь, мертвый груз. Добродетель есть добродетель только тогда, когда она спонтанна; добродетель — это добродетель только тогда, когда она естественна, не практикуется, когда она приходит из вашего видения, из вашей сознательности, из вашего понимания.

Обычно религия воспринимается как практика. Это не так. Это самое главное, что остается не понятным в отношении религии. Вы можете проповедовать ненасилие, но все равно останетесь жестоким, потому что ваши взгляды не изменились. Вы продолжаете нести в себе старый образ зрения. Жадный человек может практиковать подаяние, но жадность все равно останется такой же. Даже это подаяние будет испорчено жадностью, потому что вы не можете практиковать то, что противоречит вашему пониманию, то выходит за пределы вашего понимания. Вы не можете заключить жизнь в рамки принципов, если эти принципы не пришли из вашего опыта.

Но так называемые религиозные люди пытаются практиковать добродетель, поэтому они самые недобродетельные люди на земле. Они пытаются практиковать любовь, и они — самый не любящие люди на земле. Они создали всевозможные беды: войны, ненависть, злость, вражду, убийство. Они практикуют дружбу, но дружба не расцвела на земле. Они продолжают говорить о Боге, но в то же время, они создают все больше конфликтов во имя Бога. Христиане против мусульман,

мусульмане против индусов, индусы против джайнов, джайны против буддистов — все это дело их рук.

Триста религий создали в человеческом сознании разделение, они не стали объединяющей силой, они не залечили раны человеческой души. Из-за них человечество больно, из-за них человечество безумно — а это безумие происходит из одной вещи. Это следует понять как можно глубже, потому что вы тоже можете идти в неверном направлении. Это направление имеет огромную привлекательность, иначе столько людей не пошли бы по нему. Привлекательность должна быть большой. Притягательную силу неверного направления нужно понять, только тогда вы сможете избежать его.

Вы можете попытаться практиковать все, что хотите и вы можете оставаться противником этого. Вы можете привнести элемент тишины: вы можете тихо сидеть, вы можете выучить позу йоги, вы можете сделать тело спокойным, как будто бы оно не движется, вы можете сделать свое тело похожим на статую. И, повторяя мантру, или постоянно подавляя ум на протяжении долгого времени, вы можете принести в свое бытие определенное спокойствие, но это будет тишиной кладбища. Оно не будет трепещущим, живым. Оно станет замороженной вещью. Вы можете обманывать других, но вы не можете обмануть себя, и вы не можете обмануть Бога. Вы получили это безо всякого понимания, вы навязали это себе, это практикуемое молчание.

Настоящая тишина возникает из понимания: «Почему я не молчу? Почему я продолжаю создавать в себе напряжение? Почему я продолжаю попадать в глупые положения? Почему я сам поддерживаю свой ад?» Человек начинает понимать причину своего ада — и с помощью этого понимания, постепенно, безо всякой практики, вы начинаете отбрасывать те неверные отношения, которые создают несчастья. Не то чтобы вы отбрасывали их, они просто начинают исчезать.

Когда есть понимание, все вокруг вас начинает меняться. Вы будете любить, но вы больше не будете собственником. Не любовь создает проблемы. Если вы спросите ваших так называемых святых, они скажут, что любовь создает проблемы. Это совершенно ложное утверждение. Оно основывается на глубоком непонимании любовной жизни человека. Любовь не создает проблем — любовь — это одно из величайших благословений, блаженств. Именно владение чем-то создает несчастья. Обладайте своими возлюбленными, друзьями, детьми, и вы будете несчастны. А когда вы несчастны, все эти религиозные люди ждут вас за углом. Они набрасываются на вас. Они говорят: «Мы раньше говорили тебе. Никогда не люби, иначе попадешь в беду. Отбрось всю любовь, скройся от мира». И конечно это притягивает, потому что вы уже видели то, что происходит с вами. Теперь вы на своем собственном опыте знаете, что они правы, но все равно они не правы, хотя это и не ваш опыт. Вы никогда не анализировали то, что происходит, вы никогда не задумывались, что это не любовь привела вас к печали, это было чувство собственности. Отбросьте собственнические чувства, но не любовь.

Если вы отбросите любовь, несчастье конечно исчезнет, потому что, отбрасывая любовь, вы одновременно отбрасываете и желание обладать — это произойдет автоматически. Несчастье исчезнет, но вы никогда не будете счастливы. Идите и посмотрите на своих святых. Они будут доказательством того, о чем я говорю. Они никогда не будут счастливы.

Они не несчастны, это так, но они и не счастливы. Так в чем же дело? Если счастье не появляется при избавлении от несчастья, тогда где-то была допущена ошибка. Иначе все должно было быть естественно. Вы говорите: «Я зажег свечу, но тьма еще здесь». Или вы обманываете самого себя, или вам кажется, у вас галлюцинации в отношении свечи. Других причин здесь нет — свеча ярко горит и тьма все еще здесь? Нет, тьма это абсолютное доказательство того, что свет еще не появился.

Когда несчастье уходит, неожиданно появляется счастье. Что такое счастье? Отсутствие несчастий — это счастье. Что такое здоровье? Это отсутствие болезни. Если вы не несчастны, как вы можете избежать счастья? Если вы не несчастны, как вам удастся не быть счастливым? Это невозможно. Это не в природе вещей. Это против жизненной арифметики. Когда человек не несчастен, неожиданно, все его силы оживают, в его существе возникает танец, в его существе возникает радость. Появляется смех. Он просто взрывается. Он становится хасидом, суфием. Он становится присутствием божественного экстаза. Видя его вы увидите Бога — проблеск, луч света. Приходя к нему, вы будете приходить в святыню, в святое место, в *тирмху*. Просто находясь в его присутствии вы будете освещены новым светом, новым существом, новая волна поднимется вокруг вас и вы сможете идти с этой волной и попасть на другой берег.

Там, где несчастье в самом деле уходит, остается счастье — другой вариант просто невозможен. Человек просто счастлив без причины, без какого-то вопроса.

Но ваши святые не счастливы, ваши святые очень грустны, ваши святые не живут, ваши святые мертвы. Что произошло? Что за бедствие? Что за проклятие? Неверный шаг. Они думали, что любовь нужно отбросить и тогда не будет печали. Они отбросили любовь, но несчастья не происходили из-за любви, несчастья происходили из-за обладания.

Отбросьте это желание! На самом деле, превратите энергию обладания в энергию любви. Но это нельзя сделать при помощи принуждения — для этого нужен ясный взгляд, чистота.

Поэтому первое, что я хочу сказать вам, следующее: духовность — это не практика добродетели, духовность — это приобретение нового видения. Добродетель следует за этим, она приходит сама. Это естественное следствие. Когда вы начинаете видеть, все начинает меняться.

В жизни существует три вещи — первое: объективный мир, мир вещей. Видеть это может каждый. От природы мы способны видеть объективный мир. Но это только начало путешествия. Многие

остановились на этом и думают, что они достигли цели. Конечно, это не так и поэтому они несчастны.

За пределами объективного мира открывается другой мир — мир субъективный. Объективный — это мир вещей, объектов, это мир науки, математики, физики, химии. Это все очень ясно, потому что от природы мы рождены, обладая совершенной способностью видеть это.

Субъективный мир нуждается в исследовании, ни один человек не рождается со способностью видеть его; человек должен узнать, что это такое, человек должен попробовать и постепенно углубляться в него. Мир музыки, поэзии, искусства — творческий мир — это субъективный мир. Человек, который начинает двигаться внутрь него, становится более поэтичным, более эстетичным. Вокруг него витает другой аромат, у него другая аура.

Ученый живет в окружении вещей, поэт живет в окружении людей. Ученый совершенно не осознает кто он, он просто знает то, что окружает его. Он может знать о луне и Марсе, о далеких звездах, но он совершенно не помнит о своей собственной неуверенности. На самом деле, чем больше он знает о далеких предметах, тем больше он становится рассеянным в отношении себя. По отношению к себе он находится в каком-то состоянии сна.

Поэт, художник, танцор, музыкант, — все они ближе к дому. Они живут в субъективном мире, они знают, что они — люди. А когда вы знаете, что вы человек, неожиданно вы становитесь способны смотреть на других людей. Для поэта даже дерево — это человек, даже животные — это люди; для ученого, мужчина или женщина — ни что иное, как просто объекты. Ученый смотрит на мужчину, как будто он просто объект. А если он не уверен в своей внутренней силе, как же он может быть уверен в других?

Когда я говорю «человек», я имею в виду, что есть внутренний мир, недоступный для рассмотрения, анализа, разбора извне. Есть камень, у него нет внутренности, вы можете разбить его и вы все увидите. Если вы разобьете камень, ничего не произойдет, ничего не будет разрушено. Даже будучи обломками, это тот же самый камень. Теперь вы остаетесь с мертвым телом, а мертвое тело — это не человек. Разбитый камень — это тот же самый камень, но человек — больше не человек. На самом деле разбитый человек, это совсем не человек. На операционном столе вы не человек, только когда поэт прикасается к вам и держит вас за руку, вы становитесь человеком.

Поэтому люди жаждут любви. Причина этой жажды скрывается в следующем: вы хотите, чтобы человек видел, что вы — личность, а не вещь.

Вы идете к дантисту, он беспокоится за вас — он просто волнуется за ваши зубы. Даже если я иду к дантисту, я вижу его... какое чудо! Я его не интересую, он просто проверяет мои зубы. Я здесь, сижу в его кресле, он совершенно не обращает на меня внимания. В его кабинете много места, он даже не посмотрит на меня, это не его дело. Его интересуют только

зубы, его собственная техника. Его знание объективного мира — это его единственный мир.

Люди жаждут любви, потому что только любовь может сделать из вас человека, только любовь может возродить вашу уверенность в себе, только любовь может заставить вас почувствовать, что вы — это то, что можно увидеть невооруженным глазом. Вы — это что-то большее, вы чем-то отличаетесь от того, чем вы кажетесь. Отражение в зеркале — это не ваша сущность, отражение в зеркале — это всего лишь отражение вашей поверхности, но не вашей глубины. Оно ничего не говорит о вашей сущности.

Когда вы приходите к ученому, или к человеку, который полностью растворился в объективном измерении, — он смотрит на вас, как будто вы — всего лишь отражение в зеркале. Он не смотрит на вас, он смотрит вокруг вас. У него нет прямого подхода, это не личный подход, и вы чувствуете, что чего то не хватает. Он плохо обращается с вами, потому что он не воспринимает вашу индивидуальность. Он обращается с вами как будто вы — это вещь. Он что-то делает, но он совершенно не волнует вас, вы для него почти не существуете.

И пока кто-нибудь не тронет вас своей любовью, не посмотрит на вас с любовью, ваша сущность останется неисполненной, не узанной, — вот почему нужно, чтобы вы были кому-то нужны.

Субъективность — это измерение, внутреннее измерение поэзии, песни, танца, музыки, искусства. Оно лучше, чем научное измерение, потому что оно глубже. Это лучше, чем объективное измерение, потому что оно ближе к дому. Но это еще не измерение религии, помните это. Есть много людей, чьи умы одержимы объективностью, когда они думают о Боге. Бог также становится объектом. Тогда Бог так же во вне. Спросите христианина, где находится Бог, и он посмотрит вверх, куда-то в небо — во вне. Если вы спрашиваете человека, где Бог, а он смотрит вокруг, а не внутрь себя, тогда он принадлежит к нерелигиозному измерению. Люди спрашивают: «В чем доказательство существования Бога?» Доказательства нужны только для вещи. Бог не нуждается в доказательствах. Если я вас люблю, что такое доказательство? Поэзия не требует доказательств, для химии они необходимы. Но поэзия существует. Мир без химии был бы не намного хуже, а мир без поэзии был бы совсем не человеческим миром.

Поэзия придает жизни значение, недоказанное приносит жизни значение, но доказанное, в большинстве своем приносит удобство. Бог — это не предмет и его существование нельзя доказать. Бог больше похож на музыку. Он существует, конечно существует, но его нельзя схватить. Вы не можете держать его в кулаке, вы не можете запереть его в сокровищницу, это невозможно.

Любовь существует, но вы не можете обладать ею. Если вы попытаетесь это сделать, значит вы принадлежите объективному измерению и вы убиваете любовь, поэтому обладание разрушительно. Если вы обладаете женщиной, если вы говорите: «Она — моя жена, и она

принадлежит мне», — тогда она больше не человек. Вы свели ее к вещи, и она никогда не сможет простить вас. Ни одна жена не могла простить мужа, ни один муж не смог простить жену, потому что оба превратили друг друга в вещи. Муж — это вещь, жена — это вещь, а когда вы становитесь вещью, вы становитесь страшны — вы теряете свободу, вы теряете сознательность, вы теряете поэтичность, вы теряете романтизм, вы теряете значение. Вы просто становитесь вещью в мире вещей. Это можно применить, но кто живет ради того, чтобы его использовали? Полезность никогда не может принести удовлетворения. Вас используют, как же это может принести удовлетворение? Что бы вы ни чувствовали, вас используют, — вы чувствуете себя оскорбленным. И вы должны чувствовать себя оскорбленным, потому что это преступление — использовать кого-то, и это преступление позволять кому-то использовать себя. Это преступление против Бога.

Но есть люди, которые пытаются использовать даже Бога. Когда вы идете и молитесь о чем-то, вы пытаетесь использовать Бога. Вы не знаете, что такое молитва, вы не знаете, что такое любовь, вы не знаете, что такое поэзия, вы не знаете, что такое субъективная сфера. Ваша молитва, если в ней есть причина, есть желание, — уродлива. Но мы находим, мы очень хитрые люди, мы находим выходы и способы.

Позвольте мне рассказать вам анекдот.

Пастор, священник и раввин обсуждали, как решить, какую часть коллекции монет каждый получит на личные расходы, а какую часть отдаст в свои уважаемые заведения.

— На полу, — сказал пастор, — я нарисую черту. Все деньги я подброшу в воздух. То, что упадет справа, будет мое, а то, что слева — отдам Богу.

Священник кивнул, говоря:

— Мой способ приблизительно такой же, только я использую круг. То, что упадет внутрь — мое, снаружи — его.

Раввин улыбнулся и сказал:

— Я сделаю то же самое. Я подброшу все деньги в воздух. И то, что Бог сумеет поймать, будет его.

Мы продолжаем разыгрывать трюки даже с Богом. На самом деле, Бог — это тоже наше изобретение, очень хитрое изобретение. Он всегда где-то здесь, и вы можете ему молиться, вы можете его просить о чем-то, вы можете искать у него спасение, успокоение, комфорт. Но это остается предметом.

Бог — это не предмет, поэтому мусульмане, христиане, иудеи, — никто из них не пытался создать образ Бога. Это очень символично и имеет значение, потому что когда вы создаете образ Бога, он становится объективным. Пусть Бог останется без образа. Но он остался таким только в теологии. Создали вы образ Бога или нет, это не имеет значения; ваш ум, если он способен двигаться в объективном измерении, будет

относиться к Богу как к вещи. Даже мусульманин поворачивается в сторону Мекки, когда молится, это становится объектом. Даже мусульманин идет в Мекку, чтобы поцеловать камень, — это становится предметом. Черный камень в Мекке — самый целуемый камень. На самом деле, очень опасно целовать его — это негигиенично.

Но создаете ли вы образ Бога или нет, — если ум объективен, ваша идея о Боге тоже будет объективной. Когда вы думаете о Боге, вы начинаете думать о небесах, верхней границе неба. Бог там. Если вы спросите истинно религиозного человека, где находится Бог, он закроет глаза и пойдет внутрь себя. Бог там, внутри. Ваше собственное существо божественно. Пока Бог постоянно в вас, пока Бог поглощен вами, вы несете в себе образ. Не имеет значения, создали вы его из металла или из дерева, вы можете создать образ из мыслей, идей. Это тоже образ — созданный из более тонкого материала, но, все же, это образ.

Человек остается таким же, пока он не изменит свое измерение. Кто-то — атеист, он говорит: «Бога нет, потому что я не могу видеть его. Покажите его мне и я поверю.» Но однажды к нему приходит переживание, видение, сон, в котором он видит Бога. Тогда он начинает верить.

В Гите, Арджуна, ученик Кришны, снова и снова спрашивает: «Ты продолжаешь говорить о нем, но я не могу поверить, пока не увижу». Что он говорит? Он говорит: «Пусть Бог станет объектом, тогда я поверю». И Кришна уступает его желанию. Я не рад этому, потому что уступить этому желанию, значит признать, что в объективном измерении можно увидеть Бога. История говорит, что потом Кришна обнаружил свою сущность, свою безбрежность, он показал Бога. Арджуна начал дрожать. Он сказал: «Остановись! Хватит! Я все увидел!» Он увидел, как Кришна растет и становится вселенной, и в нем двигаются звезды, поднимается луна, звезды и планеты, видит конец и начало мира, там была вся жизнь и вся смерть. Это было слишком, он не мог перенести этого. Он сказал: «Остановись!» И потом он поверил.

Но эта вера не меняет сам объект, эта вера не меняет объективное измерение. Он не верил, потому что не мог видеть, теперь он увидел и верит, но Бог остается в объективном мире, Бог остается вещью. Мне не нравится, что Кришна сделал это. Этого не следовало делать. Это потворство глупым желаниям ученика. Ученику нужно изменить измерение, он должен стать более субъективным.

Но мы остаемся прежними, форма продолжает изменяться, а мы остаемся прежними.

Я однажды слышал.

Закончились похороны. Все еще всхлипывая, Гольдберг, новоиспеченный вдовец, последовал за сестрой своей последней жены в ожидающий лимузин. Как только машина выехала за ворота кладбища, сестра была напугана рукой Гольдберга, медленно но страстно

двигающейся по ее ноге. Все еще потрясенная тяжелой утратой, она закричала:

— Гольдберг, ты чудовище, ты злодей, ты животное! Моя сестра еще не остыла в могиле. Что с тобой!

Голосом, дрожащим от переживаний, Гольдберг ответил:

— В таком горе, разве я понимаю, что делаю?

Люди остаются такими же в печали или в другом настроении, они остаются прежними, они не меняют измерение.

Поэтому первое, что нужно понять: вы должны подняться из объективного в субъективное. Больше медитируйте с закрытыми глазами над своими эмоциями, над своими мыслями. Глубже смотрите во внутренний мир, этот мир принадлежит только вам. Объективное принадлежит всем, субъективное — это личное. Вы не можете никого пригласить в свои сны, это невозможно. Вы не можете сказать своему другу: «Сегодня вечером приходи в мой сон» — потому что сон полностью принадлежит вам. Вы не можете пригласит даже любимую, которая может спать на той же кровати, которая может спать совсем рядом с вами. Но вам снятся ваши сны, а ей снятся ее сны. Сны — очень личные. Субъективное лично, объективное общественно, это мирское. Многие люди могут видеть одну вещь, но у многих не может быть одной и той же мысли, она может быть только у одного человека — того, кому она принадлежит.

Больше направьте ваше сознание на личное. Поэт живет личной жизнью, политик живет общественной жизнью. Махатма Ганди говорил, что у него нет личной жизни. Это значит, что у него была очень бедная жизнь. Личная жизнь — богата. Жизнь политика видят все: по телевизору, в газетах, на улице, в толпе. У политика есть только общественное лицо. Когда он приходит домой, он никто. Он теряет лицо.

Вы должны найти свое личное лицо. Акцент должен быть на личном, а не общественном. И вы должны начать учиться, как полюбить личное, потому что личное — это дверь к Богу. Общественное — это дверь в науку, а не в религию, не к Богу. Общественное — это дверь в арифметику, счеты, но это не дверь к экстазу, к любви. И наслаждайтесь очень личными вещами: музыкой, поэзией, живописью. Дзен уделяет внимание каллиграфии, рисованию, поэзии, выращиванию садов, — чему-то совершенно личному, чему-то что возникает как волна внутри вашего существа и выплескивается наружу.

Общественная жизнь — это совершенно обратное: что-то вырастает снаружи и входит в вас. Центр вашего существа никогда не находится в вас, он всегда снаружи. Поэтому политик всегда боится внешнего мира — он зависит от него. Если люди не будут за него голосовать, он станет никем.

Но это не имеет никакого значения для художника или поэта. Никто не покупал рисунки Винсента Ван Гога. На протяжении всей своей жизни

он не продал ни единого произведения, но это не имело значения, он наслаждался собой. Если что-то продается, — хорошо, если нет, тоже хорошо. Настоящая награда была не в продаже и признании, настоящая награда была в том, что художник создавал. В этом он достигал своей цели. В миг создания он становился божественным. Что бы вы ни создавали, вы становитесь Богом.

Вы много раз слышали, что Бог создал мир. Я скажу вам больше: когда бы вы ни создали что-то, вы становитесь маленьким Богом сами. Если бог — создатель, то чтобы приблизиться к нему, есть один способ — быть создателем. Тогда вы становитесь участником, тогда вы больше не зритель.

Ван Гог, признанный или нет, прожил удивительно прекрасную жизнь в своем внутреннем мире, очень красочную жизнь. Настоящая награда приходит не тогда, когда продана картина и критики всего мира признают вас, это глупая награда. Настоящая награда — это когда художник создает картину, когда он растворяется в ней, когда танцор растворяется в танце, когда певец забывает, кто он, и песня трепетно льется. Это и есть настоящая награда, в этом и есть достижение.

Во внешнем мире вы зависите от других. В общественной жизни, в политической жизни, вы зависите от других, вы становитесь рабом. В личной жизни вы становитесь хозяином своей собственного бытия.

Позвольте мне настоять и подчеркнуть это, потому что я хотел бы, чтобы все мои саньясины в каком-то смысле были творческими. Для меня, созидательность имеет огромное значение. Не творческий человек — это совершенно нерелигиозный человек. Я не говорю, что вы все должны быть Ван Гогами, это невозможно. Я не говорю, что вы все должны быть Леонардо да Винчи, или Бетховенами, или Моцартами, Я не говорю, что вы все должны стать Вагнерами и Пикассо, Рабиндранатами, нет, я этого не говорю. Я не говорю, что вы должны стать всемирно известными художниками или поэтами, или должны получить Нобелевскую премию — если у вас есть такая мысль, вы снова займетесь политикой. Нобелевский приз исходит из внешнего мира, это глупый приз. Это не настоящий приз. Подлинная награда приходит изнутри. И я не говорю, что у вас есть способности — не у всех есть способности, чтобы стать Пикассо. И в этом нет необходимости, потому что слишком много Пикассо сделали бы мир скучным. Хорошо, что в мире есть только один Пикассо и хорошо, что его никогда не повторяли, иначе это было бы скучно.

Но все вы по-своему можете стать творцами. Не имеет значения, знает ли кто-нибудь об этом или нет, это совершенно неважно. Вы можете делать что-то из любви, тогда это становится созидательным. Вы можете наслаждаться чем-то, когда делаете это, тогда это становится творчеством.

Пока я говорю с вами, Аста убирается в моей комнате и в ванной. Я предложил ей прервать работу и прийти к нам на беседу. Она сказала: «Багван, уборки ванной для меня достаточно». Это творческое действие,

и она выбрала это из своей любви. И, конечно, она ничего не упускает. Слушает ли она меня или нет, не в этом дело. Если ей нравится убираться в ванной, если она любит меня, тогда это становится молитвой. Вы можете быть здесь, но вы можете слушать меня или не слушать меня. Ее здесь нет, но она слышит меня. Она поняла меня. Теперь работа сама по себе становится поклонением. Тогда это творчество.

Я хотел бы напомнить всем моим саньясинами снова и снова: будьте созидательны. В прошлом, большинство религиозных людей доказали, что они не умеют этого. Это было бедствием, проклятием. Святые просто сидели и ничего не делали. Это не настоящая религия. Когда настоящая религия появляется в людской жизни, неожиданно появляется созидательность.

Когда жил Будда, настало время великой созидательности. Вы можете найти доказательства в Аджанте, Эллоре. Когда Тантра была живой религией, произошел взрыв созидательности. Вы можете приехать в Пури, Канорак, Кхаджурахо и увидеть это. Когда мастера Дзен были живы он создали множество новых измерений — из мелочей, но очень творчески.

Если вы не творите, это просто означает, что вы практиковали свою религию, что вы просто поместили себя в какие-то рамки, что вы заблокированы, замерзли в этой модели. Религиозный человек плывет, бежит, он подобен реке; смотрит, ищет, исследует неизвестное — всегда отбрасывает известное и идет в неизвестность. Всегда выбирает неизвестность известному, приносит известное в жертву неизвестному. И он всегда наготове. Религиозный человек — это странник, бродяга, он входит во внутренний мир, продвигаясь от одного к другому. Он хочет изучить все пространство, которое есть в его существе.

Будьте более созидательными. Танцуйте, и пусть вас не волнует, нравятся ваши танцы кому-нибудь или нет, — это не вопрос. Если вы можете в этом раствориться, вы — танцор. Пишите стихи. Нет необходимости показывать их кому-нибудь. Если вам это доставляет удовольствие, пишите и сжигайте их. Играйте на флейте, гитаре или ситаре. Вы должны увидеть нашего музыканта Бодхи. Как медитативно он играет на табле! Это его медитация. Он растет: входит в это, растворяется, тает.

Субъективность — это хранилище всего искусства и творчества. Это два обычных аспекта бытия.

Третья, настоящая религия — это трансцендентальность. Первая религия объективна — объективен мир науки, потом есть субъективная религия — это мир искусства, третья — трансцендентальная религия — которая идет после первых двух; она ни субъективна, ни объективна, она не внутри, но и не снаружи. В ней сочетаются две веры, в нее вовлечены они две, но, тем не менее, это выше, чем они, больше, чем они, находится за их пределами. Субъективная ближе к трансцендентальной, чем объективная, помните, просто будучи субъективным, вы не станете религиозным. Вы сделали шаг, чтобы стать религиозным, очень важный

шаг, но просто будучи субъективным вы не станете религиозным. Вы можете найти неверующих поэтов, вы можете найти неверующих художников... религия — это больше, чем искусство, больше, чем песни.

Что же третье? Первое, вы должны заглянуть в свои мысли. Отбросьте публичный мир и двигайтесь по направлению к личному: загляните в свои сны, свои мысли, в свои желания, в свои эмоции, в свои настроения, которые меняются в вас, год за годом. Смотрите. Это субъективность.

Потом последний и главный шаг: постепенно, смотря в мысли, начните смотреть в смотрящего, в свидетеля, в того, кто это видит.

Сначала уйдите от вещей к мыслям, потом — от мыслей, к мыслящему. Вещи — это мир науки, мысль — это мир искусства, а мыслитель — это мир религии. Просто продолжайте двигаться внутрь. Первое окружение вокруг вас — это вещи, второе — мысли, и третье — центр, само ваше существо, это ничто иное как сознание. Это ничто иное, как свидетельство.

Отбросьте вещи и углубитесь в мысли; потом, однажды, мысли тоже придется отбросить и тогда вы останетесь одни во всей своей чистоте, тогда вы останетесь в абсолютном одиночестве. В этом и есть Бог, в этом одиночестве — освобождение, мокша, нирвана, в этом одиночестве, впервые вы окажетесь в реальности.

Объективное и субъективное разделено, здесь существует двойственность, конфликт, борьба, разделение. Объективный человек что-нибудь упустит — он упустит субъективное. А субъективный человек тоже что-то упустит — объективность. Ученый и поэт — они оба несовершенны. Только святой человек представляет собой целостность, только он может быть единым целым. И из-за его целостности я называю его святым.

Под «святым» я подразумеваю, что он добродетелен, под «святым» я подразумеваю, что он — целое. Ничто не упускается, вовлечено все. Его богатство полно: и субъективное и объективное растворилось в нем. Но он не только носитель субъективного и объективного, это нечто большее. Объективное снаружи, субъективное внутри, а религиозность позади. Запредельное, совмещает в себе внутреннее и внешнее и все же оно запредельно.

Видение — вот что я называю духовностью: видение запредельного.

И еще. В объективном мире большое значение имеет действие. Человек должен быть активным, потому что только действие уместно в мире вещей. Если вы что-то делаете, только тогда вы можете получить еще больше, если вы что-то делаете, только тогда вы можете изменить объективный мир.

В субъективном мире... не действие. Действие не имеет значения, а чувство имеет. Поэтому поэты становятся ленивыми. И художники, даже великие художники, и великие поэты, и великие певцы. — у них бывают приступы активности, а потом они опять впадают в лень. Субъективный человек более сонный, мечтательный, ленивый; объективный человек активен, одержим действием. Объективный человек всегда должен что-то

делать, он не может сидеть один, он не может отдыхать. Он может заснуть, но, как только он проснется, он должен что-то делать. Субъективный человек неактивен. Для него очень тяжело совершать какие-то действия. Он наслаждается миром фантазии, а это доступно и без действия. Он не должен никуда идти, он просто закрывает глаза и мир снов открывается перед ним.

Религиозный человек — это столкновение противоположностей: действия в бездействии, бездействия в действии. Он делает что-то, но делает это таким образом, что никогда не станет создающим человеком. Он остается средством выражения Бога, проходом, тем, что китайцы называют *ву-вей*, бездействие в действии. Даже если он что-то делает, он не делает это. Его действие подобно игре, в нем нет напряжения, нет беспокойства, нет одержимости. И даже когда он в бездействии, ему не скучно, даже когда он сидит или лежит и отдыхает. Он полон энергии. Потому что две противоположности встречаются в нем, он может действовать, как будто он был в бездействии, он может оставаться в таком состоянии, но все равно, вы можете чувствовать энергию, вы можете почувствовать движение огромной активности вокруг его существа. Куда бы он ни двигался, он приносит людям жизнь. Просто в его присутствии мертвые оживают, просто при его прикосновении мертвые люди возвращаются к жизни.

Как Иисус... Когда Лазарь умер, позвали Иисуса. Он пришел в гробницу, где лежал Лазарь и произнес: «Лазарь, выйди!» И умерший Лазарь вышел и сказал: «Я здесь. Ты вызвал меня из смерти. Я здесь».

Религиозный человек активен, не потому что он деятель, религиозный человек активен, потому что его нескончаемая энергия доступна. Религиозный человек активен, не потому что он должен что-то делать, не потому что он одержим страстью делать, не потому что он не может расслабиться, но потому что он настолько полон энергии, что может выйти за пределы; слишком много энергии и он не может содержать ее всю.

Но, пока он спокойно сидит... Вы можете увидеть, как Будда спокойно сидит под деревом Бодхи, но вы увидите, как энергия играет вокруг него, огромная аура, полная энергии.

Прекрасную историю рассказывают о Махавире, что куда бы он ни пошел, на мили вокруг него все оживало. А он был недействительным человеком. Он мог просто сидеть или стоять под деревом на протяжении дней, часов, но на мили вокруг него жизнь начинала биться с новым ритмом. Говорят, что дерево зацветало, хотя был не сезон, деревья начинали быстрее расти, мертвые деревья начинали выпускать новые листья. Так ли было или нет, не в этом дело, это может быть просто рассказом. Но это очень показательно, очень символично. Мифы не символичны, мифы — это имеющие значение символы. Они что-то говорят.

О чем говорит этот миф? Он просто говорит, что Махавира был настолько полон энергией, настолько его переполнял Бог, что где бы он

ни был, жизнь начинала идти быстрее. Все вокруг него двигалось быстрее. Он ничего не делал, но все происходило само.

Лао-цзы говорил, что величайший религиозный человек никогда ничего не делает, но миллионы событий происходят с его помощью. Он никогда не действует, но многое происходит. Он просто продолжает сидеть, но все равно влияние его существа на мир вещей огромно. Никто даже может не знать о нем, он может сидеть в пещере в Гималаях, и вы никогда не будете знать о нем, но все равно ваша жизнь будет находиться под его влиянием, потому что он будет двигаться. Он будет давать новую энергию, новый толчок жизни, он принесет новую пульсацию в жизнь. Вы можете и не знать о нем, но будете благодетельствованы им.

Противоположности становятся дополнением в религиозном существе. День и ночь встречаются и разрешают конфликт, мужчина и женщина встречаются в религиозном человеке и решают конфликт. Религиозный человек — это *ардханаришвар* — это пол-мужчины, пол-женщины. Он и то, и другое. Он силен как любой мужчина и он может быть хрупким как женщина. Он может быть хрупким как цветок и сильным как меч. Он жесток и мягок, он совмещает в себе и то и другое. Он — чудо, он — тайна. Из-за столкновения противоположностей он действует вне логики, его существо парадоксально. Он жив как никто другой и он мертв, намного мертвее, чем мертвые, лежащие в могиле. Он мертв и жив одновременно, он познал искусство одновременной смерти и жизни.

В обычной жизни с обычным сознанием все разделено на противоположности и есть большая привлекательность во встрече с противоположностью: мужчина ищет женщину, женщина ищет мужчину — цикл инь-ян. В религиозном человеке все искания прекращаются — мужчина нашел женщину, женщина нашла мужчину. В своей внутренней сущности энергия подходит к точке, когда все растворяется в одном, в неделимости, адвайте. Все противоположности становятся дополнениями, все конфликты разрешаются и становятся сотрудничеством. Потом вы должны пойти домой, тогда нет необходимости никуда идти, тогда ничего не хочется видеть, нечего желать. Это состояние — состояние Бога. Бог — это состояние, Бог — это не объект. И Бог это даже не человек, потому что Бог не объективен и не субъективен. Бог трансцендентален.

Если вы в объективном, я скажу: «Ищите субъективный мир — там и есть Бог». Если вы в субъективном, я скажу: «Теперь идите за его пределы. Здесь нет Бога, Бог за пределами». Постепенно человек будет все исключать, постепенно он будет все отбрасывать. Бог есть там, где нет объективного и субъективного, где нет вещей и мыслей, где нет этого мира и нет того мира. Там, где нет причины и ума, там есть Бог, бог — это ни то и ни другое. В Боге это соединяется. Бог — это огромный парадокс, абсолютно не подчиненный логике, за ее пределами. Вы не можете создать образ Бога в дереве и вы не можете создать его образ при помощи концепций и идей. Когда вы растворите все образы, когда вы

растворили все внутри и во вне, мужчину и женщину, жизнь и смерть, всю двойственность — тогда то, что осталось есть Бог.

Теперь история.

Однажды, уже будучи слепым, раввин Бунам пришел к раввину Фишелю. Раввин был известен своими чудесными исцелениями.

— Доверься мне, — сказал его хозяин, — я восстановлю твой свет.

— Не обязательно, — ответил Бунам, — я вижу все что нужно!

Глаза, видящие только то, что есть во внешнем мире слепы. Это еще не глаза. Они очень примитивны, недоразвиты. Глаза, видящие внутренний мир более реалистичны. Раввин был прав. Он сказал: «Теперь нет необходимости восстанавливать мои глаза, потому что хотя я не могу видеть вещи, я их больше не хочу видеть. А мир, который я хочу видеть, я вижу. Хорошо, что я ослеп, потому что теперь меня больше не тревожит мир вещей».

Такое происходило много раз. Мильтон ослеп, и его великая поэзия родилась только тогда когда он потерял зрение. Сначала он был шокирован, это естественно. Он потерял глаза и не было возможности восстановить их. Он думал, что вся жизнь закончилась. Он был хорошим поэтом, уже знаменитым. И, конечно, поэт подумал: «Без глаз, как же можно видеть деревья, как можно увидеть луну, как можно увидеть реку и дикий океан? Без глаз как же можно увидеть краски жизни? Конечно, поэзия станет беднее. Она потеряет цвет». Но Мильтон ошибался. Он был верующим человеком и принял свою слепоту. Он сказал: «Хорошо. Если Бог этого желает, тогда так и должно быть». Он принял это. И постепенно он уверился, что ему становится доступным бесконечный мир: мир внутренних мыслей. Он стал субъективен. Теперь не было необходимости видеть внешний мир, так что вся его энергия была ему доступна.

Вы видели слепых людей? На их лицах вы всегда увидите определенную милость. Даже обыкновенный слепой человек выглядит милостивым, очень спокойным. Они не чувствуют разрушение внешнего мира.

Ученые говорят, что человек живет глазами, почти восемьдесят процентов в его жизни занимает зрение. Восемьдесят процентов! Только двадцать процентов остается на другие чувства. Восемьдесят процентов своей жизни вы воспринимаете через глаза. Поэтому когда вы видите слепого человека в вас появляется сострадание. Вы не чувствуете такого сострадания к больному или глухому человеку, но вы чувствуете сострадание к слепому человеку. Вы думаете: «Бедняга. Он не получает восемьдесят процентов жизни!»

Глаза очень важны. Все научное исследование зависит от зрения. Вы когда-нибудь слышали о слепом ученом? Это невозможно. Слепой человек не может провести объективное исследование — это становится сложным. Но было много слепых музыкантов, слепых певцов; слепой человек обладает такими слуховыми способностями, которые недоступны нормальному человеку, потому что теперь восемьдесят процентов жизни не теряется из-за слепоты. Энергия поднимается к ушам. Его уши становятся очень, очень отзывчивыми и чувствительными. Он начинает видеть ушами. Возьмите слепого человека за руку и вы будете удивлены. Вы ощутите живое прикосновение, прикосновение, которое вы не почувствуете у людей видящих. Подержите слепого за руку и вы почувствуете, как тепло бежит к вам, потому что слепой не может видеть вас, он может только прикоснуться к вам. Вся его энергия идет в прикосновение.

Обычно вы прикасаетесь взглядом. Красивая женщина проходит мимо — вы смотрите на нее. Вы прикоснулись к ней с помощью глаз. Вы прикоснулись ко всему ее телу, не оскорбив ее и не нарушив закон. Постепенно вы забываете, что такое прикосновение.

Глаза стали монополистами, они забирают много энергии из многих источников. Например, нос. Глаза находятся очень близко к носу. Глаза забрали у носа всю энергию. Люди не вдыхают запах. Они потеряли эту способность. Их обоняние мертво. Слепой человек вдыхает. Его обонятельная способность огромна. Когда вы близко подходите к нему, он знает ваш запах, он узнает вас по запаху. Он прикасается к вам, он знает ваше прикосновение. Он слышит вас, он знает ваш голос. Все чувства оживают. И он очень милостив, потому что глаза создают большое напряжение.

Когда Мильтон ослеп, сначала он был потрясен, но потом принял это — он был верующим человеком. Он молился Богу и говорил: «Пусть будет так». Постепенно он поражался, что это было не проклятие, это было благословением. Он постиг бесконечные цвета внутреннего мира. Это был психоделический мир. Очень тонкие нюансы, очень красивые сны стали открываться перед ним. И вся его великая поэзия родилась тогда, когда он ослеп. Он был хорошим поэтом, но не великим, но когда он ослеп, он больше не был хорошим поэтом, он стал великим поэтом. Хорошая поэзия — это так, не особо. Может быть вы не можете найти в ней ни единой ошибки, но это все. Великая поэзия обладает большой приносящей силой, великая поэзия обладает революционной силой, она достаточно сильна, чтобы потрясти весь мир, изменить весь мир.

Это происходило много раз. Если, когда человек становится слепым, он может принять это, смирение дает ему новый мир. Объективный мир исчезает, субъективный мир открывает свою дверь. А этот мир близок к трансцендентальному, поэтому все медитирующие закрывают глаза.

Вы когда-нибудь обращали внимание? Все женщины закрывают глаза, когда вы занимаетесь с ними любовью, мужчины никогда не закрывают глаза. Они глупы. Мужчина хочет видеть женщину, с которой он

занимается любовью. Он хотел бы, чтобы было светло, чтобы он мог видеть ее. И есть столько глупцов у которых в спальне зеркала. Они хотят видеть не только женщину, они хотят видеть все отражения вокруг. А есть такие, кто установили в спальне камеру, которая автоматически все снимает, потому что если они упустят что-то сейчас, потом они это увидят!

Но женщины не настолько глупы. Я не говорю о феминистках, может быть они делают то же самое, потому что они соревнуются со всем, чего бы это ни было. Они могут заниматься любовью с открытыми глазами, но тогда они что-то упустят. Мужчины занимаются любовью в объективном мире, женщины занимаются любовью в субъективном мире. Женщины немедленно закрывают глаза, потому что если такое прекрасное ощущение внутри, зачем обращать внимание на то, что снаружи! Когда вы двигаетесь, полные любовной энергии, тая, плаваясь, и внутри вас возникает оргазм, на эту реальность надо смотреть. Мужчина просто глуп, он просто смотрит на тело, женщина понимает больше, она смотрит на душу, это для нее превосходная точка зрения.

Но, все равно это не религиозно. Это артистично, эстетично, но не религиозно. Когда вы становитесь религиозны, тогда возникает отношение Тантры. Тогда вы не видите с открытыми глазами, вы не видите с закрытыми глазами, вы просто видите видящего! Вам не интересен опыт, вы смотрите на того, кто это испытывает, на свидетеля. Тогда любовь становится Тантрой. Мужчина ли это или женщина, двигающаяся в измерение Тантры, им не интересно, что происходит, они больше заинтересованы в том, с кем это происходит, в свидетеле. Кто этот свидетель? И когда энергия взрывается таким естественным спонтанным способом, лучше наблюдать. Просто будьте наблюдателем на холме. Забудьте о том, мужчина вы или женщина, забудьте о своем теле, забудьте о сознании, и тогда вы станете трансцендентальны. Тантра трансцендентальна.

И это измерение должно возникнуть во всех обычных ситуациях в вашей жизни. Что бы вы ни делали, вы можете делать это тремя способами: объективно, по научному, по западному; или субъективно, по восточному; или религиозно, трансцендентально, в котором растворяются восток и запад. Религиозный способ это ни восточный, ни западный способ. Запад научен, Восток поэтичен; Запад думает историей, Восток мыслит мифами, пуранами; Запад больше беспокоит реальность, Восток больше беспокоит мечты о реальности, фантазия о реальности; Запад больше беспокоит сознательный ум, Восток больше беспокоит бессознательный ум. Но религия находится за пределами и того и другого. Религия — это сверх-сознательный ум, трансцендентальный ум, — она ни западная, ни восточная.

Как встречаются мужчина и женщина, так же встречаются Восток и Запад. Запад больше подобен мужчине, Восток больше подобен женщине, Запад — это воля, Восток — это подчинение. Но религия — это соединение того и другого.

— Не обязательно, — ответил Бунам, — я вижу все что нужно!

Конечно, это великое религиозное утверждение — этого достаточно, более, чем достаточно, если вы можете видеть видящего. Если вы можете видеть видящего. Если вы можете быть своим сознанием, своей осознанностью, этого достаточно. Все это доступно. Вы стали Богом, ничего больше не требуется.

Стремитесь к такому состоянию бытия. Если вы пришли с Запада, боритесь за это, если вы пришли с Востока, подчинитесь этому. Если вы пришли с Запада, желайте этого, если вы пришли с Востока, ждите этого.

А если вы мои саньясины, которые не принадлежат ни Западу, ни Востоку, тогда отбросьте всю двойственность, будьте не двойственны. Отбросьте все разделение. Просто будьте индивидуальны. Если вы принадлежите мне, значит вы принадлежите трансцендентальности. В этом все значение инициации. Я несу вам трансцендентное, я несу вам высшее, я несу вас то, что нельзя увидеть снаружи, то, что нельзя увидеть внутри, но вы можете стать этим, потому что вы уже это.

Глава 10 **Всякая всячина**

Первый вопрос:

Вы, кажется, выступаете против де мистификации жизни. Ссылаясь на это, было бы правильно сказать, что движения на Западе, такие как Арика, Дзен, Суфизм, ИСТ, ТМ и т.д., являются неизбежным синтезом восточного мистицизма и западной науки?

Настоящий синтез был бы исчезновением Востока и Запада. Это не было бы их встречей. В настоящем синтезе Востока не было бы, и Запада не было бы тоже. Это то, что вчера я назвал трансцендентальностью.

Восток и Запад — это противоположности. Если вы попытаетесь соединить их, просто возьмете что-то от Запада, что-то от Востока и смешаете — это будет компромиссом а не синтезом. Он будет механическим, но не органическим. Вы можете сложить что-то — это механическое объединение, но вы не можете сложить дерево, вы не можете сложить человеческое существо. Целостность дерева растет, она идет из его собственной внутренней сути и распространяется вокруг. Она возрастает в центре. Механическое соединение может быть создано во внешнем мире: вы можете сложить машину и часы, но ни у машины, ни у часов нет центра; у машины нет души. Вот значение того, когда мы говорим, что у часов нет души... это значит, что у них нет центра. Это союз, созданный извне. Он работает, он полезен.

Но дерево, птица, ребенок — вы не можете объединить их. Они растут. Их единство происходит из их внутренней сущности. У них есть центр.

Компромисс — это механическое единство, синтез — это органический рост. Поэтому, что бы ни происходило сейчас под именем ЕСТ, ТМ, Арики, есть механическое единство.

А у механического единства есть свои опасности. Наибольшая из них следующая: Восток развил глубокое озарение относительно религии, а Запад разработал большую возможность проникновения в науку. Когда западный человек начинает свой поиск на востоке, его подход научен. Он может понять только то, что на Востоке научно — попытайтесь это понять. А Восток не разработал никакого научного подхода, Восточная наука очень примитивна и находится в зачаточном состоянии. Когда религиозный человек едет с Востока на Запад, он смотрит на западную религию, которая находится в зачаточном состоянии и очень примитивна. А он может понять только религиозный язык.

Поэтому когда кто-нибудь с Востока приезжает на Запад, он видит слабость западного роста. А когда кто-нибудь приезжает с Запада на Восток, он также видит его слабость.

Что же происходит? Восток и Запад встречаются в Арике, ЕСТ, ТМ и в других так называемых духовных движениях — и происходит противоположное тому, что должно было случиться. Не Восточная религия встречается с Западной наукой, а Восточная наука встречается с Западной религией. Это уродливое явление.

Вы должно быть слышали.

Французская актриса сказала Джорджу Бернарду Шоу, что хотела бы выйти за него замуж.

Бернард Шоу спросил почему.

Она сказала:

— Логика проста. У меня поразительно красивое тело. Посмотрите на мое лицо, на мои глаза, на мои формы — они совершенны. А у вас прекрасный интеллект, величайший разум. Наш ребенок будет прекрасен: ваш мозг и мое тело.

Джордж Бернард Шоу сказал:

— Я боюсь, что все будет не так. У нашего ребенка может оказаться мое тело и ваш ум.

Это происходит!

Он отклонил предложение о женитьбе. Он сказал: «Это опасно. В этом нет уверенности».

Конечно, у Бернара Шоу было уродливое тело, а у актрисы, как известно, не было мозгов. Ум — непривычное качество для актрис, иначе к чему им быть актрисами?

ЕСТ, Арика и ТМ — просто побочные продукты брака между Джорджем Бернардом Шоу и актрисой. Все пошло наоборот. Это не синтез, это компромисс, смесь. И это очень опасно.

Здесь необходим большой синтез. Этот синтез не получится из движения, это получится только при помощи нескольких людей, которые достигают этого синтеза при помощи своих душ. Вопрос не в чтении Библии, не в чтении Гиты, не в выяснении сходств, не в создании из них синтеза — это было бы механическим соединением. Но многие люди именно так и делали.

Доктор Бхагвандас написал научную книгу: «Существенное единство всех религий». Все это — глупость. Почитайте Коран, почитайте Веды, почитайте Библию, почитайте Дхаммападу, найдите сходства — очень легко найти сходства — но на самом деле, Коран прекрасен только из-за того, что там есть то, чего нет в Гите. Красота в его уникальности. Когда вы находите что-то... как сделал Махатма Ганди, он прочитал Коран и нашел там вещи, похожие на то, что есть в Гите. Он в Коране искал Гиту. Он был несправедлив к Корану, это было не очень воспитанно, потому что он привносил чужой элемент в Коран. А то, что не было похоже на Гиту, не совпадало с Гитой, он просто забывал. Он забывал, что это есть в Коране. И это лишило Коран его уникальности.

Так же может поступить и христианин. Он может заглянуть в Гиту и найти там то, что удовлетворит его христианский ум, тогда он начнет искать в Гите Библию, но Гита прекрасна только тогда, когда она не похожа на Библию. В этом ее уникальность. Красота — это уникальность, подобию становятся штампами, сходства теряют смысл, сходства однообразны. Гималаи прекрасны, потому что у них есть что-то уникальное, чего нет в Альпах. И Ганг прекрасен, потому что у него есть что-то, чего нет в Амазонке. Конечно, и то, и другое — реки, и у них есть тысяча и одно подобие, но если вы продолжите искать подобию, вы будете жить в очень скучном мире. Я этого не одобряю.

Я не прошу вас посмотреть на Восточные скульптуры и на Западные скульптуры и найти какой-то компромисс, нет. Я хочу, чтобы вы углубились во внутреннее существо. Если вы выйдете за пределы предмета, вы выйдете за пределы Запада; если вы выйдете за пределы темы, вы выйдете за пределы Востока. Тогда возникнет трансцендентальность, это и будет синтезом. А когда такое происходит внутри вас, вы можете распространить это вокруг. Синтез должен происходить внутри человеческих существ, не в книгах, не в диссертациях, не в тезисах Доктора Философии. Органическое единство возможно только органическим путем.

Вот чем я здесь занимаюсь. Я постоянно говорю вам, чтобы вы вышли за пределы предмета и за пределы темы. Я не говорю, что вы должны сделать так, чтобы объективное и субъективное встретилось внутри вас, потому что эта встреча не сможет принести высшее в существование. Вы должны выйти за пределы. Человечество будущего должно выйти за пределы Востока и Запада; и то, и другое — это только половинки, и то, и другое — односторонни. Я не выступаю ни за Запад, ни за Восток, — я за весь мир, за тот мир, который является единым целым.

Но это естественно — Арика, ЕСТ, ТМ — это естественно. Потому что человечество, обыкновенный человеческий ум, всегда пытается найти дешевые способы, кратчайшее расстояние. Люди по-настоящему не заинтересованы в окончательной истине, их больше интересует удобная, комфортная жизнь. Их на самом деле не интересует быть живыми, быть исследователями, на самом деле, они боятся приключений. Они хотят расположить вещи так, чтобы они стали комфортными и человек мог комфортно жить и комфортно умереть. Комфорт становится целью, но не истиной.

И у каждого есть свои собственные предрассудки. Христиане, индусы, мусульмане, у них у всех есть предрассудки. Они очень глубоко укоренились. Вы можете говорить о любви, но это всегда искусственно.

Позвольте мне рассказать вам анекдот.

Обезумевший молодой человек уселся на выступ сорокового этажа отеля, угрожая прыгнуть. Ближайшее место, где могла разместиться полиция — это крыша соседнего здания, которое было на несколько футов ниже. Как бы то ни было, все уговоры, чтобы мужчина вернулся в безопасное место, ни к чему не привели.

Из соседней церкви позвали священника, и он поспешил прийти.

— Подумай, сын мой — обратился он к потенциальному самоубийце.

— Подумай, сын мой, подумай о своей матери и о своем отце, которые любят тебя.

— О, они не любят меня, — ответил мужчина. «Я прыгаю.

— Нет, сын мой, постой! — закричал священник с большой любовью в голосе. — Подумай о женщине, которая любит тебя.

— Никто меня не любит. Я прыгаю —, был ответ.

— Но подумай, все же подумай, мой мальчик — умолял священник. — Подумай об Иисусе, и о Марии, и об Иосифе, которые любят тебя.

— Иисус, Мария и Иосиф? — спросил мужчина, кто они?

Услышав это священник закричал:

— Прыгай, ты иудейский ублюдок, прыгай!

Вся любовь немедленно исчезает. Все разговоры о любви просто поверхностны, все разговоры о терпимости нетерпимы в своей глубине.

Люди говорят: «Относитесь друг к другу терпимо». Что вы имеете в виду, когда говорите: «Относитесь друг к другу терпимо»? Это уже нетерпимость. Само слово «терпимость» уродливо. Когда вы относитесь к кому-нибудь с терпимостью, вы любите его? Когда индусы терпимо относятся к мусульманам, они их любят? Когда мусульмане терпимо относятся к индусам, они их любят? Может ли терпимость когда-нибудь стать любовью? Терпимость может быть политической, но не религиозной.

Тот, кто хочет знать истину — истину, находящуюся за пределами всех противоположностей: мужчина-женщина, Восток-Запад, хорошее-плохое, небеса-ад, лето-зима, тот, кто заинтересован в познании, в

исследовании истины, которая находится за пределами двойственности, должен избавиться от всех своих предрассудков. Если он все еще несет в себе предрассудки, эти предрассудки исказят его ум. Чтобы познать истину, вам не нужно быть индусом, вам не нужно быть мусульманином, вам не нужно быть христианином, вам не нужно быть иудеем; чтобы познать истину, вы должны избавиться от всего этого хлама, вы просто должны быть собой. Вам не нужно быть индийцем, вам не нужно быть американцем, вам не нужно быть англичанином, вам не нужно быть японцем, китайцем. Чтобы знать истину, вам просто нужно быть терпеливым, огромным, энергичным, живым, любящим, любознательным, медитативным... но без предрассудков, без писаний, без концепций, без философии. Когда вы полностью избавитесь от всего того, чему вас учили, когда все условности будут отброшены, тогда неожиданно появится высшая истина — а эта высшая истина — синтез сам по себе, вы не должны будете это синтезировать. Это органическое единство. И с этой высоты вы сможете смеяться над всей ерундой, которая творится во имя религии, во имя терпимости, во имя любви, во имя церквей, и храмов, и мечетей.

Внутри вас должна произойти революция, она не должна быть представлена в мире. Потому что только вы полны жизни — общество мертво, общество — это просто название. Только у вас есть что-то в душе. Синтез должен произойти там. Синтез не произойдет в Пуне, или в Нью-Йорке, или на Тимбукту, или в Константинополе, синтез произойдет внутри вас, внутри меня. И каждый человек должен стать большим экспериментом в этом синтезе. Но помните, что когда будет происходить этот синтез, вы не сможете сказать синтез ли это между Востоком и Западом, между мусульманством и христианством, между индусом и джайном. Нет, вы немедленно увидите, что это трансцендентально. Синтез, настоящий синтез, органический синтез — это трансцендентальность — ваша высота изменилась, вы находитесь в высшей точке. Оттуда вы смотрите на все.

На что бы мы ни смотрели, что бы мы ни видели, это не очень важно. Важно то, где вы находитесь. Если вы держитесь за Восток, — что бы вы ни видели на Западе, было бы неверно истолковано.

Только вчера я читал газету. Кто-то написал статью, в которой выступал против меня. В статье спрашивалось, как американцы могут понимать религию. Они не могут, поэтому вся моя попытка — это потеря. Это ум индийского шовиниста. Индиец думает, что никто кроме него не может понять религию. И это так не только у индийцев, так происходит со всеми. Каждый человек несет это глубоко внутри — что мы избранные. Это очень разрушительная идея. Вопрос не в том, индеец вы или американец, — у истины нет ничего общего с этими ярлыками. Истина доступна любому, кто готов все это отбросить. Истину можно понять только тогда, когда вы ни американец, ни индеец, ни индус, ни христианин. Истина понимается сознанием, которое больше не

затуманено условностями, которое больше не затуманено прошлым. Иначе мы будем видеть в вещах только то, что понимаем.

Я прочитал очень красивый анекдот...

Семья решила привезти из Венгрии старого дедушку, и он приехал к дочери и ее семье.

Старик был поражен Нью-Йорком и всем, что он мог предложить.

Однажды его внук Янкель повел его в зоопарк в Центральном Парке. Большинство зверей были знакомы старику. Но когда они подошли к клетке, где была смеющаяся гиена, старик заинтересовался.

— Янкель, в моей стране я никогда не видел смеющееся животное.

Янкель заметил зрителя и позвал его.

— Мой дедушка недавно приехал из Европы. Он говорит, что там нет смеющихся гиен. Вы могли бы мне рассказать что-нибудь, чтобы я рассказал ему?

Зритель сказал:

— Ну, он ест один раз в день. Янкель повернулся к деду и сказал на идише:

— Он ест один раз в день.

Зритель продолжил:

— Он моется один раз в неделю.

— Он моется один раз в неделю.

Старик внимательно слушал.

Зритель добавил:

— Он спаривается один раз в год.

— Он спаривается один раз в год.

Старик внимательно покачал головой.

— Хорошо. Он ест один раз в день, он моется один раз в неделю, но если он спаривается один раз в год, чего же он смеется?

Этот старый человек не настолько стар. Его ум все еще за что-то держится — за его молодые дни. Его ум все еще сексуален. Он не может понять, почему гиена смеется, если она спаривается только один раз в год.

Есть люди, которые не могут понять, что счастье возможно другими путями кроме секса. Есть люди, которые не могут понять, что есть другое блаженство кроме секса. Есть люди, которые не могут понять, что есть счастье помимо еды. Есть люди, которые не могут понять, что есть счастье помимо больших домов, больших машин, больших денег, власти и престижа. Невозможно понять то, что находится за пределами вашей точки зрения — люди остаются прикованы к своим точкам зрения. Это настоящая тюрьма. Если вам нужен синтез, вы должны избавиться от всех заключений, вы должны избавиться от клеток. Есть очень неуловимые клетки, которые вы на протяжении долгого времени украшали, вы могли начать любить их. Вы могли совершенно забыть, что

это тюрьма, вы могли начать думать, что это и есть ваш дом. Индус думает, что индуизм и есть его дом, ему никогда не придет в голову, что это препятствие. Все «-измы» — это препятствия. Христианин думает, что христианство — это мост, ему никогда не придет в голову, что именно христианство не позволяет ему приблизиться к Христу. Церковь — это не дверь, это стена, препятствие, Китайская стена.

Но если вы долго жили с этой стеной, на протяжении веков, если ваш ум привык к ней, вы думаете об этом как о защите, как о приюте, как об безопасном убежище. А когда вы смотрите на других людей, — из своей тюремной камеры вы смотрите наружу. Ваше присутствие в камере разрушает ваш взгляд.

Выйдите под небо и под звезды — и синтез произойдет сам. Вам не надо синтезировать Восток и Запад, вы просто должны выйти за пределы этого. Двигайтесь к трансцендентному, и синтез есть.

Второй вопрос:

Я слышал как вы говорили, что человек — это процесс, ориентированный на цель, и его назначение — это звезды. Не могли бы вы открыть мне этот цветок, чтобы я мог вдохнуть его аромат?

Цветок открыт. Я подзреваю, что закрыт ваш нос.

Ваш нос должен быть открыт и вы должны исправить возможность обонять. Вы могли потерять чувствительность к запаху. Вы так долго жили во лжи, что когда встречаетесь с правдой, не можете распознать ее. Даже истина должна прийти к вам — если истина хочет быть узнаваемой — в одежде лжи. Вы не можете видеть ее непосредственно. Вы узнали, как смотреть в сторону — вы никогда не смотрите прямо, ваш взгляд никогда не непосредственен. Вы всегда отмахиваетесь так или этак, и всегда теряете факт.

Я здесь. Это и есть цветок, о котором я говорю. Я — ваше будущее. То, что произойдет с вами, произошло со мной. Если вы не можете почувствовать запах, не обвиняйте в этом цветок, обвиняйте в этом свой нос.

Но для эго это тяжело, эго всегда готово отрицать, оно никогда не готово изменить себя. Эго может сказать, что Бога нет, оно не может сказать: «Может быть это потому что у меня столько блоков, я не могу почувствовать Бога». Эго может отрицать, что есть цветок, но оно не может принять тот факт, что оно потеряло способность обонять.

Поэтому так много людей отрицают Бога. Легко отвергнуть Бога, фактически это даже удобно, потому что если нет Бога, вам не нужно беспокоиться о своем носе, вам не нужно над собой работать. Если нет Бога, тогда нет работы, тогда нет роста, тогда нет поиска. Вы можете быть ленивыми, вы можете повергнуть себя в летаргический сон. Если нет Бога, то тогда нет вины.

Я против вины, — она была создана священниками, но есть другой вид вины, который не был создан священниками. И эта вина возникает в вас,

если вы чувствуете, что в жизни есть что-то большее, и вы не работаете, чтобы достичь этого. Тогда у вас появляется чувство вины. Тогда вы чувствуете, что каким-то образом сами создаете преграды своему собственному росту, что вы ленивы, летаргичны, несознательны, сонны: что у вас нет объединения в единое целое, что вы не можете двигаться навстречу вашей судьбе. Тогда появляется чувство вины. Когда вы чувствуете, что у вас есть возможность и вы не превращаете ее в реальность, тогда возникает чувство вины. Эта вина совершенно иная.

Я не говорю о чувстве вины, которое создали в людях священники: не ешьте это, иначе почувствуете вину; не делайте это, иначе будете чувствовать вину... Они осуждали множество вещей, поэтому если вы едите, если вы пьете, если вы делаете то и это, вы окружены чувством вины. Я не говорю об этой вине, от этой вины нужно избавиться. На самом деле, чувство вины помогает вам оставаться на вашем месте. Эти чувства вины не позволяют вам почувствовать настоящую вину внутри. Они создают столько проблемы вокруг маленьких вещей: вы едите ночью, и джайны создают проблему — вы виновны, вы грешник. Почему вы ели ночью? Или вы разводитесь с женой или с мужем, и католики создают в вас чувство вины — вы сделали что-то не то. Не было неверным жить с женщиной и постоянно ругаться, не было неверно разрушать женщину и разрушать себя, не было неверно разрушать детей, они были смяты между вами, вся их жизнь была неверной... Нет, это не было плохо, но если вы избавитесь от этого брака, если вы избавитесь от этого ада, вы будете чувствовать вину.

Эти чувства вины не позволяют вам увидеть настоящую духовную вину, которая не имеет ничего общего ни с какой политикой, ни с каким духовенством, ни с какой религией или церковью. Это чувство вины очень естественно. Когда вы видите, что можете что-то сделать и не делаете это, когда вы видите, сколько у вас возможностей, но не можете воплотить возможность в реальность, когда вы видите, что обладаете несметными сокровищами, как семена, которые могут зацвести, и ничего не предпринимаете, и просто остаетесь в печали, тогда вы чувствуете по отношению к себе большую ответственность. А если вы не реализуете эту ответственность, вы будете чувствовать вину. А это чувство вины имеет огромную важность.

Я здесь, цветок здесь. В Дзен говорят, что цветок не умеет говорить, но я хотел бы опровергнуть это. Я бы хотел вам сказать, что цветок тоже говорит, но для этого нужно следующее: вы должны обладать способностью слышать, вы должны обладать способностью чувствовать запах. У цветка есть свой собственный язык. Он может не говорить на языке, который понятен вам, но ваш язык очень ограничен. Цветок говорит универсальным языком.

Я здесь: смотрите на меня, почувствуйте меня, попытайтесь впитать мой дух в себя, дайте моему пламени приблизиться к вам. В любой миг может произойти прыжок — мое пламя может прыгнуть и зажечь вашу не зажженную свечу. Просто приблизьтесь, подойдите ближе... и когда я

говорю приблизьтесь ко мне, я имею в виду, — все больше и больше будьте в любви. Любовь — это единственная близость которая существует, любовь — это единственная интимность. Это не связано с физической близостью, это вопрос внутренней близости. Будьте открыты мне так, как я открыт вам, будьте доступны мне, как я доступен вам. Не бойтесь, вам нечего терять... кроме своих цепей.

Третий вопрос:

Где-то существует страх, который заставляет меня быть закрытым, тяжелым, грустным, злым и безнадежным. Это настолько неумовимо, что я даже не могу почувствовать это. Как мне отчетливо увидеть это?

Единственная проблема с грустью, одиночеством, злом, безнадежностью, беспокойством, болью, несчастьем — это то, что вы хотите избавиться от них. Это и есть единственное барьер.

Вы должны жить с ними. Вы не можете просто убежать. Они существуют в каждой ситуации, в которой жизнь должна расти. Это вызов жизни. Примите их. Это благословение в маске. Если вы хотите от них убежать, если вы хотите каким-то образом избавиться от них, тогда возникает проблема, потому что если вы хотите избавиться от чего-то, вы никогда не посмотрите прямо на это. А тогда это начинает прятаться от вас, потому что вы осуждаете, тогда это начинает двигаться глубже в подсознание, прятаться в темном углу вашего существа, где вы не можете отыскать его. Это перемещается в основание вашего существа и прячется там. И, конечно, чем глубже она идет, тем больше она создает бед, потому что она начинает действовать из неизвестных уголков вашего существа, а вы оказываетесь совершенно беспомощными.

Поэтому первое: никогда не подавляйте. Первое: что есть, то есть. Примите это и отпустите, пусть оно пройдет перед вами. На самом деле, просто сказать «не подавляйте», не достаточно. Если вы позволите мне, я бы хотел сказать: «Помогите этому». Вам грустно? Помогите этому. Почувствуйте сострадание. И грусть имеет право быть. Признаете ее, обнимите ее, посидите с ней, подержите ее за руки. Будьте дружелюбны. Любите ее. Грусть прекрасна! В этом нет ничего плохого. Кто вам сказал, что есть что-то неправильное в том, чтобы быть грустным? На самом деле, только грусть придает вам глубину. Смех поверхностен, счастье неглубоко. Грусть пробирает до самых костей, до самого мозга. Ничто не проникает так глубоко, как грусть.

Поэтому не беспокойтесь. Оставайтесь с этим и грусть приведет вас к вашей внутренней сути. Вы можете идти с ней, и вы сможете узнать о себе такое, чего не знали раньше. Эти вещи можно познать только в состоянии грусти, они никогда не будут познаны в состоянии радости. Темнота — это тоже хорошо, и темнота тоже божественна. Богу

принадлежит не только день, ему принадлежит и ночь также. Я называю такой подход религиозным.

Где-то существует страх, который заставляет меня быть закрытым, тяжелым, грустным, злым и безнадежным. Это настолько неумовимо, что я даже не могу почувствовать это.

Это становится неумовимым, если вы хотите избавиться от него. Тогда, конечно, оно защищает себя, оно скрывается в глубоких уголках вашего существа. Оно становится таким неумовимым и таким наряженным, что вы не можете распознать его. Оно начинает выходить под разными именами. Если вы очень против злости, тогда она появится под другим именем — это может быть гордость, это может быть эго, это может быть даже религиозной гордостью, это может стать даже религиозным рвением. Оно может скрываться даже за вашими добродетелями, оно может начать прятаться даже за вашим характером. Тогда оно станет очень неумовимым, потому что теперь его название изменилось. Оно играет чью-то роль, но глубоко внутри остается злостью.

Пусть все будет так, как есть. В этом и заключается религиозная смелость: позволить вещам быть такими, какие они есть.

Я не обещаю вам розового сада — там есть шипы, но есть и розы. Но вы можете добраться до роз только тогда, когда проберетесь сквозь шипы.

Человек, который никогда не был грустным, никогда не будет по-настоящему счастлив. Для него быть счастливым невозможно. Его счастье будет вынужденным — пустым, бессильным. Вы можете увидеть это на лицах людей, когда они смеются: их смех поверхностен, он просто нарисован на их губах. У него нет отношения к сердцу, он существует совершенно отдельно.

Это похоже на губную помаду — она кажется красной и розовой, но этот красный цвет не происходит от красного цвета крови. Хорошо, если губы красного цвета, но этот цвет должен происходить из жизненной силы, из ваших кровяных телец, из вашей энергии, жизнечности, молодости. Нет, вы красите губы, они красного цвета, но это уродливо. Губные помады уродливы. И вы увидите, что только уродливые женщины пользуются губной помадой. Что общего может быть у красивой женщины и губной помады? Все это кажется абсурдом. Если ваши губы красного цвета, живые, зачем же их красить? Вы делаете их фальшивыми и уродливыми.

Ваше счастье тоже подобно губной помаде. Вы несчастны, и вы знаете, что несчастны, но вы не можете признать это, потому что это будет слишком разрушительно для вашего эго. Вы — и несчастны? Как вы можете принять это? Может быть внутри вы несчастны, но это ваша собственная проблема, вы не должны выражать это, вы не должны признаваться. Для окружающего мира вы должны сохранять лицо, вы должны поддерживать личность. Поэтому вы продолжаете смеяться.

Посмотрите, как люди смеются, и вы немедленно увидите, когда смех идет из сердца. Когда смех идет из сердца, вы немедленно почувствуете другое движение — переполнение. Этот человек по-настоящему счастлив. Когда смех только играет на губах, он пуст. Это просто жест, за ним ничего не стоит. Это просто прикрытие.

Человек, который не может смеяться глубоко — это человек, который подавил печаль, он не может углубиться, потому что он боится печали. Даже если он углубляется в смех, есть страх, что печаль может появиться на поверхности, может взорваться. Он должен быть всегда настороже.

Поэтому, пожалуйста, какая бы ситуация ни сложилась, позвольте ей быть. Если вам грустно, вам грустно. Вот, что имеет в виду Бог — в этот миг он хочет, чтобы вам было грустно. Поэтому будьте правдивы... грустите! Проживите эту грусть. И если вы сможете прожить эту грусть, тогда другое счастье возникнет в вас — это не будет подавлением печали, оно будет находиться за пределами печали.

Человек, который может быть постоянно грустным, неожиданно обнаружит, что однажды утром счастье возникает в его сердце из неведомого источника. Этот неведомый источник — Бог. Вы заслужили это, если вы были действительно грустны, если вы были действительно безнадежны, одиноки, несчастны, если вы жили в аду, то вы заслужили небеса. Вы заплатили цену за это.

Я читал шутку.

Мистер Гольдберг неожиданно вернулся домой с работы и обнаружил свою жену в постели с мистером Кохеном, соседом.

Обезумевший от горя и злой, он побежал к соседке и очутился лицом к лицу с миссис Кохен.

— Миссис Кохен! — закричал он. — Ваш муж в постели с моей женой.

— Успокойтесь! Успокойтесь! — сказала миссис Кохен. — Послушайте, не воспринимайте это все так близко к сердцу. Садитесь, выпейте чашку чая. Расслабьтесь.

Мистер Кохен тихо сел и выпил чашку чая. Только тогда он заметил свет в глазах миссис Кохен.

Она предложила:

— Хотите отомстить?

Они легли на кровать и занялись любовью. Тогда они выпили еще чаю, потом еще немного отомстили, немного чая, еще мести, еще чая....

В конце концов, миссис Кохен посмотрела на мистера Гольдберга и спросила:

— Как насчет еще мести?

— Я скажу вам, миссис Кохен, — сказал мистер Гольдберг тихо, — честно говоря, крепких чувств у меня уже не осталось.

Какая бы ситуация ни была, если вам грустно, грустите; если у вас мстительное настроение, мстите; если вы ревнуете, ревнуйте; если вы

злитесь, злитесь. Никогда не избегайте этого. Вы должны прожить это, это часть жизненного пути, роста, эволюции. Те, кто избегают этого, остаются незрелыми. Если вы хотите оставаться незрелыми, то продолжайте избегать, но помните, что вы избегаете саму жизнь. Не имеет значения, чего вы избегаете, чтобы это ни было, это значит избегание жизни.

Встретьтесь с жизнью. Столкнитесь с ней. Будут и сложные мгновения, но однажды вы увидите, что эти тяжелые мгновенья придали вам сил, потому что вы встретились с ними. Они должны были быть. Эти тяжелые мгновенья сложны когда вы проходите через них, но потом вы видите, что они сделали вас более целостным. Без них вы никогда не были бы центрированными, укорененными.

По всему миру старые религии были подавляющими, новые религии будущего будут выразительными. И я учу такой новой религии... пусть выражение станет одной из самых основных правил вашей жизни. Даже если вы должны страдать за это, страдайте. Вы никогда не проиграете. Это страдание научит вас все больше и больше наслаждаться жизнью, радоваться жизни.

Пятый вопрос:

Вы — самый лучший коктейль, который я когда-либо видел. Я спотыкаюсь после ваших лекций каждый день, моя голова кружится. Должен ли я отказаться от вас как от плохой привычки?

Очень сложно отказываться от плохих привычек. А избавиться от хороших привычек очень легко.

Кто-нибудь когда-нибудь слышал о мужчине или о женщине, достаточно сильной, чтобы отказаться от плохой привычки? А если религия превратилась в вашу привычку, или в саньясу, вы благословлены, вам повезло. Если я — ваша плохая привычка, то вам повезло. Я бы никогда не хотел стать вашей хорошей привычкой, нет, потому что от хорошей привычки очень легко отказаться!

Позвольте мне рассказать вам анекдот.

Святой Петр, беспокоясь о государственных делах в Америке, послал своего самого надежного и консервативного ученика, святую Терезу, наблюдать за ситуацией и дать ему личный отчет. Сначала она остановилась в Нью-Йорке и позвонила через три дня, чтобы сказать, что все обстоит намного хуже, чем они ожидали.

— Позвольте мне вернуться домой, — умоляла она.

— Нет, — сказал святой Петр. — Закончи работу. Поезжай в Чикаго.

Она снова позвонила ему из Чикаго, с еще более плохим отчетом.

— Это хаос развала, — грустно доложила она. — Повсюду грешники. Я больше не могу это выдерживать. Позвольте мне вернуться на небеса.

— Терпение и сила духа, — ответил святой Петр.

— Говорят, что в Голливуде хуже всего. Посмотри, что там и возвращайся домой.

Прошло две недели, потом четыре недели, потом шесть недель без единого слова от святой Терезы. Святой Петр, полный беспокойства, был готов обратиться в ФБР, как наконец зазвонил телефон и оператор сказал:

— Одну минуту, это Голливуд.

И тогда он услышал сладкий голос:

— Петр, дорогой, привет! Как божественно! Это Терри.

Я бы не хотел, чтобы вы стали святыми Терезами. Даже если вы поедете в Голливуд, Голливуд не разрушит вас, потому что я разрушил вас совершенно, полностью. Я плохая привычка. Никто не может сделать из меня хорошую привычку, потому что хорошие привычки ненадежны. В конце концов, хорошие привычки исчезают. Пусть религия станет вашей плохой привычкой; пусть медитация станет вашей плохой привычкой. Да, это очень хорошо, позвольте мне быть вашим коктейлем.

Шестой вопрос:

Когда я впервые увидел вас, Багван, я почувствовал, что нашел защиту. Багван защитит. Но теперь я спрашиваю себя: «Как же Багван может защитить меня от самого Багвана?» Прокомментируйте пожалуйста.

Это не ваша проблема. Это моя проблема. Как я собираюсь защитить вас от самого себя? Это моя проблема. Это вас не касается.

Единственное, что я могу сказать... позвольте мне выразить это с помощью анекдота.

Жизнь закончилась. Жена оставила его и забрала с собой детей. Он потерял работу. Банк только что лишил его права пользования домом. Он решил, что единственное, что ему осталось — это прыгнуть с моста и покончить с собой. Он пошел на Бруклинский мост, забрался так высоко, как только мог и был уже готов прыгнуть, как услышал снизу хриплый крик:

— Не прыгай! Я могу помочь тебе.

Он закричал в ответ:

— Кто ты?

На это голос ответил:

— Я ведьма.

Испытывая любопытство, он слез вниз и увидел перед собой страшную старуху. Она посмотрела на него и сказала: — Я ведьма, и если ты сделаешь то, что я тебе скажу, я выполню три твоих желания.

Он подумал про себя:

— Хуже, чем сейчас быть не может, так чего терять? Поэтому он сказал:

— Хорошо. Что я должен сделать?

Она сказала:

— Иди ко мне домой и проведи там ночь.

Он пошел к ней в ее лачугу, и она заставила его заниматься с ней дикой любовью. С большим трудом он выполнил ее приказанье, и, в конце концов, уснул. Когда он проснулся, то увидел, что уродливая женщина стоит перед ним.

Он сказал:

— Я выполнил твое приказание, старая ведьма, ты должна выполнить свою часть обещания и выполнить три моих желания.

Старая карга посмотрела на него и спросила:

— Сколько тебе лет?

Он ответил:

— Сорок два.

Старуха вздохнула:

— Уж не хочешь ли ты мне сказать, что ты до сих пор веришь в ведьм?

Вы слушали меня так долго, и вы говорите, что все еще верите в Багвана?

Все мои усилия направлены на то, чтобы убрать от вас все предлоги, всю веру, включая Багвана. Сначала я притворялся, что предлагаю вам помощь... потому что это единственный язык, который вы понимаете! Затем, постепенно, я начал уходить. Сначала я увожу вас от других ваших желаний и помогаю вам начать интересоваться нирваной, освобождением, истиной. А когда я вижу, что все желания исчезли, когда остается только одно желание, тогда я начинаю давить на это желание и говорю: «Отбросьте его, потому что это и есть единственный барьер».

Нирвана — это последний кошмар. Вы не можете вернуться, потому что как только вы отбросили эти тщетные желания, вы не можете вернуться к ним. Когда вы избавились от них, само очарование, сама их тайна исчезает. Вы не можете поверить, как так долго могли нести их. Все это выглядит так смешно, что вы не можете вернуться назад.

А я начинаю забирать у вас ваше последнее желание. Как только оно исчезнет, вы станете просветленным. Тогда вы станете Багваном. Все мои усилия направлены на то, чтобы вы смогли стать Богом — и не только сказать так о себе, но и прожить это.

Седьмой вопрос:

Когда я думаю о вашей жизни на этой земле и почему вы пришли, кажется что в вашем деле есть определенный риск — возможность неудачи, что ваша работа может быть не вознаграждена, что вы тоже можете ошибаться, совершить ошибку. Кажется, что если бы не было возможности ошибаться, тогда вообще нет свободы. Но когда я смотрю на вас, вопрос не в ошибках, отсутствие эго совершенно. Прокомментируйте пожалуйста.

Во-первых: я не обязан что-то делать. Это не дело. Я не выполняю какую-то работу, то, что я делаю, это не работа. Это может быть работой для вас, но для меня это не работа. Я наслаждаюсь игрой. Это игра. А в игре, не имеет значения, совершаете вы ошибки или нет. Это не имеет значения.

Ошибки становятся очень, очень необходимы, когда вы серьезно к чему-то относитесь. Когда вы выполняете это как серьезную работу, тогда ошибки приобретают большое значение. Но я делаю это совершенно несерьезно. Это смех, это танец, это игра для меня. Я наслаждаюсь этим. И у меня нет плана, нет почтения. Как же я могу совершить ошибку? Вы можете совершить ошибку, если у вас есть план, тогда вы знаете, что упустили. У меня нет планов. У меня нет плана. Я просто продолжаю делать то, что случается в это мгновение. Поэтому то, что происходит, совершенно верно, потому что не существует возможности судить это, нет критерия, нет отправного пункта. В этом и заключается красота. Это и есть свобода. В серьезной работе вы никогда не можете быть свободны; выполняя серьезную работу, вы всегда будете беспокоиться о том, что что-то может быть не так.

Со мной ничего не может произойти не правильно, потому что нет того, что правильно. Если что-то правильно, тогда что-то не правильно, если ничто не правильно, то тогда ничего неправильным. В этом и есть смысл восточной концепции лиилы — игры. Это игривость. Пока я здесь, я наслаждаюсь этой игрой. Я очень наслаждаюсь этим.

Вы спрашиваете: «Когда я думаю о вашей жизни на этой земле...» Ты думаешь неверными терминами. Вы думаете терминами, которые религия положила в ваш ум. Вы думаете как христиане, индусы, мусульмане, джайны. Ты еще не выучила мой язык.

Христиане думают, что Христос пришел, чтобы избавить весь мир от греха — это ерунда! Вы можете видеть, что мир еще не избавлен. На самом деле, если мир будет полностью избавлен от греха, то для Христа не останется работы. Он разорится. Он обанкротится. Ему придется закрыть свой магазин. Джайны думают, что теертханкары приходят, чтобы помочь человечеству. Я могу это понять — вам нужна помощь, поэтому вы создаете ее.

Но теертханкара не поможет вам. Он просто наслаждается собой. А если вы хотите наслаждаться, вы можете участвовать. Он просто открывает дверь духовного наслаждения, духовного благословения. И его не волнует, вошли вы туда или нет, его не волнует, вошли ли туда несколько человек или миллионы. Если никто не вошел, это так же хорошо, как если бы вошли миллионы. Он не ищет посетителей. Он счастлив, для него все идет прекрасно. Если пришли несколько человек и танцуют с ним, хорошо. Если никто не пришел, он танцует один. Его танец остается совершенным, это не работа.

Индусы думают, что аватары приходят, когда мир в несчастье, когда мир в невежестве. Когда религия исчезает из мира, тогда приходят

аватары. Все это ерунда! Аватары приходили много, много раз, но несчастья не исчезли, невежество не исчезло.

Религия никогда не становится свершившимся фактом, на самом деле, в тот миг, когда религия устанавливается, это больше не религия, это становится церковью. Установленная религия — это не религия, религия может быть только не установленной. религия — это восстание. Вы не можете ничего установить в ней, это по натуре своей бунт. А игра продолжается.

Но я могу понять, почему люди проецируют то, что им нужно помочь, свои на весь мир... В этом их надежда. Они несчастны, это ясно, и они хотят, чтобы кто-нибудь помог им. Почему вы хотите, чтобы кто-то помог вам? Потому что вы не хотите брать ответственность на себя. Сначала вы говорите, что это другие сделали вас несчастными, теперь вы говорите, что кто-то должен вытащить вас из несчастий. Что вы делаете? Вы не создаете свое несчастье, вы не можете избавиться от него... вы существуете или нет?

Ответственность — это существование, ответственность дает вам существо. Если вы продолжаете перекладывать ответственность на кого-то другого — это Дьявол создал несчастья, и Бог стал Христом, стал Мухаммедом, стал Махавирой, и вытаскивает вас из несчастья — тогда что делаете Вы? Кажется, что вы похожи на футбольный мяч — с одной стороны Дьявол, с другой стороны Бог, а вас пинают от одной стороны на другую. Достаточно! Просто скажите: «Достаточно! Я больше не разрешаю себя пинать».

Разве вы футбольный мяч? Потребуйте ответственности.

Я здесь не для того, чтобы помочь вам. Вы можете быть здесь, чтобы вам помогли, но я нет. Я просто наслаждаюсь своим делом. Я делаю свое дело. И вы получите больше, если избавитесь от своей идею о помощи, работе, Христе и аватарах. Вам больше поможет, если вы отбросите все концепции помощи. Просто будьте со мной. Не вносите сюда дело. Пусть это будет чистая игра.

«Кажется, что в вашем деле есть определенный риск».

Нет ничего, нет риска, потому что это не дело. Я ничем не рискую, потому что рисковать нечем, нечего терять. Все, что есть, всегда есть. А то, чего нет, никогда нет. Так где же риск?

Если кто-то придет, чтобы убить меня, он убьет только мое тело, которое уже мертво, всегда было мертво — это часть земли. Поэтому прах к праху. Он не может убить меня. Я был, еще до того, как родился, я буду после того, как произойдет смерть. Так что же он сделает? Ничего серьезного, ничего, что имело бы большое значение. Он может думать, что совершил что-то серьезное, что он убил меня, что он распял Иисуса или убил Сократа. Это его идея. Но по мне, материя вернется к материи, а сознание придет к сознанию, поэтому никто не может убить меня. Вы можете стрелять в меня, но не можете застрелить меня. Вы можете

отрубить мне голову, но ваш меч не прикоснется ко мне. Меч — материален, он не может прикоснуться к духовному.

Риска не существует, нет вероятности провала, потому что не существует и вероятности успеха. Я не могу достичь успеха, как же я могу провалиться? На самом деле, сама терминология успеха, провала, награды, потери абсурдна, неуместна.

Вы спрашиваете:

«...что ваша работа может быть не вознаграждена, что вы тоже можете ошибаться. Кажется, что если бы не было возможности ошибаться, тогда вообще нет свободы».

Свобода настолько абсолютна, что нет ни верного, ни неверного. Свобода настолько абсолютна, что бы вы ни делали, будет правильно. Это не значит, что вы должны что-то делать: иногда это верно, а иногда неверно... Постарайтесь понять меня. Чтобы вы ни делали, это верно; и не потому, что это соответствует какому-то критерию того, что должно быть верным, просто нет критерия, по которому можно было бы определить, что верно. Поэтому я могу быть с хасидами, я могу быть с суфиями, я могу быть с тантриками, я могу быть с йогами. Это очень сложно для так называемых религиозных людей: если они с Махавирой, как же они могут быть с Мухаммедом? Это невозможно. Если одно верно, то другое неверно. Если они с Кришной, как же они могут быть с Христом? Если один прав, то другой не прав. Их математика проста: прав может быть только один. Для меня критерия не существует. Вы не можете судить, кто прав, а кто не прав. Махавира прав, потому что он наслаждался своим делом; Будда прав, потому что он тоже наслаждался своим делом; Мухаммед прав, потому что он очень наслаждался своим делом. Благословение правильно. Поэтому чтобы я ни делал, я этим наслаждаюсь в огромной степени — а быть блаженным, значит быть правым.

Даже если я, как вы говорите, совершаю ошибки... Может быть, иногда вы чувствуете, что я совершаю ошибку. Это в соответствии с вами, потому что вы несете какой-то критерий.

Однажды я остановился в джайнской семье. Старик вышел ко мне, ему было девяносто лет. Он прикоснулся к моим ногам и сказал: «Ты почти двадцать пятый тиртханкара».

Я ответил: «Подожди, не спеши. Ты просто смотри на меня».

Он ответил: «Что ты имеешь в виду?»

Я сказал: «Просто смотри на меня. Иначе тебе придется взять свои слова обратно».

Он немного обеспокоился. Были сумерки, солнце садилось, спускался вечер и женщина, жена моего хозяина, вошла и сказала: «Ваша еда готова».

Я сказал: «Подождите».

Старик сказал: «Что? Солнце уже зашло за горизонт. Вы собираетесь есть?»

Я сказал: «Да, прошу, чтобы женщина подождала. Я приму ванну, а потом поем».

Он встал и сказал: «Извините, я должен взять свои слова обратно. Вы были правы. Вы можете есть ночью? Вы не знаете, что и этого достаточно? Что же вы за просветленный человек?»

У него был определенный критерий: просветленный человек не может есть ночью. Это критерий джайнов.

Если вы обратитесь к любому человеку, то у него будет критерий, и он смотрит через него, подхожу я или нет. Но я здесь не для того, чтобы оправдать ваши ожидания. Я всегда прав, потому что я не несу никакого критерия. Этого не может быть. Вы даже не можете найти во мне противоречий, потому что, что бы я ни сказал, все это неуместно! Меня это совершенно не волнует. Это для глупых школяров, это закончено для меня! В тот миг, как я что-то говорю, я наслаждаюсь этим — вот и все. То, что находится за этими пределами, меня не интересует. В тот миг, как я что-то делаю, я наслаждаюсь этим, то, что стоит за этим, меня не касается.

«...Но когда я смотрю на вас, вопрос не в ошибках, отсутствие эго совершенно».

Как отсутствие эго может быть совершенным? Сама идея совершенства — это эго, отсутствие эго не может быть совершенным. Это просто значит, что это отсутствует. Может ли отсутствие быть несовершенным? Отсутствие не может быть несовершенным, как же отсутствие может быть совершенным? Отсутствие — — это просто отсутствие. Эго может быть несовершенным, эго может быть совершенным, но отсутствие его не может быть ни тем, ни тем. Здесь нечему быть совершенным.

Когда эго видит, что вся игра эго абсурдна, оно исчезает. Ничего не остается. Есть целое, но нет совершенства. Есть целостность, но нет совершенства.

Старые религии были все ориентированы на совершенство, все мое учение — ориентировано на целостное. Я говорю: будьте целостны. Я не говорю, чтобы вы были совершенны. А разница огромна. Когда я говорю будьте совершенны, я допускаю противоречия. Тогда будьте полностью противоречивы. Когда я говорю, будьте целостны, я не даю вам цель, критерий, идеал, я не хочу создавать в вас беспокойство. Я просто хочу, в этот миг, где бы, чтобы вы ни делали, чтобы вы полностью были в этом. Если вам грустно, будьте полностью грустными — вы — это целое. Если вы сердитесь, будьте полностью сердитыми. Уйдите в это тотально.

Идея совершенства абсолютно отлична, диаметрально противоположна, даже не просто отличается. Люди постоянно стремящиеся к совершенству скажут: «Никогда не злитесь, всегда будьте сострадательными. Никогда не грустите, будьте всегда счастливы». Они выбирают одну крайность. В целостности мы принимаем обе крайности: высоту и падение, верх и низ. Целостность тотальна. И вы должны увидеть всю чепуху эго, иначе оно может прийти с черного хода. Если я

скажу: «Теперь станьте совершенно без эго», вам придется доказать, что не существует никого, у кого эго отсутствует больше, чем у вас.

Позвольте мне рассказать вам анекдот.

Семья, в которой сын приближался к совершеннолетию, решила отметить этот праздник. За деньгами не постояло. Было сделано много предложений: прилететь в Диснейленд, арендовать Белый дом, отпраздновать на атомной подводной лодке. Все это никому не нравилось. Так было до тех пор, пока не возникла идея организовать сафари в Африке, семья согласилась. Приглашения были сделаны на две сотни гостей, двести билетов на самолет были куплены, и все отправились в Африку.

В Африке их встретили двумястами слонами пятьдесят гидов, пятьдесят горнистов, и триста носильщиков из местного населения, которые несли еду. Каждый гость залез на своего слона и отец мальчика замыкал процессию.

Они прошли всего несколько миль вглубь джунглей, как процессия неожиданно остановилась. Отец закричал с последнего слона: «Что происходит?»

Его вопрос повторили двести раз, пока он дошел до того, кто ехал во главе процессии. Ответ тоже пришел по цепочке.

— Мы вынуждены тут ненадолго остановиться.

— Почему? — закричал несчастный отец.

— Почему? — завопили двести гостей один за другим.

Потом пришел ответ.

— Впереди другой праздник!

Все путешествие эго подобно этому. Вы двигаетесь по кругу, вы никогда не сможете оказаться во главе, никогда. Там снова будет еще один праздник. Даже в джунглях Африки вы не сможете сделать ничего, что не было раньше сделано, вы не можете быть уникальными. Поэтому эго никогда не может быть удовлетворено. Эго остается несовершенным и продолжает просить совершенства.

Все мое послание заключается в том, чтобы вы увидели истину, чтобы вы увидели ад, который создает эго во имя совершенства, уникальности, и отбросили бы это. Тогда будет удивительная красота, ни эго, ни себя, просто глубокая пустота. Из пустоты возникает творчество, из этого ничто возникает благословение, сатчитананда, истина. Существо, благословение, все это возникает из этой абсолютной чистоты. Когда эго нет, вы — девственны. Христос родился от девственницы, ваше ничто — это Дева Мария, Мать Мария.

Последний вопрос, самый важный вопрос. На самом деле, это вопрос исторической важности:

Багван, почему ты всегда носишь полотенце? И почему бы тебе не расстаться с ним сейчас?

Во первых: полотенце было со мной на протяжении почти двадцати пяти лет. Это год серебряного юбилея!

Я очень удивлен этим вопросом, потому что только прошлой ночью я решил выбросить его.

Я хочу напомнить историю.

Мужчина состарился, ему исполнилось сто лет, и журналисты пришли взять у него интервью. Они задавали много вопросов. Один журналист, немного поколебавшись, спрашивать или нет — так могло быть и с человеком, который задавал этот вопрос; он или она могли раздумывать много раз, задавать ли такой абсурдный вопрос или нет — спросил:

— Сэр, я хотел бы узнать. Что вы думаете о женщинах?

Старик сказал:

— Странно, только этим утром я решил не думать о женщинах вообще!

Столетний человек, и он решил только этим утром...! И он сказал:

— Пожалуйста не ищите меня снова!

Я решил только прошлой ночью.

Но хорошо, что вы спросили. Это длинная история, как полотенце оказалось со мной, и пока я не ушел, я расскажу вам эту историю.

Когда я начал жить в Джаббалпуре, там было столько комаров — не смеяться, потому что здесь в Пуне, по сравнению с Джаббалпуром, их вообще нет — я должен был разгонять их полотенцем целый день. Было невозможно спокойно сидеть.

Однажды буддийский монах, очень известный ученый Биккху Джадиш Кашьяп, жил со мной. Он был моим гостем.

Когда он увидел комаров, он сказал:

— Я думал, что Сарнат — это высшее сосредоточение комаров, но теперь кажется, что Джаббалпур победил Сарнат. Я расскажу тебе историю о Сарнате и Будде.

Будда приехал в Сарнат только один раз. Его первая проповедь была провозглашена в Сарнате, но он никогда не приезжал туда снова. И по прошествию веков буддисты говорят, что он никогда не приезжал туда из-за комаров.

Я сказал Биккху Джадиш Кашьяпу, что однажды покинув Джаббалпур, я никогда не вернусь туда. Я не был там с тех пор, как уехал. Я могу понять затруднение Будды. Как мог он справиться без полотенца? На протяжении своей жизни он посещал одни и те же города много раз: Шравастии — по крайней мере тридцать раз, Раджри — по крайней мере сорок раз, но он никогда не возвращался в Сарнат. В этом должен быть какой-то секрет.

На самом деле, комары — старые враги медитирующих. Когда ты медитируешь, может быть, дьявол придет искушать тебя, а может и нет, но комары будут всегда.

Я прожил в Джаббалпуре восемнадцать лет. Мое полотенце стало моим постоянным спутником. Когда я покинул Джаббалпур, и приехал в Бомбей, я думал о том, что надо оставить его, но потом люди начали

развивать эзотерические теории о нем. Поэтому чтобы просто спасти теоретиков, я продолжал использовать его.

Теперь это суеверие. Слово «суеверие» происходит от корня, который означает: нечто что использовалось иногда, но теперь обстоятельства изменились, это больше не нужно. Но это продолжается. Это полотенце — предрассудок, и я продолжаю носить его только для вас, потому что есть теоретики, эзотерические люди, которые должны основывать на чем-то свои теории.

Одна женщина, одна из моих прекрасных саньясинок из Филиппин сказала мне, что она знает всю истину об этом полотенце. Я спросил ее, что это за истина. Она сказала: «Вы никто, вы живете в пустоте, вы должны за что-то держаться, иначе вы исчезните». Я сказал: «Верно! Абсолютно верно!»

У меня есть всего три вещи: мое лунги, моя рубашка и мое полотенце. Мое лунги исчезло, вы видите это. Париджат помогла мне отказаться от него. Париджат — это моя официальная швея — назначенная Его Святейшеством Бхагваном Шри Шри Шри Раджнишем Махараджей! Она так прекрасно сшила рубашку, что лунги стало с ней почти абсурдным. Оно выглядело как воловь повозка рядом с Кадиллаком. Так что из-за бесполезности я отказался от него.

А теперь пришел черед моего полотенца. Единственное, что осталось — это моя роба. Пожалуйста, никогда не задавайте вопросы о ней!

Позвольте мне рассказать анекдот.

Молодая еврейская чета была обвенчана по обычной еврейской традиции в окружении по крайней мере двухсот родственников и друзей. Комната была в абсолютной тишине, когда раввин подошел к части службы, в которой говорится: — Наделяю тебя всеми моими мирскими владениями.

Шафер повернулся к подружке невесты и сказал:

— Вот и конец велосипеду Эрвина!

Вот и конец моему полотенцу. Это все, что у меня есть. Так что я снова должен напомнить вам: никогда не задавайте вопрос о моей робе.

Я брошу полотенце. Тот, на кого оно упадет, станет его счастливым обладателем, но никто не должен поднимать руки или пытаться поймать его. Вы просто будете медитировать, будете совершенно пассивны. Вот как Бог снисходит на вас! Если вы попытаетесь поймать его вы не станете его владельцем.

Если возникнет какая-то проблема или спор, когда двое или трое из вас предъявят требования на полотенце, вы всегда сможете обратиться к Мулле Насреддину. Будет очень сложно определить его местонахождение, потому что он очень неуловимый и невидимый человек. Но он лучший. Если вы не сможете найти его, тогда вы пойдете к лучшему после него, Свами Йога Чинмае. Он решит спор, кто является владельцем. А если это нельзя решить, то вы всегда сможете разделить его.

Помните, что вы не должны ловить его. Если вы попытаетесь поймать его, вы упустите возможность. Пусть оно упадет на вас.

Конец полотенцу Багвана..!

Истинный мудрец

Глава 1. Идти со своим светом

11 октября 1975 г.

Молодой раввин жаловался раввину из Ризхина:

“В часы, когда я посвящаю себя занятиям, я чувствую жизнь и свет, но как только я оставляю их, все уходит. Что мне делать?”

Раввин из Ризхина ответил:

“Это подобно человеку, пробирающемуся через лес темной ночью: какое-то время другой человек с лампой сопровождает его, но на перекрестке они расстаются, и первому приходится нащупывать свой путь одному. Вот если бы у него был свой свет, он не боялся бы никакой темноты”.

Есть религии: индуизм, христианство, буддизм, иудаизм и многие другие. Но это религии, а не религия. Это отражение луны в самых разных сознаниях. Это не настоящая луна. Луна одна, но она может отражаться в миллионах озер. Отражения отличаются, но отражаемое одно. Сознание – это зеркало. Когда религия отражается сознанием, рождается индуизм, магометанство, иудаизм. Когда религия не отражение, когда оказываются лицом к лицу с реальностью, без посредства всякого сознания, когда создание не стоит между вами и истиной, – тогда рождается религия. Хасидизм – религия. Суфизм – религия. Дзен – религия.

Они отличаются только именами, в остальном это одно. Отличается их язык, но не содержание. Все они видят луну, но называют ее по-разному. Это совершенно естественно. Но они не смотрят на отражение. Они не верят в догматы, вероучения, священные писания, догмы, учения. Они знают истину, а когда вы знаете истину, нет нужды в священном писании. Вы носите священное писание в голове, когда истина известна. Теории, составленные из частей, мертвы. Истина всегда живая, вечно живая. Она не может быть ограничена словами: весть бессловесна. И нельзя прийти к ней с чьей-то помощью: когда есть посредник, она становится отражением. Когда же отражение создает ваше собственное сознание, какое вам дело до других умов, с чьей помощью вы пришли к этому?

Надо войти в непосредственный контакт, прямой – сердце к сердцу. Ничего не должно стоять между вашим сердцем и сердцем реальности. Они должны биться в глубоком резонансе. Они должны встретиться, соединиться и погрузиться друг в друга: не должно быть занавеси слов, знания, представлений. Только тогда вы узнаете, что такое религия.

Хасидизм – религия, иудаизм – отражение. Или то же можно сказать по-другому: иудаизм – окраина, хасидизм – сердцевина, самая середина, живущая душа, самый центр.

Буддизм – окраина, дзен – сердцевина. Ислам – окраина, суфизм – сердцевина. Окраин – миллионы, а сердцевина одна. Из одного центра можно провести бесчисленное множество концентрических окружностей.

Мы будем говорить о хасидизме. Прежде, чем войти в него, проникнуться духом его, необходимо сделать несколько вводных замечаний.

Всегда возникает проблема: как говорить о религии! Здесь появляются большие трудности, потому что, как бы ни сказать о ней, скажешь меньше правды. Как бы ни сказать о ней, это всегда будет только отражением. Можно указать, но нельзя объяснить. Можно показать, но нельзя сказать. Итак, откуда начать указывать, показывать?

Я хотел бы начать с прекрасной пьесы Самуэля Бекетта “В ожидании Годо”. Она абсурдна, так же абсурдна, как и сама жизнь. Но абсурдность жизни, если глубоко ее понять, может стать указанием на что-то, находящееся вне и исполненное смысла. Находящееся вне вас исполнено смысла. И только это вне исполнено смысла. То, что вне разума, исполнено смысла. “В ожидании Годо” может стать хорошим началом для хасидизма, дзен, суфизма; это очень не прямое указание. Потому что сказать что-то о таких интимных, глубоких явлениях – значит попать их. Так что будьте осторожны, продвигайтесь потихоньку. Это святая земля.

Занавес открывается: двое бродяг сидят и ждут Годо. Кто этот Годо? Они не знают: никто не знает. Даже Самуэль Бекетт, когда его спросили: “Кто такой Годо?”, – ответил: “Если бы я знал, я бы сказал об этом в самой пьесе”. Никто не знает. Это жест дзен.

Слово Годо (Godot) звучит так же, как Бог (God). Это знаменательно. Кто знает Бога? Кто Его знает? Кто может утверждать, что он знает? Всякое знание об этом – глупость, и тот, кто утверждает, что знает Бога – глуп. Годо звучит, как Бог, неведомый. Может быть, это все, может быть – ничего. Они ждут Годо.

Если они не знают, кто этот Годо, то чего же они ждут? Почему они ждут? Потому что если не ждать чего-то, попадаешь во внутреннюю пустоту. Если вы не ждете чего-то, что должно случиться, вы оказываетесь лицом к лицу с внутренней пустотой, внутренним ничто. А это ужасно, это подобно смерти. Чтобы убежать, ускользнуть от этого, человек мечтает, мечты проецируются в будущее. Вот так создается будущее время.

Будущее – это не часть времени, это часть сознания. Время – это всегда настоящее. Оно не бывает ни прошедшим, ни будущим. Оно всегда сейчас. Ум создает будущее, потому что так можно избежать сейчас. Человек смотрит в облака, ждет чего-то и делает вид, что что-то должно произойти, но ничего не происходит. Человек продолжает ждать, ждать и ждать: ждать Годо. Кто этот Годо? Никто не знает. Но все же человек продолжает проектировать, чтобы избежать внутренней пустоты.

У хасидов есть высказывание, что человек – прах и в прах возвратится. Прах – в прах. А между этим и тем неплохо бы выпить. Действительно замечательно! Что состоит из праха, вскоре снова станет прахом. А между этим и тем неплохо бы выпить. Это выпить – желание, проекция, амбиция, будущее, воображение. Иначе вы вдруг поймете, что вы просто прах и ничего больше. Надеясь на будущее, ожидая будущего, прах создает мечту вокруг себя, и главное ее достоинство – мечта ослепляет. Благодаря мечте вы чувствуете, что вы кто-то. Мечтание ничего не стоит, мечтать могут все. Нищий может мечтать, что он император; нет закона, запрещающего мечтать. Чтобы избежать быть, проектируется мечта становления.

Двое бродяг из пьесы Беккетта олицетворяют все человечество. Человек – бродяга. Откуда вы? – не можете сказать. Куда вы? – не можете ответить. Где вы сейчас, в этот миг? – можно только пожать плечами. Человек – бродяга, путник, без дома в прошлом, без дома в будущем – странник в постоянном странствии, странствии без конца. Беккетт прав: эти двое бродяг – все человечество. Но чтобы создать мечту, одного недостаточно, нужны двое. Одного мало – нужна помощь другого.

Вот почему тот, кто хочет выйти из мечтания, пытается остаться один, приходит к молчанию. Он медитирует, отправляется в Гималаи. Он пытается быть один. Мечтать одному трудно. Постепенно, снова и снова, вас отбрасывает к вашей реальности. Нет оправдания, нет поддержки: для этого нужен другой. Вот почему, когда влюбляются, мечта внезапно воплощается. Другой здесь; теперь мечтать можно вместе, можно помогать друг другу избегать себя. Поэтому-то так велика потребность в любви: это потребность мечты. Одному мечтать очень трудно. Мечта снова и снова разрушается и вас отбрасывает к обнаженной реальности, к пустоте. Нужен любящий, кто-то, за кого можно цепляться, на кого можно смотреть, с кем можно делиться. Любящий, тот, кто заполнит пропасть, уведет вас от себя, чтобы не оказаться лицом к лицу с обнаженной реальностью.

Двое бродяг сидят. Занавес поднимается. Они ждут Годо. Они не спрашивают друг друга: “Кто этот Годо, в конце концов?” Потому что спрашивать опасно. Оба в глубине души знают, что ждать им некого. Рискованно, опасно спрашивать, кто такой Годо. Опасно даже затрагивать этот вопрос – мечта может разрушиться. Они боятся, потому и не спрашивают. Они постоянно избегают вопроса: “Кто такой

этот Годо?” Это основной вопрос, который следует задать в первое же мгновение, достигнув понимания. Вы ждете Годо. Спросите же: кто этот Годо!

Но в этом они очень осторожны, зато они говорят о многом другом. Они говорят: “Когда он придет? Ты уверен, что на этот раз он сдержит обещание? Вчера он обманул. Позавчера он не пришел. И сегодня тоже, обещанное время уходит, а не похоже, чтобы он появился”. Они снова и снова глядят на дорогу: дорога пуста. Они никогда не задают основного вопроса. Никогда не спрашивают: “Кто же этот Годо?” Никогда не спрашивают: “Когда он обещал тебе быть? Где ты его видел? Откуда ты знаешь, что он есть?” Нет, они этого не касаются.

Вот как живут люди в мире: они никогда не задают основного вопроса. Это опасно, это предельно опасно. Надо прятаться. Надо делать вид, что знаешь основной вопрос. Все задают вопросы только второстепенные. Заметьте, когда вы приходите ко мне, редко случается, чтобы кто-нибудь задал главный вопрос. А если я пытаюсь подвести вас к главному, вы пугаетесь. Вы задаете тщетные вопросы; на них можно ответить, но этим вы ничего не достигнете: это не главное.

Это подобно тому, как если бы ваш дом горел, а вы спрашивали: “Кто посадил эти деревья?” Вопрос кажется естественным, на него можно ответить, но что вам из того? Спрашивайте о главном. Дом горит; надо что-то делать. Но об этом никогда не спрашивают.

Двое бродяг снова и снова говорят: “Этот день прошел, а он не пришел”. И помогают друг другу: “Должен прийти, он, должно быть, опаздывает. Есть тысячи препятствий, но на него можно положиться. Ему можно верить”. А этот “он” – просто пустота. Вот прошел еще день, и он не пришел, они почувствовали, что с них хватит, и сказали: “Хватит, довольно. Все – значит все!” Они собираются уходить, больше они ждать не могут, – но куда они не уходят.

На другой день они опять тут, сидят на том же месте и снова ждут Годо. Но вчера они решили, решили со всей серьезностью, что уйдут, что кончено. Так можно прождать всю жизнь. “Если он придет – хорошо, не придет – тоже хорошо”. Почему же они не ушли? Снова и снова они говорят, что уходят. Но вот вопрос: куда идти? Уйти можно, но куда? Куда бы вы ни пошли, вы снова будете ждать Годо. Перемена места не поможет.

Вот почему человечество в такой суматохе: люди стали путешественниками. Они отправляются из одной страны в другую. Они всегда в пути. Они всегда куда-то собираются. Никогда ничего не достигают, но всегда куда-то отправляются: они просто убегают оттуда, где они есть. Если они в Америке – едут в Индию. Если в Индии – в Японию, если в Японии – уезжают в Непал, и так далее. Они никуда не идут! Они просто стараются уйти оттуда, где они есть. Но все остается тем же. Ничего не меняется. Потому что перемена места тут не поможет. Кстати, эти бродяги честнее, искреннее. Рассердившись, они решаются. Плюются, клянутся и говорят: “Хватит, довольно! Завтра

утром нас здесь не будет. Хватит ждать Годо. Мы уходим”. Назавтра снова поднимается солнце, а они на том же самом месте, сидят и ждут. Они совсем забыли, что прошлой ночью решили уйти. Куда идти? Идти никуда – это вторая правда о человечестве.

Первая: ничего никогда не случается. Кажется, что что-то происходит, но вы остаетесь тем же. Загляните в себя – что там изменилось? Вы были ребенком и много мечтали, затем вы стали молоды и все равно все время мечтали. Теперь вы стали стары, а все еще мечтаете. Раньше вы мечтали о богатствах этого мира; теперь вы, может быть, мечтаете о богатствах иного мира. Но разве в вас что-то изменилось? И не пугайтесь: пугаясь, вы начинаете задавать второстепенные вопросы. Религия очень важна, так как в самом вопрошании вы подходите ближе к центру.

Вторая правда: вы идете, идете и идете, от одного места к другому, от одного настроения к другому, от одного уровня к другому. Вы никуда не приходите. Достигли вы какого-то места? Можете ли сказать, что прибыли куда-то? Это всегда отбытие – прибытие никогда не происходит. Поезда всегда отбывают, самолеты всегда вылетают, люди всегда наготове в зале ожидания. Всегда отбытие – никакого прибытия. Вы никогда никуда не прибываете. Абсурд. Но вы никогда не задаете эти два главных вопроса.

И тогда сам собой возникает третий: Кто вы? Потому что мало “смысла спрашивать, кто такой Годо. Это ваше создание: ваши боги – ваши создания. Забудьте, что сказано в Библии, будто бы Бог создал человека по образу и подобию своему. Все как раз наоборот: человек создал Бога по своему образу и подобию. Это Годо. Это ваше создание. Это ваша мечта.

Чтобы как-то почувствовать свою значительность, важность, вы создали Бога на небесах. Бог не создал мира. Бог не создал человека. Человек создал все эти представления. Настоящая религия, подлинная религия, не спрашивает, кто такой Бог. Она спрашивает: “Кто я?” Я должен прикоснуться к моему основному источнику. Там, и только там – откровение, Иисус, Будда, Баал Шел Тов – они задают основные вопросы.

Второе, что надо понять об основных вопросах: у основных вопросов нет ответов. Вопрос и есть ответ. Если вы спрашиваете, то вопрос содержит ответ. Это не значит, что если вы будете твердить: “Кто я? Кто я? Кто я?..”, то однажды узнаете, что вы – это А, Б, В... Нет – вы никогда не узнаете этих А, Б, В... Постепенно, чем больше вы спрашиваете, тем глубже проникаете в вопрос, и однажды, внезапно, вопрос исчезнет. Вы стоите лицом к лицу со своим существом, вы открыты своему существу. Вопрос исчез – но и нет никакого ответа.

Пусть это станет критерием: если на вопрос можно ответить, – он не основной. Если, по мере спрашивания, вопрос исчезает – он основной. В самом исчезновении вы достигли; и впервые что-то произошло. Впервые вы уже не прежний. Годо не пришел, но ожидание исчезает.

Вы не ждете. Вы прибыли. И раз вы прибыли, качество вашего существования совсем другое. Тогда можно праздновать.

Как можно праздновать, когда вы еще не прибыли? Вы печальны, несчастны. Как можно плясать, когда цель еще так далека? Так далека, что, кажется, для вас нет никакой возможности ее достигнуть. Как можно быть счастливым? Как можно наслаждаться? Как может радость прийти к вам? Вы все еще на пути. Семя – все еще семя, а до цветка еще далеко. Нет, невозможно. Когда семя становится цветком, тогда радость, тогда восторг.

Как только вы поймете кто вы, как только вы глубоко проникнете в свою пустоту и не испугаетесь; как только вы примете внутреннюю смерть и не будете пытаться ее избежать, проецируя и мечтая; как только вы примете, что вы прах и в прах обратитесь, а между этими событиями нет ничего, кроме глубокой пустоты, вы достигнете того, что Будда называл нирвана. И это то, что хасиды называют Бог. Это не ваш Годо.

Евреи всегда настаивали на том, что имя Божие нельзя произносить, потому что, произнося, вы искажаете его. Оно непроизносимо; оно невыразимо. Можно заключить его в свое сердце, но нельзя поведать его. Можно стать им, но нельзя его выразить. И евреи совершенно правы в этом. Бог – не существо; это явление столь огромное, столь бесконечное, что никакое слово не может его вместить. Его может вместить только бесконечное сердце. Его может вместить только бесконечная внутренняя пустота.

Когда вы входите в себя, вы чувствуете, что входите в пространство, где вы потеряетесь – как капля воды, упавшая в океан. Вы потеряетесь – отсюда страх. Вот почему вы боитесь смерти и начинаете мечтать: проецировать будущее. Вхождение в свое существо всегда подобно смерти. Это распятие. Это крест. Но если вы достаточно мужественны... А трус никогда не может стать религиозным. Только очень редкие мужественные души, которые могут принять риск потеряться, достигают. За это надо платить, – чтобы достигнуть надо потерять себя; и ничего меньшего не хватит.

Как только вы готовы войти в пустоту, внезапно страх исчезает. Та же энергия становится праздником. Можно плясать, потому что то, что казалось пустотой, было только представлением ума. Оно оказалось не пусто. Оно оказалось столь полно, что ум не мог вместить всю его полноту.

Ум бесполезен. Ум отброшен. Ум пуст. Он постигает язык пустоты. Если что-то очень полно, ум не может понять этого. Это подобно всей жизни, прожитой в потемках. И вдруг вас вывели на солнечный свет, – ваши глаза ослепли. Света так много! Вы не можете открыть глаза. Вы видите темноту. Стоя перед солнцем, вы стоите в темноте.

До сих пор вы жили с рассудком. Ум – значит будущее. Ум – значит то, чего нет. Ум – значит сон, кажущееся, иллюзия, майя. Майя означает кажущийся мир. Вы создали свой мир и живете в нем. Вы

создали свою галлюцинацию и живете в ней. Ваш ад и ваш рай – все это от ума. Когда вы вошли внутрь своего существа, ум не может понять. Ему совершенно незнаком новый язык, новая территория. Она ему совершенно неизвестна. Ум не может справиться с ней. Он пустеет – это столь огромно. Свет столь ярк и ослепителен – ум становится пустым и чистым. Вы боитесь и убегаете. Тогда вы создаете ложного Бога – Годо.

Годо – ложный бог. Это может быть богатство. Это может быть положение и власть. Политика. Ваше Я. Бог на небесах. Но все это – Годо. Вы создали это. Вы не знаете, что это. Не зная, что это, вы создаете свой сон вокруг себя, вокруг него.

Настоящая религия – это вопрошание о том, что есть. Настоящая религия – придуманная. Настоящая религия – открытие. Настоящая религия – изобретение. Ум изобретает. Ум – это барьер. А если он изобретает, он создает великие философии: христианство, индуизм, иудаизм.

Все великие мистики – хасиды, Мастера дзен, суфии – бунтари. Они должны быть такими. Религиозный человек – бунтарь: у него нет другого выхода.

Религия и бунт – две стороны одной медали. Есть религии Годо: церкви, мечети, храмы, организованные вокруг вероучения, организованные из-за страха человека, организованные, чтобы ум мог уйти от внутренней пустоты. Учения, догмы – все это для того, чтобы заполнить вас. Все это барьеры. Иисус, Будда и Баал Шем Тов – бунтари по необходимости. Я не называю их революционерами; я называю их бунтарями, и надо хорошо понимать разницу.

Революционер – это тот, кто хочет изменить общество, кто хочет изменить правительство, кто хочет изменить структуру: экономическую, политическую, религиозную. Революционер не духовен. Его не волнует изменение себя самого. Он думает: “Если изменятся другие, тогда все будет прекрасно”. Революционер живет в иллюзии. Все революции не удалась, полностью провалились. В конечном счете революция не может иметь успеха. Само направление ложно: это усилие изменить других.

Бунтарю не важна структура общества, государства, правительства. Для него важно его собственное существо. Он индивидуален. Революционеры образуют партии. Бунтарь один; он сам своя революция. Куда бы он ни пошел, революция струится вокруг него. Само его существование – преобразующая сила.

Иисус, Будда, Заратустра – все это бунтари. Они изменили свое существо, они прибыли. Даже если посмотреть на них снаружи, видна ясность, спокойствие, тонкая радость – то, как они дышат, то, как они двигаются. Можно наблюдать, можно чувствовать, можно слышать звук, окружающий их – тонкая зыбь внутреннего спокойствия. Если вы откроете себя, она достигнет вас. Случился бунт – состояние существования совсем другое. Старое умерло, новое родилось. В этом

смысл распятия и воскресения Христа. Это метафора. Не старайтесь искать здесь историю. Принимая метафору за историю, вы поступаете очень глупо. Это прекрасная, поэтичная метафора. Христос был распят и на третий день воскрес. Новая жизнь – теперь бессмертная, теперь вечная.

Двигаясь внутрь, вы встречаетесь с внутренней пустотой, вы умираете. Должен быть разрыв. Эти три дня символичны. Должен быть разрыв. Вы пролежите мертвым три дня, как Иисус в склепе. Нужен интервал, чтобы старое полностью исчезло. Учтите: полностью, совершенно; не должно остаться ни кусочка, потому что он может испортить новое. Вот почему нужен разрыв: чтобы старое полностью ушло и вошло новое. В них нет никакой непрерывности. Тут нет непрерывности вовсе. Это разрыв. Иисус, сын Марии и Иосифа, умер; а через три дня воскрес Христос, сын Божий, новый человек.

Обычные религии – псевдо-явления. Будьте осторожны! Можно заниматься ими и, занимаясь, чувствовать приятность. Занимаясь, вы можете забыть себя. Можно войти в сущность тонких теорий, и в этом может быть определенное интеллектуальное удовольствие, интеллектуальный восторг. Можно углубиться в ритуалы, и в этом будет некий наркотик. Если непрерывно твердить мантру, вы почувствуете наркотическое опьянение. Звуком создается некий внутренний алкоголь. Можно прибегнуть к снадобьям; вы измените свою химию и на несколько мгновений достигнете высоты ложной, высоты настоящей, потому что вы не выросли до нее. Вас подтолкнула химия. Это надо хорошо понять: химию тела можно изменить многими способами.

Можно изменить снадобьями: ЛСД, марихуаной и прочим. Химию можно изменить старым методом: избытком кислорода в крови. Можно надыхаться кислородом, и это изменит вашу химию. Если вы в спешке, это меняет вашу химию. Даже стояние на голове меняет вашу химию, потому что увеличивается приток крови к мозгу.

Через ритуалы, изучение религии, веру, самогипноз вы достигнете нескольких проблесков, но они будут ложны. Это все равно что во сне увидеть восходящее солнце. Во сне оно не настоящее – галлюцинация. Вы проснетесь – вокруг темная ночь. Ложная религия, церковь, организация снабжают вас наркотиками, снадобьями. Может быть, они против современных снадобий, но они не против снадобий вообще. Они всегда за старое: старое для них лучше. Я против всех снадобий: старых и новых. Я даже против йоги – так как это тоже способ изменить химию. Что же тогда делать? Я прочту вам историю.

Молодой раввин жаловался раввину из Ризхина:

“В часы, когда я посвящаю себя занятиям, я чувствую жизнь и свет, но как только я оставляю их, все уходит. Что мне делать?”

Так бывает. Если вы слушаете меня, это может случиться и с вами. Слушая меня, иногда вы могли бы почувствовать жизнь и свет, потому что даже слушание меняет химию тела. Слушая мой голос, ритм, с постоянным, пробужденным вниманием, вы изменяете химию тела. Вы слушаете меня – ваши мысли останавливаются. Вы смотрите на меня – происходит тонкий гипноз. Вы чувствуете жизнь, свет. Но не полагайтесь на него. И не принимайте его за достижение.

Я спрашивал: “Какая медитация вам больше подходит?” Многие отвечали: “Утренние беседы. Когда мы слушаем вас, медитация становится глубже”. Но это – вид гипноза. Осторожно! Должно быть, это случилось и с молодым раввином.

“В часы, когда я посвящаю себя занятиям, я Чувствую жизнь и свет, но как только я оставляю их, все уходит”.

Когда вы оставляете этот зал и идете по своим делам, как долго длится та “глубокая” медитация, которую вы чувствовали рядом со мной? Она проходит. Не дойдете вы еще до ворот, а ее уже нет – и хорошо, что нет. Иначе вы бы остались в иллюзии навеки. Хорошо, что ее нельзя унести с собой. Хорошо, что на нее нельзя положиться. А то вы такие, что сделали бы из нее сокровище и забыли бы, что она не ваша.

Пока религия не ваша, она еще не пришла. И это то важное, что надо запомнить, так как ум изо всех сил старается об этом забыть – так это дешево и легко. Слушая меня, читая Гиту, Талмуд, Библию, вы восхищаетесь из своего ума. В вас действует посторонняя сила. Ею может быть Иисус, Будда или я: что-то снаружи тянет вас вверх. Когда этого нет, вы падаете обратно в свою реальность. И, как правило, падаете еще глубже, чем раньше.

Представьте, что вы идете по дороге темной ночью. Мимо проносятся машины. На мгновение сильный свет: фары машины ослепили вас. Затем машина проносится дальше. Темнота еще гуще, чем раньше. Слушая меня, читая Гиту, Коран, Талмуд, вы видите несущиеся машины с сильными фарами. На мгновение вы ослеплены, выхвачены из окружающей вас бесконечной ночи. Но когда машина уходит, когда Будда уходит, когда Христос уходит, вы вдруг оказываетесь в еще большей темноте, чем раньше.

Я думаю, что вы знаете, какое множество мистиков родилось в Индии. Вот почему Индия в такой тьме. Столькие ослепляли ум – Будда, Махавира, Кришна – их тысячи, длинная процессия, один за другим. Они восхищали, люди попадали под их гипноз. А когда они уходили, люди попадали в еще более темную ночь, чем прежде. Взгляните на ум индийцев: в мире не найти большего гнилья. Он прогнил до корней. А причина в следующем: так много света и так мало способности воспринять его – способность воспринимать свет приходит только когда вы выросли.

Не смотрите на солнце – вы сожжете глаза. Надо учиться этому, а учебой я называю увеличение способности. Глаза должны становиться сильнее, сильнее и сильнее – и тогда смотрение на солнце поможет вам, очень поможет.

Теперь даже ученые согласны с тем, что есть центр, называемый третьим глазом. Они называют его по-своему, но это не важно, – некая железа или что-то еще, питающееся светом. Если вы будете смотреть на лампу, на пламя, третий глаз начнет действовать. Он питается светом. Вот почему трудно заснуть днем: светло, и третий глаз действует, вибрирует. Вот почему трудно заснуть ночью, если горит свет. Нужна темнота, иначе третий глаз будет продолжать работать, а работа третьего глаза – сознание. Отсюда индуистский метод трагак – глядеть на пламя. Если долго глядеть на пламя, несколько месяцев по часу в день, ваш третий глаз заработает превосходно. Вы станете более пробужденным, более наполненным светом. Слово трагак – от корня, означающего слезы. Надо глядеть на пламя, пока слезы не потекут из глаз. Продолжайте смотреть, не мигая, и третий глаз начнет вибрировать. Но не смотрите на солнце! К солнцу надо подходить постепенно. Если вы можете глядеть на солнце тридцать – сорок минут, не сжигая глаз, возможно немедленное просветление, потому что третий глаз напоен светом.

Когда вы глядите на меня, внутри появляется маленький свет. Вы слушаете меня, становитесь внимательны. Когда вы внимательны, третий глаз концентрируется. Вы глядите на меня, созерцаете меня или читаете книгу... не обычную книгу, но которая пришла оттого, кто достиг: Тора. Прошли тысячи лет, но человек, произнесший или написавший эти слова... Знать бы, кто он... Некие вибрации все еще длятся. Становясь внимательным, вы чувствуете свет; а всегда, чувствуя свет, чувствуете жизнь. Надо запомнить это сочетание. Когда вы чувствуете себя мертвым, вы чувствуете тьму. Когда вы чувствуете жизнь, вы чувствуете свет.

У Иисуса есть изречение: “Следуйте за мной. Ноша моя легка”. Обычно это трактуют: “Ноша моя не тяжела” – но это неверно. Когда Иисус говорит: “Ноша моя легка”, он имеет в виду просто свет. Он не говорит “не тяжела”. “Следуйте за мной. Моя ноша – свет. Единственная ноша, что я несу, – свет”. А у света нет веса. Вот почему второе значение – “не тяжела”. Свет – самое невесомое на свете, самая нематериальная материя. И всегда, когда вы чувствуете свет внутри, вы чувствуете переизбыток энергии. Молодой раввин говорит:

“В часы, когда я посвящаю себя занятиям, я чувствую жизнь и свет, но как только я оставляю их, все уходит. Что мне делать?”

Раввин из Ризхина ответил:

“Это подобно человеку, пробирающемуся через лес темной ночью: какое-то время другой человек с лампой сопровождает его, но на перекрестке они расстаются, и первому приходится нащупывать

свой путь одному. Вот если бы у него был свой свет, он не боялся бы никакой темноты”.

Я встретил вас на дороге; у меня есть лампа. Внезапно вы больше не во тьме. Но лампа моя. Вскоре мы расстанемся, потому что ваш путь – это ваш путь, а мой – это мой. У каждого свой собственный путь достигнуть своего предназначения. На время вы вовсе забываете о темноте. Мой свет светит и для меня, и для вас. Но вскоре придет миг, когда мы расстанемся. Я пойду своим путем, а вы – своим. Тогда снова вам придется пробираться наощупь в темноте, и тьма будет еще темнее, чем раньше. Так что не полагайтесь на чужой свет. Лучше пробираться в темноте, но пусть эта темнота будет вашей. В чужом свете нет ничего хорошего; своя темнота лучше, чем чужой свет. Если вы живете в своей тьме, то постепенно тьма будет становиться все менее и менее темной. Вы научитесь брести наощупь. Вы научитесь этому искусству, вы не будете падать. Слепые не падают. Попробуйте идти с закрытыми глазами. Будет трудно. Вам не удастся пройти ста метров, а слепые могут идти так все время. Это их слепота. Закрыв глаза, вы занимаете слепоту. Она не ваша. Даже своя тьма лучше, свои ошибки лучше, чем чужие достоинства – запомните это, потому что ум всегда склонен к подражанию, заимствованию. Но то, что важно, невозможно занять. Нельзя войти в Царство Божие с занятыми деньгами: туда нет дороги. Нельзя подкупить стражу: там нет стражи. Нельзя войти потайной дверью, как вор: там нет никаких дверей.

Придется идти и, идя, создавать свой путь. Готовые пути невозможны. Это то, чему продолжают учить людей ложные религии: “Идите, это лучший, высший путь. Станьте христианином – и вам не о чем тревожиться. Тогда мы возьмем ваше бремя, тогда мы будем в ответе”. Но Иисус говорит: “Будьте собой”. Ватиканский Папа говорит: “Следуйте христианству”. Все христиане против Христа, все церкви против Христа, против религии. Это цитадели антирелигии и антихристианства, потому что те, кто знает, подчеркивают, что надо быть самим собой. Нет другого пути. Все остальное – ложно, неискренне, подражательски, уродливо. Единственная прекрасная возможность достигнуть Бога – быть самим собой, в такой чистоте и невинности, чтобы ничто постороннее не вторглось в вас.

Идите в своей тьме: идя, пробираясь, постепенно вы найдете и свой свет. Когда вы в своей тьме, свет не так уже далек. Когда ночь очень темна – близко утро, оно уже наступает. Как только вы будете полагаться на заимствованный свет, вы потеряетесь. Тьма никогда не бывает столь опасна, как заимствованный свет. Знание – хорошо, но в знаниях нет ничего хорошего. Знание – ваше, знания – чужое.

“Это подобно человеку, пробирающемуся через лес темной ночью: какое-то время другой человек с лампой сопровождает его, но на перекрестке они расстаются, и первому приходится нащупывать свой путь одному”.

Будда умирал. Сорок лет он шел с лампой, и тысячи следовали за ним. Теперь он умирал. “Однажды утром он сказал: “Это мой последний день. Если у вас есть что спросить, спрашивайте. Настал час, настал перекресток; теперь каждый должен идти своим путем”. Беспросветная тьма окутала каждого. Ананда, любимый ученик Будды, заплакал как дитя; у него из глаз катились слезы, он ударял себя в грудь, почти помешавшись. “Что ты делаешь, Ананда?” – спросил Будда. “Что нам теперь делать? – ответил Ананда, – Ты был здесь, мы шли в твоём свете. Все было безопасно и хорошо. Мы совершенно забыли, что есть тьма.

В следовании за тобой все было светом. Сорок лет. И теперь ты уходишь – ты покидаешь нас в полной тьме. Нам было лучше до того, как мы встретили тебя. Мы, по крайней мере, привыкли к темноте; теперь и эта привычка утрачена. Не оставляй нас во тьме! Мы не смогли достичь просветления, когда ты был здесь, что же будет, когда ты уйдешь? Мы погибнем навеки”. И он снова принялся плакать и стенать. “Послушай, – ответил Будда, – сорок лет ты шел в моем свете и не смог достигнуть своего. Думаешь ли ты, что если бы я прожил еще сорок лет, ты бы достиг своего света? Четыре тысячи, четыре миллиона лет? Чем дольше ты идешь в заимствованном свете, чем больше подражаешь, тем больше ты теряешь. Лучше мне уйти”.

Последние слова, слетевшие с уст Будды, были: “Будьте сами светом для себя”. Аппо дино бхаво. Он умер, произнося: “Будьте сами светом для себя”.

Прекрасная история. На следующий день Ананда достиг просветления. Он не мог достичь просветления сорок лет, а он очень любил Будду; он стал почти его тенью – и не мог достигнуть. Заимствованный свет – он слишком полагался на него. Это было так прекрасно, так доступно, без усилий. О чем еще заботиться? А через двадцать четыре часа после смерти Будды он стал просветленным. Что случилось?

Двадцать четыре часа горького плача во тьме, реальности, своей беспомощности. Долгими были для Ананды эти двадцать четыре часа. Это был чернейший период – болезненный, полный страданий, агонии. Он прошел через ад. Говорят, что эти двадцать четыре часа он лежал под деревом, как мертвый; все тело его согревалось, непрерывно текли слезы. Люди думали, что он сошел с ума, что он не сможет пережить смерть Будды. Но через двадцать четыре часа он стал совсем другим. Он открыл глаза, и никто не мог поверить: в этих глазах было то же сияние, что в глазах Будды. Его тело было столь же прекрасно, он разливал тоже благоухание. Он шел, как Будда. Ананда достиг своего света.

Раввин из Ризхина ответил:

“Вот если бы у него был свой свет, он не боялся бы никакой темноты”.

Не нужно всему миру быть наполненным светом, чтобы вы могли идти. Нужен свет только в вашем сердце. Маленькое пламя – и этого достаточно, потому что оно осветит для вас следующий шаг. Никто не проходит больше одного шага сразу. Маленький огонь понимания в сердце, полноты ума; дхиан, медитация. Маленькое пламя – и этого достаточно. Оно немного осветит ваш путь. Вы шагнете – оно осветит то, что дальше.

Лао-цзы говорит: “Делая за один раз по шагу, можно пройти тысячу миль”. А Бог не так далеко. Годо очень далеко. Вы никогда его не достигнете. Будете ждать, ждать и ждать. Это ожидание; Годо – это ожидание; ожидание бесконечно. Это только воображение. Его нет. Это как горизонт. Кажется – всего в нескольких милях небо касается земли. Вы думаете: “Несколько часов пути – и я достигну горизонта”. Вы никогда не достигнете его. Небо нигде не соединяется с землей. Можно снова и снова обойти вокруг земли, можно кружить по ней миллионы раз – вы никогда не встретите горизонт. А он будет всегда рядом, впереди вас, ожидая вас.

Годо – это горизонт; это ожидание. Он заполняет пустоту, обманывает вас. Это только обман. А Бог недалеко – Бог прямо там, где вы сейчас!

В Упанишадах сказано: “Бог далеко, Бог близко”. В моем переводе это выглядело бы так: “Годо далеко. Бог всегда близко”. Он здесь и сейчас. В этот миг – кто окружает тебя? В этот миг – кто бьется в тебе? В этот миг – кто говорит с тобой? В этот миг – кто слушает тебя? Бог – это жизнь. Бог – это бесконечная океаническая энергия. Где-то дерево и цветок; где-то поток и песня; где-то птица. Где-то камень. Где-то вы, и где-то я.

Вильям Блейк спросил однажды: “Кто такой Бог”? И ответил: “Иисус, ты и я”. Бог – это все. Бог – просто имя всего. Бог – это не сидящий там всевышний судья или что-то вроде этого. Бог – это все. Вы в нем. Он в вас. Бог близко. Нужно только маленькое пламя, маленький свет внутри. Тогда вы живете впервые. Иначе вы просто желаете, вы никогда не жили. Вы только надеетесь жить когда-нибудь, как-нибудь, когда придет Годо. Жить можно только в этот миг. Когда я говорю об этом, не начинайте обдумывать, потому что мышление – это процесс, который уведет вас в будущее.

Слушайте меня и понимайте. Тут не надо думать. Я не излагаю вам теории; я просто сообщаю вам факт. Я не даю вам учение; я просто указываю на то, что есть. Не надо об этом думать. Можно слушать; а если вы слушали хорошо, внимательно, понимание приходит мгновенно.

Вы будете сбиваться с пути снова и снова: это мой свет. Но раз узнав, что свет возможен, что мой свет возможен, вы уверитесь, что ваш свет тоже возможен. Если это произошло с ним, то почему бы и не со мной? Кости у меня такие же, как у вас, кровь у меня такая же, как у вас, плоть

у меня такая же, как у вас. Я такой же прах, как и вы. И этот прах станет прахом, как и ваш.

Если нечто извне стало возможно для этого человека, можно быть уверенным; не надо колебаться – вы тоже можете прыгнуть. В эти дни, пока вы со мной, я буду идти с вами с моим светом. Наслаждайтесь им, но помните: не полагайтесь на него. Читайте Тору, читайте Библию, наслаждайтесь. Они действительно прекрасны. Но не полагайтесь на них. Наслаждайтесь, чтобы ваше стремление, ваше желание приобрело устремленность, настойчивую жажду прибыть. Прибыть туда, где вы уже есть. Это не значит куда-то отправиться; это значит быть там, где вы есть.

Религия не цель; она – откровение. Религия не желание; она – реальность. Нужен только маленький поворот; я говорю “только маленький” – и все возможно. Жизнь становится возможна. Иначе вы проживете пустым, в ожидании. Не будьте бродягами из пьесы Беккетта. Вы и так уже долго прождали. Теперь хватит!

Начните жить! К чему ждать? Чего ждать? Кто этот Годо, в конце концов?

В этот миг все существование протекает через вас. В этот миг все, что есть в этом мире, кульминирует в вас. В этот миг вы – крещендо. Наслаждайтесь этим. Вы можете понять, что цель – вы. Тогда очень просто будет понять и этот маленький анекдот – очень значительный и глубокий.

Вы – цель. Вы – путь. Вы – свет. Вы – все.

В этом смысл фразы: “Вы святы”.

Бели вы пришли ко мне, помните: я буду только надеждой, воодушевлением, чтобы вы пришли к себе. Позвольте мне это и помогите, чтобы я вернул вас к вашему внутреннему существу. В этом значение Мастера. Мастер помогает вам стать собой. У меня нет для вас никаких образцов, никаких ценностей, никакой морали. У меня есть для вас только свобода, чтобы дать вам, чтобы вы могли цвести, чтобы вы могли стать лотосом, светом. И жизнь вечная.

Глава 2

Вопросы и ответы

12 октября 1975

Даже в словах, что вы против идеологии, есть некая идеология. Можно, говоря всерьез, обойтись без этого?

Об этом не только нельзя говорить серьезно – об этом вообще невозможно говорить. Дело не в серьезности. Просто говорить об этом невозможно, так как, говоря, используешь язык.

У языка есть образец, язык сам есть идеология. Пользоваться языком значит попадаться на его удочку. У языка есть логика, система, субстрат. Раз о чем-то заговорив, вы попали в мир идеологии. Но

говорить – неизбежное зло. Надо его сносить. Я бы предпочел не разговаривать; я бы предпочел передавать и общаться прямо, без языка; но тогда я не достиг бы вас. Молчание не было бы понято.

Так что мне приходится пользоваться языком, хорошо зная, что это неизбежное зло; хорошо зная, что вам следует преодолеть его; хорошо зная, что им нельзя передать то, что лучше слов; хорошо зная, что, как только правда произнесена, самопроизношение искажает ее. Но прежде, чем вы сможете понимать молчание, должно произойти это общение – от сердца к сердцу.

Итак, я говорю, чтобы помочь вам стать ближе к молчанию. Из моей речи вы не поймете молчания, но у моей речи может быть вкус, аромат. В моей речи, быть может, вы сумеете услышать молчание; оно всегда здесь, между двумя словами; оно всегда здесь, между двумя фразами.

Что бы я ни говорил – неважно; важен промежуток. Не обращайтесь слишком много внимания на то, что я говорю. Слова подобны берегам реки; берега – это не река – не слишком-то привязывайтесь к берегам. Они не утолят вашей жажды. Забудьте о берегах: ищите между ними. Промежуток, молчание между словами – это река. Это то, что я пытаюсь передать вам.

Я знаю, вы слушаете слова, вы не слушаете молчания. Психика должна измениться. Однажды это произойдет. Вы будете слушать, и однажды это случится. Внезапно, впервые слова перестанут быть важны, важно будет существование, которым я касаюсь вас. Уши продолжают слушать слова, но сердце двигается в неизвестном направлении.

Нельзя предугадать, когда это случится, но это случится. Вот почему на Востоке так ценится сатсанг. Сатсанг означает быть с мастером. Когда он говорит, быть с ним. Когда он сидит, быть с ним. Когда он смотрит на вас, быть с ним. Когда он не смотрит на вас, тоже быть с ним. То есть иметь чувство потока между тем, кто знает, и тем, кто стремится. Однажды они начинают звучать слитно, и этот день не предсказуем; тут ничего нельзя поделать. Чем больше вы будете что-то делать, тем больше будете упускать это.

Так что просто слушайте мои слова, но постепенно смещайте внимание к молчанию паузы. Порою я ничего не говорю. Порою я просто смотрю на вас. Именно в этом вещь. И если вы слушаете эту вещь, это не учение. Это и не антиучение. Потому что антиучение – тоже учение. Быть против – значит быть в мире идей.

Я не против учения. Как я могу так согрешить? Я не против; я вне. Учение и антиучение – оба – остались в долине. Я перешел в другой мир: вершина, которая вне. Я не учу вас антиучению. Я не учу вас ничему относящемуся к миру концепций и мыслей. Я учу вас “себе”! Я учу вас способу быть, другому качеству существования.

Слушайте мои слова. Но не только слушайте – сползайте. Однажды вы поймете даже то, чего не высказать словами. Проблески возможны даже от слов. Когда вы почувствуете мое молчание, мои слова

приобретут иное значение. Тогда они перестанут быть просто словами, просто звуками. Они станут цветением. Трудное дело – говорить о молчании.

В дзен говорят, что это все равно что продавать воду у реки. Рядом течет река, но вы слепы, и приходится торговать водой. И, конечно, вы платите, хотя рядом – целая река. Это все равно что поливать сад, когда идет дождь. Или, как сказано в индийских священных писаниях: “Это приделывание ног змее, чтобы помочь ей двигаться”! Глупо, абсурдно – змея прекрасно может обойтись без ног. На самом деле, ноги ей мешают. Но что делать? Змея говорит: “Помогите!” Или, как сказано в даосских текстах: “Говорить об истине – все равно что одевать шляпу на человека, на котором уже есть шляпа”. Напяливать одну шляпу поверх другой – бессмысленно.

Ну и что же я здесь делаю? Я просто даю вам терпение, способность ждать, наблюдать. Это усилие быть со мной. Вначале это похоже на усилие, но придет день, и это перестанет быть усилием. Вы будете здесь без усилия. Тогда вы поймете меня – буду ли я в этом кресле или нет, буду ли я в этом теле или нет. Но прежде, чем это случится – это высшее цветение вашего молчания, – мне придется окапывать куст все кругом и кругом.

И второе в ответ на этот вопрос: я не серьезный человек. Я выгляжу серьезным, но внешность обманчива. Я не серьезный человек; я совершенно не серьезный человек. И только таким может быть просветленный человек.

Серьезность – мирское; это от ярмарки. Вы найдете ее в церквях – там ее даже слишком много. Ваши церкви – только часть ярмарки, часть мира товаров.

Я слышал одну еврейскую шутку: еврей пришел в синагогу сдохлым котом и спросил раввина, не может ли он похоронить кота в освященной земле.

Раввин ужаснулся, возмутился, вскочил. “Что? Ты, добрый еврей, просишь своего раввина похоронить грязного дохлого кота в святой земле? Нет! Никогда! Ни за что! Ни в коем случае!”

Тот поднялся и сказал: “Тогда я не смогу отдать вам десять тысяч фунтов, которые кот оставил вам в своем завещании”.

Раввин снова вскочил: “Постой, не спени! Ты балда! Что же ты не сказал раньше, что кот был евреем?”

Ваши синагоги, ваши церкви, ваши храмы – все они принадлежат ярмарке; им приходится быть серьезными. Мир слишком серьезен, ему приходится быть таким: над ним всегда висит смерть. Приходится быть серьезным. Даже, когда вы смеетесь, в вашей смехе скрыты слезы. Даже когда улыбаетесь, ваша улыбка не полная, она принуждена, болезненна. Это не внутреннее цветение. Вовсе нет.

На ярмарке вы научились быть слишком серьезными. Тогда и церкви ваши стали серьезны. Ваши боги не умеют улыбаться. Христиане говорят, что Иисус никогда не улыбался, не смеялся. Какая нелепость!

Иисус не смеется? Кому же тогда смеяться? Если даже Иисус не смеется, тогда смех становится совершенно невозможен. На самом деле, только ему и смеяться; только Он может смеяться и наслаждаться смехом.

В Индии мы не принимаем мир всерьез. Мы называем его божественной лилой, божественной игрой; в лучшем случае – шутка, притча, драма, прекрасно рассказанная, – но тут нет ничего серьезного. Я не серьезен; и что бы я ни говорил, я говорю в очень несерьезном духе. Конечно, я искренен, но не серьезен. Что бы я ни говорил, я, на самом деле, хочу передать это вам, но если это не передается, я не буду расстроен. Если передается, я не буду гордиться. Если я полностью потерплю неудачу или вполне преуспею – все едино. Вот почему я не серьезен.

Вы здесь, быть может, всерьез, но постепенно я смогу убедить вас не быть серьезным, так как серьезность – это тень эго. Без “я” нельзя быть серьезным. Просто без “я” серьезность исчезает, потому что когда нет “я”, исчезает смерть. Умирает только “я”, а не вы сами. Вы никогда не умирали и никогда не рождались. Вы всегда были здесь. Вы часть всего этого существования. Вас нельзя отделить от него.

Иногда вы могли быть в деревьях, вы могли быть деревом. Иногда – в птицах, вы могли быть птицей. Иногда – камнем, иногда – потоком, падающим с Гималаев. Миллионы способов. Миллионы форм. Миллионы имен. Да, вы существовали самым разным способом. Никогда не было, чтобы вас не было; никогда не будет, что вас не будет. Форма меняется; то, что лишено формы, длится и длится. Тут нечего быть серьезным. Но “я” боится, взвешивает. Приближается смерть. “Я” – это вес. “Я” не может смеяться. Все мои старания – создать в вас такой глубокий смех, чтобы он остался при вашем исчезновении. Танец остается, танцующий исчезает. Тогда жизнь становится необыкновенно прекрасной – и только тогда жизнь прекрасна.

Так что не думайте обо мне как о других религиозных деятелях, которые очень серьезны. Если они серьезны, они не могут быть религиозны – это мой критерий. Если ваши святые не могут смеяться, они, в лучшем случае, подавившие себя грешники. Потому что подавивший себя не может смеяться, он всегда боится.

Вместе со смехом можно выпустить наружу многое другое. Теперь он не может выпустить наружу только один, смех. Ведь ему приходится подавлять в себе все: секс, раздражение, зависть, ненависть, любовь. Нельзя выражать только часть себя: или вы выражаете себя полностью, или все в себе подавляете. Вашим так называемым святым приходится подавлять себя полностью. А для меня святой тот, в ком нет ни малейшего подавления во всем его существе. Когда он смеется, то смеется. Вовлечено все его существо – все в нем колышется от смеха.

Запомните это – и особенно в связи с хасидизмом. Хасидизм создал величайшую традицию смеющихся святых; это один из прекраснейших

вкладов хасидизма. Хасидский мудрец не из тех, кто отрекается от мира. Он живет в мире, потому что отрицание его – слишком серьезно. Он не уходит с ярмарки – он поднимается над ней. Он живет там же, где и вы, но живет по-другому. Он живет рядом с вами, но в то же время он существует где-то еще. Он соединил сансару – мир и саньясу – отречение. Когда я посвящаю вас в саньясу, я делаю то же, что и хасид. Я не говорю вам: отправляйтесь в Гималаи – это было бы выбором, а выбор всегда серьезен: что-то приходится оставить, отрезать часть своего существа, искалечить себя.

Выбирая, вы двигаетесь в определенном направлении; тогда целое не воспринимается. Если вы живете в мире, то отвергаете отречение, саньясу, вы отвергаете медитацию. “Это не для нас, мы люди этого мира”. Но приходит день, когда вы уже сыты этим миром по горло и оставляете его. Теперь вы боитесь в него вернуться. “Мы не от мира сего. Мы живем вне мира!” Но и в том, и в другом говорит только половина вашего сердца, вы не целостны, вы не полны.

Хасидский мудрец полон. Он живет в мире, живет так же, как все. У него нет мании величия по поводу своей необычности. Ему нет нужды ее показывать. Он есть! Есть другие святые, которым нужно показать, что они особенные. Сама эта нужда показывает, что в глубине они очень обычные: это часть обыденного сознания – быть всегда нужным, желанным, желать, чтобы другие думали и чувствовали, что ты не такой, как другие: “Я особенный”.

Как-то я ехал в поезде. В моем купе было еще трое людей. Они разговаривали обо всем на свете. Ехать было далеко, надо было чем-то заняться. Заговорили о счастье.

Один был очень богат, он сказал: “Я счастлив, у меня есть все, что мне нужно. Я преуспел, я достиг”. Я взглянул на его лицо: ни следа достижения, только невроз. Даже то, как он говорил – с такой уверенностью – было только желанием скрыть глубокую нервозность. Видно было, что внутри он дрожал, как лист на ветру. Он только делал вид. “Я достиг счастья”, – говорил он. Но глаза его были как пустыня: ни тени счастья, ни тени зелени. Он был почти мертв, опустошен, изношен.

Другой был членом политической партии. Он говорил: “Я счастлив, я нужен партии. Без меня они не победят на предстоящих выборах. Я нужен. В этом мое счастье”.

Один думает, что счастлив, потому что накопил много богатств. Что общего у счастья с богатством? Богатство снаружи, счастье – внутреннее цветение. Счастлив может быть и бедный. Оно никак внутренне не связано с бедностью или богатством. Нищий, подобный Будде, может быть счастлив. А тот, кто говорит, что счастлив, потому что достиг больших богатств, только дурачит себя и притворяется.

Другой сказал: “Я счастлив, потому что я нужен”. Когда в вас нуждаются, к вам приходит определенная значительность. Вы думаете, что важны для кого-то или для партии, религиозной группы. Но счастье

не зависит от других. Если партия найдет себе получше него (или похуже, что для них одно и то же), это будет для него страшным ударом. Если так, то это не счастье, а просто прикрытие действительности ласкающим дух словом.

Еще там была женщина. Она тоже сказала, что счастлива: у нее пятеро детей, прекрасные люди, уже взрослые. В них осуществились ее надежды. И муж искренне любит ее, он всегда был ей верен. В молодости она, должно быть, была красива. Теперь ей уже за пятьдесят; один скелет остался, одно воспоминание – воспоминание о прошлом. Глаза потухли, вся жизнь прошла. Сама она не смогла, так что теперь это дело их, ее детей; ей предстоит жить их амбициями.

Счастье никогда не живет чужим. Ему никого не нужно; ему хватает и себя. А она подчеркивает, что муж был верен ей, но видно: что бы она ни говорила, сама она не очень этому верит – все ведь видно по глазам. И вообще, говоря, что муж вам верен, вы выдаете свои подозрения. Или – что жена вам верна: отголосок сомнения. Потому что верность не знает сомнений и не думает о верности. Если это настоящая верность, вы о ней не знаете. Иначе – где-то изнутри ее подгрызает червь сомнения.

Потом все повернулись ко мне и спросили: “Ну, а вы?”

“Я никогда не пытался быть счастливым, – ответил я. – И не принадлежу ни к какой организации, религии или еще чему-нибудь. Никому я не нужен; если я кому-то нужен, то это его дело, а не мое. Мне не нужно быть нужным. Что же касается успеха, то я неудачник: мои руки абсолютно пусты. Честно говоря, я мало интересовался счастьем, потому что я и так счастлив. Просто я счастлив. Без всяких причин”.

Если для счастья есть причины, несчастье ждет вас в любой миг. Вы на самой грани несчастья, потому что причина может исчезнуть. Пока вы не счастливы просто, без всяких видимых или невидимых причин, пока вы не просто счастливы – беспричинно, иррационально, абсурдно, сумасшедше – вы не счастливы. А счастливый не может быть серьезным.

Несчастный серьезен, ему чего-то не хватает. Он идет, рыщет, всегда напряжен, движется, стремится куда-то – ждет Годо. Такова натура несчастливого человека.

Я достиг такой глубины, что даже не чувствую достижения. На самом деле, я никогда не отправлялся. Я несерьезен, внешность может обманывать. Вы, быть может, не видели меня смеющимся, но вы слишком серьезны – вам нужен смех. Когда вы просто счастливы, серьезность исчезает, смех исчезает. Ваш смех клинический. Вы слишком серьезны. Приходится смеяться.

Очень может быть, что Иисус никогда не смеялся, но христиане неправильно это понимают. Я могу согласиться, что он никогда не смеялся. Это возможно: он сам был смех. Он смеялся так глубоко и

постоянно. Это было не событие, а процесс. Это не было тем, что приходит и исчезает. Это длилось всегда.

Если вы на самом деле счастливы, то нет нужды в смехе и нет нужды в слезах. И то, и другое исчезает. Я не серьезен, я празднующий, просто празднующий. И, говоря с вами, я не излагаю ни учение, ни философию, ни религию – вовсе нет. Я просто хочу разделить с вами мое празднование. Сместитесь от слов к молчанию. Не слушайте слова, слушайте меня. Здесь, именно здесь – весть.

Если вы сможете мне найти вопрос, поможет ли мне это найти ответ?

А это и не нужно. Если вы задаете вопрос – ответ найден. Дело не в ответе; дело в вопросе. Вы не знаете настоящего вопроса – вот почему вы все ищете и ищете. А настоящего ответа никогда не бывает. Его не может быть, потому что вы упустили самое начало. Первый шаг был сделан не туда.

Надо найти настоящий вопрос, ваш вопрос: он не должен быть чужим, его нельзя занять. Не надо повторять, как эхо, чужой вопрос. Не надо повторять. Вы так раздражительны, что даже в вопросе вы повторяете других, вы отражаете других. Как могут быть подлинны ваши поиски? Как вы можете чего-то достигнуть? Невозможно: сами ваши поиски подражательны. Задайте свой вопрос!

Все мои усилия здесь – помочь вам задать подлинный вопрос, основной, вопрос вашего существа, глубочайшей сердцевины. Основной вопрос только один. Вот почему и основной ответ тоже только один.

Можно задать тысячу ложных вопросов. Нельзя задать больше одного истинного вопроса, потому что в истинном вопросе – все остальные. Он будет сущностью вашей тревоги, вашего страдания. И вопрос этот не будет теологическим, он будет экзистенциальным. К нему не прийти чтением. К нему не прийти учением. Он придет, если вы отважитесь на встречу с собой. Если вы повернете взгляд в свое существо, тогда он придет. Он уже здесь. Вы принесли его с собой. Это вы, семя внутри.

А когда вы найдете истинный вопрос... Это я и помогаю найти, а не истинный ответ. Это я оставляю для глупых. Отправляйтесь к священникам: у них есть правильные ответы; отправляйтесь к профессорам: у них есть правильные ответы. У меня есть только правильный вопрос.

Как только есть правильный вопрос, не надо искать ответа – ответ в нем самом. Они всегда вместе. Как только вы задаете подлинный, настоящий вопрос, идущий из вашего существа, а не от ума, – чудо! За вопросом приходит ответ. Так должно быть. Если вопрос ваш, как может чей-то ответ утолить его? Жажда ваша – ее не утолит никакая чужая вода.

Надо глубоко погрузиться в себя. Найдите вопрос – и ответ уже найден. Но это трудно, мучительно; вы ведь спешите: “Если у вас есть

ответ, то уж дайте, пожалуйста. Если у вас есть ответ, к чему принуждать нас отправляться на поиски вопроса?" Вы любите все готовое. Это невозможно. Так вас обманывают, так вы обманываете себя. Так рождаются религии: христианство, иудаизм, индуизм, джайнизм.

Махавира нашел свой вопрос и нашел свой ответ. Вокруг него собрались люди – те, жадные, кто не удосужился спрашивать, кто не утруждался. Они видели возможность: этот человек нашел ответ. Они собрались отовсюду. Они уцепились за ответ. Глупее не придумаешь. Ответ можно запомнить, но это не поможет.

Я расскажу вам притчу. Случилось так: некий человек был очарован рекой, что протекала рядом с его деревней. Он захотел спуститься по ней вниз, до самого конца, чтобы увидеть, как река впадает в океан. Конечно, он принялся изучать старинные тексты: надо было узнать, спускался ли кто вниз по реке. Спускались многие. Во все века многие были очарованы рекой. Но его озадачило то, что ответы их были различны. Он не мог им верить.

Один утверждал, что река прямая. Другой говорил: "Через пять миль река сворачивает направо", а еще один – что ровно через пять миль река сворачивает налево.

Видя большую путаницу в текстах, он обратился к людям: может, жив кто-нибудь из тех, кто спустился по реке.

Таких нашлось много: советовать ведь очень приятно. В каждом столь глубоко сидит желание стать гуру, это так приятно для него. Это приятно для эго. Когда надо советовать другому, каждый становится мудрым. Может, в своей жизни он оказался дурак дураком, но когда другой в затруднении – становится мудрым с кучей советов. Конечно, никто им не следует, и хорошо, что никто не следует ничьим советам. Так вот, много советчиков и притвор оказалось и в деревне этого человека. Он был у них, но остался в еще большем смущении, потому что у каждого были свои представления.

Наконец он собрал большой материал. Спланировал карту. На бумаге все выглядело просто замечательно; на бумаге всегда так. Вот почему все тексты прекрасны на бумаге. И он отбросил все противоречия; из целого сделал составное целое. Теперь эта составная река была чисто умственным представлением. Он же был очень доволен своим планом, картой и – отправился вниз по реке.

Тут же стали возникать проблемы: он планировал через пять миль свернуть направо, – но река не следовала карте. Он был ошеломлен и испуган. Все усилия достигнуть мудрости оказались тщетны – река не слушалась. Ни одна река не слушается ваших карт. Ему было так тревожно двигаться в неизвестности: впереди могли ждать опасности. Но ему ничего не оставалось, как плыть вместе с рекой. Если река не может следовать карте, что делать? Приходится двигаться с рекой. Он не мог заснуть всю ночь.

На следующее утро он ожидал увидеть деревню на берегу. Никакой деревни. Он был голоден, растерялся. Что делать?

Что же, все описания – ложь? Ничего подобного. Но река есть река – она меняет свой путь. Иногда она поворачивает налево; теперь она свернула направо. Иногда бывает деревня; деревня появляется и исчезает. Река постоянно меняет свой путь. У реки нет логики, она не составная. Просто она живая. Никогда ничего не известно. Человек был голоден, подавлен. Карта оказалась полной бессмыслицей. Что делать? Река создает проблемы.

Один, молча плывя по течению, он начал размышлять: что делать? Тексты не помогли, советы оказались бесполезны – что теперь делать? Он начал размышлять. И вдруг пришло понимание: "Река не создает проблем; их создают карты. Река не создает никаких проблем. Река даже не знает, что я здесь. И река не может быть ко мне враждебна".

Он выбросил карты в воду. Проблемы кончились. Теперь он стал плыть вместе с рекой, без всяких ожиданий. Все его огорчения кончились.

Если вы плывете вместе с рекой жизни, вы найдете свой вопрос и вы найдете свой ответ. Но все горе в том, что вы уже нашли ответ. У вас есть карты, тексты, советы, и куча обманщиков продолжает давать вам советы. Им очень приятно советовать. Вы просто жертва, повод. Им хочется советовать. Им дела нет до того, что вам нужно. Они и не смотрят на вас. У них уже сложились определенные представления.

Пойдите к христианам; у них есть определенное представление о Боге. Даже реки не текут по определенному пути – как же у вас может быть определенные представления о Боге? Он – река сознания. Может быть, когда-то в прошлом кто-то знал реку, текущую так. Ее уж больше нет на том же месте. Старик Гераклит сказал: "Нельзя дважды ступить в одну и ту же реку". Река всегда течет, меняется, струится. Всегда движется. У реки нет определенного русла.

Жизнь свободна. Жизнь – это свобода. Бог – это абсолютная свобода. Нельзя иметь определенного отношения, определенных представлений. Если они есть, вам будет трудно, вы будете думать, что Бог создал для вас трудности. Да выбросите ваши священные писания в реку! Плывайте вместе с рекой – и все будет прекрасно. Забудьте ответы, если вы хотите найти свой вопрос. Вы так окружены ответами, что в такой толпе и путанице почти невозможно найти настоящий вопрос. А настоящий вопрос – это ключ.

Я не даю вам никакого ответа. Если вы пришли ко мне за ответом, то обратились не по адресу. Я не даю вам никаких карт сознания. Я не даю вам никаких концепций о Боге. Я просто даю вам жажду, страстную жажду. Я делаю насущно необходимой вашу жажду узнать свой подлинный вопрос. Дальше все пойдет само собой.

Ответ следует за вопросом. Это несомненно. Так бывает всегда. Такова сама природа этого. Прежде – жажда вопроса, а ответ придет. Но вы стараетесь ловчить. Вы говорите: "К чему тревожиться о

вопросе? Ведь есть ответы. Доступны и дешевы. Да и советчиков хватает”. Так что к чему заботиться о собственном вопрошании? Но если вопрошание не ваше, то и его исполнение будет не вашим.

Ответы не помогут. Необходимо другое состояние сознания. Только другое состояние сознания может стать ответом. Вопрошая, вы начинаете меняться. Вопрошайте все и не просите легких ответов. Продолжайте вопрошать, идите до самого конца, так, чтобы вся ваша вопрошающая жажда сконцентрировалась, собралась в одну точку. Она как стрела входит в сердце, глубоко проникая. Это болезненно, но ничего не достигается без боли. Страдание – часть роста. Вы ищете комфорта и заимствуете ответы. Тогда не приходите ко мне, потому что я брошу вас в бездну вашего существа.

Поначалу это похоже на смерть, поначалу это похоже на ничто. Но если вы мужественны, вскоре появится вечное основание. Впервые вы дома. Это похоже на боль рождения: ребенок должен пройти через родовую травму, должен выйти из чрева. Вот сейчас вы во чреве своего ума. Медитация – не что иное, как выход из чрева ума – от мысли к немислю, от бессознательности к сознанию, от заимствованного, подражательного существования к подлинности. Да, я помогаю вам найти вопрос. Но тогда ответ уже не нужен: он приходит одновременно, нет и секундного разрыва. Ответ неотделим от вопроса. Вопрос и есть ответ. Само вопрошание и есть процесс понимания. Сам поиск и есть цель.

Все по-настоящему стоящее приходит благодатью. В чем логика или нелогичность благодати, как привлечь ее?

Благодать – не то, что порою есть, а в другое время нет. Благодать всегда. Она – сама сущность существования. Существование благодатно, исполнено благодати. Но порою она с вами, порою вы упускаете ее. Идет дождь; вы то под ним, то нет. Но дождь идет все время. Так что причину надо искать в себе. Иногда вы укрываетесь от благодати.

Благодать – сама природа существования. Я – укрытие. Вы защищаетесь даже от благодати. Сами того не зная, вы создаете вокруг себя защитную зону, создаете броню. Благодать доступна – недоступны становитесь вы. Вот почему кажется, что она приходит редко. Как только вы не защищаетесь...

Вы сидите. Ранее утро, солнце еще не поднялось. Смотрите на небо: вот поднимается новое солнце. Все вокруг – мир и покой. Пробуждается новая жизнь. Родается новый день. Вы становитесь частью бесконечного целого, происходящего вокруг вас. Вы не наблюдатель, не посторонний. Вы участвуете в мистерии. Это не то, что солнце поднимается, а вы глядите на него, нет. Вы и солнце становитесь одно. Тогда вы беззащитны. Стена исчезает. Брони больше нет. Тогда не просто солнце поднимается там, далеко, а вы сидите тут.

“Там” и “здесь” исчезают. Есть только одно целое. Тогда вы забываете себя. В этом забвении вы не остров больше – вы стали частью суши. Никаких преград – и вдруг вы исполнены благодатью, вы вдруг больше не несчастны, вдруг больше нет тьмы. Все прекрасно. Вы благословляете все. В это мгновение только одно возникает в вашем сердце: глубокая благодарность, глубокое благоговение. Просто быть – превосходно, просто дышать – великолепно. Просто быть живым в этот миг. Вы преисполнены.

Иногда так бывает, когда сидишь с любимым существом: мужчиной, женщиной, ребенком – сидишь молча, ничего особенно не делая, потому что это всегда род занятий, которым вы продолжаете защищаться. Даже не разговаривая! Когда вы погружены в любовь, вы предпочитаете сидеть в молчании. Любящие мало разговаривают. Они сообщают, они сообщаются. Возникает тонкое общение. Они так глубоко знают друг друга, понятен даже жест. Слова не нужны. От них коробит: они помеха, они мешают резонансу.

Люди сидят тихо; и вдруг – благодать; что-то большее их обоих и всего окружающего их. Они слились в едином чувстве. Облако девственной благодати окружает их. Они не двое – двойственность исчезает. Они полностью освобождены от своей обособленности. Время остановилось. Это – благодать.

Потом они снова начинают говорить, снова вторгается “я” – они защищены, и благодать потеряна.

Да, все, что прекрасно, все, что подлинно и хорошо, приходит благодатью; никогда – от усилия. Все усилия так малы. Что вы можете? Вы такие крошечные. А мы – что мы можем? Так ограничены – что мы можем? Если мы будем пытаться стать счастливыми своими усилиями, мы станем все более и более несчастны.

Это то, что происходит во всем мире: каждый старается стать счастливым. Чем больше вы стараетесь, тем несчастливее становитесь. Все ваши усилия напрасны. Не только напрасны – все ваши усилия приносят результат прямо противоположный: вы хотите стать счастливыми, а становитесь несчастными.

Я слышал об одном старике. Он был одним из несчастнейших на свете. Вся деревня устала от него: всегда он был мрачен, всегда жаловался, всегда в плохом настроении, всегда кислый. И чем дольше жил, тем все более желчным становился, и ядовитее были его слова. Люди избегали его: несчастным становилось заразным. Не быть несчастным рядом с ним было как бы оскорбительно. Он создавал несчастье и в других.

Но однажды, когда ему исполнилось восемьдесят лет, случилось невероятное – никто не мог поверить. Мгновенно всех облетел слух: “Старик сегодня счастлив, не жалуется, даже улыбается, у него все лицо переменялось”. Собралась вся деревня. Старика спросили: “Что случилось с тобой. В чем дело?” “Ничего, – ответил старик, – восемьдесят лет я старался стать счастливым – и ничего не вышло, так что я решил обойтись без счастья. Вот почему я счастлив”.

Именно так. Так происходит во всем свете. Старайтесь – и станете несчастными. Чем больше вы стараетесь, тем больше это приносит огорчений. Спросите пробужденных. Все познавшие говорят: “Просите счастья и станете несчастны”. Примите счастье – и внезапно вы счастливы: больше нет усилия и благодать доступна. Своими усилиями вы отбрасывали ее.

Вы – ваши злейшие враги. И прекрасно это знаете: если у вас и бывают минуты счастья, то это не из-за вас. Вы это знаете, но ваше “я” не хочет с этим считаться. Вы знаете, что вдруг однажды птица запоет в роще, и все затихает в вас. Вы слушаете ее; и на минуту нет больше горя, нет больше ада, – рай достигнут. С вашей стороны тут ничего нет. Птица поет, а вы просто слушаете. Слушая, вы пассивны: никаких усилий. Что вам делать? Птица поет, роща зеленеет. На мгновение вы стали пассивны, женственны – ничего не делая. И вдруг она здесь. Она всегда была здесь. Вам нужно было только остановиться.

Лао-цзы говорит: “Стремитесь – и вы упустите. Не стремитесь – и это уже здесь”. Сокровище, которое вы ищете, – внутри вас. Все поиски тщетны. Увидьте все как есть. Существование – это праздник. Это празднование! Оно уже танцует – в каждом листике, в каждом ручейке, в каждом камне и в каждой звезде – оно всегда танцует. И вы приглашены. Иначе вас бы здесь не было. Вас принимают, иначе вас бы здесь не было.

Но вы отказываетесь. Вам чего-то надо, вы хотите невозможного: стать счастливым. Несчастливый не может стать счастливым, но все старается. Бросьте вы эту чепуху!

Ко мне приходят и спрашивают: как стать счастливым? Я отвечаю: если вы спрашиваете “как”, вы никогда не будете. Будьте! – тут нет никаких “как”. “Как” – это проблема. Как быть счастливым – абсурдный вопрос. Будьте счастливы – зачем спрашивать “как”? Нет науки счастья, что бы ни говорили американские книжки. Все Карнеги – посредственность, но раскупаются бойко. После Библии лучше всего идет Дейл Карнеги. Он хороший торговец. Он знает, что все хотят счастья. Он знает, что каждый стремится к успеху. Он знает, что каждый ищет любви. Он исполняет желание. Он дает вам “как”. Он предлагает вам книги: “Как преуспеть”, “Как добиться расположения”, “Как стать богатым”.

Но я говорю вам: нет никаких “как”. “Как” – это тревога. Вы и так уже знаете много способов стать счастливым – от этого такая путаница. Плюньте. Вспомните о старике, его восьмидесятилетия и о том, как он решил обойтись без счастья. Сумеете ли вы быть несчастным, если вы решили обойтись без счастья? Кто тогда сможет сделать вас несчастным? И как? Раз – и несчастье стало невозможным. Несчастье – побочный продукт вашего желания быть счастливым. Огорчение – побочный продукт вашего желания преуспеть. Чувство поражения, скука, изношенность – побочные продукты амбиции.

Надо просто увидеть, больше ничего. Увидеть то, как есть, и само видение освободит вас. Иисус говорит: “Истина освобождает”. Я согласен – совершенно верно. Истина освобождает. Увидьте сам факт – вот как вы делаете себя несчастными. Если хотите сделать себя еще несчастнее, постарайтесь стать счастливее. Да увидите вы, как это происходит. Увидьте, как вы становитесь несчастны. Было ли вам плохо, когда вы ничего не ждали? Когда вы не ожидаете, вы просто счастливы. Счастье естественно, несчастье надо заработать. Для несчастья нужно приложить старание; счастье – это то, что есть.

Да, все по-настоящему стоящее приходит благодатью. Говоря “благодать”, я не имею в виду теологическое понятие. Я не имею в виду, что есть Бог, сидящий всех выше на крыше и присматривающий за вами: кто ведет себя хорошо, будет счастлив – и на него польется благодать; а плохие ребята – в ад. Из-за вашей глупости вы даже Бога своего сделали глупым.

Нет никого, сидящего на крыше, благодать – просто природа существования. Никто ее не дает, не изливает на вас. Это не награда, дающаяся святым, потому что они оказались паиньками. Никто не преграждает ей доступ к вам, потому что вы грешники и никогда не слушались добрых советов священников, церкви, организованной религии, потому что оказались бунтарями. Никто не дает и никто не препятствует.

Благодать в самом существовании. Она просто здесь. Это часть жизни. Никто ее не дает, но она может стать вашей. Никто не мешает ей достичь вас, помешать можете только вы. Дело в вас. Дело не в том, чтобы просить и молить Бога: “Да будет милость твоя”. Дело просто в том, что если вы не создаете броню вокруг себя, благодать достигается. Может быть броня греха, может быть броня святости. Это надо понять: броня может быть золотой, броня может быть железной. Главное, что в броне вы недоступны благодати.

У хорошего человека есть “я” – конечно, очень благочестивое, святое, священное. Верующий человек – благочестивый эгоист. Он думает: “Я столько постился, столько денег отдал на благотворительность, на больных и больницы, на то и на это; я построил столько церквей и храмов, заботился о стольких бедных; и молюсь я каждый день, и никогда я не совершил ни одного греха” – гордое, закоренелое “я” – такой недоступен благодати.

Грешник тоже создает свою броню. Он думает: “Другие меня не волнуют. Я живу так, как мне нравится. Черт бы побрал это общество”. Он бунтарь, он грешит, чтобы просто утвердить свое “я” и он мог бы сказать: “Я – это я”, железное “я”. А у верующего человека “я” – золотое. Но золотое или железное – не важно.

Кого я называю “истинный мудрец”? Истинный мудрец – тот, у кого нет никакой брони, нет никакого убежища, который не защищен ничем. Истинный мудрец – тот, кто открыт существованию. Оно может течь сквозь него – открыт ветрам, открыт солнцу, открыт звездам.

Истинный мудрец – это глубокая пустота. Все проходит через него, нигде нет препятствий. Тогда каждое мгновение – благодать. Каждое мгновение – вечность. Каждое мгновение – Бог. И этот Бог не есть что-то отдельное от вас, это ваша глубочайшая сердцевина.

Вы любите меня?

Нет! никоим образом! Я вообще ничего не делаю. Если вы чувствуете мою любовь, то не потому что я люблю вас; это потому, что я есть любовь. Так что вы можете ее чувствовать, но ко мне это не относится.

Подобно тому, как распускается цветок, и аромат струится во все стороны. Цветок ничего не делает, чтобы он распространялся, цветок не прилагает ни малейшего усилия, чтобы он распространялся; не думайте, это не оттого, что вы проходили мимо, цветок послал вам аромат. Если бы никто не пришел, аромат струился бы на пустую поляну. Он не направлен; никакого усилия. Он просто есть. Когда цветет цветок, струится аромат. Когда вы достигли своей глубочайшей сердцевины, струится любовь. Любовь – это аромат.

То, что вы называете любовью, это не любовь. То, что вы называете любовью, может быть чем угодно, но только это не любовь. Это может быть секс. Может быть жажда обладать. Может быть одиночество. Может быть зависимость. Может быть жажда властвовать. Это может быть всем, чем угодно – но это не любовь.

Любовь не стремится к обладанию, Любовь никак не связана с кем-то другим; это состояние вашего существования. Любовь – это не отношение. Отношение в ней возможно, но она не отношение. Отношение может быть, но она не ограничена им. Она вне его, она больше его. Любовь – состояние существования. Когда она отношение, это не может быть любовью, потому что есть двое. А когда встречаются два “я”, неизбежен постоянный конфликт. Так что то, что вы называете любовью, – это постоянная борьба. Порою, правда, вы устаете и не боретесь, но вот вы отдохнули – и снова готовы.

Редко бывает, чтобы любовь струилась. Напротив, почти всегда это ловушка это. Вы пытаетесь управлять другим, он пытается управлять вами. Вы пытаетесь владеть другим, он пытается владеть вами. Это не любовь. Это – политика. Это – игра во власть. Отсюда столько несчастий из-за любви. Если бы это было любовью, земля должна была бы стать небесами. Что-то незаметно. На самом деле, трудно найти ад более адский, чем этот мир. Как же он стал таким адом? – от добрых намерений.

Вы говорите о любви, но всякий раз прячете в ней отраву. Говорите о любви к родине – и прячете в ней глубокую болезнь национализма, империализма. Говорите о любви к семье, а за этим – ненависть к другим семьям. Вы объединяетесь в семью, потому что трудно бороться с другими семьями в одиночку. Вы вместе, как индийцы: в одиночку трудно бороться с Пакистаном. То же самое относится к Пакистану. И к Китаю. И к Америке. И к России. То же самое относится ко всему миру.

Пока вы в таком состоянии, как сейчас, вы не можете любить. Когда вы спрашиваете меня о любви, я всегда чувствую, насколько невозможно говорить об этом: вы одно имеете в виду, а я другое. Так можно говорить веками, не приближаясь к единству, к собеседованию; потому что вы называли любовью то, что любовью не является.

Снимите этот ярлык, взгляните, что под ним; хорошенько всмотритесь, что глубоко под ним: ненависть, раздражение, зависть, ревность, самолюбие, жажда властвовать, разрушать. Нет, так я вас не люблю. Потому что для меня любовь не может быть действием: к ней нельзя прикладывать усилия, любовь нельзя сделать. Можно быть любовью, но любить нельзя. И тогда любовь приобретает необычайную красоту, тишину и молчание. И тогда любовь становится молитвой. Тогда не будет нужды идти ни в какой другой храм: состояние любви и есть храм.

Хасидские мудрецы познали сладость этой любви. Они любили весь мир. Они любили обычный мир необычайной любовью. Они жили в мире, цвели в нем. Они не пытались никуда скрыться. Были мужьями, отцами. Жили очень обычно.

Иногда приходится видеть, что люди, отказывающиеся от мира, закоренелые эгоисты. Их отказ от мира – на самом деле, неудача их любви. Их любовь постигла неудача, и из-за этой неудачи мир стал отвратителен. Но они думают, что мир на самом деле отвратителен. Они думают, что несчастливы из-за других. Муж оставляет жену и отправляется в Гималаи. Он думает, что его затруднения и несчастья из-за жены. Дело вовсе не в ней. Его затруднения и несчастья оттого, что он не находится в состоянии любви. В состоянии любви никто не сможет создавать для вас несчастья. Это невозможно.

Познавший любовь похож на исполненного благодатью – никакой зависимости от условий. Что бы ни случилось, не повлияет на состояние его существа. Его можно убить, но сделать несчастным нельзя. Можно бросить его в лагерь, но сделать несчастным нельзя. Его свобода остается полной. Его свобода остается незатронутой, незадетой.

Когда я занимаюсь медитацией по вашему методу, тело делается здоровее и сильнее, а понимание еще меньше, чем прежде. Чем больше я прыгаю и танцую, тем больше храплю. Отчего это?

В храпе нет ничего плохого; он так же свят, как и все другое. И нет ничего плохого в теле. Никогда не думайте в дуальных конструкциях: что вы отличны от своего тела, что вы – другое. Никогда не мыслите в двойственных категориях. Тело – это тоже вы, самая наружная ваша одежда. Именно телом вы касаетесь существования. Снаружи вы касаетесь Бога телом, изнутри – касаетесь того же Бога сознанием. Но снаружи или изнутри – все равно.

Так называемые религии создали разделение, раскол. Они говорят, что вы – это не ваше тело, потому что они против мира, они против тела. Я не против мира, я не против тела. Пусть тело будет красивым. Пусть тело будет здоровым. Пусть тело будет полным благодати. Потому что только в благодатном теле становится возможным благодатное сознание. Только в здоровом теле становится возможным внутреннее здоровье. Только в мирном, молчаливом, спокойном теле становится возможным спокойное сознание. Запомните: никаких разделений. Одна и та же волна выходит наружу и входит внутрь. Это подобно дыханию, выходящему наружу и входящему внутрь. Подобно миганию глаза: закрылся – открылся. Внутри – наружу. Закрылся – открылся. Вдох – выдох. Это две ваши половины, два крыла. Так что не беспокойтесь. Первое, что надо запомнить: тело свято.

Второе, что надо запомнить. Если вы чувствуете, что от медитации ваше понимание уменьшается, можно быть уверенным только в одном: то, что вы принимали за понимание, не было пониманием. Иначе бы оно увеличилось. Как оно может убывать? Как оно может уменьшаться? То, о чем вы думали как о понимании, сознании, было самосознанием, а не сознанием. Это должно было быть сознанием “я”. Теперь оно уменьшается. Хорошо. Так и должно быть. Вы стоите прямо на пути. Сознание “я” будет потеряно; только тогда возникает сознание.

Самосознание – болезненное сознание. Люди сознают свое “я”. Разница очень тонкая. Вот мы сидим здесь. Вы входите в комнату. Можно войти с пониманием; можно войти с сознанием “я”. Понимание означает, что вы идете с внутренним светом, вы двигаетесь полностью пробужденный. Каждый шаг делается осознанным – идете, подходите, садитесь – все делается в полном сознании. Это прекрасно. Так шел Будда.

Но когда вы узнаете свое “я”, нет никакого внутреннего света. Вы встревожены присутствием стольких людей: они здесь. И вы начинаете ежиться. Вы идете напряженно, с усилием: другие здесь. Что они скажут? Как они скажут? Как они отнесутся к вашему присутствию? Какое составят мнение? Вот что будет. Вы можете хорошо говорить, можете проговорить целый день; но если вас вдруг подвести к микрофону и предложить обратиться к тысячному собранию, вы вдруг начинаете заикаться и запинаться: невротическая реакция. Вы потеряли контроль. Что случилось? Вы слишком узнаете свое “я”. Вы слишком заботитесь о том, что подумают другие. Состояние “я” – болезненное состояние.

Если вы достигли понимания, вы говорите с пониманием. Понимание исходит из глубины вашего существа. Оно течет от внутреннего существа к другим. Сознание “я” течет к вам от чужих глаз. Это – боязнь других. Сознание и сознание “я” – прямо противоположны.

Так что, если медитация приносит вам чувство, что ваше понимание уменьшается, это просто значит, что вы за понимание принимаете

сознание “я”. Хорошо. Пусть будет так. Это не потеря. Это потеря болезни.

Вскоре, когда она уйдет, ваша энергия преобразится. Та же энергия освободится от сознания своего “я”. Теперь она станет доступна. Вы становитесь пробужденнее. Пробужденность – и жизнь становится благодатью. Сознание “я” – жизнь становится несчастьем. Пробужденность – и вы достигаете своего существа. Сознание “я” – вы продолжаете ждать мнений и оценки других.

“Я” всегда боится и других, потому что ему приходится зависеть от их мнений, от того, что они скажут. Если они скажут, что вы красивы, вы красивы. Если скажут, что вы хорошие и святые – вы хорошие и святые. Если говорят, что вы нехороший человек, “я” уязвлено. Оно зависит от мнения других.

Все это парадоксально – другие боятся вас, вы боитесь других. Они сознают свое “я” из-за вас, вы узнаете свое “я” из-за них. Вы способствуете болезни друг друга. В достигшем понимании нет никакого “я”.

В свете знания нет пламени свечки “я”, это просто свет безо всякого источника. Он движется, живет благодатью. Он не тревожится, что о нем скажут другие. Считают ли они его святым или грешником – ему все равно. Он знает, кто он есть: он есть.

И он знает это настолько наверняка, что ему не нужно спрашивать мнения других.

Глава 3 Сторож

12 октября 1975

В Ротице, городе, где жил раввин Нафтали, у богатых людей, чьи дома стояли отдельно или на окраине города, был обычай нанимать человека, чтобы тот присматривал за их собственностью по ночам.

Поздно вечером, когда раввин Нафтали бродил по опушке леса, он повстречал такого сторожа, прохаживавшегося взад и вперед.

“На кого ты работаешь?” – спросил раввин.

Сторож ответил ему и, в свою очередь, спросил: “А ты на кого работаешь?”

Эти слова как молния поразили цадика.

“Я еще ни на кого не работаю”, – смущенно пробормотал он.

Затем он долго прохаживался рядом со сторожем и наконец спросил:

“Не поступишь ли ко мне в услужение?”

“Охотно, но что мне надо будет делать?”

“Напоминать мне”, – сказал раввин Нафтали.

Однажды хасидского мистика Йозефа Иакова спросили: “В чем разница между раввином и цадиком?”

Раввин – обычный священник организованной религии, церкви, синагоги, храма. Цадик – восстающий Мастер, не принадлежащий ни к какой организации – только самому себе. Раввин – учитель, цадик – мастер. Учитель учит, но сам он не прошел преображения. Цадик тоже учитель, но он учит своей жизнью, самим своим существом: то, что мы в Индии называем сатгуру – просветленный Мастер – это цадик в хасидской терминологии.

Итак, Йозефа Иакова спросили: “В чем разница между раввином и цадиком?” Мастер ответил: “Цадик помнит, раввин – знает”.

Раввин многое знает, но сам он не помнит. Он потерялся в своем знании. Он может быть великим ученым, может быть большим специалистом во всем, что касается священных текстов. Но цадик помнит! Может быть, он многого и не знает, а может быть, и знает, – но это не важно. Он помнит, он помнит себя. И в этой памяти и состоит вся разница. Спрашивающему трудно было понять, и он попросил: “Объясните, пожалуйста, подробнее”. И хасид рассказал ему притчу.

Рассказывают, что однажды случилось так: принц своим дурным поведением разгневал отца. И уж так принц повел себя неделикатно, так не по-царски, что отцу пришлось изгнать его из королевства.

Но отец думал, что принц раскается, попросит прощения и вернется обратно. А принц просто исчез. Он не пытался искать связи с отцом. Можно было подумать, что он только того и ждал, как бы сбежать из царства, как бы сбежать из дворца и от отца. Он бродил поблизости от царства, связался с компанией пьяниц, картежников и проституток – худшим сбродом, какой только можно найти. Он стал одним из них. Но не только – постепенно он стал их вожакom. Конечно: он ведь все-таки принц, так уж ему на роду написано.

Прошло много лет. Отец все старел и старел, и все тревожился о благополучии своего единственного сына. Видя приближающуюся смерть, он послал одного из самых умных своих министров вернуть сына обратно.

Министр отправился в роскошной золотой карете, с множеством слуг – чуть не полк отправился за ним. На некотором расстоянии от лагеря оборванцев была раскинута величественная золотая палатка. Министр послал гонца к принцу, сам же не стал себя утруждать. Он остался вне лагеря: войти в него было ниже его достоинства. Нищий лагерь; немислимо было ему войти в эту грязную дыру, в которой жил принц и все эти падшие люди. Министр пытался найти контакт с принцем, но общение было невозможно: расстояние уж слишком велико. Так ничего у него не получилось, и он вернулся обратно.

Тогда послали другого, более мужественного. Он был отважен, он понял причину неудачи первого посланца: первый министр не мог общаться. И он поступил по-другому; он отправился одетый, как простолудин, и без всяких слуг. Он просто пошел и смешался с этой

компанией. Он стал у них своим; и постепенно, мало по малу, ему самому полюбили их свобода. Во дворце было как в тюрьме: никакой свободы. А здесь каждый был абсолютно свободен. Никто никому не мешал, каждый был предоставлен сам себе. Конечно, это были пьяницы, но они были милые люди. Конечно, это были картежники, но они были милые ребята.

Второй министр тоже не выполнил поручения: он сам больше уже не вернулся во дворец дать отчет царю. Царь очень обеспокоился. Казалось – делать нечего. Он обратился с просьбой к третьему министру, не только мужественному, но и мудрому. Это была последняя попытка. Третий министр попросил трехмесячный отпуск, чтобы подготовиться. Только тогда, не раньше, он сможет отправиться в путь. Царь спросил: “К чему ты собираешься готовиться?” Он ответил: “К тому, чтобы помнить себя”. И ему был дан трехмесячный отпуск. Он отправился к цадику, к Мастеру, чтобы достигнуть большей полноты сознания. Вести себя, как первый министр, было абсолютно бессмысленно: общение было невозможно. Второй поступил лучше, но тоже потерпел неудачу: не сумел помнить себя. Поэтому он сказал Мастеру: “Помоги мне, чтобы я мог помнить себя и помнить, что я пришел из дворца, чтобы выполнить очень важное поручение”. Три месяца прошли в медитации, методе самовспоминания, в том, что Будда называл полнотой сознания. Затем он отправился.

Он повел себя так же, как второй. Оделся простолудином, в простую одежду, – и не просто простым человеком, – он отправился к ним пьяницей. Но он только делал вид: на самом деле он не был пьяницей. И он жил со всей этой честной компанией: делая вид, что он пьяница, делая вид, что он картежник, и даже делая вид, что влюбился в проститутку. Но все это была одна видимость: на самом деле, он действовал. И постоянно, как подводное течение, он спрашивал себя: “Кто я? Зачем я пришел сюда? Для чего?” Он наблюдал себя. Он был наблюдатель. И, конечно же, он добился, чего хотел.

И хасидский мистик добавил спрашивавшему: “Он был цадик”.

Первый – раввин, учитель. Вы тонете в реке, а он стоит на берегу и подает вам разумные советы; но он никогда не прыгнет в реку, чтобы спасти вас. Он и себя-то не может спасти. Он боится погрузиться в реку. Он не владеет искусством плавания, искусством самовспоминания. У него нет мужества. Он цепляется за берег, за удаленное место, безопасное, он там, где он уверен в своей безопасности, в своей спасенности. Говорит он прекрасно, он все может рассказать вам о плавании; но он не может броситься и спасти вас. Он сам не умеет плавать. Он – раввин, учитель.

Таких учителей можно найти везде. Они стоят столько же, сколько их советы. Их советы заимствованы, они не пришли к ним через их собственный опыт. Это не знание – это знания. Они не прошли через это, это не преобразило их. Это не их; оно не возникло из их сознания.

Их существо не кристаллизовано. Ум их полон знания, а сердце совершенно пусто.

Второй был мужественен, но мужества у него было больше, чем мудрости. Он сам утонул. И вы учтите: когда вы прыгаете в воду, чтобы кого-то спасти, первое, что для этого нужно, – самому уметь плавать.

Был со мной такой случай. Сидел я на берегу реки. Вижу – человек тонет; я вскочил, побежал к воде, но прежде, чем добежал до самой кромки, увидел, как другой человек, тоже стоявший на берегу, прыгнул в воду. Так что я воздержался. Я уже почти было прыгнул, но воздержался. Ведь кто-то уже опередил меня. Но тут я вижу, что тот, кто прыгнул, начинает тоже тонуть. Он доставил мне лишних хлопот – мне пришлось вытаскивать обоих. И вот я спросил этого второго: “Что случилось? Почему ты прыгнул?” Тот ответил: “Я совершенно забыл! Тонул человек. Это так меня взволновало, мне так захотелось его спасти, что я совершенно забыл, что не умею плавать”.

Можно забыть. В самый ответственный миг можно оказаться как бы под гипнозом. Второй был мужественен, но недостаточно мудр. Встречаются и такие учителя. Поэтому пусть вас особо не впечатляет мужество, потому что только оно одно спасти не может.

Реакция автоматична, она встроена в вас. Вам улыбаются – вы улыбаетесь. Кто-то зол – и вы злитесь. Все создают другие. Вы только реагируете. Ответ же сознателен. Пусть злятся, сколько им угодно; а вы уж сами решите, злиться вам или нет.

Будда как-то проходил одной деревней. Собралось несколько человек его противников и принялись горячо и злобно его оскорблять. Он слушал молча, очень спокойно. И из-за этого спокойствия им стало как-то не по себе. В них возникло неловкое чувство: они оскорбляют человека, а он слушает их, как музыку; тут что-то не так. Что происходит? Они начали переглядываться. Один из них обратился к Будде: “В чем дело? Ты что, не понимаешь, что мы говорим?” “Именно при понимании возможно такое глубокое молчание, – ответил Будда. – Приди вы ко мне десять лет назад, я бы бросился на вас. Тогда не было понимания. Теперь я понимаю. И из-за вашей глупости я не могу наказывать себя. Ваше дело решать, оскорблять меня или нет, но принимать ваши оскорбления или нет, – в этом моя свобода. Вы не можете мне их навязать. Я от них просто отказываюсь; они того не стоят. Можете забрать их себе. Я отказываюсь принимать их”.

Люди были ошеломлены. Они не могли понять, в чем дело, они сказали: “Пожалуйста, объясни нам”.

Будда отвечал: “Садитесь и слушайте меня. В той деревне, что я проходил перед вашей, люди пришли ко мне с гирляндами цветов и сладостями. Но я был сыт и сказал им: +Я не смогу ничего съесть. Прошу вас, заберите ваши дары и раздайте их другим; это мой дар людям вашей деревни+. Как, по-вашему, что они сделали?” “Должно быть, они вернулись в деревню и раздали сладости”, – ответил кто-то.

“Теперь рассудите, что же мне делать, – продолжал Будда. – Вы пришли ко мне с оскорблениями, а они мне не нужны; я сыт и не собираюсь принимать их. Что же вам теперь делать? Бедные вы, несчастные. Придется вам пойти и раздать их в деревне”.

Будда отвечает. Вы реагируете. Он просто смеется. А то, что он сказал – прекрасно. Он сказал: “Из-за вашей глупости я не могу наказывать себя. Можете оставаться со своей глупостью; в этом вы свободны. Но почему я должен сам себя наказывать? Приняв хоть одно из ваших оскорблений, я начинаю сам себя наказывать”.

Когда вы разгневаны, вы наказываете себя по чужой вине. Реакция неосознанна. Ответ – явление полное пробужденности. Но вам не удастся просто перейти от реакции к ответу. Это зависит не от вашего решения. Между тем и другим необходима память о себе, необходимо понимание, осознанность. Иначе прежде, чем вы успели сообразить, вы уже среагировали. Кто-то оскорбил вас – и, еще не отдавая себе отчета, вы рассердились. Злость уже вошла в вас. Тут дело очень тонкое. Нужно глубокое осознание. Нужна память.

Будда часто учил своих учеников ходить, но ходить в полном сознании. Идя, знайте, что вы идете. Это не значит, что вам предлагают все вербализировать и повторять про себя: “Вот, я иду”. Если вы повторяете, вы не сознаете. Нужно всего лишь чувство осознания. Идете с сознанием. Ешьте с сознанием. Дышите с сознанием. Дыхание входит; пусть это отразится во всем вашем существе: дыхание входит. Дыхание выходит: пусть это отразится во всем вашем существе: дыхание выходит. И вы почувствуете, как глубокое молчание опускается на вас. Если вы наблюдаете дыхание, входящее внутрь и выходящее наружу – это глубочайшая из всех мантр.

Нет нужды повторять: Аум, Аум... Рама, Рама... потому что постоянно идет великая естественная мантра – вдох-выдох. Нет нужды создавать искусственную мантру. Наблюдайте свое дыхание. И от этого наблюдения происходит великая перемена. Если вы идете и наблюдаете свою прогулку, вы увидите: прогулка есть, а гуляющий исчезает. Ешьте: поедание есть, едока нет.

Это – это не что иное, как сгусток непонимания. Когда вы приходите к пониманию, то постепенно этот сгусток непонимания, который мы называем эго, исчезает. Как если бы вы внесли лампу в комнату: темнота исчезает. Понимание – это лампа, о которой мы говорили в первый день. Будьте сами своей лампой.

В свете кого-то другого вы на несколько мгновений можете почувствовать себя счастливым, живым; но вот приходит время расставания, потому что ничей путь не может быть вашим путем. Зажгите свое пламя. Осветите свое существо. В этом свете первое, что исчезает, – это эго, потому что эго есть не что иное – запомните это – как залежи, толщи неведения.

Наблюдайте. Гуляете. Принимаете пищу. Ложитесь спать. Закрываете глаза. Засыпаете. Продолжайте наблюдать. Одно только наблюдение –

и все беспокойство, суетливость исчезают; вы чувствуете, как спокойствие окружает вас – покой, молчание. Качество этой тишины очень отлично от обычной тишины.

Например, сегодня утром: молчат деревья, ни ветерка; птицы молчат, отдыхают; покой. Но это – покой, а не молчание. Молчание внутри; покой снаружи. Покой зависит от внешних условий, молчание необусловлено. Так что не принимайте покой за молчание. Бели вы примете покой за молчание – а так делают миллионы... Отправляются в Гималаи, чтобы достичь молчания. Они могут найти покой, но не молчание. Гималаи совершенно спокойны; но как только вы вернетесь обратно в мир, вы увидите, что покой исчез. Молчание – то, на что можно положиться. Оно в вас. Покой – то, что зависит от условий, которые не зависят от вас. Нельзя овладеть покоем – но это и не нужно. Если вы узнали молчание, молчание заполнит все пространство, где бы вы ни оказались. Теперь вы знаете его внутреннюю тайну.

Покой можно создать технологически; молчание – никогда. Полный покой можно создать в специальной звуконепропускаемой камере. Там спокойнее, чем в Гималаях; но такой покой мало чему поможет. Вы насытитесь им по горло, вам захочется выйти, вы почувствуете большое беспокойство.

Джон Кейдж в своей книге “Молчание” рассказывает, что в Гарвардском университете есть абсолютно звуконепропускаемая комната для некоторых научных экспериментов. Кейдж был там; это самая большая звуконепропускаемая комната в мире. Там полный покой. Но Кейдж вдруг услышал там два шума. Он встревожился: ведь место абсолютно звуконепропускаемо. Он спросил лаборанта, в чем дело. Тот рассмеялся и сказал: “Эти два звука в вас самом. Один шум – это шорох ваших мыслей, работа нервной системы. Другой – шорох крови, омывающей все тело, – кровообращения”. “Но раньше я никогда не слышал этих звуков”, – сказал Кейдж. Лаборант ответил: “Вы никогда этого не слышали, потому что всегда так много звуков снаружи. Теперь все совершенно спокойно. Никаких звуков вовсе. Вот почему вы слышите, как работает ваш механизм: постоянно работает мозг, постоянно работают миллионы нервов, непрерывным потоком струится кровь”. И Кейдж сказал: “Покоя недостаточно. Нужно молчание”.

Даже в самой спокойной комнате остается ваша внутренняя суетолака. Вы услышите свои же мысли, услышите работу биения своего сердца. Молчание – то, что вне всего этого, оно необусловлено. Оно приходит только тогда, когда вы помните. Если вы можете помнить о себе, делая тысячи самых обычных вещей: копая в саду, поливая растения, с кем-то говоря, кого-то слушая... Просто продолжая наблюдать. В вас должно отражаться все, что происходит.

Только учтите: не надо вербализировать, так как, вербализуя, вы упускаете красоту. Не говорите себе: “Я гуляю. Вот шагнула левая нога. Вот шагнула правая нога. Вот дыхание пошло внутрь, вот выходит

наружу”. Если вы начнете вербализировать, вы снова заполнитесь своим собственным шумом. Просто наблюдайте, как входит дыхание, не думайте об этом. Смотрите, почувствуйте это. Устремитесь вместе с ним внутрь. Вот дыхание на мгновение остановилось. Оставайтесь на это мгновение в тихом молчании: ничто не движется. Недвижность. В этом состоянии неподвижности вы ближе к Богу, чем когда бы то ни было. Затем дыхание начинает выходить. Выходит. И снова, выйдя наружу, на единое мгновение дыхание останавливается. Тогда наблюдайте. В этой остановке вы опять ближе всего к Богу. Создайте ритм. Тогда не нужно никакой другой медитации. Одно это воспоминание приведет вас к вашему собственному сокровищу.

Обычно мы живем во сне. Все мы – соннамбулы. Ходим, занимаемся делами – все во сне. Как-нибудь заметьте, как вы ворочаетесь во сне, и вы поймете, что это значит. Вот вы просто идете по дороге, а в ваш ум входят тысячи мыслей. Вы идете, как робот, не понимая, куда вы идете, что вы делаете, зачем идете, что происходит с телом, мимо каких деревьев вы проходите, не сознавая, что дует ветер. Нет, вы ничего не чувствуете. Цветок посылает вам свой аромат; он вас не достигает. Мир прекрасен; вы не понимаете. Вы потерялись в своих мыслях, но все равно двигаетесь.

Лягните себя. Проснитесь, поймите хоть на мгновение. Осознайте всю ситуацию – и внезапно вы увидите разницу между обычной сонной жизнью и жизнью Будды. На одно мгновение вы стали Буддой. Когда вы понимаете, вы на мгновение стали Буддой. Все достоинства Будды приходят к вам. И от этого прикосновения в вас возникает глубокое желание достигнуть этого как вечного состояния вашего существа. Добивайтесь все большего и большего понимания, пользуйтесь каждой ситуацией. Совсем не надо уходить из мира, уходить вовне. Там, где вы есть, – пользуйтесь любой ситуацией, чтобы пробудить себя. А использовать можно каждую ситуацию. Вот почему хасиды не против мира, они не очень жалуют отречение, они не оставляют мира. Но, живя в миру, как все, они используют каждую ситуацию, чтобы сделать себя все более и более пробужденными. Используйте все ситуации, потому что каждая ситуация может быть использована.

А теперь послушайте эту прекрасную историю.

В Ропице, городе, где жил раввин Нафтали, у богатых людей, чьи дома стояли отдельно или на окраине города, был обычай нанимать человека, чтобы тот присматривал за их собственностью по ночам.

Поздно вечером, когда раввин Нафтали бродил по опушке леса, он повстречал такого сторожа, прохаживавшегося взад и вперед.

“На кого ты работаешь?” – спросил раввин.

Простой вопрос, но простой вопрос может оказаться очень глубоким. Простая ситуация, но простую ситуацию можно использовать, чтобы

пробудить себя. Мирское также и священо, обычно также и необычно. В материи спрятано нематериальное. Дело только в том, чтобы знать секрет: как им пользоваться.

Он спросил, на кого тот работает. Простой вопрос. Формальный вопрос. Но он стал озарением. Каждое мгновение может стать дверью.

Сторож ответил ему и, в свою очередь, спросил: “А ты на кого работаешь?”

Так как раввин тоже гулял по той же дороге, то сторож, должно быть, подумал, что он тоже сторожит у кого-то.

“А ты на кого работаешь?”

Снова простой вопрос. Но иногда, когда вы в нужном настроении, созвучны, самые обычные вещи становятся вестниками божественного.

Эти слова, как молния, поразили цадика.

“Я еще ни на кого не работаю”, – смущенно пробормотал он.

Конечно, он – человек пробужденный. Иначе бы он ответил: “Я работаю на Бога”. Раввин, обычный учитель, так бы и сказал, равно ничего не имея в виду. Этот раввин – искренний, правдивый человек.

Вопрос стал очень важен: “А ты на кого работаешь?” – “Я еще ни на кого не работаю”, – смущенно только и мог выговорить он.

Как можно сказать, что работаешь на Бога? Он не работает ни на какого другого богача. Он человек Божий, священник, раввин – но не обычный священник: он пробужден.

“Я еще ни на кого не работаю”.

Очень трудно это сказать; а еще труднее сказать раввину: обычно священник думает, что работает на Бога, не понимая, что он такое говорит, что он утверждает. Обычно священники не колеблются. Помните – колеблется только очень искренний человек. Глупцы, лицемеры, ограниченные люди все очень уверены, они не колеблются. Их ничем не собьешь, они всегда абсолютно уверены.

Только очень интеллигентные сомневаются, а интеллигентностью я называю не интеллект; интеллигентностью я называю понимание. Я говорю не о тренированном интеллекте. Интеллигентностью я называю сияние понимания. Интеллигент всегда колеблется, потому что жизнь – это такая тайна! Как можно быть в чем-то уверенным!

“Когда остальные абсолютно уверены, я единственный сомневающийся”, – говорит Лао-цзы. Абсолютно просветленный Лао-цзы говорит: “В то время как остальные здравы, я выгляжу

сумасшедшим”. Он говорит: “Я иду, но колеблюсь, как пробирающийся в зимнюю вьюгу. Я иду, но со страхом, как окруженный врагами. А другие – их это совершенно не беспокоит. Вид у них абсолютно уверенный”. Неуверенность – качество весьма деликатного ума. Он не может, даже в простой, не значащей ничего беседе, сказать ничего, что было бы подлинной правдой. Как может человек, еще не узнавший Бога, сказать: “Я работаю на Него”? Это профанация. Это святотатство.

“Я еще ни на кого не работаю”.

Нафтали говорит вот что: “Я больше не работаю ни на кого в этом мире. Цели этого мира оставлены, цели другого мира еще не ясны. Я в переходном состоянии. Здесь – ничто не кажется важным, а там – мои глаза еще закрыты”. Он говорит: “Я не служу никаким амбициям этого мира. А другой мир – он еще далеко. Я на пути. Я оставил старое и еще не вступил в новое. Я на середине моста. Старый берег навсегда скрылся из вида, а новый берег прячется в тумане. Я еще ни на кого не работаю”.

В жизни каждого медитирующего наступает миг, когда мир становится бессмысленным, а Бог еще не исполнен смыслом. Это важнейший и самый опасный рубеж: ум хочет отпрянуть назад – там хоть что-то было важно, было какое-то занятие. Теперь старое занятие ушло, а новое... что-то не похоже, чтобы оно появилось. Человек оказывается в преддверии, он повисает посередине. Тут-то и нужно терпение, бесконечное терпение.

Тут-то и может быть полезен Мастер: убедить не отступить – потому что ум склонен к этому. Будет тысяча искушений к тому, чтобы отступить: ведь какой чепухой вы занимаетесь? Прежнюю жизнь вы оставили, но в ней, по крайней мере, был какой-то смысл. Если не смысл, то, по меньшей мере, какое-то занятие, дело, которое нужно было делать. По крайней мере, не чувствовалось пустоты. Может быть, это не относилось к вечности и не слишком было осмыслено; может быть, это было преходящим, сиюминутным, мимолетным, но в этом, по крайней мере, был какой-то смысл, какое-то содержание. Теперь и этого нет. А входа в вечность так нигде и не видно.

Эта брешь совершенно необходима. Пока ум не придет в состояние, в котором нет мыслей о прошлом, новое прийти не может. Искушение прошлым показывает большую связанность с ним. Когда уходит и это искушение и вы остаетесь в вакууме, где вы никуда не торопитесь, не спешите, тогда вы позволяете пустоте укорениться. Внезапно входит вечность. Вы стали храмом.

Здесь сидят многие, которые долго медитировали и пришли к такому состоянию. И их ум говорил им: “Вернись домой. Беги от этого человека. Ты ничего не достиг. Напротив, ты многое потерял. Прежнее твое самоотождествление ушло, прежнее твое имя ушло, старый образ – его нигде больше не найти. А новый? – новый еще не пришел. А придет

ли когда-нибудь?” Ум испуган, боится. “Придет это или нет? Или ты дошел до конца и уперся в тупик?” Это приходит только тогда, когда вы укоренились в вакууме. Целое приходит только тогда, когда вы укоренились в пустоте. Потому что для того, чтобы снизошло новое, нужна абсолютная пустота. Малейшая привязанность, малейшее сожаление о прошлом – это преграда.

“Я еще ни на кого не работаю”, – смущенно пробормотал он.

Действительно искренний человек.

Затем он долго прохаживался рядом со сторожем...

Чем он был занят? – должно быть, погрузился в глубокое размышление. Что же случилось? Этот человек, простой сторож, может, по меньшей мере, сказать, что он на кого-то работает. Нафтали говорит: “Я верующий человек, священник, раввин, и не могу сказать даже этого. У этого сторожа есть занятие, дело, что-то важное. Может быть, не такое уж важное, но он считает, что делает важное дело. Я, религиозный человек, могу только сказать, что еще ни на кого не работаю”.

Затем он долго прохаживался рядом со сторожем и наконец спросил: “Не поступишь ли ко мне в услужение?”

“Охотно, но что мне надо будет делать?”

“Напоминать мне”, – сказал раввин Нафтали.

“Напоминать мне”

– что мир оставлен, а Бог еще не достигнут.

“Напоминать мне”

– что материальное исчезло, а нематериальное еще не материализовалось.

“Напоминать мне”

– что известное потеряло смысл, а неизвестное еще далеко.

“Напоминать мне”

– что я не должен этого забывать. Будить меня снова и снова, чтобы я постоянно помнил об этом, чтобы не засыпал.

Прекрасная история, с большим смыслом; она может стать частью ваших внутренних сокровищ. Пусть она станет им, потому что во

многих ситуациях вы нуждаетесь в напоминании. Вы засыпаете снова и снова. Это естественно: сон – путь наименьшего сопротивления. Спать очень удобно; неудобно просыпаться. А во сне могут быть прекрасные интермедии. Порою в глубоком сне могут сниться прекрасные сны, а когда вы просыпаетесь, все сны исчезают, и приходится встретить обнаженную реальность лицом к лицу. А вы можете творить прекрасные сны.

Это – то, что мы делаем в этом мире: создаем прекрасные здания, сон в мраморе. Но все же это сон. Рано или поздно его приходится оставить. Никакое здание не может быть здесь домом. Все здания приходится оставлять, – в лучшем случае, это уют для ночлега. Утром нам приходится уходить; так что – не слишком привязывайтесь. Мир, в лучшем случае, – это сарая, дхармасала, место для ночного отдыха. Утром мы уходим. Не цепляйтесь, не привязывайтесь к нему. Не думайте, что сон – это реальность. Пусть снова и снова вам будут напоминать, что это сон. Все искушает нас думать, что это реальность: когда сон прекрасен, кому охота думать, что это сон? Конечно, когда сон становится кошмаром, вы начинаете думать, что это, должно быть, сон. Вот почему сильная боль и страдание иногда пробуждают духовность.

Умерла ваша жена, а вы любили, очень любили ее. Теперь вы остались один. Умерла не только ваша любимая, что-то в вас умерло вместе с ней: она была частью вас самих. Ваши существа насколько проникли друг в друга, один стал частью другого. Теперь она мертва. Это не смерть кого-то снаружи, умерла часть вашего сердца. Стольких биений уже не будет, вы никогда больше не будете таким живым. Может быть, этот шок станет толчком к пробуждению.

Так что несчастье – не всегда несчастье; иногда оно оказывается даром свыше, великим даром. А то, что вы считаете даром, может оказаться просто наркотиком, может оказаться просто дурманом. Прекрасные сны – это дурман. Они помогают вам спать. Вы называете их транквилизаторами. Несчастье не всегда несчастье. Дуккха, страдание, агония может стать дверью к экстазу. С вашего разрешения, я бы сказал так: благословенны те, кто достаточно несчастны, чтобы познать страдание, потому что они могут пробудиться.

Используйте свое страдание, сделайте его силой, ведущей к пробуждению, потому что когда вам удобно, вы намерены спать дальше. Когда вам неудобно, больше возможность к пробуждению. Постоянно помните, что мир, в котором вы находитесь, – нечто мгновенное. Это капля росы на кончике травинки. В любой миг: дуновение ветерка – и капля падает и исчезает навсегда. Мир – это капля росы на кончике травинки. Так говорит Махавира: “Капля росы на кончике травинки”. В любой миг... она уже падает, вы уже умираете. Это не то, что случится однажды, в будущем: придет день – и вы умрете. Не пытайтесь себя обмануть. Вы умираете со дня появления на свет. Первое дыхание уже окружено смертью. Вы умираете постоянно.

На то, чтобы умереть полностью, понадобится семьдесят, восемьдесят, сто лет, но умираете вы каждое мгновение. Капля скатывается, и в каждый миг она может исчезнуть.

Несколько дней назад мне пришлось говорить со святой женщиной, Сахаджо. Она сказала: “Джагат тарайя бхор ки” – мир подобен последней утренней звезде. Смотрите не отрываясь. Мгновением раньше она была еще здесь, а в следующее мгновение ее уже нет. Последняя утренняя звезда: исчезает... исчезает... постоянно исчезает.

Помните, что мир – это сон. Что такое сон? Сон – это то, что есть, но чего не останется навсегда. Сон – это то, чего не было раньше и не будет впредь. Между двумя несуществованиями – доля мгновения, кажущаяся реальной.

“Существование между двумя несуществованиями” – вот определение сна.

А что же такое реальность? – существование, существование, существование. Настоящее, прошедшее, будущее – существование. Сон: несуществование в прошлом, несуществование в будущем, лишь в настоящем, существование.

Как существование может быть между двумя несуществованиями? – невозможно. Вы в заблуждении. Вы, наверное, спроецировали это, это, должно быть, проекция, исполнение желаний. Этого нет, экран пуст. Весь фильм в вас самом, проектор спрятан за вашим сознанием, и проекция продолжается. Вы живете во снах, а для снов нужен сон. Вот почему говорю вам: “Вы крепко спите; я слышу, как вы похрапываете”.

Говоря о сне, я имею в виду метафизический, а не обычный сон, который приходит к вам по ночам. Это сон с закрытыми глазами, а днем вы спите с открытыми глазами. Только глаза: открываются и закрываются – это единственная разница между вашим днем и вашей ночью.

Не замечали ли вы, что ночью вы полностью забываете о своем дне? А от сна утром что-то остается. Ночью же вы совершенно не связаны с вашей дневной жизнью.

Что это значит? Это значит, что во сне жизни даже немного больше. Вы можете вспомнить. Просыпаясь поутру, вы какие-то секунды помните свой ночной сон. Его реальность глубоко входит в вас.

Но ночью, когда вы спите, вы ни на секунду не вспоминаете свою дневную жизнь: кто вы? – президент, премьер-министр, нищий или никто. Ничего не помните. Даже имя забыто. Женаты вы или нет? Отец вы или нет? Все забыто. Богаты вы, бедны – все забыто.

Чжуан-цзы рассказывает, что однажды ему снилось, что он стал бабочкой. Поутру он был ошеломлен, в его сердце возникло подозрение: если Чжуан-цзы ночью во сне может стать бабочкой, то может быть и все наоборот. Может быть, это спит бабочка и ей сейчас во сне снится, что она стала Чжуан-цзы. Если Чжуан-цзы может во сне стать бабочкой, почему бабочка в своем сне не может стать Чжуан-цзы?

Все сны; Чжуан-цзы ли снится, что он бабочка, бабочке ли снится, что она Чжуан-цзы, – все это сны.

Все это сон; становление само по себе – сон. Когда вы просыпаетесь, вы начинаете быть; становящееся исчезает. Тогда вы не становитесь ничем. Ни Чжуан-цзы не становится бабочкой, ни бабочка не становится Чжуан-цзы.

Когда вы начинаете быть, вы вдруг понимаете, что нет ни Чжуан-цзы, ни бабочки. Есть только Бог – и Его тоже нет. Он – вне.

Затем он долго прохаживался рядом со сторожем и наконец спросил: “Не поступишь ли ко мне в услужение?”

“Охотно, но что мне надо будет делать?”

“Напомять мне”, – сказал равнин Нафтали.

Трудно вам будет найти человека, который бы постоянно напоминал вам. Но история символична, это притча. Вы можете заставить свой ум служить вам напоминанием. Ум может стать сторожем. Как раз вчера задавался вопрос: можно ли использовать ум для духовного пробуждения? Да. Его нужно использовать. Его можно использовать – и его должно использовать. Ум нужно сделать слугой, чтобы он напоминал вам. Обычно ум становится хозяином, а вы становитесь слугой. Когда ум стал хозяином, а вы – слугой, это состояние сна. Если ум стал слугой, а вы стали хозяином, – вы на пути к пробуждению. Тогда ум напоминает вам.

Что такое медитация? Медитация – это усилие использовать ум, чтобы он напоминал вам. Медитация – тоже функция ума, но отношения совсем другие. Вы хозяин; ум становится слугой. Пользуйтесь умом как слугой – и это прекрасно. Позвольте ему стать хозяином – и все становится уродливо. Человек мирской живет в уродливом состоянии. Ум – хозяин, а он сам – его слуга.

Саньясин, человек другого мира, переворачивает ситуацию. Все то же самое, но порядок изменился. Теперь ум – его слуга, а он сам становится хозяином. Тогда он пользуется умом, чтобы тот напоминал ему. И приходит миг, когда не нужно больше напоминать. Тогда понимание становится естественным, струящимся явлением. Тогда можно освободить ум, ум может уйти.

Итак, три состояния: ум – хозяин; в этом состоянии девяносто девять процентов людей. Ум – слуга; это очень редко, таких мало – ищущих, тех, кто на пути. И наконец: ум бездействует, устранен, пробуждение стало естественным – это состояние Будды.

Пользуйтесь умом как слугой и постоянно помните, что придет день, когда ум уйдет. Когда ум полностью уйдет, мир исчезает. Только тогда.

Когда ум полностью отставлен в сторону, мир исчезает. Тогда уже нет возврата в мир. Это то, что индусы называют “Остановить цикл рождения и смерти”. Когда человек абсолютно пробужден, тогда осознание не имеет рождения и не имеет смерти, это вечность.

Используйте ум. Обопритесь на ум. Пусть он будет краеугольным камнем, изменить нужно лишь порядок.

Я расскажу вам одну историю. Случилось однажды, что ищущий встретил человека на пути, сказавшего: “В пещерах есть скрытый колодец. Пойди туда и задай вопрос. Если ты спрашиваешь искренне, колодец ответит. Это чудо известно лишь великим адептам. Человек стал искать, найти колодец было трудно, но он нашел его. Наклонившись вниз к колодцу, он спросил: “Что есть жизнь?” Ответа не было. Было лишь эхо. Он повторил свой вопрос, и колодец повторил: “Что есть жизнь”. Но человек был искренен, и он продолжал. Говорят, что он спрашивал три дня и три ночи подряд вновь и вновь: “Что есть жизнь?” И колодец лишь отвечал его голосом. Но он не устал – он продолжал.

Если вы будете с умом много, много дней, лет, ум не даст вам ключ; он просто отзовется вам эхом. Но искренне ищущий будет продолжать; он не устал. Говорится, что через три дня колодец понял, что человек искренен и не собирается уходить. И колодец сказал: “Хорошо, я скажу тебе, что такое жизнь. Пойди в соседний город, зайди в первые три магазина, вернись обратно и расскажи”. Человек удивился, потому что что это был за ответ? Но, поскольку колодец говорит, надо так и делать. Он пошел в город и зашел в первые три магазина, но он удивился еще больше. Там ничего не было. В первом магазине было несколько людей, работавших с металлическими изделиями. Он зашел в другой магазин: там были другие люди, готовившие какие-то струны. В третьем была мастерская плотника, и люди работали там с деревом. Он сказал себе: “Это жизнь?” Он вернулся обратно к колодцу и сказал: “Что ты имеешь в виду? Я был там, зашел, могу рассказать о том, что я видел там, но я не вижу в этом смысла”.

Колодец сказал: “Теперь я показал тебе путь. Путешествуй по нему, и однажды ты поймешь смысл. Я показал путь, теперь иди по нему”. Ищущий очень разозлился и сказал: “Это был обман! Что я получил, спрашивая этот колодец три дня подряд? Что я получил, раскрыв свое сердце перед колодцем? Это был обман, я ничего не получил”. И, огорченный, он ушел. После многих лет странствий однажды он пришел в сад. Была лунная ночь, ночь полнолуния. И кто-то играл на ситаре. Он был воодушевлен, магия сработала. Как будто притянутый магнитом, он вошел в сад. Он не спросил приглашения, он подошел к игравшему, который был в глубокой медитации, играя на ситаре. Он сел там и слушал. В лунном свете он посмотрел на человека, на инструмент. Он никогда не видел этого инструмента раньше. Внезапно человек понял, что те плотники трудились над чем-то похожим. Они делали ситары. И те, возившиеся с деталями из металла – это были части ситара, как и струны, как и деревянные части...

И вдруг как будто облака исчезли, произошел прорыв.

Человек вскочил и начал танцевать. Музыкант очнулся, прервал игру. Но никто теперь не мог остановить танца ищущего. “В чем дело? –

спросил музыкант. – Что с тобой случилось?” “Я понял, – ответил тот. – В жизни есть все. Нужно только новое сочетание. Я заходил в три лавки. Там было все, но там не было ситара. Все было отдельно. Нужен был порядок – все было в хаосе. И так везде; все, что нужно, – есть. Нужен только синтез, только единство. И тогда из этого струится такая дивная музыка. В жизни есть все – теперь я понял. Нужна только новая гармония”.

У вас есть все, что вам нужно. Бог никого не посылает нищим в этот мир. Каждый рождается императором, но живет, как нищий, не зная как соединить все в гармонию.

Ум должен стать слугой, сознание должно стать хозяином – и тогда инструмент готов, и тогда польется дивная музыка.

И приходит миг, когда не нужно никакого инструмента. Сказано: когда музыкант достигает совершенства, он отбрасывает ситар – он больше не нужен; внутренняя музыка вошла внутрь. Наружный ситар помогает проникнуть внутрь. Когда стрелок совершенен, он отбрасывает лук. Он больше не нужен. Когда есть совершенство, оно становится необусловленным.

Прежде сделайте из своей жизни ситар, и тогда сумеете полностью устранить ум. Тогда вы вышли за круг рождений и смертей. Это и есть Бог.

Об этом и говорит эта замечательная история:

“*Напоминать мне*” – чтобы я не упал; снова и снова не стал жертвой по старому образцу: ум – хозяин, а я сам – слуга.

“*Напоминать мне*” – что хозяин – я.

Глава 4 Вопросы и ответы

14 октября 1975

Почему все, что вы говорите, кажется таким знакомым? Я слышал это раньше в разных контекстах, но в то же время это звучит как восхитительное откровение.

Таково свойство истины: она не старая и не новая – или, скорее, она и то и другое. Истина вечна. На самом деле, вы слышали это миллионы раз, в миллионах контекстов. Быть может, вы не поняли, но вы слышали. Вы несете с собой память. Вы не впервые на этой земле. Во времена Будды, во времена Иисуса, во времена Кришны – конечно же, вы слышали, но вы не поняли этого. Вот почему вы снова здесь.

В день, когда вы поймете, вы исчезнете. Понимание – великая смерть, смерть для этого мира вымышленного, мира снов, мира иллюзии. Вы правы. У вас верное чувство: вы слышали это раньше. Это звучит знакомо, и все же это многое открывает. Это звучит знакомо, потому

что это знакомо. И все же это открывает новые измерения, потому что новое понимание озаряет вас.

Истина не стара и не нова, потому что она не принадлежит времени. Все, что принадлежит времени, обречено быть новым и старым. То, что ново сегодня, станет старым завтра. То, что старо сегодня, было новым вчера.

Новое и старое – две стороны времени. Истина вне времени – она вневременна. Она всегда здесь – старая, как мир, и новая, как это мгновение. Если вы поймете, знакомое несет глубокие тайны, спрятанные в нем.

Так что пусть она вас не обманывает. Может быть, вы слышали слова, но вы не поняли истину. Иисус говорит: “Истина освобождает”. Как только вы поймете, вы освобождены. Больше нечего делать. Самого понимания достаточно; это освобождение.

Слушайте, но не сравнивайте. Слушайте, но не привносите свою память. Иначе память и чувство знакомого станут помехой. Как только ум говорит, что это знакомо, он говорит, что нет ничего нового для понимания. Есть, и очень много! Бесконечно много еще надо понять.

Не смотрите сквозь память и не сравнивайте. Смотрите прямо. Смотрите непосредственно. Смотрите без памяти.

Пусть восприятие будет чистым. Не сравнивайте ни с чем, что вы слышали раньше. Вы, может быть, слышали это раньше, но вы не поняли. Так что ж с того, что вы слышали это раньше? А если вас слишком занимает мысль, что все это знакомо, вы снова все упустите. А когда услышите снова появится мысль, что вы это уже слышали.

Сравнение – это болезнь. Оно разрушает; оно не помогает. Так что даже когда вы чувствуете, что это знакомо, вы также чувствуете, как вместе с этим расцветают новые цветы понимания. Они расцветают несмотря на ваше сравнение; если сравнение полностью отброшено, вы освобождены. Если вы непосредственно слушаете меня, больше ничего и не надо. Одного мига тотального слушания достаточно. Вы пробуждены. Достаточно одного мгновения, потому что оно станет дверью в вечность.

У слов “интроверт” и “интроспекция” есть болезненный смысл. Сильно ли они отличаются от понятий “самосознание” и “обращенность внутрь”?

В самоосознании нет ни “внутри”, ни “наружу”. Вы не обращаетесь вовнутрь. В самоосознании “внутри” и “наружу” исчезли. Существует единое. “Внутри”, “снаружи” – это разделение сознания, подразделения аналитического ума. Что такое – внутри? Что это – наружу? Как различить?

Так что, когда говорят: “Обратитесь вовнутрь”, – просто пользуются понятным языком, чтобы помочь вам; потому что если сказать:

“Окажитесь за пределами внутри и снаружи”, – понять, что имеется в виду, будет почти невозможно. Но имеется в виду именно это.

Самоосознание – это полное единство внутреннего и наружного, верхнего и нижнего, долины и вершины. Все дуальности соединяются и тонут в нем.

Да, у слова “интроверт” есть болезненный смысл; это болезненность. Интроверт, человек, сосредоточенный на своем внутреннем мире, – человек, не способный выйти вовне. Он ограничен, закрыт. Цветок, который не может открыться; песня, которая не может литься; река, которая не может течь в открытое море. Интроверт болен. Он не может открыться, он не может любить, он не может действовать в мире, он не может расти, он не расширяется. Он ограничен. Закрыт. Как семя, а не как дерево.

Но учтите – экстраверт тоже болен. В западной психологии интроверт болен, а экстраверта считают здоровым. Это просто показывает, что данный тип психологического мышления развивался экстравертами – ничего больше. Они считают себя здоровыми, а свою противоположность – больными. На Востоке противоположная школа. Восточная психология полагает, что интроверт здоров, а экстраверт – болен.

Я же считаю, что больны оба, несовершенен и тот, и другой. Потому что оба связаны определенным направлением и не могут двигаться в противоположном. По мне, здоровье означает способность двигаться во всех направлениях. Быть здоровым значит быть целостным. В английском языке слово “здоровье” от того же корня, что и слово “целостный”. Быть здоровым значит быть целым, быть целым значит быть всем одновременно. Так что быть здоровым означает: противоположности соединяются, превращаясь в дополнения.

Здоров тот, кто, если хочет, идет во внутрь. Нет никаких помех. У него нет никаких обязательств быть экстравертом, и наоборот. Если вы непременно интроверт, то как только вы устремляетесь наружу, возникает внутреннее препятствие. Приходится бороться, нельзя струиться, приходится принуждать себя. Тогда вы больны. Здоровый человек, здоровое существо, здоровая энергия всегда готовы течь в любую сторону. Нет обязательств быть чем-то одним. Здоровая энергия – текущая энергия.

Отправляясь на ярмарку, вы устремляетесь наружу. Внутри никто не осуждает: “Выходить вовне – это мирское, материалистичное”. Никто не осуждает. Заходя в храм, вы устремляетесь внутрь. Никто не осуждает: “Уходить в себя болезненно, это для дурачков, не от мира сего, простофиль. Так ты все потеряешь, потому что все богатства снаружи. К чему можно прийти, закрыв глаза и созерцая свой пупок? Ты становишься дураком”. На Западе, когда хотят обругать живущих на Востоке, их называют “созерцателями пупа” и “едоками лотоса”. Нельзя прожить, питаясь одними лотосами. Они, должно быть, сумасшедшие.

А когда на Востоке хотят обругать живущих на Западе, говорят: “только ради денег”, “материалисты”, “мирские”. Но обе эти психологии – больны и нездоровы. Истинной психологии еще только предстоит родиться на свет; психологии целостной личности, психологии течения. Никакой обязательности, никакой одержимости.

Следует углубляться в себя и выходить вовне так же легко, как входят и выходят из дома. Когда погода хорошая, вы выходите. Сидите в саду под деревом. Солнце поднимается выше, становится жарко – ища убежища, вы заходите внутрь. Днем вы выходите, к вечеру возвращаетесь. Нужно глубокое равновесие. А для глубокого равновесия в противоположностях не надо видеть противоположное, ибо это не так; они дополняют друг друга: инь и янь, мужчина и женщина, день и ночь, лето и зима, сансара и нирвана.

Помните – прежде всего я подчеркиваю соединение противоположностей. Тогда вы не ограничены, тогда нет никаких ограничений, тогда нет никаких преград, никаких границ. Об этом говорят и это подчеркивают хасиды.

Хасидский мудрец так же от мира, как любой другой, и хасидский мудрец не от мира, как никто другой. Он живет в мире, но он не принадлежит миру. Он обитает в мире, но остается незатронутым. Он вне. Это подлинная религия.

Религия, которую вы называете религией, – это не истинная религия. Это просто противоположность миру. Это выбор. Поэтому если вы выбираете этот тип религии, вы можете измениться внешне, но в основе своей вы останетесь тем же самым. Изменение останется на поверхности. Изменение будет подобно смене одного тюремного заключения другим. Одно заключение – на этой стороне дороги, другое – на той стороне дороги. Вы живете в одной тюрьме и думаете о другой, как будто там свобода. Это противоположность. Там все по-другому. Но это снова заключение. Между двумя этими заключениями – открытая дорога, путь белых облаков. Путь как раз посередине, между двумя противоположностями.

Для меня экстраверт болен, интроверт – тоже болен. Когда вы ни то, ни другое – вы здоровы.

Запомните слово “течение”. Чем больше течет энергии, тем более это здраво. Можете достичь высочайшей вершины, можете спуститься в самый нижний мир – никаких проблем. Можете медитировать и можете любить. Медитация – входение внутрь, любовь – движение наружу. Медитация – достижение собственного существа. Любовь – стремление достичь другого существа.

Есть религии, которые говорят: если медитируете, вы не можете любить. Есть религии, говорящие: если вы любите, как можно медитировать? Христианство – экстравертная религия. Акцент на служении людям, любви, сочувствии. Акцент не на медитации, потому что медитировать эгоистично. Когда мир в таком плачевном состоянии, люди голодают, болеют, умирают, а вы медитируете – это выглядит

слишком жестоко. Кто-то умирает на дороге, нищий, а вы сидите в своем храме и медитируете. Это выглядит эгоистично. “Отбросьте медитацию, – говорит экстравертная религия, – идите помогать людям, это единственный способ достичь Бога”.

Один из величайших индийских поэтов, Рабиндранат Тагор, находился под большим влиянием христианства. У него есть стихотворение, в котором он говорит: “Не ищите Меня в храме, Я не там. Если вы действительно стремитесь ко Мне, идите на дорогу, где каменщик обтесывает камни, где крестьянин мотыжит землю. Я не в храмах. Идите в мир, где трудится рабочий и просит нищий. Я там”.

Это экстравертная религия – реакция на избыток интроверсии. В Индии существуют интровертные религии. Они говорят, что мир этот – майя, иллюзия. Нищие всегда умирали и будут умирать; тут ничего нельзя изменить. Войдите во внутрь, закройте глаза. В глубочайшей вашей сердцевине – Бог. Снаружи только мир сновидений. Не теряйте там время. Настоящее – внутри.

По мне, и то, и другое болезненно. Часть всегда болезненна – только целое здраво. Так что я говорю вам: Бог везде. В храме, когда вы закрываете глаза, там Бог. И на дороге, где каменщик трудится в поте лица под палящим солнцем, – там тоже Бог. Только Бог есть, Бог – целое. Но ум всегда стремится выбрать часть.

Вы должно быть слышали о знаменитой гончей собаке Рин Тин Тин. Ее тренера попросили описать ее. Он пытался это сделать, но свойства собаки были столь прекрасны, столь неопределимы, что ему не удалось описать, определить эти качества. Так что он долго мялся и наконец сказал: “Рин Тин Тин – это Бог в образе пса”.

Бог и пес (God – Dog) – оба слова сбалансированы, как в зеркале. Бог может означать обращенность энергии внутрь. Пес может означать обращенность энергии вовне. Но энергия та же самая, потому что существует только одна энергия. Мир – это единство. Ум создает противоположности.

Величайшего Мастера дзен, Ринзая, спросили однажды. Задавший вопрос был, должно быть, большим скептиком. Он спросил: “Вы особо подчеркиваете, что все есть Бог, все есть Будда. Не хотите ли вы сказать, что даже собака – это Будда?” Ринзай рассмеялся. Не ответил. Он вскочил и залаял. Это и есть ответ: Будда лает, как пес. Он показал, вместо того чтобы говорить об этом.

Вы болезненны, если связаны с чем-то, как бы оно ни называлось. Вы здоровы, если вы течете сразу во всех направлениях. Если противоположности соединяются в вас, вы становитесь совершенны. Вот почему совершенный человек не может быть составным, он должен быть противоречив, потому что противоположности в нем соединяются.

Только обычные люди могут состоять из частей. Истинный мудрец никогда не бывает составным, не может быть; ведь он должен двигаться сразу во всех направлениях.

Олт Уитмен говорит: “Я обширен. Во мне – противоречия. Что же тогда сказать о Боге? – необъятен!” Он содержит все противоречия. Он самый низкий – и он самый высокий. Он секс – и он самадхи. В самом низком он существует как низшее; в самом высоком он существует как высочайшее. Он – этот мир как материя – и тот мир как не-материя. Он грешник – и он святой.

Истинный мудрец всегда противоречив. Поэтому так трудно его понять. Понять ваших посредственных святых очень легко: они плоские. В них нет никаких противоречий; они всегда одни и те же. Можно рассказать, можно предсказать. Они как прямая линия – никакой сложности. Они просты, и не только в хорошем смысле. В них нет красоты сложности. Истинный мудрец очень сложен; он содержит противоречия. И вот почему так трудно узнать его. Он ускользает. Вы ухватили его в одном направлении, а он уже движется в другом. Вы не умеете видеть, потому что ваши глаза болезненны. Вы можете видеть только часть.

Вы можете видеть грешника и святого, но трудно понять такого человека, как Гурджиев, который и то, и другое. В нем грешник и святой соединяются. В нем даже грех преображается. В нем даже мудрец меняется и становится мирским существом. Чтобы понять Гурджиева, надо отбросить все ваши категории, все ярлыки: святой и грешник, то и это. Истинный мудрец божественен.

Бог – в противоречиях. Это то, что говорит Кришна в Гите. Он говорит: “Не тревожьтесь, потому что я и то, и другое. Я тот, кого убивают; и тот, кто убивает, – тоже я. Мои руки, левая и правая, всегда играют в прятки”. Все ваши представления о Боге очень бедны. Теологи пытаются объяснить, но им никогда этого не сделать, потому что противоречия создают трудности. Если говорят: “Бог справедлив”, то как можно сказать: “Бог милосерден”? Тут затруднение для теологов. Если Бог справедлив, тогда нет места милосердию. Если Бог – милосердие, как может быть Он справедливым? То и другое невозможно вместе.

Тысячи лет теологи думали, как быть. Бог кажется непостижимым и хаотичным. Бог – и то, и другое. Он милосерден в Своей справедливости и справедлив в Своем милосердии. Но тогда это абсурдно, ибо как судья может быть и тем, и другим? Если судья милосерден, то он будет склонен простить. Если он справедлив, то преступник должен быть наказан – наказан в соответствии с законом, без всякого сострадания. Тогда он должен оставаться безразличен. Справедливость должна быть нейтральной.

Сострадание – это любовь; оно не может быть нейтральным. Бог – и то, и другое. С вашего позволения: Бог – это ограниченность, Бог – это свобода. И то, и другое. Вот почему я говорю: не спешите. Он есть даже на рынке. Даже в этом мире – таком небогоподобном. Он есть, потому что невозможно иначе. Как только вы это поймете, глубочайшее молчание снизойдет на ваше существо. Потому что когда вы понимаете,

как противоречия соединяются в Боге, то противоречия в вас сразу обретают единство и растворяются. Тогда свобода становится вашей сущностью. Тогда вы движетесь свободно, тогда вы становитесь свободой. Тогда нет никакой цели.

Единственная цель – наслаждаться этим “здесь и сейчас”. Ничего не надо достигать, потому что все достижения всегда против чего-то. Надо отбросить это и достигнуть того, надо перестать делать это и делать то... Все достижения, амбиции, цели выбирают одно, а не что-то другое. А Бог – и то, и другое.

Вот почему Кришнамурти настаивает на том, что единственный путь достижения истины – отказ от выбора.

Выбирайте – и вы стали больны. Не выбирайте, плывите без выбора. Не будьте выбирающим. Просто наблюдайте и плывите – вы освобождены. Это и есть мокша – абсолютная свобода.

Почему я боюсь других людей?

Вы боитесь себя; только тогда бояться других. Если вы любите себя, вы любите других. Если ненавидите себя – ненавидите других. Потому что отношения с другими – это просто отражение вас самих. Другие – только зеркало. Поэтому, что бы ни случилось в отношениях, всегда знайте, что это уже случилось прежде в вас, а отношения могут только увеличить это. Отношения не могут создавать; они только показывают и проявляют. Если вы любите себя – любите других, боитесь себя – боитесь других. Потому что, вступая в контакт с другими, вы начинаете проявлять свое существо.

Вас учили – на Востоке, на Западе – везде: христиане, индусы, магометане, джайны – все вас учили ненавидеть себя. Вас постоянно учили, что любить себя – плохо. Любите других. Ненавидьте себя. Эта просьба абсурдна, невозможна. Если вы не любите себя, того, кто вам всего ближе, как можно любить кого-то другого? Никто не любит себя, и, тем не менее, пытается любить других. В таком случае, ваша любовь – не что иное, как ненависть, замаскированная, спрятанная.

Я говорю вам: любите прежде себя. Только если любовь возникает в вас, она сможет разлиться и на других. Это как бросить камень в спокойную гладь озера: камень падает, рождаются волны, они ширятся, ширятся, достигают отдаленных берегов... Они будут идти все дальше, но сначала должен упасть камень. В вас должна возникнуть любовь. Вы должны полюбить себя – это основное требование, которое упускается во всем мире. Вот почему в мире столько страданий. Каждый пытается любить, но любить невозможно – ведь отсутствует основание. Любите себя. И тогда внезапно вы увидите себя отраженным повсюду.

Вы – человек, и все другие люди подобны вам. Отличается только форма, имена, но реальность одна и та же. Продолжайте шириться все дальше и дальше – и животные тоже такие же, как вы. Форма отличается немного больше. Но сущность?.. И деревья подобны вам.

Они тоже существуют – как и вы. Существование едино, подобно. Это единственный способ любить Бога: начните любить себя – и пусть любовь распространяется. И тогда не ставьте ей никаких границ. Двигайтесь дальше и дальше – до самой бесконечности. Это и есть молитва, это и есть посвященность Богу. Но если вы упускаете самое начало, если камень не был брошен, вы можете ждать и ждать – волны никогда не появятся...

И это не может начаться ни в каком ином месте; это может начаться только в вашем сердце. Потому что любовь – это волны, вибрации, трепетание в сердце; разделить все, что в вас есть, с другими, глубокая напряженная потребность достичь другого, разделить с другим свое существо, свою радость и свою песню.

Но ваше сердце почти намертво заморожено, вас научили осуждать себя: “Вы некрасивы, вы плохи, это грешно”. “Не делайте этого. Вы виновны”. Вы не можете принять себя. Как вы можете принять кого-то другого? Необходимо глубокое принятие. Чем бы вы ни были – это вы. Необходимо полное принятие. Не только принятие – восторг, что “Я есть”, “Я – здесь”, “Я – сейчас” – вот три основы; треугольник существования должен быть наполнен восторгом. Больше ничего не надо просить. Не должно быть никаких “должен”. Отбросьте все “следует”, и весь мир станет другим.

Сейчас вы неотвязно думаете: “Я должен быть таким-то и таким-то. Тогда я смогу любить и быть любимым”. Ваш Бог – не что иное, как высший судья, поглядывающий на вас с неба, говоря: “Ведите себя хорошо”. Это дает вам отрицательное самоощущение. Постепенно вы начинаете бояться, потому что подавляете себя. Если вы открываетесь кому-то, этот пресс может сломаться, все может, как пузырь, прорваться к поверхности. Что тогда? Так что вы боитесь, боитесь общения с чем бы то ни было, – и продолжаете прятаться в себе.

Никто не знает, как вы уродливы. Никто не знает, сколько в вас раздражения. Никто не знает, сколько в вас ненависти. Никто не знает, как вы ревнивы, завистливы, жадны. Никто не знает. Вы создали броню вокруг себя, живете в себе. Никогда не общаетесь, чтобы сохранить созданный вами образ. Если вы входите в общение, этот образ обречен. Реальность, настоящий контакт разрушат его; в этом страх.

Вы спрашиваете: “Почему я боюсь других?” Вы боитесь других, потому что боитесь себя. Отбросьте страх, отбросьте чувство вины, созданное в вас. Ваши политики, священники, родители – все они создатели чувства вины, потому что только так можно управлять вами и направлять вас. Очень простой и коварный прием, чтобы управлять вами. Они осуждают, потому что если вас принимают не осуждая – любят, ценят, и если со всех сторон вы слышите, что с вами все в порядке, – то трудно будет управлять вами. Как управлять человеком, у которого все в полном порядке? Даже вопрос такой не встает.

Поэтому они говорят – учителя, политики, родители – что у вас не все в порядке. Как только они создали чувство, что у вас не все в порядке,

они стали диктаторами, теперь им остается только диктовать: “Вот как следует жить...” Сначала они создали чувство, что вы живете плохо. Затем они дают вам наставления, как жить хорошо.

Здесь, со мной, вы вовлечены в полностью противоположное. Во мне нет осуждения, я не создаю в вас чувства вины. Я не говорю: “Это грех”. Я не говорю, что люблю вас только при определенных условиях. Я люблю вас такими, как есть, потому что только так можно любить. И я принимаю вас такими, как вы есть, потому что я знаю, что только такими вы можете быть. Целое определило, чтобы вы были такими. Целое осудило вас быть такими.

Расслабьтесь, примите и радуйтесь – это преображение. Оно приходит не от усилий; оно приходит от принятия себя с такой глубокой любовью и экстазом, что не никаких “но”, никаких условий, сознаваемых, бессознательных, ведомых и неведомых.

Безусловное принятие – и внезапно вы увидите, что не боитесь людей. Более того: люди вам очень нравятся. Люди прекрасны. Все они – воплощение Бога. Может быть, как Рин Тин Тин... но все же... воплощение Бога. Любите их. А если вы их любите, вы приближаете их Бога к поверхности.

Всегда, когда вы любите человека, его божественная сущность возвышается. Это происходит потому, что если вас любят, как можно показывать свое уродство? Просто вы оборачиваетесь своим прекрасным лицом. И мало-помалу уродливое лицо исчезает. Любовь – это алхимия. Если вы любите себя, уродливые ваши части исчезают, тают, преобразуются. Энергия высвобождается из этой формы. Энергия во всем. В вашем раздражении много энергии, в вашем страхе тоже много энергии, искаженной, задыхающейся в нем. Если страх исчезает, форма отпадает, энергия высвобождается. Раздражение исчезает – больше энергии.

Все, что мы называем грехами, просто исчезает. Я не говорю, что вы должны изменить их; вы должны любить свое существо, и они изменятся. Изменение – побочный продукт, следствие. Освобождается такая громадная энергия – вы начинаете течь: вверх, вверх – вы обретаете крылья.

Любите себя. Это должно стать основной заповедью.

Любите себя. Все прочее придет, но это – основа.

Я не совсем понимаю разницу между личностью и индивидуальностью. Остается ли что-нибудь от индивидуальности, если из нее вычеркнуть личность?

Индивидуальность – ваша сущность. Вы приходите с ней, вы рождаетесь с ней. Личность заимствована. Она придана вам обществом. Она подобна одежде, тонкой одежде.

Ребенок рождается голым; мы прячем его наготу – даем ему одежду. Ребенок рождается с сущностью, индивидуальностью. Это мы тоже

прячем, потому что обнаженная индивидуальность бунтующа и непокорна.

Индивидуальность – индивидуальна. Личность не индивидуальна; она социальна. Общество хочет видеть вас личностями, а не индивидуальностями. Потому что ваши индивидуальности вызовут конфликт. Общество прячет ваши индивидуальности и выдает ваши личности.

Личность – нечто приобретенное, заученное. Слово “личность” происходит от слова “личина” и происходит от греческого корня “персона”, что значит “маска”. В греческой драме актеры носили маски, скрывающие их подлинные лица и показывающие некие другие. От “личины” возникло слово “личность”. Это лицо, которое вы носите; но это не ваше подлинное лицо. Когда личность исчезает – не бойтесь. Тогда в первый раз вы становитесь подлинным. Первый раз вы становитесь реальным. Первый раз вы достигаете сути. Эта суть в Индии называется атма. Эго – это центр личности. Бог – это центр сути. Поэтому все время подчеркивается, что эго нужно отбросить потому, что вы должны знать, что вы есть, а не то, чем вы хотите быть.

Личность фальшива, это величайшая ложь. Все общество зависит от личности. Государство, церкви, организации, порядок – все это ложь. Западная психология слишком много размышляет о личности. Поэтому вся западная психология – это психология, базирующаяся на основной лжи. На Востоке мы думаем о сути, а не о личности. То, что вы принесли, то, что является вашей внутренней природой, свахва. То, что есть ваша внутренняя суть – это должно быть познано. И это должно быть прожито.

Личность – это то, чем вы не являетесь, но пытаетесь казаться, что вы есть. Личность – это то, что вы используете как удобство, когда вы находитесь в обществе. Вы ходите, вы пошли на утреннюю прогулку – и затем кто-то проходит мимо. Вы улыбаетесь. Улыбка может быть или из сути, или из личности. Улыбка может быть наслаждением, когда ты видишь человека, видишь Бога в этом человеке. Видишь сердце, любовь, бесформенное; то, что выразилось в этом человеке.

Поэтому в Индии мы никогда не говорим таких фраз, как “Доброе утро”. Они немногого стоят. Мы говорим: “Рам, Рам...” Мы приветствуем друг друга именем Бога. Это символический акт: “Я вижу Бога в тебе”. “Рам, Рам...” означает, что я вижу Раму в тебе. “Здравствуй. Я счастлив, благословен, что ты прошел мимо”.

Если это приходит из сути, тогда улыбка распространяется по всему твоему бытию. Вы чувствуете глубокую наполненность. Вы чувствуете блаженство от того, что этот человек прошел мимо. Этот человек уже ушел, но благословение остается и витает вокруг вас, как тонкий аромат духов. Но вы просто говорите: “Доброе утро!”, потому что этот человек банкир или политик, или может обмануть, или может быть опасен.

Рискованно не говорить “Доброе утро”. И тогда вы говорите это и улыбаетесь. Вы надеваете улыбку на свое лицо. Это “персона”, это

личность. В каждом действии вы должны наблюдать; это трудно, но это нужно делать. Другого пути нет. В каждом действии вам нужно наблюдать, откуда оно приходит: из личности или из сути. Если оно идет из сути, суть будет расти потому, что вы дадите возможность сути проявиться, выразиться. Если это идет из личности, тогда личность будет становиться все жестче, жестче и жестче. И она полностью отравит суть. Наблюдайте. Напоминайте себе вновь и вновь, откуда это идет.

Если вы пришли домой и принесли цветы и мороженое своей жене, это подарок от личности или от сути? Если это от личности, то это ложь.

Вы, может быть, говорили до этого с чужой женой и были очарованы; вы чувствовали влечение, в вас возникло желание. А затем – чувство вины: “Это измена. Принесу-ка я домой мороженое”. Учтите, у вашей жены тут же возникнут подозрения: прежде вы не приносили мороженого. Что-то в этом есть, что-то вы скрываете. С чего это вы сегодня так милы? Так неожиданно, ни с того ни с сего, милы?

Нельзя обмануть женщину: у них инстинкт, детектор лжи. Они тут же чувствуют – потому что не думают. Их чувство мгновенно и безошибочно. Они живут эмоциональным центром. Вы чувствуете себя виноватым и приносите подарок жене. Это – подарок личности. Это очень опасно.

Может случиться также и все наоборот. Ситуация остается той же. Вы говорили с женой друга и были очарованы. Такая красивая и изящная; ее красота и изящество напомнили вам вашу жену. Потому что когда вы любите, каждый красивый человек напоминает вам ее. Так должно быть. Если женщина показалась вам привлекательной, она тут же напомнила вам вашу возлюбленную. Что-то от любимой – часть, жест. Что-то от вашей жены. Вы любите женщину в этот миг, потому что она напоминает вам вашу жену. Вы полны этой памятью. И вы приносите что-то домой: мороженое, цветы, что-то еще... или ничего – просто улыбку. Тогда это от сущности, тогда это совсем другое. Ситуация та же, но вы в ней совсем другой.

Личность – это попытка обмануть. Сущность – попытка проявить себя; что бы там ни было – это есть. Пусть это будет проявлено, открыто, доступно. Старайтесь жить от сущности, и вы станете религиозны. Старайтесь жить от личности, и вы станете нерелигиозны настолько, насколько это возможно.

Для меня религия не означает ритуал. Это не значит ходить в храм или церковь. Это не значит ежедневное чтение Библии или Гиты, нет. Религия означает – жить от сущности, быть подлинным, истинным. И помните, как бы вы ни лгали, лгать нельзя: ложь есть ложь. Где-то про себя вы знаете, что это ложь. Можно делать вид, что вы не знаете, но раз есть притворство, оно обнаружит себя. Нельзя обмануть другого: всякий, у кого есть глаза, понимание и ум, все поймет.

Однажды произошло вот что. Женщина судилась с Муллой Насреддином. Она утверждала, что ее ребенок – от Насреддина. Мулла яростно отрицал это в суде. Наконец судья спросил: “Скажи только одно: спал ты с этой женщиной, Насреддин?” Насреддин ответил: “Нет, ваша милость, не сомкнул глаз”.

Ваша ложь очевидна, потому что у правды есть способ выйти наружу. Под конец правда становится известной, а вы всю жизнь потратили на ложь. Не теряйте ни минуты. Время, потерянное на ложь, потеряно окончательно. А от лжи еще никто не стал счастливым – это невозможно. Ложь может дать только видимость счастья, она не может дать подлинного счастья.

Подлинное счастье – часть истины. В индуизме Бога называют “благодать” – сатчитананд, Ананд, благодать, – это последняя, сокровенная сердцевина. Будьте истинны – и вы будете полны блаженства. Будьте подлинны – и вы будете счастливы. И это счастье будет беспричинно – просто часть вашей правдивости. Счастье – проявление правды. Там, где правда, – действует счастье. Где нет правды, счастье перестает литься и действует несчастье. Не бойтесь.

Вы говорите: “Я не совсем понимаю разницу между личностью и индивидуальностью. Останется ли что-нибудь от индивидуальности, если из нее исключить эго?”

На самом деле, из-за эго ничего не остается от индивидуальности. Когда эго ушло, индивидуальность возникает во всей своей кристальной чистоте: прозрачная, мудрая, лучезарная, счастливая, живая, вибрирующая в неведомом ритме. Этот неведомый ритм есть Бог. Это песня, слышимая в глубочайшей сердцевине вашего существа. Это танец, лишенный формы. Но услышать можно только касание стоп.

Все подлинное возникает только тогда, когда эго уходит. Эго – обманщик, подмена. Когда эго уходит – вы остаетесь. Когда эго здесь, вы только думаете, что вы есть; вас нет.

Ничего не хочу сильнее, чем быть ближе вашему внутреннему храму. Возможно ли это, если я все еще занимаюсь своими делами? Или это предварительное условие: отбросить любую деятельность и интересы, не связанные с вами и с вашей работой?

Если вы действительно занимаетесь своим, вы подошли ближе к моему внутреннему храму. Другого пути нет. Я здесь, чтобы помочь вам заниматься своим. Я здесь не для того, чтобы отвлечь вас от своего. Так всегда поступают так называемые “религии”.

Запомните: я ничего не хочу из вас сделать. Если вы можете быть сами собой, этого достаточно – больше чем достаточно. Если я помогу вас стать самим собой, то произошло то, что нужно. Если я как-то стал причиной того, что отвлек вас от себя, я враг, а не друг. И никогда больше не думайте, что это предварительное условие к тому, чтобы

отбросить всю деятельность и интересы, не связанные со мной и моей работой.

Вы моя работа. Вы моя деятельность. Нет ничего важнее, чем вы. Так что если вы состоялись, моя работа совершена. Нет другой работы. У меня нет идей, учений, которые должны исполниться с вашей помощью.

Я, в лучшем случае, – просто возможность для вас найти себя. Когда вы достигаете своего внутреннего дома, вы достигли моего храма. И другого пути нет.

Вы говорите, что правильное отношение ума к сознанию – это отношение слуги. Как относиться к этому слуге? Нужно ли его уважать? Или не уважать? Как я узнаю, что это происходит?

Если вы настоящий хозяин, вы никогда не будете дурно обращаться со слугой. Таково одно из качеств хозяина. Вы плохо относитесь к слуге, только если не вполне уверены, что вы хозяин. Это дурное обращение – скрытое чувство неуверенности.

Вы стараетесь плохо относиться, чтобы лишний раз проверить, хозяин вы или нет. Если вы вполне уверены, что вы хозяин, вы любите своего слугу. Вы обращаетесь с ним как с другом, даже уважаете его. Так что плохо обращаются со слугами, только если не совсем уверены, кто здесь главный. Человек, который полностью уверен, который знает, что он хозяин – тогда проблем нет.

О хасидском Мастере Магиде рассказывают... Как-то он пришел к другому мастеру. Он немного опоздал. Комната, где все происходило, была переполнена; говорил другой мастер. Магид пристроился у двери, где пришедшие оставляли обувь.

Кто-то взглянул на него. Достоинство Магида привлекло его. Он шепнул соседу: “Сюда пришло какое-то редкое создание. Но почему он сидит там? Это не место для Мастера. Он весь светится”. И говорят, что все, кто был там, понемногу обернулись к нему. Говоривший мастер – ненастоящий – очень удивился. Магид не произнес ни слова, он просто сидел с закрытыми глазами. Позднее, когда они остались одни, этот псевдо-мастер спросил Магида: “Открой мне свой секрет. Что случилось? Я, глава общины, стоял перед вами и говорил. Что случилось? Почему люди повернулись к тебе?”

Магид сказал: “С тех пор, как я стал Мастером, это случается почти всякий раз. Тут ничего не надо делать. Это просто происходит”.

Мастер обладает достоинством. Действительно став мастером – становятся наблюдателем и становятся хозяином. И это так просто: вы просто что-то говорите – и это происходит. Вы просто говорите уму: “Довольно, теперь ты будь слугой, потому что ты и есть слуга”. Вот и все, поверьте.

Вы боитесь – поэтому этого не происходит. Вы знаете, что этого не случится. Можете сказать что-нибудь – и это не произойдет. Но это не произойдет потому, что вы знаете, что оно не произойдет. Иначе бы это

случилось. Вы не относитесь к уму как к слуге на самом деле. Иначе бы вы просто сказали: “Молчи”, или просто сказали: “Слушай” – и ум слушает.

Вивекананда был в Америке. В одной из утренних бесед он рассказал притчу, подчеркивая, что вера может сдвинуть гору. Одна старушка, которой очень мешала гора перед ее домом, сказала: “Вот хорошо! Этого я не пробовала”. Прямо перед ее домом высилась большая гора. Эта гора заслоняла ей солнце. Эта гора мешала свежему воздуху. В доме было очень душно. Вот старушка и сказала: “Так просто. Пойду-ка я, запасясь верой!” Тут же она пошла домой. Открыла окно и взглянула на гору в последний раз – потому что сейчас та исчезнет. Она наверняка ее больше не увидит. Она закрыла окно, закрыла глаза и сказала: “Я верю. Теперь двигайся!” Она сказала трижды, потому что подумала, что с одного раза может не получиться. Потом открыла окно. Гора была на месте. Она засмеялась и сказала: “Так я и знала, что не поможет”.

Если вы это знаете, то ничего и не случится – вы же не выполнили условие. Я тоже говорю, что вера может двигать горами – но вера, запомните! А вере не надо говорить трижды. Это сомнение говорит трижды. В чем дело? Сказано – и все. И вера не откроет окошко смотреть. Все.

Я слышал, в одном городе случилась засуха. Лето было в разгаре, и городской священник созвал всех утром в храм молиться о дожде. Пришел весь город, и весь город смеялся над одним ребенком. Ребенок пришел с зонтиком. И каждый смеялся и говорил: “Дурачок, – что ты притащил зонтик? Потеряешь. Дождя не будет”. Ребенок сказал: “А я думал, что если вы помолитесь, дождь пойдет”. Только ребенок пришел с зонтиком. Как пойти дождю? Если бы этот ребенок молился, дождь мог бы пойти.

Вера может быть только тотальной – иначе это не вера. А люди, что смеялись над ребенком, просто глупы. Если нет полной веры, зачем же идти молиться? А когда молитва не исполнится, вы скажете, что так и знали, что ничего не произойдет.

Вера – другой способ внутренней жизни. Если вы на самом деле скажете уму: “Будь слугой отныне и навсегда”, – все! Не открывайте больше окна, чтобы посмотреть. Так это происходит, и так это произойдет с вами, потому что другого пути нет.

Когда вы хозяин, вы обращаетесь со слугой как с другом. Вы испытываете благодарность к слуге. Он служит вам. Отчего же быть резким с ним?

Дурным отношение бывает лишь тогда, когда вы видите, что слуга – это хозяин. Вы реагируете на это, злитесь и дурно обращаетесь с ним. Ваше резкое обращение просто показывает, что слуга – не слуга, а хозяин – не хозяин.

Слушая ваши слова: “Небо нигде не касается земли; так только кажется”, – я ощутил, как вокруг меня сгустилось глубокое чувство, что небо касается земли прямо через меня; что я горизонт, где бы я ни был. Чувство, подобное пустому улею; просто широко распахнутое небо, проникающее в каждую пору, осталось навсегда, как постоянная медитация. В этом чувствуется и благодать. Что вы об этом скажете?

Тут не надо что-либо говорить. Я благословляю вас. Это то, что должно было случиться.

Все ли предопределено в человеческой жизни, в особенности уровень духовного развития? Или жизнь – череда вызовов и возможностей, где итог неизвестен?

Сущность предопределена, личность просто случайна. То, что вы есть – предопределено; то, чем вы кажетесь – случайность. Мужчина вы или женщина – случайность. Немец вы или индус – случайность. Черный или белый – случайность. Но ваше бытие, просто бытие предопределено.

Стремитесь найти то, что предопределено, и не слишком думайте о том, что не важно, случайно. Ваш нос немного длиннее или короче. Не тревожьтесь об этом: это случайность. Есть пигмент в вашей коже, и вы черный; или в коже нет этого пигмента, – грошовое дело. Не думайте об этом. Это просто не имеет значения. Старайтесь найти то, что полностью предопределено. Это ваша природа, это ваша сущность. Но вы зарылись в случайное. Вы придаете случайному слишком большое значение; слишком много думаете об этом. На это уходит вся ваша сила и энергия. Вы так заняты несущественным, что забываете о главном.

Таково состояние спящего: сосредоточен на несущественном. Мысли о деньгах, мысли о власти, мысли о доме, о машине, о том, об этом, но никогда не глядя на то, что составляет глубочайшую вашу сердцевину, то, что есть вы. Эта глубочайшая сердцевина полностью предопределена. Вовне ничего не предопределено. Внутри – все предопределено. В этом и состоит саньяса – обращение к существенному и отвращение от несущественного. Я не имею в виду, что вы не едите и не живете в доме – нет. Дело не в этом. Живите в доме, но не слишком сосредотачивайтесь на этом. Чтобы выжить, надо есть. Ешьте, но не делайте еду вашим единственным занятием. Есть люди, которые постоянно думают о еде.

Деньги нужны, но не делайте деньги вашим Богом. Пользуйтесь ими, когда они есть. Когда их нет – пользуйтесь тем, что их нет, потому что в этом тоже есть своя прелесть. Если у вас есть деньги, можете жить во дворце. И живите. Если нет денег, станьте бродягой и живите под открытым небом. В этом своя прелесть. Если у вас есть деньги, пользуйтесь ими, но не допускайте, чтобы деньги пользовались вами.

Когда нет – наслаждайтесь нищетой. У богатства есть свое богатство, у бедности тоже есть свое богатство. Есть многое, чем может наслаждаться лишь бедняк, богатый – никогда. Есть многое, чем может наслаждаться только богатый, бедняк – никогда. Так что при всех условиях... Когда вы богаты, наслаждайтесь тем, чем может наслаждаться богач; когда бедны – наслаждайтесь тем, чем может наслаждаться бедняк.

Что же делаете вы? – все наоборот. Если вы богаты, то тоскуете по тому, чем может наслаждаться только бедный. Если бедны – тоскуете по тому, чем может наслаждаться только богатый. Вы просто глупы. Я не вижу ума.

Я гостил у друга. Он вице-канцлер, старик, пьяница, почти всегда пьян – но человек очень хороший, какими обычно бывают пьяницы. Очень добрый, очень ласковый, деликатный, очень любящий человек.

Вечером он перебрал, а я сидел рядом с ним. Вдруг он испугался. У него настолько разыгралась паранойя, что он попросил меня: “Пожалуйста, напишите немедленно в полицию, чтобы мне прислали двух офицеров разведки (intelligence officers)”. Я написал, но сделал ошибку. Я написал комиссару: “Пожалуйста, пришлите двух умных полицейских (intelligent officers)”. Старый пьяница просмотрел письмо и захохотал: “Кто видал умного полицейского?” Почти невозможно найти умного полицейского, потому что почти невозможно найти умного человека. Ум – острый дефицит.

Если у вас есть деньги, наслаждайтесь ими. Живите как король, если они у вас есть. Но я видел людей, у которых есть деньги, а живут они, как нищие. Они сберегают их на будущее, а когда потеряют, начинают думать: “Что же я тратил время? Надо было наслаждаться!”

Бедно живущие всегда мечтают о жизни во дворце, вместо того чтобы наслаждаться деревом, под которым они сидят. Пение птиц, солнце, воздух – мир больше открыт бедному человеку. У бедного человека крепкий сон, а для богатого сон – это проблема. Может, у него и спальня лучше, матрас мягче, но спать он не может. И он думает с завистью о нищих, об этих бедняках, которые спят и похрапывают... “а я не могу спать...” Если вам хорошо спится – спите. Если у вас хороший матрас – наслаждайтесь им и не страдайте от бессонницы. Но будете интеллигентны!

Древняя еврейская мифология называет Лилит, а не Адама, первым существом на земле. Почему эта версия забыта? Что вы об этом скажете?

Тут нет никакого секрета – обычный мужской шовинизм. Мужчине трудно думать, что прежде была создана женщина, а мужчина потом. Нет – это против его гордости.

В оригинальной версии говорится, что первой была создана Лилит. Да это и естественно: первой должна быть создана женщина, потому что у

нее есть чрево. Первой должна быть женщина. Это выглядит естественно, биологично. Но мужчине трудно воспринять такую мысль. Он изменил историю. Он создал другой мир, где первым создается Адам. Но вот вопрос. Как из Адама сделать Еву? Тогда взяли ребро, потому что у Адама нет чрева. И вся история стала глупее. С женщиной все было просто. С мужчиной – почти невозможно. Взяли ребро и сделали Еву. Правильная первая история. Я согласен с ней и отрицаю вторую.

Глава 5 Совершенный пловец

15 октября 1975

Когда сын раввина из Лепцо был маленьким мальчиком, он увидел молящегося раввина Вицака из Ворки. Пораженный, он прибежал к отцу и спросил: “Как же так? Такой цадик – а молится спокойно и просто, без признака экстаза”.

Отец ответил: “Плохому пловцу приходится барахтаться и плескаться, чтобы удержаться на воде. Совершенный пловец покоится на ее поверхности, и она несет его”.

Есть одна очень старая притча. Если вы ее услышите, вы найдете в ней себя. Но если вы будете только слушать, вы посмеетесь и забудете ее. Иногда вы смеетесь, чтобы не думать, забыть, спрятаться. Много раз я видел, что вы смеетесь, чтобы просто скрыть слезы. Вы смеетесь, потому что иначе было бы слишком, слишком тяжело. Смех – способ избегать. Так что пожалуйста, слушайте со всей углубленностью, на какую способны.

Я знаю, слушать легко, слышать очень трудно. Вы слушаете и думаете, что услышали. Слушание происходит механически. Когда вы слушаете с совершенным пониманием, услышанное становится возможным. Просто слушать – все равно что есть, не ощущая вкуса. Можно наполнить желудок, но в глубине остается голод. Тело может быть удовлетворено, даже переполнено, но тонкий голод остается, потому что его можно утолить, только когда вы способны ощутить вкус. Но ощутить вкус и значит понимать, быть пробужденным.

Услышьте ее: это одна из самых замечательных историй, что я слышал. Это хасидская притча.

Был, говорят, огромный город. Он казался огромным тем, кто в нем жил. На самом деле, он был не больше маленького блюдца. В этом городе были только дома-небоскребы. Люди, что там жили, утверждали, что крыши их почти касаются неба. Но не введенные в заблуждение видели, что город не выше луковицы. В городе было

столько жителей, что не собрать и в десяти городах. Но для тех, кто умел считать, в этом городе жило только три дурака, и больше никого. Первый дурак был великим мыслителем, составителем систем, метафизиком, почти Аристотелем. Он мог говорить обо всем. Вы могли спросить его – и у него были на все готовы ответы. И в городе ходил слух, что он был великим ясновидящим. Но, конечно, он был абсолютно слеп. Он не мог видеть Гималаев даже под носом у себя. Но он мог видеть ноги муравьев на Луне. Он был абсолютно слеп, но привязан к логике. Он видел вещи, которые никто никогда не видел: Бога, ангелов, рай и ад. Он очень осуждал обычный видимый мир. Он очень ценил невидимое, которое мог видеть только он и никто иной.

Второй человек слышал музыку сфер. Он слышал танец атомов и гармонию существования, но он был совершенно глухой.

А третий дурак, третий человек, был абсолютно голый. У него ничего не было. Он был самый бедный из существовавших на земле, у него был только меч, который он всегда носил с собой. Он всегда боялся, как параноик, боялся, что кто-то ограбит его однажды. И, конечно, у него ничего не было. Они все собрались вместе потому, что прошел слух, что их город в глубоком кризисе. Все три дурака, которые думали, что они очень мудрые. Их попросили попытаться ответить на вопрос: правда ли, что город в опасности? Наступает ли какой-то кризис? Какая-то грядущая катастрофа? Слепой человек посмотрел вдаль на горизонт и сказал: “Да, я вижу тысячи солдат из вражеской страны, которые наступают. И не только вижу, но и могу видеть сколько их и какой расе и религии они принадлежат”.

Глухой послушал в молчании и сказал: “Да, я могу слышать, что они говорят. Я даже могу слышать то, чего они не говорят, а прячут в своих сердцах”.

Нищий подпрыгнул, взял меч в руку и сказал, “Я боюсь, что они собираются ограбить нас”.

Это ваша история. Подумайте о ней, двигайтесь в нее и попытайтесь глубже в нее проникнуть. Это история человека. Человек всегда претендует на то, чем он не является. Это путь спрятать себя. Некрасивый человек пытается выглядеть красиво. Несчастный пытается выглядеть счастливым. Человек, который ничего не знает, пытается доказать, что он знает все. Так все идет и идет. И до тех пор, пока вы не осознаете этих дураков в вас, вы не станете истинным мудрецом. Превзойдя этих трех дураков, вы становитесь истинным мудрецом. Попытайтесь придерживаться фактов, не пробуйте спрятаться в фиктивном.

Фикции – это очень легко и дешево. Не нужно ничего делать, можно просто воображать. А воображение – это путь самогипноза. Если вы будете постоянно что-то повторять, вы начнете чувствовать, что у вас это есть. Что у вас есть в этом мире? Чем вы владеете? Вы не владеете даже собой. Так что же вы боитесь, что кто-то собирается вас ограбить? Ко мне приходят и говорят: “Мы не можем поверить, потому что мы

боимся”. Я спрашиваю их: “Чего вы боитесь? Что у вас есть?” Отвечают: “Если мы поверим, нас могут обмануть”, – третий дурак. Что у вас есть? С пустыми руками вы пришли. С пустыми руками уйдете. А между этим и тем – глупость, говорящая, что у вас что-то есть.

В этом смысл сказанного Иисусом, что легче верблюду войти в игольное ушко, чем богатому в Царство Небесное. Кого он называет богатым? – того, у кого ничего нет, но который думает, что у него что-то есть. Каждый беден. С пустыми руками вы пришли. С пустыми руками уйдете. Все мысли о любом богатстве – фикция. Богатым Иисус называет не того, у кого есть что-то в этом мире. Ни у кого ничего нет. Бедный беден, богатый тоже беден – часто даже беднее бедного, потому что у него больше иллюзий, что у него что-то есть. Если у вас что-то есть, Иисус прав: легче верблюду пройти в игольное ушко, чем вам – в Царство Небесное. Двери закрыты. Оно не для дураков.

Сама мысль, что у вас что-то есть – глупа. И если она утвердилась в вас, вы стараетесь ее защищать; тогда каждый становится врагом – каждый пытается что-то отхватить у вас. Прежде всего, у вас ничего нет. Чем больше вы защищаетесь, тем больше другие думают: “Должно быть, что-то у него есть. Иначе с чего бы он так отчаянно защищался?” Они бегут за вами, думая, что что-то у вас есть. Видя, что за вами бегут, вы полагаете, что вы в опасности и надо защищаться. Так все и вертится по порочному кругу.

Ни у кого ничего нет в этом мире. Как только вы это поймете, весь страх исчезает. Как только вы это поймете, вы становитесь саньясином. И дело не в том, чтобы вы оставили свой дом, жену, детей и весь мир и отправились на горную вершину – нет. Те, кто бегут на горную вершину, все же думают, что они что-то оставили, что у них что-то было. Это-то и есть глупость. Прежде вы грезили, что у вас что-то есть; теперь вы грезите, что от чего-то отказались – но основа иллюзии осталась. Прежде вы все пересчитывали свои деньги – сколько у вас есть? Теперь вы будете пересчитывать, от сколького вы отказались. Но отречение – просто другая сторона банковского баланса, другая сторона реки, мирского. Знающему не от чего отказываться; знающий, пришедший к пониманию ситуации, знает, что у него ничего нет. Как вы можете отказаться? От чего вы можете отказаться? Ваши руки пусты. И вдруг – вы оказываетесь в другом пространстве. Обладание, отречение – становятся безразличны.

Есть люди, которые приходят ко мне. Я стою перед ними и вижу их, но они меня не видят. Они рассказывают о своих видениях, духовных видениях. В их умах проплывают прекрасные цвета. Кундалини пробуждается, змея-сила, змея-мощь. Она устремляется к последней чакре. Я стою перед ними и вижу, что они слепы; они меня не видят. Их кундалини пробуждается... потрясающий свет в третьем глазе. Они пришли, чтобы я подтвердил: “О да!”

Если я скажу: “О да!”, они довольны и счастливы. Если я скажу: “Нет” – очень сердятся. Становятся моими врагами. Меня они не видят,

но могут сосчитать ножки муравьев, ползающих по луне. Они слепы, как камень. Чтобы спрятать свою слепоту, они создают фикции вокруг себя.

Пришел ко мне человек. Сказал: “То, что случилось с Магометом, случилось и со мной. По ночам мне говорит голос. Сам Господь, Аллах – это Его голос. Но вот беда: просыпаясь по утрам, я всегда забываю, что же было сказано”. Все это случилось в Ахмедабаде.

Я сказал ему: “Сделай вот что. Положи листок и карандаш под подушку и, засыпая, помни, что как только Бог что-нибудь скажет, ты тут же проснешься и запишешь. И запиши, что бы там ни было”.

“В этих откровениях глубочайшая истина, – сказал он. – Они могут преобразить весь мир. Такая жалость: по утрам я все забываю”. “Хорошо, хорошо. Только принеси, что бы там ни было”. Он пришел на следующий день. Какой-то тревожный, печальный, подавленный; такой расстроенный. Я спросил – “Что случилось?” “Я не могу поверить тому, что случилось. Я сделал все, как вы сказали. Засыпая я помнил, что как только услышу голос, тут же смогу встать и записать сказанное. И все случилось так, как вы говорили”.

“Ну? Что же ты такой грустный?” – “Меня расстроило сказанное”. – “Что же тебя расстроило? Что тебе сказали?” Он немного смутился. Сказано было следующее: “Пейте его горячим. Коктейль +Золотой Мячик+”. Этот рекламный щит стоял прямо перед его домом. Он ходил мимо него и... И он сказал: “Пожалуйста, никому не рассказывайте; я так расстроен. Как так могло случиться? Не Бог ли играет со мной такие шутки?”

Ваши сны – это только ваши сны: пейте его горячим. Коктейль “Золотой Мячик”. Ничем большим они быть не могут! Ваши видения – это ваши видения, не больше. Ваши ощущения – это ваши ощущения. И они будут ниже вас. Они не могут превзойти вас. Ваше кундалини – это ваше кундалини. Оно в вас; вне вас его нет. Ваше кундалини так и не станет кундалини Будды. В девяносто девяти случаях из ста все это – ваше воображение. Человек так беден, он предается всевозможным вымыслам, чтобы убедить себя: “Я богат”.

Если вам не удалось достигнуть в этом мире, вы стремитесь к достижению вне этого мира. Если у вас нет банковского счета на земле, у вас есть счет в банке на небе – но счет в банке у вас есть. Всегда помните: ваш ум глуп. Ум сам по себе есть глупость. Ум не может быть мудростью. Мудрость приходит тогда, когда ум уходит. Мудрость не от ума; она от целого. Ум глуп, подражатель. Он не может узнать неизвестное, он может повторять лишь то, что уже известно: пейте его горячим. Коктейль “Золотой Мячик”. Постоянно глядя на рекламный щит, предлагающий коктейль, он выпит его.

Если вы родились индуистом, у вас будет подниматься кундалини. Если джайном – никогда; потому что джайнские тексты не рекламируют кундалини. Если вы христианин, вы увидите Христа и крест. Но если вы индуист, Христос и не подумает встретиться вам на

пути. И распятие тоже. Вы увидите Кришну, играющего на флейте, потому что рекламируется, предлагается Кришна, а Христос не рекламируется.

Весь ваш духовный опыт есть не что иное, как обусловленность, данная вам обществом. Не слишком полагайтесь на него, потому что смерть заставит вас понять, что вы жили фиктивной жизнью, а возможность потеряна. Поймите, что у вас ничего нет. Как только вы поймете, что у вас ничего нет, страх исчезает. Страх – часть чувства, что у вас что-то есть, что можно потерять. У вас существует ограда страха. Когда вы поймете, что вы ничего не знаете, что вы слепы, что вы не умеете видеть...

Все, что вы видели, есть ваша собственная проекция. Сами создаете и сами смотрите. Вы – распорядитель драмы, которую называете своей жизнью. Вы же и драматург. Вы же и актер. И вы – все, что в ней происходит. И публика – тоже вы. Больше никого нет. Вы смотрите ее. Создаете. Распоряжаетесь. И, к тому же, играете в ней роль. Как только это увидено – а увидеть это можно во вспышке света, увидеть это можно просто слушая меня как надо – вся драма исчезает. Это то, что индуист называет майей: мир, который вы создали вокруг себя, нереальный, которого здесь нет, – ваше же творение.

Когда он отбрасывается, тогда впервые вы не слепы, ваши глаза открыты. Тогда вы видите то, что есть. Не продолжайте вслушиваться в отдаленные гармонии, в музыку сфер, танец атомов. Не дурачьтесь себя. Вы и так уже довольно себя дурачили. Хватит. Довольно! Скажите: “Довольно!” Пока вы не освободитесь от ложных суждений ваших глаз, ушей, достоинств, истинное не сможет стать доступным. Освободитесь от ложного значит стать доступным истинному. Освободитесь от ложного значит быть на подлинном пути.

Помните об этой ловушке ума: ум создает противоположное. Если вы рассержены, на лице у вас появляется вежливая улыбка. Ум создает противоположное. Когда вы боитесь, на лице у вас написано бесстрашие. Если вы полны ненависти, то пускаетесь в любовные приключения. О лорде Байроне говорят, что он любил больше сотни женщин. Казался таким великим любовником, Дон Жуаном. В нем, наверно, было полно ненависти. Он никого не мог любить. Когда вы никого не любите, не можете любить, когда любовь не струится, вы начинаете менять партнеров, создавая впечатление, что вы – великий любовник, – любите столько...

Одной любви достаточно! Если это действительно любовь, она может утолить вас так глубоко, доставить вам такое удовлетворение, что больше никого не нужно. Но когда это не так, вы ищете кого-то другого.

Читал я такую пьесу. Эта пьеса абсурдна. Поднимается занавес. Актеры на сцене, они сидят в ресторане. Всего несколько человек. Официанты накрывают на стол. Люди едят, получают удовольствие от еды, беседуют о ней – как вкусно! На самом же деле ничего этого нет.

Официанты только делают подходящие движения: еды они не приносят. И те, кто ест, только делают подходящие движения; еды нет, есть нечего. Но все боятся: “Если я скажу, что еды нет, тогда все, весь ресторан, подумают, что я сумасшедший”.

Все едят; но ни на одной тарелке нет пищи. Каждый кладет пищу в рот, откусывает, жуёт, глотает, наслаждается, рассказывает об этом: как вкусно. Приходится не отставать, иначе окажешься единственным здесь сумасшедшим, ненормальным. И в такой ситуации находится каждый: каждый боится сказать, что еды нет, а официанты приносят только пустые тарелки; что люди жуят пустоту – бессмысленные движения рук и рта. Но мало этого; каждый описывает, как это вкусно, как прекрасно, как восхитительно. Скажи вы что-нибудь, – вас объявят сумасшедшим. Лучше уж промолчать. Сохранить репутацию и пойти домой.

Все выходят из ресторана, говоря о еде. Но каждый голоден. У всех усталый вид. Занимаясь бессмыслицей, всегда устаешь. Видно, что каждый до смерти устал от жизни – но они продолжают говорить о еде. Так же дело обстоит и с любовью. Вы влюбляетесь, делаете должные движения, но никакой любви нет, настоящей пищи нет. Вы просто совершаете движения, предполагающиеся от любящих. И мало этого: говорите “как прекрасно!” Где-то про себя вы знаете, что ничего не происходит. Но если вы скажете, что ничего не происходит, скажут, что вы не в порядке.

Весь мир живет в грезах. Если хотите жить вместе со всеми, надо быть таким же. “О да. Замечательно”. Но это вызывает усталость и изношенность. И вся жизнь кажется длинной, бесконечной скукой. Снова и снова одно и то же. Снова и снова вы приходите к одному и тому же краху. Взгляните! Разве это не ваша жизнь? Ваш ум скажет: “Нет, не моя; это у других”. Но сознание всегда так защищается. “Это другие глупы, а не я”.

Мудрый человек думает по-другому. Лао-цзы говорит: “Каждый здесь кажется очень-очень умным; я здесь единственный идиот”. Мудрец выглядит идиотом.

Я вам расскажу хасидскую историю. Случилось так: группа евреев из Польши эмигрировала в Америку. В прежние времена в еврейских общинах всегда было так: в местечке был свой мудрец, и был свой дурак – для равновесия.

А евреи очень уравновешенны. И такое равновесие необходимо. Если в местечке есть мудрец, то местечку нужен и дурак. Иначе кто удержит равновесие? Мудрец может нагнать слишком много мудрости; может стать немного тоскливо. Он может слишком серьезно начать относиться к своим советам, он может нагнать слишком много серьезности вокруг себя. Нужен дурак: для равновесия. Редко, но иногда случается так, что один и тот же человек – и мудрец, и дурак. Тогда мудрец расцветает прекрасно; тогда не деревня уравновешена, уравновешен сам человек. Так обстояло дело и в этом случае. Местечкового дурака (можете

называть его местечковым мудрецом) звали Йосл. Он тоже ехал со всей общиной.

На третий день поднялся ужасный шторм. Жизнь была в опасности. Корабль мог затонуть в любой миг. Поднялась паника, хаос: капитан выкрикивал команды, матросы спускали шлюпки, дети кричали, женщины стонали, и все пассажиры металась в страхе и смятении по палубе. Только Йослу было хорошо. Он, улыбаясь, наблюдал за всем этим. Один старик из местечка подскочил к Йослу: “Это уж слишком. Корабль тонет! А ты что делаешь? Забавляешься?” Йосл ответил: “Что ты волнуешься, дядя? Разве это твой корабль?”

Это могли быть слова дурака, это могли быть слова мудреца. Это могло быть и тем, и другим. Это и есть и то, и другое. Это – место, где встречаются мудрец и дурак, где мудрец выглядит дураком, где дурак выглядит мудрецом, – потому что противоположности тонут друг в друге, и достигается синтез единства.

Мудрецу нечего защищать; он может себе позволить быть дураком. Нельзя позволить себе быть дураком, когда вы знаете, что вы на самом деле дурак; приходится изображать мудрость. Вот что я вам говорю: вы всегда создаете противоположное. Вы не один, вас много, толпа. И что бы вы ни почувствовали в себе, вы пытаетесь сделать вид, что все как раз наоборот: чтобы никто никогда не узнал вашу внутреннюю нищету, вашу внутреннюю тупость. Если вы тупы, вы изучаете священные тексты. Можно найти многих глупцов, изучающих Тору, Библию, Гиту, Коран – чтобы скрыть свою глупость и тупость.

Случилось так: однажды к раввину Нафтали постучали. Нафтали открыл дверь и, по своему обыкновению, спросил: “Ты зачем пришел?” Человек ответил: “Я пришел учиться у тебя”. Нафтали захлопнул дверь и сказал: “Поищи другое место. Я не учитель. Найдешь себе другого, с кем изучать писание”. “Но почему же, – спросила Нафтали его жена, – почему ты его прогнал? Он производит впечатление искренне жаждущего”. Нафтали ответил: “Те, кто интересуются изучением Писания, по большей части глупы. Они хотят спрятаться”. На другой день постучал другой. Нафтали открыл дверь и спросил: “Почему ты здесь? Чего тебе надо?” Тот ответил: “Я пришел, чтобы быть рядом с вами, научиться у вас служить человечеству”. “Проваливай, – сказал Нафтали. – Ты ошибся дверью”. Жена была поражена. “Он же не просил изучать с ним Писание. Из него получился бы великий преобразователь общества или что-то подобное. Он хотел служить человечеству. Такая чистая, верующая душа. Почему ты отказал ему?” “Те, кто не знают сами себя, – сказал Нафтали, – не могут никому служить. От их служения в итоге одно несчастье”.

Преобразователи общества – несчастные люди, приносящие несчастье, пока они не познали себя. Как вы можете кому-то служить? И как можно служить человечеству? Вы еще не служили тому маленькому существу, которое в вас. Осветите сначала его – потом пробуйте осветить другие жизни. Если вы в глубокой тьме и начинаете

помогать другим, вы не поможете, а навредите: вас еще нет – кто же будет помогать?

На третий день постучал еще один человек. Нафтали открыл дверь и спросил: “А тебе чего?” Тот сказал: “Я очень глуп. Нельзя ли мне немного помочь избавиться от этого?” Нафтали поцеловал его и сказал: “Входи. Я жду тебя”.

Это первый шаг к мудрости: понять, что ты не мудр; понять, что никакие уловки спрятать это не помогут. Тот, кто понял, что он невежда, уже на пути. Тот, кто понял, что он беден, уже на пути в Царство Небесное, к подлинному сокровищу. Тот, кто понял, что он слеп, уже начинает прозревать. Тот, кто понял, что он глух, рано или поздно сумеет услышать. И тогда он узнает музыку, музыку существования. Не пытайтесь создать противоположное; лучше узнайте глубочайшее свойство вашего невежества. Не прячьте его; откройте его небу.

Если вы его прячете, вы помогаете ему: в темноте оно растет, становится все больше и больше, принимает огромные размеры. Откройте его свету, небу, воздуху, – и оно умрет: оно не может жить на свету... Невежество подобно корням дерева: если вы вытащите их, они погибают. Они не могут выжить при свете. Но если вы их прячете, вы помогаете им расти.

Запомните: не пытайтесь прятать, что бы вы ни чувствовали: спрятать можно, только создавая противоположное. И тогда вы всегда будете раздвоенным и никогда вы не станете единым, никогда вы не станете гармонией. А только глубокая внутренняя гармония может узнать гармонию внешнюю. В этом смысл: “только душа познает Бога”. “Душа” означает: внутренняя гармония достигнута. “Бог” означает: вы стали доступны Богу и Бог стал доступен вам.

А теперь этот маленький анекдот; он очень важен.

Когда сын раввина из Ленцно был маленьким мальчиком, он увидел молящегося раввина Вицака из Ворки.

Пораженный, он прибежал к отцу и спросил: “Как же так? Такой цадик – а молится спокойно и просто, без признака экстаза”.

Это один из самых деликатных и важных миггов, который нужно запомнить: агония становится экстазом. Если вы в глубокой агонии, то та же самая энергия, что была агонией, становится экстазом при медитации. Вы будете плясать в экстазе, – но это еще не последняя точка: ведь даже в вашем танце остается что-то от вашей агонии. Подлинный танец начинается тогда, когда танец прекращается.

Вы видели танцующую Миру, танцующего Чайтанью; никто не видел танцующего Будду или танцующего Махавиру. Мира и Чайтанья почти достигли цели, но осталась последняя ступенька. Они были несчастны, теперь они счастливы. Они перешагнули свое несчастье. Теперь они в

счастье – но его тоже надо перешагнуть. Потому что пока вы продолжаете быть в счастье, несчастье следует тенью.

Противоположности всегда вместе. Если вы пляшете, то рано или поздно вы снова упадете в агонии: энергия одна и та же. В глубине было страдание. Вы его прятали, как рапу. Теперь вы выразили его – та же энергия освободилась: вы танцуете. Но вы не перешагнули. Танец – это хорошо, но танец возможен только на ступенях храма, но не внутри. Никто не достигает Бога без танца, никто не достигает Бога танцуя. Чтобы агония преобразилась, надо танцевать. Но преображенная агония – все же агония. Она стала прекрасной, она потеряла свой яд, но все же источник ее тот же.

Я, скажем, рассказываю вам шутку. Вы смеетесь, но в вашем смехе есть что-то от вашей печали; иначе просто не может быть. Двадцать четыре часа вы печальны. Ваш смех – из вашей печали. На самом деле, вы смеетесь из-за вашей печали, слишком ее много. Она становится таким напряжением, воздвигнутым напряжением; надо освободиться. Вы громко смеетесь – хорошо, полезно, – но ничего духовного. Хорошо, прекрасный терапевтический эффект, но терапию отбрасывают, когда вы на самом деле здоровы.

Если вам приходится постоянно держать при себе лекарства, это значит: что-то от болезни еще осталось. Когда хворь ушла насовсем, вы выбрасываете и лекарства. Когда боль ушла, зачем носить с собой удовольствие? Когда страдания больше нет, к чему праздновать? Когда все ваше существо стало праздником, тогда вы больше не празднуете. Тогда все ваше существо стало смехом, тогда вы больше не смеетесь. Совершенный смех похож на отсутствие смеха. В совершенном счастье нет ничего от счастья; если есть что-то от счастья, вы увидите – несчастье ожидает вас за углом. В любой миг оно снова может выскочить и овладеть вами. Счастливый может стать несчастным. Будду нельзя сделать несчастным: он уже не счастлив, он вне тисков двойственности.

Мальчик встревожился: цадик, Мастер медитирует – и не в экстазе. Ученики хасидов очень экстаичны: танцуют, поют в восторге. Восторг – их молитва, и так и должно быть: нет другого способа выразить вашу благодарность Богу. Восторг, танец, слезы радости; это единственная возможная молитва.

Когда сын раввина из Ленцно был маленьким мальчиком, он увидел молящегося раввина Вицака из Ворки.

Мальчик, должно быть, видел многих хасидских учеников, танцующих, преисполненных слезами радости, плачущих, вскрикивающих, обнимающихся, в глубокой благодарности, в глубоком памятовании Бога. Мальчик, должно быть, видел, что, медитируя, они празднуют.

Пораженный, он прибежал к отцу и спросил: “Как же так? Такой цадик – а молится спокойно и просто, без признака экстаза”.

Он не кажется счастливым, он не кажется празднующим – в нем ни малейшего признака экстаза. Как это так? А он такой великий Мастер. Ребенок, должно быть, много слышал об этом великом Мастере, слышал, что тот достиг. Он спрашивает: “Что же он делает? В его молчании нет экстаза. Чего-то недостает”. Это детское отношение. Если вы приведете ребенка к Будде, он подумает, что чего-то не хватает. Но если вы приведете его к Чайтанье, он поймет, что все в порядке. Чайтанья танцует, барабаны бьют. Он в экстазе, в восторге – он вне этого мира. Он затерян в неведомом. И ребенок может понять, что что-то произошло. Быть с Буддой – значит быть зрелым. За Чайтаньей могут последовать даже дети. Это и случается с людьми “Хари Кришны”: детскость, незрелость. Но они думают, что достигают именно так. Поймите: нет ничего плохого в танце. Но надо запомнить: танец, экстаз – только снаружи храма. Внутри все стать молчанием; само ваше существо должно раствориться. Кому же тогда танцевать? Вас больше нет.

Отец ответил: “Плохому пловцу приходится барахтаться и плескаться, чтобы удержаться на воде. Совершенный пловец покоится на ее поверхности, и она несет его”.

Мира танцует, Чайтанья танцует – что-то еще несовершенно, пловцы еще несовершенно. Учась, приближаясь, приближаясь все ближе с каждым днем, – но если вы все еще плывете, вы еще боитесь реки, вы еще не приняли ее. Если вы все еще плывете, ваше движение ведет вас к другому краю, – но так не достигнуть середины, где все прекращается. Сознание переходит от одной противоположности к другой. Вы злы, а теперь полны сочувствия. Вы исполнены ненависти, а теперь переполняетесь любовью. Понаблюдайте! Всегда, когда вы разозлились, вдруг, по пятам, приходит нежное любящее чувство.

Все любящие знают это: всегда после борьбы, злобы, после конфликта, столкновения индивидуальностей – по пятам следует прилив нежности и любви. Высших пиков любовники достигают после борьбы, потому что, борясь, вы двигаетесь в одном направлении – как маятник часов. Он двигается влево, доходит до самого предела. По всей видимости, он собирается зайти еще дальше; но в глубине назревает миг, достигается миг движения вправо. Тогда от той же энергии он двинется вправо. Когда он заходит вправо, вы предполагаете, что он так и будет идти вправо, но снова назревает миг движения в другую сторону.

Когда вы злы, вы приобретаете импульс к любви. Когда вы любите, вы получаете импульс злобы. Так и качается маятник ума.

Так, Мира покинула мир. Агония мира ушла – пришел экстаз. Экстаз Бога. Но это тоже движение. Будда стоит ровно посередине. Часы

остановились. Время остановилось. Маятник больше не движется. Никакого “тик-так”. Полное молчание. Мира и Чайтанья произведут на вас большее впечатление, а Будда – не так чтобы очень, потому что Будда слишком вне вас.

Вы можете понять Миру. Она может быть вашей противоположностью, но язык тот же. Вы в агонии, она – в экстазе, – но язык тот же. Что такое экстаз? – не агония. Что такое агония? – не экстаз. Язык тот же. Понять можно. Можно завидовать, можно лелеять мысль, надежду, что однажды вы сможете танцевать, как Мира. Какая красота, какое счастье, какой экстаз, – но язык тот же! И учтите, вы можете понять только то, для чего у вас есть язык, общий язык.

Случилось так: одного религиозного человека, очень простого, искреннего, подлинного, пригласили в какой-то город. Готовивший его выступления в этом городе был политиком. Он всегда готовил все к визитам политиков, премьер-министров, министров, главных министров, самых разных. Он лучше всех в городе умел устроить все, и его попросили заняться этим. Устроителю был совершенно неизвестен этот религиозный деятель. Он слышал его имя, знал о нем, но никогда не сталкивался с религиозными людьми. У политики нет ничего общего с религией; а если есть, то это уже не религия, а политика. Их цели противоположны. Политик не может быть верующим, верующий не может быть политиком. Верующий не бывает честолюбив.

Город был незнаком религиозному деятелю, а он – городу; поэтому он предусмотрительно послал телеграмму: “Приготовьте комнату в тихом домике где-нибудь на окраине, вегетарианскую пищу, коровье молоко, и т.д., и т.д., и т.д.” Он приехал. Все было приготовлено. Все как он хотел. Он был очень доволен. Устав с дороги, он зашел в ванную умыться лицо. Но тут же вышел оттуда ошеломленный: в ванне он увидел трех красивых женщин; но все же они были отвратительны, в них было что-то от проституток. Выйдя, он спросил политика: “Что это значит? Кто эти женщины?” Политик ответил: “Это три +и т.д.+! И т.д., и т.д., и т.д.”

Религиозному деятелю стало противно, он не мог поверить. “Что вы хотите сказать? Я никогда не знал, что и т.д. означает женщину”. “Вы не знаете языка политиков, – ответил политик. – Я всегда готовил все к их приезду; это условное слово: +и т.д.+ Одно +и т.д.+ – одна женщина, два +и т.д.+ – две, а если они пишут три +и т.д.+ – три женщины”.

Вы понимаете определенный язык. Вы можете понять Чайтанью или Миру, как бы далеко они ни были, потому что ваша агония может понять язык экстаза. На самом деле, агония постоянно ищет экстаза. Ребенок не может понять. Великий цадик – а молится спокойно и просто, без признаков экстаза: не танцует, не размахивает руками, не текут слезы. По его лицу и не скажешь, что он делает. Когда вы на самом деле молитесь, вы вовсе ничего не делаете. Молитва не имеет ничего общего с деянием. Это не “делать”, а “быть”. Быть в присутствии Бога – это молитва. Чувствовать в присутствии Бога – это

молитва. Растворение себя в нем – это молитва. Агония уводит вас в сторону. Экстаз тоже уводит вас в сторону. Запомните это.

Экстаз лучше, чем агония, но оба существуют вокруг тонкого “я”. Когда вы потеряны, кому быть в экстазе? – вас больше нет. Ребенок не может понять. Ребенок никогда не поймет: ребенок понимает слезы, счастье – язык незрелости. Часто, когда ко мне приходят люди “Хари Кришны”, я вижу незрелое сознание. Но они думают, что это все: прыгать по улицам, распевая “Хари Рама, Хари Кришна...” Конечно, это дает некий восторг, некую интоксикацию. Это алкоголь, но это не цель. Цель – абсолютное молчание. Такое спокойствие, в котором нет ничего другого. Чистое спокойствие.

Ребенок не может понять. И ребенок в вас тоже не сможет понять.

Отец ответил: “Плохому пловцу приходится барахтаться и плескаться, чтобы удержаться на воде”.

Так что не думайте, что это плавание. Это просто плохой пловец, начинающий. Он барахтается, выбрасывает руки. Не думайте, что он плавает: он только учится. Когда пловец достигает настоящего совершенства, сонастроенности, он понимает, что теперь плыть не нужно. Он может довериться реке. Он оставляет барахтанье: это барахтанье – все еще противостояние, некая борьба, попытка победить реку.

Совершенный пловец покоится на ее поверхности, и она несет его.

Совершенный медитирующий отдыхает на приливной волне Бога, и она несет его. Он ничего не делает: в делании остается “я”. С надеянием “я” исчезает. Он не в агонии, он не в экстазе. Все, что мы можем понять, обычный язык, становятся бесполезным.

Вот почему, когда Будду спрашивают: “Чего ты достиг?” – он хранит молчание, не отвечает. Потому что, что бы он ни сказал, будет понято неверно: “и т.д., и т.д., и т.д.” У вас свой язык, свои условные обозначения. Что бы он ни сказал, будет понято неверно. Если он скажет: “Я в экстазе” – кто его поймет? Вы поймете, что он не в агонии. Если он скажет: “Я счастлив”, вы скажете: “Хорошо. Значит, он больше не несчастлив. Это то, что мне нужно. Таково и мое стремление, моя надежда”. В вас возникнет желание. А счастье Будды приходит только тогда, когда вы освобождаетесь от желаний. Слово Будды обречено на непонимание.

Лао-цзы говорит: “Когда люди не понимают меня, я хорошо знаю, что сказал что-то верное. Когда понимают – хорошо знаю, что сказал что-то не то”. “И т.д., и т.д., и т.д. ...” У вас свой язык. У блаженства Будды – свой. Это не агония и не экстаз; это глубокое “разрешение”. “Разрешение” – это язык Будды.

Совершенный пловец покоится на ее поверхности, и она несет его.

Я читал житие раввина Лейба. Кто-то спросил его: “Вы жили со своим Мастером, цадиком, двенадцать лет. Чем вы занимались? Чему вы научились? Двенадцать лет – большой срок, почти жизнь. Вы изучали Писание?” “Нет, – ответил раввин Лейб. – Я был с цадиком не для того, чтобы изучать Тору. Я был с цадиком, чтобы наблюдать его. Наблюдать его: как он развязывает свой левый ботинок, как он снова завязывает его. Двенадцать лет ушло на то, чтобы наблюдать простые движения, потому что каждое его движение было медитацией: то, как он дышал, то, как вставал, как садился, как спал... Это такая тайна, что на это ушло двенадцать лет. Сначала забыть свой язык, бывший барьером; полностью очистить свой ум от всего, что я знаю. И тогда мало-помалу проблески начали достигать меня. Тогда мало-помалу облака расступились, и я смог видеть Мастера”.

Если вы способны видеть Мастера, вы видите воплощенное созерцание. Делать тут ничего не надо; надо увидеть его существование. Раввин из Ленцно был прав, отец мальчика прав, потому что он достиг зрелости. Отбросьте ребенка в себе, – станьте зрелым, пробужденным. Будьте бдительны, чтобы ваш язык не исказил того, что я говорю. Всегда смотрите на то, что я имею в виду. Единственное препятствие – это вы.

Если вы слушаете умом, вы слушаете, но не слышите меня. Если вы откладываете ум в сторону и смотрите на меня, вы меня слышите. Верное слушание – это дверь. Через верное слушание возможно верное видение. Через истинное видение открывается доступ в истинный мир богатства. Эти три дурака в вашем уме. Отбрасывайте их понемногу. Не защищайте свой ум, ваш ум – ваш враг. А вы только этим и занимаетесь – продолжаете защищаться. Сдайте его. Хватит барахтаться.

Плохому пловцу приходится барахтаться и плескаться, чтобы удержаться на воде.

Здесь вы со мной на ее поверхности. Расслабьтесь. Отпустите себя и позвольте приливной волне нести вас. В этом и есть саньяса: глубокое позволение с тем, кто достиг. Не будьте плохим пловцом. Вы уже достаточно набарахтались. Вы так устали, а ее поверхность так доступна.

Доверьтесь реке, и река вынесет вас в океан, – и нет другого способа достичь океана. Боритесь – и вы потеряете. Сдайтесь – и в вашей сдаче – победа.

16 октября 1975

У меня нет глаз, чтобы видеть. У меня нет ушей, чтобы слышать. Я абсолютно глуп. В будущем вы обещаете нам однажды освобождение. Как это возможно в таком безнадежном случае, как я? А с другой стороны, порою меня наполняет такой благодатью, что не описать никакими словами. Что происходит? И где я во всем этом?

Хорошее начало. Если вы чувствуете, что у вас нет глаз, чтобы видеть, рано или поздно глаза у вас появятся. Почувствовав свое невежество, вы сделали первый шаг к знанию. Чувствовать себя сбившимся с дороги – значит достигнуть пути. Вот почему порою вас наполняет благодатью. Само понимание того, что вы ничего не знаете, внезапно озаряет вас.

Трудно с теми, кто думает, что знает. Им действительно трудно. Они не знают, а думают, что знают. Поэтому у них нет возможности для роста. А они настаивают и защищают свое знание, Они защищают свое невежество. Если вы больны, вы ищете врача. Но если вы делаете вид, что не больны, вы, болея, избегаете врача. Даже если врач придет к вам домой, вы скажете: “Отчего вы пришли сюда?”

Гурджиев, работая с учениками, однажды сказал группе: “Пока вы не узнаете своей основной черты и не осознаете ее, вы не сумеете войти в свою сущность и останетесь привязаны к личности”. Кто-то попросил: “Приведите, пожалуйста, конкретный пример”.

Гурджиев сказал: “Посмотрите на сидящего передо мной. Основная его черта в том, что его никогда нет дома”. Всем было видно рассеянное выражение на лице этого человека. Встрепенувшись, он спросил: “Простите, что вы сказали?” – потому что основная его черта в том, что его нет дома. Он всегда где-то еще, а хочет расти. Невозможно: чтобы расти, надо быть дома.

Гурджиев повернулся к другому и сказал: “Посмотрите на него. Его основная черта – то, что он всегда спорит со всеми и обо всем”. Тот разгорячился и сказал: “Вы неправы! Я никогда не спорю!” Выясните, что вы защищаете. Это может стать ключом внутрь.

Как раз прошлым вечером одна саньясинка сказала, что с детства она чувствовала, что глупа. Она боится этого и потому продолжает защищаться. Она старается не делать ничего глупого. А теперь ей очень трудно, ведь что тут сделаешь? Можно стараться, но кто будет стараться? – глупый ум будет стараться. Стараясь, вы делаете ту же глупость. Глупый человек... а все люди глупы, пока они не станут сознательны и пробуждены. Все люди глупы. Так что когда я говорю “глупый”, я не осуждаю – просто обозначаю состояние неосознанности. Каждый рождается глупым. Счастливы те немногие, кто не умирает глупым.

Глупость – это сон, в котором вы живете. Как можно избежать его? Как крепко спящий может избежать снов? Если он пытается, он создает новый сон. В самом избегании он делает глупость. Не избегайте. Примите это! Потому что избегание – попытка защитить. Вы не хотите, чтобы кто-нибудь знал, что вы глупы, но это не поможет. Но дело в том, что, постоянно избегая, вы можете сами забыть, что глупы. Тогда вы укоренитесь в этом. Тогда нет выхода. Вот как вы создаете себе трудности. Вы избегаете их. Тогда вы обманываете других и постепенно обманываете себя.

Люди приходят ко мне с проблемами. Но это не настоящие проблемы. Редкий человек приходит с настоящим вопросом. На самом деле, они точно не знают, в чем их проблемы. У них ложные проблемы: не такие, чтобы можно было заняться их решением. Они никогда не смогут решить их, потому что реальная болезнь может исчезнуть, нереальная болезнь не может исчезнуть. Прежде всего, ее нет. Как же ей исчезнуть? И борясь с ложными болезнями, они ограждают настоящую болезнь. Они дают время настоящей болезни расти и шириться и становятся подобной опухоли в их теле.

Увидеть подлинную проблему трудно, потому что с самого начала вас учили ее избегать.

В газетах Пуны я каждый день читаю, что кто-то умер: умер муж, умерла жена, и в памяти отпечатались одна фраза: “Моя жена перешла в лучший мир год тому назад”. Вы не говорите “смерть”. Это слово слишком настоящее и бьет слишком сильно. “Перешла в лучший мир...” Кого вы обманываете? – не жену, которой уже нет. Вы обманываете себя. Вы боитесь смерти. Вы прячете смерть в замечательные слова: “перешла в лучший мир”. Теперь не страшно; даже и самому туда немного хочется.

Смерть – основная проблема. Вы придумали условное обозначение и можете вовсе о ней забыть. И это вы делаете всю жизнь. Вы злитесь, – но вы не говорите, что вы злитесь. Вы говорите: “Я раздражен”. Раздражение не осуждается.

Я читал об одном квакере. Очень верующем квакере. Ночью к нему забрался вор. Квакер схватился за ружье. Он хотел сказать: “Ах ты сукин сын!”, но не мог так сказать. Квакер, верующий: разве так можно? И он сказал: “Дорогой мой, вы стоите как раз там, куда я собираюсь стрелять. Пожалуйста, не шевелитесь! Я не хочу вас убить; но так уж случится. Вы стоите там, куда я собираюсь стрелять”. Как может квакер убить? Вы все время обманываете. Ваш язык, философия, религия – все обман.

Как-то в разговоре я употребил слово “писать”. Ананда Прем тут же написала мне целое послание, где объясняла: “Пожалуйста, не произносите это слово; надо говорить +мочеиспускание+”. “Мочеиспускание” – это медицинский термин. Никто не мочеиспускается. Так только в учебниках. “Писать” – это жизнь. По одному звучанию уже понятно. Но реальность следует прятать. И тогда

я понял, почему Ананда Прем такая правильная – она мочеиспускается. Тут уж придется быть правильной. Будьте настоящими, подлинными, верными, верными жизни. Но даже слова...

Я расскажу вам одну историю.

Женщина с маленьким мальчиком пришла послушать так называемого святого. Как раз на середине проповеди мальчик начал ерзать, а затем громко сказал: “Я хочу пойти пописать”. Святой, конечно, очень рассердился: такое мирское дело в таком святом месте. Он сказал: “Надо научить его себя вести. Иначе не приводите его сюда. Это не только неприлично, это оскорбительно”. Женщина попросила: “Не скажете ли вы мне, как его научить?” “Можно придумать заменяющее слово. Пусть говорит: +Я хочу петь+. А вы поймете”.

Так женщина и научила мальчика.

Через год святоше случилось навестить ее и погостить у нее. Как-то женщина отлучилась в город к заболевшей матери, так что святоша остался с ребенком. Среди ночи, часа в два, ребенок разбудил святошу и сказал: “Я хочу петь”. Но к тому времени святоша забыл замену. Прошел целый год.

– Хочешь петь? Сейчас не время петь!

– Но я пою каждый день. Даже дважды, – возразил мальчик.

– Ну и глуп же ты, – начал святой, – поют днем, а не ночью. Не беспокой меня, замолчи и отправляйся спать.

Через несколько минут ребенок пришел опять.

Не могу я спать. И если вы мне не позволите, я говорю вам, это произойдет само собой.

– Что за пение такое? – проворчал святоша. – И соседей разбудишь. Иди спать!

– Я не могу спать, – ответил мальчик. – Сначала я должен попеть.

– Ну хорошо, – согласился святой. – Только прямо мне в ухо и очень медленно.

Ну, мальчик пошел! Тогда святой вспомнил замену.

Никогда не прикрывайтесь заменами. Будьте истинными. А жизнь проста; но из-за вашего притворства вы все усложняете. Не усложняйте.

Девяносто девять процентов ваших болезней – ваших рук дело. Будьте пробужденными и наблюдайте. Если вы глупы, значит, вы глупы. Это достигший вас луч мудрости, первый луч: то, что вы чувствуете свою глупость, очень хорошо. Понять, что ты глуп, значит уже быть умным. Поняв, что ты слеп и не видишь света, ты уже на пути. Теперь что-то возможно.

Но слепой продолжает представлять себе, что он знает, что такое свет. Ему грезится свет, ему грезятся глаза. И если кто-то скажет, что он неправ, он готов защищать себя, обороняться, рассуждать, спорить. Взгляните на факт, как он есть. Что бы там ни было, принять это хорошо. Вы слепы – каждый рождается слепым. Если бы у вас были глаза, не надо было бы рождаться. Вы рождаетесь только для того,

чтобы научиться видеть. И с самого начала вы начинаете думать, что у вас есть глаза.

Вы рождаетесь здесь, чтобы стать просветленными. Жизнь – это процесс просветления. Если вы живете правдиво, неизбежно придет блаженство Будды. Это не внешнее событие; семя его вы носите в себе. Дайте только добрую почву, и семя прорастет. Будда расцветет в вас. Блаженство Будды – не случайное событие, но не для избранных – это судьба каждого. Задержать вы можете, но, достигнув, нечем хвастаться. Я повторю: задержать вы можете, но, достигнув, нечем хвастаться. Это так обычно. Это ваша сущность. Нужно только отбросить личность. Личность – это обман.

Наблюдайте. И всегда будьте истинными. Что бы вы ни говорили о себе, говорите правду, вы никогда не будете проигравшим. Поначалу кажется, что если вы скажете, что вы глупы, то все узнают об этом, – но глупость не та вещь, которую можно прятать. Все уже знают, кроме вас. Все уже знают. Только вы обмануты. Отбросьте все обманы, потому что в конце концов вы, конечно же, убедитесь, что никого не обманули, только себя. И никто ничего не потерял. Только вы сами.

Отбросьте все коды. Отбросьте все фальсификации. И когда я говорю: “Отбросьте”, я не имею в виду, что нужно совершить усилие. Просто смотрите – и они уйдут. Видение – это отбрасывание, и поэтому, если вы чувствуете “у меня нет глаз, чтобы видеть”, – глаза начинают открываться. Если вы чувствуете “у меня нет ушей, чтобы слышать”, вы уже слышали меня. Если вы говорите “я совершенно глуп”, интеллигентность появилась – первый луч проник в вас. “Вы обещаете нам освобождение...” Я не обещаю вам ничего... Это уже обещано вашей судьбой. Вы здесь для этого. Как я могу что-то обещать? Кто я такой, чтобы обещать? Я могу обещать лишь потому, что я знаю: это уже здесь.

Я знаю – знаете ли вы или нет – что это уже здесь. Я могу видеть пламя внутри вас. Вы, может быть, забыли это. Но я могу проникнуть и видеть. Я обещаю, потому что знаю, что это уже здесь. Именно сейчас это факт вашего бытия. Ничего не нужно делать, нужно стать лишь немного более бдительным, немного правдивее, немного более в сути. Не привязывайтесь к личности, которую вы создали вокруг вас. Идите в центр.

Вы чувствуете: “Как это возможно в таком безнадежном случае как я?” Каждый, кто идет по пути, чувствует беспомощность, а тот, кто никогда не шел по пути, чувствует себя очень сильным.

Всякий, кто идет по пути, чувствует беспомощность, так как он становится мягкий; на пути он начинает осознавать, какими, в действительности, являются вещи. Он начинает осознавать, какой он маленький. Начинает осознавать незначительность своего собственного существования и огромность окружающей реальности. Ты лишь Малая капля в бесконечном океане и, конечно, ты чувствуешь беспомощность.

Но если вы чувствуете беспомощность, это отброшено, и в первый раз изо всех уголков и закоулков бытия помощь обрушивается на вас, весь океан обрушивается на вас. В вашей беспомощности капля падает – и вы становитесь океаном. И поэтому вы говорите: “С другой стороны, иногда я наполнен милостью”. Да, это случается. Это часть всего процесса. Если вы чувствуете беспомощность, вы почувствуете также и благодать, достигающую вас. Если вы чувствуете, что вы уже сильны, дверь закрыта и вы не нуждаетесь в благодати.

Есть одна древняя история. Кришна был дома. И его жена Рукхамани принесла ему еду, и он был готов уже вкусить, но отбросил еду и поспешил к двери. Затем он остановился у двери на мгновение, вернулся назад и начал есть.

Рукхамани удивилась. Она сказала: “Что случилось? Ты поспешил к двери, как будто бы случилось что-то очень срочное, как будто весь дом в огне или кто-то умирает, а затем ты остановился и вернулся. Я удивлена; скажи мне, в чем секрет?”

Кришна сказал: “Один из моих преданных, любящих, проходил через большой город. Он почти помешался в любви ко мне. Люди швыряли в него камни. Они думали, он сумасшедший. И когда камень попал в него и хлынула кровь, он только повторял: “Кришна, Кришна” и танцевал. Он был так беспомощен, нужна была моя помощь. Вот я и кинулся”.

“Что же произошло? Почему ты повернул от двери?” – спросила Рукхамани.

“Когда я добежал до двери, – ответил Кришна, – он взял в руку камень. Он сам начал кидать камни. Теперь я не нужен. Он взял дело в свои руки. Я не нужен”.

Бог приходит к вам, когда вы беспомощны. Когда вы сильны, Бог не нужен. Божество проникает в вас, когда вы пусты. Когда вы слишком полны собой, это не нужно. Беспомощность – это способность звать, пригласить благодать.

Благодать всегда доступна, только вам надо быть беспомощными. Но в своем “я” вы чувствуете себя сильными. Вы чувствуете себя хозяином. Вы чувствуете, что все вам нипочем. Вы чувствуете, что все умрут, только не вы. Вы чувствуете себя главным, а нет ничего в этом главенстве; это просто пузырь, мыльный пузырь – внутри ничего, кроме пустоты.

А вы знаете: дотронься до пузыря – и его нет: он лопается. Чувствуйте себя беспомощными – и вы больше никогда не будете беспомощны. Чувствуйте себя пустыми – и вас наполнит Божество. Вот и весь секрет.

“А с другой стороны, порою меня наполняет такой благодатью, что не описать никакими словами”.

Да, благодать нельзя описать, потому что когда она приходит, то ума, который описывает, нет. Когда она приходит, ум перестает

существовать. Кто может дать ответ? Отчитывающегося нет. Она приходит, когда ума нет, а описать мог бы только ум.

“Что происходит? И где тогда я?”

Вы тогда нигде. Как только вы возвращаетесь, благодать уже исчезла. Когда вас нет – Бог есть. Когда вы есть, Бога нет. Ваше присутствие – это его отсутствие. Ваше отсутствие – это Его присутствие. Распните свое “я” – и вы воскреснете в величайшую бесконечную жизнь.

Нуждается ли Будда в каком-нибудь дополнении? Что дополняет Будду?

В Будде или блаженстве Будды нет никакой полярности. Оно ничему не противоположно. Оно вне противоположностей. День противоположен ночи. Любовь противоположна ненависти.

Блаженство Будды ничему не противоположно. Оно значит: преодолеть двойственность. Когда вы ни день и ни ночь – вы Будда. Когда вы ни жизнь и ни смерть – вы Будда. Когда вы ни то и ни это, нети-нетти, – вы Будда.

Бытие Будды означает трансценденцию двойственности. Бытие Будды – это все и ничего. Нет ничего полярно противоположного ему. Нет ничего дополняющего его. Помните это. Вы бы хотели стать Буддой потому, что вы хотите стать счастливым. Но тогда вы не понимаете. Бытие Будды за пределами счастья и несчастья. На этом я настаивал во вчерашней беседе. Оно за пределами агонии и также за пределами экстаза. Поэтому человек, который и в самом деле достиг экстаза, – вы в нем не увидите никакого экстаза. Агония исчезла, и экстаз тоже. Мир исчез, нирвана тоже; тело исчезло, душа тоже. Потому что все это – противоположности. Они имеют значение, лишь когда существует второе.

Вы наблюдали, если вы спросите у ученых: “Что такое материя?, они ответят: “Не ум”. “А что такое ум?” Они ответят: “Не материя”. Теперь посмотрите на всю глупость: когда вы хотите определить материю, вам нужно ввести ум, который сам неопределен. Чтобы определить одно, вы вводите другое неопределенное? Как вы можете определить что-то через нечто другое неопределенное. “Что такое материя?” Вы говорите: “Не ум”. А когда спрашивают: “Что такое ум?”, вы вводите материю: “Это не материя”.

Противоположности зависят друг от друга. Вы не можете определить любовь, не вводя ненависть. Что это за любовь, которая нуждается в ненависти, чтобы быть определенной? Вы не можете определить жизнь, не внося смерть. Эта жизнь не может нести многое от жизни. Что это за жизнь, которая нуждается в смерти, чтобы определить ее.

Есть жизнь за пределами жизни и смерти. Есть любовь за пределами любви и ненависти. Эта любовь, эта жизнь есть бытие Будды,

превосходящее все противоположности. Поэтому не выбирайте! Если вы выбираете, вы будете в трясине. Не выбирайте! Невыбирающее сознание – это цель. Просто оставайтесь в стороне. В то мгновение, когда вы выбираете, вы попали в капкан мира или в капкан ума.

Говорят, что Ринза, великого Мастера Дзен, спросил ученик: “Я покинул целый мир, оставил его. Почему же я еще жду нирваны, почему просветление еще не произошло?”

Ринза сказал: “Вы оставили мир, теперь оставьте просветление, иначе оно не случится. Потому что, чем бы вы ни называли просветление – это прямая противоположность вашего мира. В вашем понимании просветления ваш мир все еще присутствует. Может быть, он существует как отрицание, но все-таки он существует. Отбросьте и просветление также”. И говорят, что ученик понял. Он засмеялся. И Мастер сказал: “Закончено. Вы достигли!”

В единое мгновение это возможно, но если вы привязываетесь к двойственности, тогда многие жизни вы можете продолжать, продолжать и продолжать. Попытайтесь увидеть суть: это лишь вопрос видения и ясности. Попытайтесь увидеть суть; то, что вы не можете выбрать одно, не выбирая противоположное.

Если вы выбираете любовь, вы уже выбрали ненависть. Любовь – это отношения “любовь-ненависть”. Если вы выбрали любовь, вы уже выбрали ненависть; она будет прорываться на фоне вашей любви, появляясь много раз. И вам нужно будет расслабиться, потому что никто не может любить двадцать четыре часа в сутки. Где же вам расслабиться? Вы расслабляетесь в ненависти потому, что она рядом. Вы будете бороться, и после борьбы вы опять готовы к любви. Теперь вы уже сыты ненавистью – и опять вы падаете в любовь. Так вы продолжаете двигаться: счастливый, несчастный; грустный, экзотичный; в муке, в любви...

Но эти противоположности – две стороны одной монеты. Когда голова поднята – хвост спрятан, когда поднят хвост – спрятана голова. Прямо рядом, подобно тени, следует противоположное. Понять это – значит стать Буддой. И тогда вы не желаете, потому что само желание станет выбором. Тогда вы не говорите: “Я хочу любить, я не хочу ненависти”. Если вы хотите любви, вы уже хотите ненависти. Вы уже попали в капкан. Если вы понимаете, двойственность и ее капкан – вы просто смеетесь, “вы не выбираете. Вы говорите: “Достаточно! Я теперь понимаю, я не выбираю”. В этом отсутствии выбора в вас растет колонна осознанности, пламя сознания. Вы трансформированы.

Отсутствие выбора – это алхимия трансформации, внутреннего изменения. Рождается новое существо, которое не имеет ничего общего с прошлым. Которое абсолютно оторвано от прошлого, оно не имеет желаний – и, когда нет желаний, первый раз вы живете. Желание не позволяет вам жить. Оно продолжает выталкивать вас в будущее, оно не позволяет вам быть здесь и сейчас. Оно не позволяет вам отпустить себя, оно не позволяет вам струиться, оно не позволяет вам двигаться к

приливной волной. Желание создает борьбу, желание говорит: “Борись за цель, тебе нужно чего-то достигнуть”. Жизнь ничего не достигает, это чистое удовольствие; это просто здесь и сейчас! Желаящий ум всегда где-то еще. То, что сказал Гурджиев об этом человеке, справедливо для многих: вы никогда не дома. Вы нашли свое убежище в желаниях. Жизнь всегда здесь, вы всегда где-то еще. Вы можете быть где угодно, но вы никогда не здесь. Невыбирающее сознание – это здесь и сейчас. Оно живет. Лишь оно живет. Лишь оно может жить. Вы лишь надеетесь, вы никогда не живете. Вы думаете жить. Вы планируете, но никогда не живете. Вся ваша жизнь проходит в планировании – в думании о завтра, думании о том, как насладиться завтра, упуская сегодня. А завтра нет.

Я скучаю во время ваших бесед, а затем я боюсь и чувствую вину.

Этот вопрос от Свами Вишну Чайтаны. Скука – это твоя основная характеристика. Поэтому не избегай ее. Скучаешь – знай это, наблюдай это. Осознавай это. Есть много людей, основной характеристикой которых является скука, которые всегда скучают во всем. Возможно, в начале вы влюбляетесь в женщину – и вы не скучаете, но на следующий день, в следующий час, в следующую минуту вы скучаете – то же лицо, те же глаза; известна вся топография, и география пройдена. Теперь уже ничего нет. Закончено. Вам наскучило. Каждый день встает то же солнце, каждый день та же Луна, каждый день вещи движутся по кругу, рутинно; вам наскучило. Каждую секунду дыхание входит и выходит; ничего не кажется новым. Иногда вы волнуетесь, увидя что-то новое, но вскоре оно становится старым. А раз старое, волнение проходит. И вы снова ищете что-то новое.

Я слышал: Генри Форд праздновал золотую свадьбу. Он был очень счастлив. Редко через пятьдесят лет бывают так счастливы в браке, как он. Кто-то спросил: “Невероятно. Особенно в Америке. Невероятно: вы все еще счастливы с женщиной, на которой женились пятьдесят лет назад. Пятьдесят лет – это почти пять веков. Так кажется почти с самого начала. Пятьдесят лет, целая жизнь – и вы все еще счастливы? И все еще выглядите влюбленным? В чем дело?” Генри Форд сказал: “То же, что и с машинами: я придерживаюсь той же модели. Я никогда не пытался менять моих машин, и я никогда не пытался менять модель моей жены. Но она новая каждый день. Она никогда не старилась, и мне не было скучно”.

Так что скука оттого, что вы не знаете, как найти новизну в каждый миг. Да, солнце поднимается каждый день, но оно не одно и то же. Другое небо. Другая поэзия. Другой цвет. Оно никогда не бывает одним и тем же. В существующем ничего не повторяется, но он кажется повторяющимся, потому что вы не в напряженном пробуждении. Если вы в напряженном пробуждении, все вокруг новое. Если вы полностью

пробуждены, все полностью новое. Пыль старого никогда не оседает на нем.

В каком-то смысле я каждый день говорю одно и то же. С другой стороны, я еще ни разу ничего не сказал дважды. Все зависит от вас. Если вы слушаете и крепко спите, похрапывая, вам скучно. Но не вините меня, это ваше. Мне не надоедают ваши лица. Не надоедают ваши проблемы. Каждый вечер с нетерпением я жду вас. Каждое утро с нетерпением я жду вас. Вам скучно – значит, дело в вас. Подумайте обо мне: ваши проблемы и ваши лица, всевозможная глупость, которую вы приносите. Я всегда счастлив слышать вас, потому что каждая индивидуальность так уникальна, что вы не можете принести чьих-то чужих проблем, вы всегда приносите свои проблемы.

Вы меняетесь в каждый миг. Вы – река. Сегодня она течет в одном направлении и климате. Завтра – в другом. Я не разу не видел одного и того же лица дважды. Оно меняется. Оно постоянно меняется. Но надо иметь проницательные глаза, чтобы это видеть. Иначе опускается пыль, и все становится старым, кажется, что все уже было. Решает отношение.

Слушайте сознательнее. Пробудите себя. Когда чувствуете, что вам надоело, лягните себя, как следует. Себя, а не другого, – лягните. Откройте глаза. Пробудитесь. Слушайте снова. Скука – одна из величайших проблем человеческой жизни. Ни одно животное не скучает. Видели ли вы скучающее животное? Ни звери, ни птицы, ни деревья никогда не скучают; скучают только люди. Почему? – они утратили естественное течение жизни. Чем больше вы уходите от сущности и своей внутренней жизни, тем больше все будет мертвым, а вам будет скучно. Вернитесь домой. Будьте частью существования: деревьев, камней и рек, неба, солнца и луны, зверей и птиц. Вернитесь домой.

И глядите на все, как ребенок: свежо, юно. Иисус сказал: “Пока не станете как дети, не войдете в Царствие Небесное”. Что он имел в виду? В чем достоинство ребенка? – ребенок всегда свеж и никогда не скучает. Вы замечали? Расскажите ребенку сказку. Он слушает, радуясь. И просит: “Дядя, расскажи снова”. Ту же сказку! Он просит: “Расскажи снова” Теперь он радуется еще больше. Вы рассказали, а он говорит: “А теперь снова”. Вы не можете понять, что происходит с ребенком, потому что сказка та же самая. Но для ребенка она никогда не бывает той же самой. Каждый вечер он слушает ту же колыбельную, но она не бывает той же самой. Его сознание так свежо, что грязь не садится на него.

Ваше сознание так загрязнено, что вы не в состоянии отражать. Даже когда я говорю одно – вы понимаете другое. Ваша пыль мешает. Я говорю что-то, вы понимаете совсем другое. И вы понимаете то, что вы уже знаете. Конечно, вы повторяетесь. Вам скучно. Я не говорю одного и того же. В самом глубоком смысле я говорю одно и то же, но это то же совершенно свежее и всегда новое. Свежесть – его внутреннее

свойство. Истина никогда не стара. Она вечна. Она не принадлежит времени, в котором все бывает новым и становится старым.

Так что, если вам скучно, осознайте эту черту скуки и станьте более жизненным, более понимающим – и вы почувствуете меньше скуки. Сделайте свое понимание глубже, яснее, прозрачнее – и скука исчезнет. Надо что-то делать с собой. Дело не во мне и том, что я говорю; это черта личности. Вы найдете ее во всем. Куда бы вы ни пошли, вы будете сеять скуку вокруг себя. Все будет надоедать.

Ничто не может вам дать открытого изумления ребенка, бегущего за бабочкой или собирающего цветные камешки на берегу моря. Вы думаете: “Какая чепуха. Эти камни никому не нужны”. Но для ребенка это не товары, которые можно купить и продать. Эти камни не связаны с деньгами. Каждый камень уникален, это Кохинор. Ценность внутренняя. Она не определяется ни на каком рынке: это не товар. И что бы вы ни говорили, ребенок продолжает собирать. Каждое утро он идет и собирает камни.

Но раньше или позже вы разрушите его сознание. Его сущность будет потеряна. Возникнет корка личности, и он тоже будет думать: “Эти камни никому не нужны. Вот бриллианты... Да, они нужны”. Это тоже камни, но они нужны. Почему? – у них есть рыночная ценность. Но сама жизнь не имеет цены. Цена определяется дураками, которые бегают по рынку. Они оценщики. Они решают. Теперь всегда будет скучно. Если вы хотите достигнуть свежего потока сознания, отбросьте личность и ценности, связанные с ней. Снова станьте ребенком!

В этом состоит суть медитации. Стать ребенком снова и посмотреть свежими глазами, взглянуть опять с новым осознанием, и деревья станут зелеными. Цветы расцветут – тогда они станут бесконечно ценными. Но ценность эта не рыночная, она от сердца. Тогда вы слушаете меня, тогда я не говорю вам. Тогда это не просто слова, которые я сообщаю вам. Я расскажу вам одну историю.

Случилось вот что: у великого хасидского Мастера рядом с ним всегда лежала книга. И он никогда не разрешал никому смотреть в нее. Когда никого не было рядом, он закрывал окна и двери, и люди думали: “Теперь он читает”. А когда кто-то был, он откладывал книгу в сторону. И было запрещено касаться ее. И, конечно, все заинтересовались. Когда он умер, первое, что сделали ученики, – они забыли о старом Мастере; он был мертв, и никто не мог запретить им. Они бросились к книге: она, должно быть, содержала нечто очень значительное. Но они очень расстроились; лишь одна страница была исписана, остальные страницы были пусты. И на этой странице было немного, лишь одно предложение. А предложение гласило: “Когда вы можете сделать различие между оболочкой и содержимым – вы становитесь мудрым”.

Если вы слушаете оболочку, слова, то вы скучаете, но если вы оживитесь, вы будете в глубоком экстазе. Я не говорю ради того, чтобы говорить. Мне не нужно передать словами никакого послания. Я не хочу ничего сказать. Я не пытаюсь показать что-либо. Это не слова, эти

слова несут мое молчание. Эти слова есть лишь оболочка. Не беспокойтесь об оболочке, смотрите на содержание. Эти слова – живые, в них биение моего сердца. Я несу их вам как подарок. Это не доктрины, в лучшем случае, вы можете называть их поэзией. В лучшем случае, вы можете называть меня хорошим рассказчиком – и это все!

Я не философ, не теоретик, не теолог. У меня есть нечто внутри, чем бы я хотел поделиться с вами. И потому, что вы не можете понять молчание, я вынужден использовать слова. Когда вы будете готовы понять мою тишину, я отброшу слова. Тогда я буду смотреть в вас. Но сейчас вы не дома. Если я смотрю в вас – там никого нет. Поэтому мне нужно громко стучать. Мои слова есть не что иное, как стук в вашу дверь, чтобы вы могли прийти домой. Примите мой дар.

Как я могу быть подлинным, как я могу говорить и действовать правдиво, когда общество и мир, от которых я завишу, базируется на лжи и неправде?

Тогда будьте фальшивым. И не создавайте себе никаких трагедий. Но жизнь, для которой вы собираетесь фальшивить, рано или поздно уйдет от вас. Смерть неизбежна.

Так что если хотите жить в лживом обществе, с удобствами – живите с удобствами. Но комфорт никуда не ведет, кроме смерти. То, что вы называете удобствами и комфортом, я называю удобным способом умереть. Это медленное самоубийство.

Но выбор за вами. Я не налагаю на вас никаких структур, никаких целей. Я просто называю вещи своими именами: если вы хотите удобно, с комфортом умирать, идите на компромисс с окружающей вас ложью. Но где-то внутри вам никогда не будет удобно. В сердце останется беспокойство. И я хорошо знаю: стать подлинным и правдивым мучительно. Иначе почему стольким приходится быть лжецами? Почему стольким людям приходится прожить жизнь лжеца? Стать подлинным мучительно. Это тапасчарья. Это аскеза.

Начиная быть подлинными, вы вступаете в конфликт. Но этот конфликт окупается. Это цена, которую приходится платить за то, чтобы достичь внутренней жизни. Приходится платить. Этого нельзя избежать. Если вы хотите жизни, полной вечной благодати, жизни вне смерти, жизни вечной, приходится пройти эту аскезу. Но аскеза эта – только вначале. Она только в начале, – вы же становитесь посторонним жизни, где каждый – лжец, где каждый – лицемер, где каждый пытается показать себя не тем, что он есть. Если вы становитесь правдивым, вы – не подходите. Но это только вначале. Вы не подходите обществу, но внезапно вы подходите Богу. А того, кто подходит Богу, мало волнует, устраивает он общество или нет. Он входит в высшую гармонию.

Только в начале, когда вы еще не в высшей гармонии, но уже потеряли связь с этим крошечным обществом и его так называемой гармонией, в переходный период, в этом разрыве, есть некоторое

неудобство. Вы чувствуете себя посторонним, чужим – отчужденным. Но это только на короткий период, и дело стоит того.

Когда вы вступаете в высшую гармонию с Богом, космическую гармонию с деревьями и реками, с камнями и песчинками, – кого будет волновать ваше глупое общество, установления и направления? Кого волнует ваше глупое общество, истэблшмент, правительство? Им нечего дать. Вся структура ложна. Они только притворяются. Только обещают. Они дают надежду, но она не оправдывается.

Как только вы вступаете в высшую гармонию, вас это больше не волнует. Вы принимаете то, что придется быть в маленьком бунтующем конфликте с обществом. Вот почему каждый религиозный человек – бунтарь. Если религиозный человек не бунтарь, знайте наверняка: он просто притворяется, он не религиозен. Христос религиозен, а ватиканский Папа – нет. Папа – ложен, он фальшив. Он устраивает общество. Христос – бунтарь. Христианство – против Христа. Все религии – псевдорелигии. Буддисты против Будды, джайны против Махавиры, христиане против Иисуса, евреи против Моисея и Баал Шем Това. Они живут в другой гармонии – гармонии целостности.

Ваше общество просто крошечное. Подумайте, что такое Земля – крошечная лампочка в необъятной Вселенной. Нечем особо хвастаться. А людское общество на Земле – еще меньше. А в обществе – еще меньшие частички: христиане, протестанты – еще меньше. И так далее. Вы создаете меньшее частичное вместо большого целого – и задыхаетесь. Вам тесно, не двинуться, нет пространства вокруг. Почему не смотреть на небо и не обладать всем доступным пространством? Но вы говорите: “Нет, я индус. Я не могу жить небом всех людей. Я человек; я не могу жить миром всех существ. Я душа; я не могу быть во всем космосе существования. Почему вы ограничиваете себя? Я знаю, это немного удобнее. Приятно чувствовать себя индусом: надо чему-то принадлежать. Приятно чувствовать, что это твоя страна: это дает чувство почвы под ногами, можно на что-то опереться. Но это становится и тюремным заключением.

Оставаясь в открытом небе, чувствуешь страх, одиночество, – но свобода всегда в одиночестве. Одиночество необычайно прекрасно, но поначалу оно кажется ужасным, потому что вы никогда не знали одиночества. Вы всегда жили в семье, в обществе, общественных нормах, там и сям. Вы никогда не были один. Религия – искусство быть одному. Религия – это: что вам делать со своим одиночеством. Она не связана с толпой. Это значит – приблизиться к подлинному источнику своего существования, к самому центру.

Так что выбор за вами. Я ни к чему вас не принуждаю. Если хотите жить удобно – конечно, жизнью лицемерной, ложной, безвкусной, скучной – живите в тюрьме. Это комфортабельно и удобно. Но если вы хотите свободы, то надо быть немного мужественным, потому что свобода только для тех, кто смел. Если вы хотите отправиться в бесконечное небо Господне, космос, придется оставить маленькие

общности, которые вы называете обществом, религией, церковью. Из них надо выйти – из пещер, которые в страхе создал ум.

Всегда помните: бунт – сама сущность религии. И в мире нет ничего прекраснее, нет большего экстаза, чем быть бунтарем. Надо понять это слово. Я не имею в виду, что, будучи бунтарем, надо быть революционером, нет.

Революционер – в той же самой ловушке. Он хочет изменить общество. Он считается с обществом и государством. Революционер может быть против этого общества, но он не против общества как такового. Революционер против этого общества, и он хочет создать другое – общество своего воображения, свое общество, свою утопию, – но он не против общества.

Бунтарь – вне. Его не волнует ни это общество, ни любое другое. Он знает, что все общества станут заключениями. В лучшем случае, они могут быть сносными, и все. На самом деле, свободное общество невозможно. Общество не может быть свободным. Ни одна революция не может иметь успех, все революции были неудачны. Все знающие понимают, что революции невозможны сами по себе.

Изменить толпу невозможно – у толпы нет сердца. Изменить структуру невозможно – люди привязаны к структуре. Ее можно заменить – дать людям другую структуру. Могут заменить эту структуру на другую. Капиталистическое общество может стать социалистическим. Социалистическое общество может стать коммунистическим. Коммунистическое общество может стать фашистским. Они могут менять свою структуру, они могут менять свое обличье, они могут менять свое рабство. Но они не могут быть свободными. Толпа боится быть свободной. Она цепляется. Она хочет принадлежать. Внутренняя пустота заставляет каждого принадлежать кому-то, чему-то: какой-то догме, партии, нации, философии, церкви. Тогда человек чувствует: “Я не один”.

Свобода – это способность быть одному. А когда вы бесконечно одиноки, достигается чистота, невинность. Эта чистота есть религиозность.

Бунтарь – тот, кто оставил все надежды на социальную революцию. Бунтарь – тот, кто знает, что общество всегда остается тем же. Революция меняет внешнюю форму, но внутри все остается тем же.

Только индивидуальность может меняться. Только индивидуальность может стать Буддой. Общество никогда не достигнет просветления. Все общества всегда остаются варварскими, грубыми, примитивными. Только индивидуальность может достичь этой высоты, этой высочайшей вершины, – будучи совершенно одна, в полном молчании, в полном единении с существованием.

Будьте бунтарем. Не принимайте революцию за бунт. Революция – это игра общества. Бунт – проникновение в то, что общество будет следовать своим избитым, прогнившим путем.

Вы выпали; я не говорю, что вы убежали. Это выпадение – внутреннее явление. Вы остаетесь в обществе, но вы больше не в нем. Вы не принадлежите ему. На поверхности – вы остаетесь в нем.

Вы ходите на рынок, на службу, на завод. Вы делаете дела; но внутри вы больше не часть этого. Вы стали цветком лотоса: вода общества скатывается с вас. Это я называю выпадением.

Я не имею в виду хиппи, потому что хиппи вернутся, рано или поздно. Они должны вернуться. Вот почему нет старых хиппи – только молодежь. К тридцати годам они возвращаются в истеблишмент. Они начинают бояться. К тридцати годам они женятся, имеют детей. Что же теперь делать? Они возвращаются назад, в истеблишмент. Теперь их дети станут хиппи, но они сами станут почтенными гражданами.

Даже когда хиппи оставляют общество, они создают свое собственное. Тогда они начинают принадлежать этому обществу. Если вы хиппи – и не носите длинные волосы, вы становитесь чужим для хиппи. Если вы хиппи – и не грязный, умываетесь и пользуетесь полотенцем, вы не подходите.

У них свои правила; у них свое, альтернативное общество. Оно мало, но у них есть свои правила, формы, манеры, язык, система отношений, и они традиционны, как и все другие. Может быть, это традиция против традиций, но это традиция. У них свой конформизм.

Настоящий выпавший – тот, кто выпал внутренне. Внешне он продолжает жить, находится в обществе, потому что от этого никуда не уйдешь. Но в глубине он не там. Он закрывает глаза – и больше он не член общества. Когда он приходит домой, он забывает завод, рынок, свое учреждение – все. Общество остается снаружи; он не пускает его внутрь. Вот что я имею в виду, говоря “выпавший”.

Выпадение – это впадение внутрь! Впадите внутрь – и вы будете настоящим выпавшим.

Когда к нам придет любовь? Для меня, чем больше я ухожу внутрь, тем меньше во мне любви. Мне кажется, что я потерял потребность в выражении любви к другому, особенно к тем, кого я любил раньше: девушке, матери, друзьям. Когда к нам придет любовь?

Это действительно трудно понять, потому что это не имеет отношения к пониманию. Георгий Гурджиев за всю свою жизнь никогда не говорил о любви. Он не написал ни строчки о любви. Однажды ученики крепко надели на него: “Скажите хоть несколько слов. Вы никогда ничего не говорили о любви. Почему вы не говорите о любви?” Гурджиев сказал: “Для таких, как вы, любовь невозможна. Пока вы не узнаете любовь, все, что я скажу, вы не поймете”. Он собрал все свои чувства о любви в одно предложение. Он сказал: “Если вы можете любить, вы можете быть; если вы можете быть, вы можете действовать; если вы можете действовать, вы есть”. И затем: “Не принуждайте меня больше, я мало что смогу добавить”.

Любовь обычно невозможна. Любовь – это заблуждение. Для таких, какие вы есть, любовь – это заблуждение. Она невозможна. Вы не можете любить – потому что, прежде всего, вас нет; вы только думаете, что вы есть. Вы не едины, вас толпа. Как вы можете любить? Одно “я” влюбляется, другое ничего об этом не знает. Одно “я” говорит, что любит, другое в то же время думает о ненависти, третье уже погрузилось в ненависть. Вас целая толпа внутри; вы не кристаллизованное целое, вы не едины. А любить может только тот, кто един.

Любовь – не отношение. Любовь – это состояние бытия. То, что вы называете любовью, не есть любовь. Вот почему это происходит: чем больше вы уходите внутрь, тем меньше, вам кажется, в вас любви, потому что названное вами любовью не было таковой. Она была поддельной, ненастоящей. Она относилась к личности, миру лжи, поддельному.

Когда вы погружаетесь внутрь, вы уходите от личности. Вы уходите от любви, о которой ваша личность думала, что это любовь. Не бойтесь. Фальшивое отбросить хорошо, потому что когда фальшивое отброшено, появляется настоящее. Вскоре, когда вы укоренитесь в глубине, появится совсем другая любовь. Но тогда она не будет желанием. Тогда она не будет отношением. Вы будете просто любящим, это станет просто свойством вашего существа. И тогда аромат у этого совсем другой. Тогда любовь никогда не создает ограничений. Тогда вы делитесь без условий. Тогда ваша любовь – это просто способ существования. Вы сидите с любовью. Вы стоите с любовью. Вы двигаетесь с любовью. Вы смотрите с любовью. Тогда все, что вы делаете, имеет качество любви.

Случилось так: хасидский Мастер странствовал инкогнито со своими учениками. Они зашли в караван-сарай и остановились там на ночь. Поутру хозяин караван-сарая подал завтрак и чай. Когда они пили чай, хозяин вдруг упал к ногам Мастера, плача и смеясь одновременно. Ученики были ошеломлены. Откуда он узнал, что этот человек – Мастер? Это было секретом, и ученикам было велено никому не открывать, кто Мастер. Мастер странствовал тайно. Кто открыл тайну хозяину караван-сарая?

Ученики встревожились. Стали спрашивать: никто не рассказывал; никто даже не говорил с этим человеком. Мастер сказал: “Не удивляйтесь. Спросите его сами, как он узнал меня. Никто не говорил ему; он узнал”. Вот они обратились к хозяину: “Даже мы распознать не можем. Мы даже сомневаемся, просветленный он или нет. А мы прожили с ним много лет. Все же иногда возникает подозрение. Как ты узнал?”

Тот ответил: “Я подавал чай и накрывал на стол тысячам людей. Я видел тысячи людей, но никогда не встречал человека, который с такой любовью, такой глубокой любовью глядел бы на чайную чашку. Я не мог не узнать. Я знал всевозможных людей, проходивших здесь –

миллионы людей, – но я ни разу не видел ни одного, смотрящего на чайную чашку с такой любовью, как смотрят на возлюбленную”.

Это, должно быть, был совершенно особенный человек; существо, полное любви. Иначе, кто смотрит на чайную чашку с такой любовью? Чашка это чашка. Ее нужно использовать. Это предмет. Вы не смотрите с любовью. На самом деле, даже на жену не смотрят с любовью. Она тоже предмет обихода, чашка, которой пользуются и отбрасывают. На мужа не смотрят с такой любовью. Муж – это средство.

Любовь возможна, когда все приходит к концу. Тогда даже чашка становится возлюбленной. Любовь – это не отношение; любовь – это аромат, возникающий в вас, когда вы пришли домой. До этого можно говорить о любви, можно мечтать о любви, можно писать прекрасные стихи о любви, но вы не узнаете, что это такое.

Пытайтесь войти в себя. Будет много трудностей, потому что ваша любовь начнет исчезать. Ее никогда там не было, так что хорошо, что ложное исчезает. На самом деле, оно не исчезает, вы только начинаете понимать, что это ложно. Ее никогда не было. Вы обманывали себя. Когда она исчезла полностью, когда ваша индивидуальность отделена от вашей личности; когда то, что вы принесли в мир, отделено от всего того, что дало вам общество; когда вы обнажены в своем бытии и все одежды спали – возникает новая любовь. Это то, что Иисус называет “Бог”. Иисус говорит: “Бог есть любовь”. Ваша любовь – не что иное, как ад. Она никогда не была Богом. Она даже не была раем. Она могла обещать рай, но оказывалась адом. А Иисус сказал: “Бог есть любовь”. Эта любовь возникает только тогда, когда вы достигли своей глубочайшей сердцевины.

Вам придется оставить ложное, чтобы достичь настоящего. Надо оставить тьму, чтобы достичь света. Надо оставить смерть, стать настоящим, подлинно живым. Это цена, которую надо платить. Но вы так эгоистичны, вы цепляетесь. Вы чувствуете: “Если эта любовь исчезнет, я стану пуст”. И ваше эго создает проблему: “Может быть, все не так. Пусть это будет не так”. Там есть что-то, чем эго может питаться.

Однажды случилось вот что: как-то король почувствовал жажду. Он сказал придворным: “У меня сухо во рту”. Он мог просто сказать: “я хочу пить”, – но король есть король, у них все по-своему. Слишком обычно сказать: “Я хочу пить”. И он сказал: “У меня сухо во рту”.

Его слуги тут же побежали на рынок. Они думали и выясняли, что делать, если сухо во рту. Конечно, они и не подумали принести простой воды, – такое не годится королю. И они принесли смягчительное масло.

Король выпил. В горле не стало сухо, но стало еще хуже: вкус был ужасный, тошнило. “Что вы наделали? – спросил он. – Конечно, в горле уже не сухо, но мне еще хуже, чем раньше”.

Позвали лучшего доктора столицы. Тот предложил маринад и уксус. Король выпил. Немного помогло, но заболел живот. Добавили лекарств. Боль в животе прошла, но опять стало сухо во рту. Тогда кто-то принес

пахучий сироп, вино и прочее. Он пил вино, сиропы и все, что ему давали. Ему стало немного лучше, но расстроилось пищеварение.

Один умный старик, который наблюдал всю эту чепуху, сказал: "Я думаю, ваше величество, вам нужно воды, простой воды. Вам хочется пить".

Конечно, король очень рассердился и сказал: "Это оскорбительно – предложить простой воды великому королю. Это для черни – испытывать жажду и утолять ее водой. Я не простой человек. Ты оскорбляешь меня! Более того, это нелогично. Ты же видишь, какая серьезная болезнь. Не помогло столько снадобий. Ты глуп, если думаешь, что простая вода может помочь. Приходил лучший врач – и даже он мало чем помог. Что ты о себе мнишь? Ты что, врач?"

"Нет, я не врач, – ответил старик, – Я только простой человек, но когда так бывает... но я не знаю, как у королей... Извините, простите меня. Я не знаю, как у королей. Но когда так бывает со мной, помогает простая вода, но, возможно, это оттого, что я простой человек". "Ты не простой человек, – ответил царь, – Ты идиот".

Среди идиотов умные оказываются идиотами. Ваша болезнь очень проста. Простой воды достаточно, но это не подходит королевскому эго.

Ко мне приходят со своими сложными болезнями. Я говорю: "Не печальтесь. Достаточно медитации". Они смотрят подозрительно. Говорят: "Но почему вы прописываете медитацию всем и каждому? У меня своя проблема. Возможно, это помогает другим, но не поможет мне. Дайте мне что-нибудь специальное, что-нибудь особое. Что мне делать? Я не могу любить. Не могу чувствовать..." Или говорят: "Я очень раздражителен. И раздражение все время во мне, как подводное течение. Что мне делать?" Или говорят: "Я слишком сексуален, мне представляются всякие образы. Что мне делать?"

Кто-то завистлив, несчастен, миллионы болезней – очень сложно. Они были у психоаналитиков, и ничего не вышло. Они были у разных святых – и ничего не выходило. На самом деле, им очень нравится, что ничего не выходит, они же необычные люди – их болезнь очень сложна и тяжела. Бели я предложу им простую воду, если я предложу медитацию – и все, они смотрят подозрительно. А я говорю вам: достаточно медитации.

Надо оставить свое эго. Оно создает всевозможные проблемы. Только медитация – то, что надо. А медитация – это значит отложить ум в сторону. Быть без ума несколько мгновений и есть медитация. А раз вы умеете это на несколько мгновений, у вас есть ключ. Тогда, если вам нужно, вы погружаетесь внутрь. Это подобно вдоху и выдоху. Вы погружаетесь в себя – это вдох. Вы выходите в мир – выдох. Вы возвращаетесь к себе – это вдох. Медитация – это вдох.

Забудьте о любви, раздражении, зависти, о тысяче проблем. Проблем может быть тысяча, а лекарство только одно. И может быть, вы удивитесь, но "медитация" – от того же корня, что и "медицина".

"Медицина" и "медитация" – одного корня. Медитация – это лекарство, это единственное лекарство.

Глава 7

Свет за окном

17 октября 1975

Во время пасхи перед праздничным седером раввин Исахар Вейер позвонил своему гостю, раввину из Могельника, внука Магида из Козниц, к окну и указал на что-то снаружи.

"Ты видишь, раввин из Могельника? – спросил он. – Ты видишь?"

Когда празднество окончилось, раввин из Могельника стал танцевать вокруг стола и тихо петь "Святой старец, наш брат, показал мне свет. Велик свет, что он показал мне. Но кто знает? Кто знает, сколько лет должно пройти, сколько мы должны еще спать, прежде, чем он придет к нам?"

Царь услышал, что часть его царства почти в полном хаосе. Люди сражались друг с другом. Люди вредили друг другу как только могли. Царь встревожился. Он послал особого вестника в эту область с магическим кристаллом. У этого магического кристалла было такое свойство: если посмотреть сквозь него, ты увидишь все как есть – не так, как вы воображаете, не так, как думаете, не так, как вы интерпретируете. Магический кристалл устранил ваш ум, и вы сможете видеть все – прямо, непосредственно. Как только вы увидите все, как оно есть, сам опыт становится преображением. Тогда вы уже не сможете остаться прежним. Вестник оставил магический кристалл людям и возвратился в столицу, зная, что случится, потому что уже выполнял подобные поручения. Магический кристалл был помещен на распутье, чтоб каждый мог посмотреть сквозь него и преобразиться; так, чтобы он мог быть доступен каждому.

Но вот как реагировали люди: огромное большинство дало кристаллу имя и стало молиться ему, как высшему существу. Но они ни разу не посмотрели сквозь него. Они стали молиться, но ни разу не взглянули сквозь него. На самом-то деле их моление было способом избежать магического кристалла.

Другая часть была скептически с самого начала. "Это просто глупо, – говорили они, – как может кристалл помочь видеть все как есть? Это предрассудок". Они не пробовали; они ни разу не испытали кристалл. Это были скептики, а скептики мыслят предрассудками. В глубинной сути обе группы не отличались одна от другой: и те, и другие избегали кристалла – одни – молением; другие – говоря, что все это – бессмысленные предрассудки. Верующие и неверующие – и те и другие избегают медитации. Одни, говоря, что Бога нет; другие – говоря, что

Бог есть и Ему нужно только молиться. По сути, они не отличны друг от друга.

Была еще и третья группа: практики, прагматики, эмпирики. Они говорили: “Магический кристалл – это интересно, но нам трудно представить, как он может помочь нам в наших делах. Это непрактично”. Они тоже ни разу не смотрели через кристалл. Это были ученые. Это эмпирическое мышление.

Была и четвертая группа людей. Они говорили: “Кристалл не только бесполезен, он опасен: все, на что ни поглядишь сквозь него, становится искаженным”. Они были решительными его противниками и собирались уничтожить его при первой возможности. Они тоже ни разу не смотрели сквозь него. Была также группа людей, которые избегали кристалла. Они перестали ходить по улицам, близким к кристаллу. Они никогда не выходили к нему на перекресток. “Нам и так хорошо, мы и так счастливы”, – говорили они. Счастливы они не были. Но думали: “Кристалл может помешать нам жить, жить так, как мы привыкли”.

Но нашлось несколько человек, они были просты, невинны. Они взглянули сквозь кристалл и преобразились. Они стали совершенно новыми существами. Тогда повсюду разнесся слух, что они загипнотизированы этим глупым стеклом, и они стали дураками. А то как иначе кристалл может преобразить человека? Их считали за сумасшедших. Забудьте об этой истории – такова ситуация во всем мире. Религия – это магический кристалл. Скрытое ее свойство в том, чтобы преобразить вас. Но она не может заставить вас преобразиться. Вы должны позволить, чтобы это случилось; вы должны быть в состоянии восприятия.

Молитва не поможет. Дело тут хитро и тонко. Логика не поможет: здесь дело в опыте, а не в силлогизмах. От скепсиса будет мало проку, лишь сомневаясь, нельзя ничего узнать. Надо пройти через опыт. Только опыт может быть критерием истины и лжи – размышлений недостаточно. Прячась, избегая видеть жизнь как она есть, вы остаетесь трусом; вы упускаете всю волнующую прелесть, весь риск приключения, все самое главное.

Только тот, кто прост и невинен, как ребенок, кто готов заглянуть в это, кто готов к преображению, изменению, мутации – только им поможет религия. Поэтому лишь очень немногим людям помогла религия. Христиан – миллионы, буддистов – миллионы, индусов – миллионы, мусульман – миллионы; а религиозных людей – очень мало. Их можно пересчитать по пальцам.

Принадлежать к организации не значит быть религиозным. Совершить прыжок в глубочайшую истину и невинность – значит быть религиозным. Быть хасидом – значит быть готовым видеть, видеть жизнь как она есть. Это надо понять: вы тоже видите, но вы не видите явления, какие они есть. Прежде, чем они входят в вас, вы уже изменили их цвет, вы дали им другую форму, вы уже интерпретируете.

Ваш ум продолжает фальсифицировать вещи. Ваш ум не прекращает создавать иллюзии вокруг вас. А вы считаете, что видите мир, как он есть, – но ничего подобного. Лишь только вы увидите мир как есть, все исчезнет – остается только Бог. Лишь только вы сможете видеть мир, как он есть, остается только Одно. Миллионы форм исчезают в Одном – лишенном формы. Тогда нет больше дерева. Тогда нет больше камня. Тогда нет больше реки. Есть только существование, пульсирующее везде и во всем тысячекратно, тысячеобразно.

Пока вы не увидите единого, вы вообще не видите. Пока вы видите многое, вы слепы. Пока вы слышите многое, вы глухи. Если вы слышите один звук – беззвучный звук – тогда впервые вы слышите. Если вы любите многих, ваша любовь ложна. Она исходит из ума; она не из сердца. Если вы любите одно во многом, тогда, впервые, вы любите. Помните: критерий один. Многое – это мир; единое – Бог. Хасид – тот, кто достиг видения Единого.

Теперь послушаем эту замечательную историю.

Во время пасхи перед праздничным седемом раввин Исахар Вейер позвонил своему гостю, раввину из Могельника, внука Магида из Козниц, к окну и указал на что-то снаружи.

“Ты видишь, раввин из Могельника? – спросил он. – Ты видишь?”

На что он указывал? Вас, должно быть, занимает, что, же там было за окном. Вас, должно быть, занимает, почему же оно не было названо – то, на что указывалось. За окном не было ничего особенного. Окно было самое обыкновенное, как и все окна. За окном был обычный мир, как и всюду. Вот почему то, на что указывалось, не было названо. На самом деле, главное тут не видимый объект; главное тут – “Ты видишь?” Дело не в том, что вы видите; дело в том, видите ли вы. Этот главный акцент нужно понять, потому что здесь сосредоточено все. В этом весь тайный ключ: “Ты видишь?”

Ко мне приходят и спрашивают: “Мы слушаем вас, нам нравится. Нам тоже хотелось бы видеть Бога. Где он?” Они спрашивают об объекте, а Бог – не объект. Если вы можете видеть, Он здесь. Если не можете – Его нет здесь. Дело не в том, что ты видишь; дело в другом: видишь ли ты?

Акцент на способности видеть, воспринять, получить. Акцент на глазах, на способности видеть.

“Ты видишь, раввин из Могельника? – спросил он. – Ты видишь?”

За окном ничего не было; это было самое обычное окно, как любое другое. Не было указано ни на что. Напротив, было указано на способность видеть.

В Индии мы называем философию даршан. Это значит способность видеть. Мы не называем ее любовью к мышлению, что и означает слово “философия”. Мы называем это способностью видеть. “Философия” – неверный перевод слова “даршан”. Правильным переводом даршана было бы филосия – “любовь к видению”. Философия означает любовь к мысли. “София” означает мышление, а “фило” – любовь.

Индийская философия – это не философия; это филосия. “Сия” означает видеть. Все внимание не на объекте; центр внимания – объект. Субъективность есть религия. Объективность есть наука. Обращать свое внимание к объекту значит быть ученым. Обращать внимание к субъекту значит быть религиозным.

Вы смотрите на цветок. Если ваше внимание сосредоточено на цветке, то это научный подход. Если внимание сосредоточено на наблюдающем за цветком, ситуация становится религиозной. Религиозный человек и ученый могут стоять бок о бок, глядя на один и тот же цветок, – но смотрят они по-разному. Ученый смотрит на цветок и забывает себя совершенно. Религиозный человек видит цветок и вспоминает себя. Это полная перемена направления. Попробуйте. Посмотрите на цветок – а затем внезапно перемените направление. Теперь взгляните в смотрящего на цветок.

Вот вы сейчас меня слушаете. Ваше внимание может быть обращено на то, что я говорю – это значит слушать, как ученый. Или вы можете вслушиваться в слушающего, осознать того, кто слушает меня внутри вас, – тогда ситуация становится религиозной. Разница очень деликатная и тонкая. Попробуйте прямо сейчас. Слушайте меня. Забудьте себя. Это по-научному. Ученый, когда он работает, предельно сконцентрирован. Наука – это концентрация. Религия – это медитация. И в этом разница между концентрацией и медитацией. Концентрация не есть медитация. Медитация не есть концентрация. Концентрация означает фокусирование взгляда на объекте; медитация – это фокусирование себя на себе самом. В медитации нет никакого объекта; это чистая субъективность. Слушайте меня. Сконцентрируйтесь. И забудьте себя. Вы не знаете, кто вы. Вы просто слушатель. Затем смените фокус. Тут нужно особое умение. Невозможно научить тому, как это сделать. Вы просто его меняете. Вы просто осознаете, что вы слушаете. Осознанность становится важнее, чем то, о чем вы слушаете. И тотчас же во всем вашем существе наступает глубокая перемена. В этот миг вы становитесь религиозны.

Если вы продолжаете слишком много внимания уделять объекту, вам доведется узнать многие секреты природы, но ни на одном из ваших путей Бог вам никогда не встретится. Ваши путешествия никогда не станут паломничеством, тиртхатра. Вы будете блуждать и блуждать в пустынях и джунглях мира и материи. Вот почему наука не может думать, что есть Бог – для нее это невозможно.

Бог не есть объект. Весь ваш подход таков, что Бог исключен из него. Бог – не объект. Бог – это ваше пребывание внутри себя. Это не объект концентрации. Это субъективность медитации. Он – это вы.

Я слышал прекрасную притчу.

Был человек, всем сердцем преданный Будде. Была у него прекрасная старинная деревянная статуя Будды, настоящий шедевр. Он относился к ней как к величайшему сокровищу. Однажды, холодной зимней ночью, он остался один в соломенной хижине. Был жуткий мороз, он в отчаянии трясся от холода. Похоже было, что приходит его смертный час. Не было ни щепки, чтобы развести огонь. Рассказывают, что в полночь, когда он, дрожа, почти околел, перед ним явился Будда и спросил: “Почему ты не сожжешь меня?” Деревянная статуя все так же стояла у стены. Человек очень испугался. Это, должно быть, дьявол. “Что ты сказал? Сжечь статую Будды? Никогда! Ни за что!”

Будда рассмеялся и сказал: “Если ты видишь меня в статуе, ты упускаешь меня. Я в тебе, а не в статуе. Я не в предмете моления, объекте; я в молящемся. И это я дрожу в тебе! Сожги статую!”

Бог – это ваша субъективность. Он здесь, внутри. Когда вы фокусируетесь на наружном, там объекты. Когда вы расфокусированы и вглядываетесь внутрь – без всякого фокуса – Он здесь: предельно живой, пульсирующий, трепещущий.

“Ты видишь, раввин из Могельника? – спросил он. – Ты видишь?”

Запомните, на чем ударение. Он говорит: “Ты видишь?” Он говорит: “Есть ли у тебя глаза, чтобы видеть?”

Когда празднество окончилось, раввин из Могельника стал танцевать вокруг стола и тихо петь:

“Святой старец, наш брат, показал мне свет. Велик свет, что он показал мне. Но кто знает? Кто знает, сколько лет должно пройти, сколько мы должны еще спать, прежде, чем он придет к нам?”

Тут надо понять каждое слово.

Когда празднество окончилось, раввин из Могельника стал танцевать вокруг стола и тихо петь...

Что-то просочилось, что-то случилось – что-то из неведомого, что-то не от мира сего. В тот миг, когда старик спросил: “Ты видишь? Ты видишь?” – что-то произошло. Что же? Впервые молодой раввин осознал свою наблюдательную сущность. Много видел он в жизни; но впервые ощутил проблеск видящего в нем самом.

Когда вы рядом с человеком, который стал истинно мудрым, тем, кто достиг, легко нестись на его волне. Рядом с Буддой возникают мгновенья, когда вы можете взглянуть Его глазами. В этом смысл

нахождения цадика, Мастера. Учителей много – цадика редки. Если вы найдете учителя, он объяснит вам много-много всего, но он не может дать вам свои глаза. У него их нет. Он так же слеп, как и вы. Слепой ведет слепого. Быть может, он опытнее вас, быть может, он дольше вас пробыл в темноте наощупь, но он все же слеп. Он может дать вам много объяснений, но он не может дать вам испытанного переживания. У него самого его нет. Поделиться можно только тем, что имеешь. Нельзя поделиться тем, чего у тебя нет.

Цадик – это познавший, нашедший центр и укоренившийся в нем. Отныне поиск окончен – и он переполнен достигнутым. Вы можете скользить на его приливной волне. Конечно, это не может стать вашим опытом, но это может стать проблеском. А проблеск может быть очень и очень важным. Проблеск может преобразить всю вашу жизнь. Это только проба на вкус. Он не утолит вашего голода. Как раз напротив, все обстоит как раз наоборот – тут-то вы впервые и почувствуете голод. До сих пор вы старались не замечать своего голода. Когда нечего есть, лучше забыть, что голоден, лучше сделать вид, что не хочется есть... Когда хочется пить, а воды достать негде, лучше забыть о жажде. Иначе она будет глубокой мукой.

Когда вы приходите к познавшему, тому, кто больше уже не мучится от голода, само его присутствие волнует и тревожит все ваше существо. Впервые вы ощущаете голод, который прятал веками, жизнь за жизнью. Вы избегали глядеть ему в лицо. Вы жаждали; вы никогда не знали утоления. Но так тяжело было жить с такой жаждой, что приходилось подавлять ее, вытеснять ее в бессознательное. Вы низвергли ее в свои глубины, чтобы никогда не встречаться с нею в своей повседневной жизни. Но она всегда продолжала быть в вас.

Когда вы приходите к человеку вполне насыщенному, все существо которого цветет, в ком нет больше никакой жажды, никакого голода, достигшему – вдруг вспыхивает жажда, ваша жажда. Из глубин подсознания выходит она на поверхность, достигает сознания. Вы испытываете настоящий голод и жажду.

Достигший может на мгновение позволить вам глянуть из его окна. В этом смысл притчи. Он может позвать вас: “Подойди-ка поближе. Глянь из этого окна. Ты видишь?” Так что окно тут – не обычное домашнее окно; это окно сердца. Говоря: “Ты видишь? Ты видишь?”, старик спрашивал: “Понимаешь ли ты, в чем дело? Получил ли ты мои глаза и мое видение?” Конечно, его можно одолжить лишь на малое мгновение, потом оно уходит.

Нельзя одолжить просветление. В лучшем случае, одолженное просветление может стать вспышкой молнии в темной ночи. Постоянным светом оно не может стать. Но когда вы пробираетесь наощупь темной ночью и вдруг вспыхивает молния, на единое мгновение все вокруг становится ясно. Затем вспышка гаснет, но она переменяла все. Теперь вы знаете, что путь есть. Может быть, вы все еще не на пути. Может быть, есть еще тысячи барьеров, но вы знаете,

что путь есть. Знать, что путь существует, само по себе большое достижение: растворяется неуверенность, исчезает сомнение, нет больше колебаний. Появляется вера. Возникает вера.

Путь существует – это становится глубоко укоренившимся в вас фактом. Отныне вы больше не верите другим; вы знаете сами. Может быть, теперь это осталось лишь как воспоминание, но эта память будет вести вас, руководить вами. Теперь пробираться наощупь вы будете в нужном направлении; это блуждание не будет уже слепым. Вы увидели, где путь. Север, юг, восток – вы станете пробираться в нужном направлении, хорошо зная, что оно есть. Теперь это только вопрос времени. Вы достигнете.

Когда старик спросил: “Ты видишь? Ты видишь?” – он стал молнией для этого молодого человека. Молния эта есть окно; должно быть, он вспыхнул, на единое мгновение он просиял для юноши, так, чтобы тот смог ощутить, так, чтобы тот смог глянуть. Это лишь малый проблеск, но он навсегда меняет человека.

Гурджиев говорил, что есть семь типов людей. Позвольте мне пояснить это. Первые три – самые обычные. Вы найдете их повсюду, в себе и в других. Первый тип Гурджиев назвал “Отождествленные с телом”. Такие люди живут телом. Они – тело на девяносто девять процентов. Вся их жизнь ориентирована на тело. Человек не ест, чтобы жить, он живет, чтобы есть. Второй тип – эмоциональный, чувственный, чувствительный. Третий тип – интеллектуальный. Это три обычных типа. Они почти на одном уровне. Они давно известны в Индии. Живущий для тела называется шудра. Чувствительный, эмоциональный называется кшатрий, воин. Ориентированный на интеллект – брахман, интеллектуал. Четвертый, вайшья, делец, – вовсе и не тип, но сплав всех троих. Это не чистый тип, это смесь. По сути дела, он и составляет большинство, ведь чистый тип найти очень трудно. Трудно найти чистого шудру. Трудно найти чистого брахмана. Трудно найти чистого воина, самурая. Мир состоит из вайшьев, смеси; не тип в чистом виде, а просто толпа.

Таковы три эти типа. Пока вы не минуете их, вы не сможете видеть. Слепы они все. Один ослеплен телом. Другой ослеплен чувствами, эмоциями. Третий ослеплен интеллектом, мышлением. Но все они слепы. Четвертый тип Гурджиев называет так: тот, кто осознал. Первые трое живут неосознанно, бессознательно, в глубоком сне. Они не знают, где они, кто они, откуда они пришли, куда идут. Четвертый это тот, кто уже немного пробудился, кто способен видеть. Когда этот старик подозвал молодого раввина к окну, он, должно быть, почувствовал в нем возможность стать человеком четвертого типа, четвертым. Только четвертого можно позвать к окну. Только с четвертым мастер может поделиться опытом.

С первым говорить почти невозможно. Первому лучше дать поесть. Первого лучше пригласить на пир. Религия для него – не иное, как праздничный стол. Всякий раз в дни религиозных праздников он лучше

ест, лучше одевается; ему они очень нравятся. Второму можно дать эмоциональную пищу: молитва, катящиеся слезы, чувствительность. С третьим можно хорошо поговорить. Будет казаться, что он все понял, но он не поймет ничего. Он интеллектуал, интеллигент. Только с четвертым можно разделить это – только с тем, кто немного пробудился или на грани этого. Он спит, но ворочается во сне, и вы знаете – он уже готов проснуться; теперь он может проснуться в любое мгновение. Только в эту минуту Мастер может разделить с ним свое видение. Когда он видит, что вы уже на грани пробуждения или уже проснулись, но лежите с закрытыми глазами, или нужно лишь чуть-чуть потрясти, и ваши глаза откроются... видимо, такая минута и настала в этой притче. Молодой раввин, должно быть, принадлежал к четвертому типу или был близок к нему.

“Ты видишь, раввин из Могельника? – спросил он. – Ты видишь?”

Эти слова “Ты видишь?” – встряска, чтобы помочь ему пробудиться – пусть на единое мгновение; этого достаточно. Раз испробовав понимание, осознанность, вы станете стремиться. Оно станет вашей целью, венцом вашего устремления. Тогда вас не сможет удовлетворить этот обыденный мир и все, что он предлагает. Тогда возникнет странная неудовлетворенность, которая не может быть удовлетворена этим миром.

Раввин Лейб говорил: “У меня чувство такого неудовлетворения, что оно не может быть утолено этим миром. Вот почему я знаю, что должен быть Бог. Иначе кто утолит мою неудовлетворенность? Должен быть иной мир, должен быть иной способ бытия”. Сама неудовлетворенность указывает на другой способ бытия, ведь ее не утолить здесь. Ничто нельзя утолить здесь. Жажда, которую нельзя утолить здесь, есть указание, что должна быть некая другая вода, некое другое утоляющее вещество, некий другой мир.

Раввин Лейб говорил: “Я не знаю, есть ли Бог, но я знаю, что во мне есть неудовлетворенность, указывающая на то, что должно быть некоторое место, некоторая область бытия, где эта неудовлетворенность исчезнет”.

Бог возможен только для того, кто может видеть, для четвертого. С четвертым в мир входит религия. Вплоть до третьего мир материалистичен. Третьего можно встретить в церквях, храмах, ашрамах – но это ничего не меняет. Начиная с четвертого, религия становится живой – она пульсирует, живет, дышит. Этот юноша, видимо, был четвертым.

Я здесь только для четвертых. Спешите стать четвертым: если вы немного проснулись, я могу одолжить вам свое существо. Через него вы можете получить видение. Я могу подвести вас к своему окну и спросить: “Ты видишь?” Но это возможно только для четвертого. Есть

еще и пятый, чья осознанность, понимание укоренилось. Для пятого уже не нужна молния; в нем горит его собственный свет. Есть еще шестой, тот, у кого вся неудовлетворенность исчезла, тот, кто полностью удовлетворен. Для него больше нет надобности ни в каком достижении. Но вы удивляетесь: почему существует еще седьмой? Для шестого все уже достигнуто, исполнено; нечего больше достигать. Нет ничего выше шестого; шестой – высочайший. Почему же есть еще седьмой?

У седьмого исчезает удовлетворение. У шестого есть чувство исполненности, глубокая удовлетворенность, достижение, прибытие. У седьмого исчезает даже это. Ни удовлетворенности, ни неудовлетворенности; ни пустоты, ни полноты. Седьмой стал Самим Богом. Седьмого мы называем аватар: Будда, Махавира, Кришна, Христос. Это седьмой. Этот юноша, должно быть, был четвертый.

Вам следует помнить это: я все говорю и говорю с вами, – разговоры эти – лишь подготовка почвы, чтобы однажды я смог пробудить вас и подвести к моему окну. Так что все усилие должно быть направлено на то, как видеть. Все усилие должно быть направлено на это – как увеличить количество и качество видения, как все существо свое сделать глазами. Бога не надо искать. Видение надо создать.

Когда празднество окончилось, раввин из Могельника стал танцевать вокруг стола и тихо петь.

Что-то произошло, что-то необычайно важное. Только пением можно выразить свою благодарность. И даже это – потихоньку: громко было бы вульгарно. Проникло что-то из неведомого; нечто запредельное стало видимым. Можно только тихонько напевать. Само это так значительно, так священо, что идут осторожно, как в зимнюю бурю или как бы боясь врагов. Колеблются. В этом смысл “стал тихо петь”.

“Святой старец, наш брат...”

Святейший – Будда, Христос – но все же наш брат. Как это красиво. Пусть Будда превзошел все и стал Богом, но он остается нам братом: он был частью нас. Он шел по тому же пути, он пробирался наощупь в той же темноте. Он из нашей семьи. Он стал святейшим: “святой старец, наш брат”. Бог так далеко. Он – святое святых. Неподобающе было бы называть Бога “нашим братом”. Вот почему между тобой и Богом есть что-то непреодолимое, бездна. Моста нет. Только Будда или Иисус становится мостом: мост соединен и с тем, и с этим берегом. Иисуса называют “Сын Божий” и “Сын Человеческий”. Он и то, и другое. Сын человеческий – наш брат; сын Божий – святой старец. У моста два конца. Один принадлежит нашему берегу, другой принадлежит другому берегу. Вот почему Учитель важнее даже Бога.

Несколько дней назад я говорил о женщине-мистике Сахаджо. Она говорила: “Я могу оставить Бога, но я не могу оставить моего Учителя; ведь Бог дал мне только этот мир, узы. Учитель дал мне свободу, дал мне самого Бога. Я могу оставить Бога, но я не могу оставить моего Учителя. Я могу отречься от Бога, но не могу отречься от моего Учителя”. Очень важное утверждение. Великое утверждение любви. И понимания!

Бог так далеко. Иисус – и то и другое: далекое и близкое. Бог может быть только целью – Иисус и то и другое: путь и цель. Как можно достичь цели без пути? Цель повисает в пустоте. Не будет никакого моста, чтобы ее достичь. Иисус и то и другое: и цель, и средство. Сын Человеческий и Сын Божий. Прекрасно утверждение:

“Святой старец, наш брат, показал мне свет”.

Что за свет показал он? – свет, который приходит при ясных глазах, свет, который приходит с пробуждением видящего, свет, который приключается, когда вы становитесь свидетелем. Не то чтобы он что-то показал! Он просто показал вам вашу способность видеть; показал, что даже Бог возможен, если правильно видеть. “Ты видишь?” Если ты видишь, все возможно. Если не видишь, ничто не возможно. Возможность открывается с открытием глаз.

“Святой старец, наш брат, показал мне свет. Велик свет, что он показал мне”.

Но он ни на единое мгновение не забывает, что этот свет – свет, который ему показали. “Я еще не видел его.

Это еще не мое достижение. Он одолжил мне свое видение. Это его сочувствие, сострадание, любовь. Он поделился. Он подозвал меня к своим глазам, своим окнам; я заглянул через них. Он показал мне свет. Велик этот свет! Велика эта молния! Он показал мне, но это его. Я благодарен. Благодарен за такую его любовь и доброту”.

“Но кто знает? Кто знает, сколько лет должно пройти, сколько мы должны еще спать, прежде чем он придет к нам?”

Он понимает, что при озаряющем свете молнии он что-то видел. Но кто знает, когда займется заря? Кто знает, когда придет рассвет и настанет утро? На самом деле, тут-то и вспыхивает жажда. И жажда эта – в этом пении. Вспыхивает голод.

“Он показал мне свет. Велик свет, что он показал мне...”

Да, впервые – неудовлетворенность: “Свет есть, и мне надо достигнуть его”.

“Но кто знает? Кто знает, сколько лет должно пройти...”

Чтобы этого достичь, чтобы это заработать, чтобы сделать это своим собственным? Может быть, понадобится длительное странствие. Но теперь вспыхнула жажда. Сколь бы долог ни был путь, можно все равно петь. Это есть – это уж известно наверняка.

Тогда время не так уж важно. Можно петь не переставая. Раз вы знаете, что это есть, ждать можно бесконечно. Вы не можете ждать по той причине, что в глубине души вы не вполне уверены, что это есть. Терпение трудно, потому что вы думаете: может быть, этого нет. Может быть, вы тратите жизнь напрасну. Ваше нетерпение есть не что иное, как ваше сомнение. Вера – это терпение; сомнение очень нетерпеливо. Много раз вы думали, что нетерпелива ваша вера; вы ошибаетесь. Много раз вы думали: “Мое нетерпение говорит лишь о великом моем желании и стремлении”. Вы неправы.

Нетерпение говорит лишь о том, что вы не согласны терять время, потому что в глубине души вы боитесь, подозреваете: “Может быть, все это просто глупость? Бога нет. Истина? – кто знает, есть ли она? Жизнь вечная может быть лишь исполнением желания. Что-то после смерти? – может, просто искусная выдумка ума? Пережить смерть? Принять смерть? Жить со смертью? Быть может, все это умствования и тонкая ловушка?”

Но раз увидев свет... даже чей-то свет, который ваш путь осветить не может, но может дать вам доверие. От Учителя не получают мудрость. От Учителя получают доверие. К вам должно прийти доверие. Когда вы будете готовы, оно придет. Никто другой не может дать вам истину. Но доверие? – достигший: в его аромате, климате – вера заразительна; вы можете перенять ее. Если вы близки ко мне – близки не только физически: открыты, доступны мне – рано или поздно случится это, единственно возможное: это и будет доверие. Но доверия достаточно. Я не говорю, что доверие и есть цель. Но без доверия нет цели. Доверие – это начало, семя. Когда семя у вас в руке, недалеко и до дерева. Оно уже на подходе.

“...Велик свет, что он показал мне. Но кто знает? Кто знает, сколько лет должно пройти...”

Возникло сильное желание.

“Но кто знает? Кто знает, сколько лет должно пройти...”

Но пройти они могут в песне и танце; но пройти они могут в вере и надежде; пройти они могут в ожидании. И это ожидание не будет ожиданием Года! Потому что возникло доверие. Теперь не то, что вы не знаете, кого ждете. Вы точно знаете, кого ждете! Вы больше не ждете

Годо! Вы ждете Бога. И в этом вся разница между Годо и Богом. Годо – нечто обещанное вам вашим же умом. Бог – сверкнувшее через того, кто знает. Бог – это доверие; Годо – вера. Годо – от священных текстов и учителей; Бог – от Мастера.

Кто знает, сколько лет должно пройти...

Но теперь можно ждать. На самом же деле, ожидание становится глубоким восторгом. Когда вы знаете, что нечто должно произойти и излиться на вас, вы ждете с таким восторгом покоя... Позвольте воспользоваться парадоксальным термином “восторг покоя”. Восторг присутствует каждое мгновение, но он абсолютно спокоен; гигантский резервуар стремления без малейшей ряби, ведь даже малейшая рябь может помешать и испортить.

Ждут расслабленно и напряженно. Трудно это объяснить. Расслабленно и напряженно, и то и другое. Напряженно, потому что что-то должно случиться. Расслабленно, потому что случиться это может только когда вы расслаблены.

Один немецкий мыслитель, Херригель, изучал в Японии искусство стрельбы из лука у большого Мастера. Три года он очень старался, и у него ничего не получалось; западному сознанию очень трудно понять восточное: они функционируют на совершенно различном уровне. Западный ум логичен; восточный ум алогичен. Быть может, не нелогичен, но алогичен. Херригель полностью изучил искусство стрельбы из лука. Он поражал сто целей из ста. Но Мастер был недоволен. “Ты все еще не обрел верной позиции”. А что такое верная позиция? Верная позиция – это когда вы натягиваете тетиву – и ваши мускулы расслаблены. Но это же абсурд. Ведь при натягивании тетивы мышцы неизбежно напрягаются. Но они должны быть расслаблены. Херригель не раз подходил и трогал мышцы мастера, когда тот натягивал тетиву. Все его мышцы были расслаблены. Так что нельзя сказать, что такого не бывает. Они были расслаблены, как рука ребенка; ни малейшего напряжения.

“Когда ты расслаблен, стрела летит сама, – сказал ему Мастер. – Тогда ее несет Бог, а не ты. Ты не стрелок, стреляет Бог. Ты просто создаешь ситуацию, и это случается. Не ты действующий”. Это и есть расслабленное напряжение. Вы с напряжением натягиваете лук – и в то же время вы совершенно расслаблены.

Стремиться к Богу значит быть напряженным. Но чтобы позволить Богу, позволить, чтобы это случилось с вами, надо быть полностью расслабленным. Восторг покоя, расслабленное напряжение, ожидание: как если бы это должно было случиться прямо сейчас, и – готовность ждать вечность. Позвольте мне повторить: ожидание – как если бы это должно было случиться прямо сейчас, и – готовность ждать вечность. Когда бы это ни настало, оно никогда не приходит с запозданием. Когда бы это ни настало, это всегда рано, событие столь громадно, что оно

всегда – от благодати, а не от усилия. Оно наступает от “безусилия”, когда бы оно ни настало, вы хорошо знаете, что это сострадание, благодать – это то, что случилось. Оно никакого отношения не имеет к вам или к тому, что вы заслужили.

“Святой старец, наш брат, показал мне свет. Велик свет, что он показал мне. Но кто знает? Кто знает, сколько лет должно пройти, сколько мы должны еще спать, прежде чем он придет к нам?”

Это последнее, что надо понять в этой короткой истории: когда вы глядите через видение просветленного человека, Бог не приходит к вам, вы приходите к Богу. Когда вы сами становитесь пробужденным, когда сон ваш окончился, вы не приходите к Богу; Бог приходит к вам. В этом разница. Можно посмотреть на Гималаи из окна: далекие в своем величии, сияющее солнце и белый снег в его лучах. И даже на расстоянии в тысячи миль можно ощутить прохладу, можно ощутить великолепие, тишину, высоту, чистое величие, чудо.

Но это ваши глаза, а не Гималаи отправились так далеко. Это вы отправились в Гималаи в воображаемое путешествие. Двигались ваши глаза; Гималаи не двинулись с места. Так бывает, когда глядят через чьи-то окна. Это случилось с молодым раввином, когда он посмотрел через окна этого старца. Далеко отправился он. Но когда вы способны, когда ваши глаза открылись, все по-другому. Это не вы отправляетесь в дальнее путешествие, далекое стало близким. Бог приходит к вам. Как только вы вполне готовы воспринять, Он мчится стремглав. Это стремление так же естественно, как дождевой поток в Гималаях: когда идет дождь, вершины не могут удерживать воду. Вода устремляется вниз. Она стремится в долину. Всюду, где она может найти низину, озеро, она мчится туда. Как только вы пробудились, вы становитесь пространством. Потому что как только вы пробудились, вы уже не заполнены своим эго. Вы – пустое пространство, долина, низина. Он обрушивается. Он заполняет нас.

Один богач пригласил хасидского Мастера посетить его дворец. Дворец был необыкновенно роскошен. Он был уникален. Он прямо ломился от всевозможных ценностей: картины, ковры, античность, мебель всех веков. Богач вел хасидского Мастера из одной комнаты в другую. Они ходили час за часом; дворец был огромен. Богач не переставая хвастался. Он чувствовал себя глубоко удовлетворенным в своем эго. Показав хасидскому Мастеру весь дворец, богач сказал: “Ну, как впечатление?” Хасид ответил: “То, что мир настолько прочен, чтобы нести тяжесть такого гигантского дворца, да еще и тебя – произвело на меня огромное впечатление”. Да еще и тебя!

Каждый сделал дворец из своего эго. Каждый переполнен им. Когда вы пробуждаетесь, эго это сон. Чувствовать, что “я есть”, – значит спать. Оказаться внезапно без всякого чувства, что “я есть” – значит пробудиться. Быть без всякого “я есть” это открытие.

Чувствовать, что “я есть”, – значит быть закрытой системой, монадой; у нее нет окон, нет открытостей. Вы живете в намертво запечатанном коконе. Как только вы пробудились, вы стали пусты. Вы стали ничем, никем. Бог устремляется к вам со всех сторон; он приходит и наполняет вас.

Когда верующий готов, он вовсе никуда не отправляется. Когда медитирующий готов, он никуда не едет. Бог приходит. Приходит всегда Бог. Когда мы возносимся к Богу, это только видение. На мгновение облака исчезли, и просияло солнце. Но вот снова наполнили тучи, и солнце, свет – все переживание стало лишь воспоминанием. Оно преследует, но не преобразует вас.

“Святой старец, наш брат, показал мне свет. Велик свет, что он показал мне. Но кто знает? Кто знает, сколько лет должно пройти, сколько мы должны еще спать, прежде чем он придет к нам?”

Глава 8 Вопросы и ответы

18 октября 1975

Мне кажется, что я не просто в мире и не наблюдатель на холме. Как быть в где-то? Я чувствую себя “между”, что бы я ни делал.

Значит, это то самое место, где вам следует быть. Вы продолжаете создавать проблемы. Где бы вы ни были, будьте там. Совсем необязательно быть наблюдателем на холме. Не должно быть никаких “должен”. Как только в жизнь входит “должен”, вы уже отравлены. Не надо никаких целей. Не надо никаких “хорошо” и “плохо”. Есть только один грех: мыслить в категориях разделения, ценностей, осуждения, приятия. Где бы вы ни были... Нет ничего плохого в положении между наблюдателем на холме и человеком в мире. Именно там вам следует быть.

Я говорю: где бы вы ни были. Если вы можете принять это, вы тут же становитесь наблюдателем на холме. Даже в аду: если вы принимаете ад, он исчезает – потому что ад остается адом только из-за вашего отрицания. Ад исчезает, и возникают небеса. Все, что вы принимаете, становится небесным, и все, что вы отвергаете, становится адом. Говорят, что святого нельзя бросить в ад, потому что он знает секрет, как преобразить его.

Вы слышали, что грешники отправляются в ад, – а святые на небеса; но это не так. Все как раз наоборот: куда бы ни попал грешник, он создает ад, и куда бы ни попал святой – там небеса.

Святых не посылают в рай. Нет никого, кто посылал бы и управлял всем этим. Но куда бы святые ни попали, они такие: они создают свой рай. Они несут свой рай с собой. А грешники? Можно их посылать в рай; они создадут в нем ад. Они иначе не могут.

Итак, в чем сущность святого и грешника? Мое определение таково: святой тот, кто узнал алхимический секрет преобразования всего в рай. А грешник тот, кто не знает секрета преобразования всего в прекрасное существование. Скорее напротив, он продолжает все уродовать.

То, что вы есть, отразится на вашем окружении. Так что не пытайтесь быть другим. И не пытайтесь найти какое-то другое место. Это болезнь, называемая человеком: всегда стать кем-то, оказаться где-то в другом месте, всегда отвергать то, что есть, и всегда жаждать того, чего нет. Это болезнь, называемая человеком.

Пробудитесь! Вы видите?! То, что надо увидеть, очень просто. Я не теоретик, я не теоретизирую об этом. Я просто указываю на голый факт: если вы можете жить в данный миг там, где вы есть, и забыть о будущем, о целях, о мысли быть чем-то другим, – тут же весь мир вокруг вас преобразуется; вы становитесь преобразующей силой. Приятие... глубокое, полное приятие – вот в чем вся религия. А хочет стать Б, Б хочет стать В. Создается лихорадка “стать другим”. Вы не то, чем вы будете, вы то, что вы есть. Вы уже то, чем вы можете быть, чем вы могли бы быть, вы уже это. Ничего больше нельзя с вами сделать; вы законченный продукт.

В этом смысл истории о том, как Бог создал мир: когда творит совершенный, творение совершенно. Если творит Бог, как вы можете это улучшить? Подумайте об абсурдности подобного: абсурдна вся идея. Вы стараетесь улучшить Бога; вы не можете улучшить. Можно стать несчастным, вот и все. Можно страдать без необходимости. И вы будете страдать от болезней, существующих только в вашем воображении и больше нигде. Бог создает средства: из совершенства приходит совершенство.

Вы совершенны! Больше ничего не нужно. Загляните сейчас, в этот самый миг, в себя. Взгляните прямо. Что нужно? Все совершенно и просто замечательно. Я не вижу ни облачка. Только загляните в себя – ни облачка в вашем внутреннем пространстве. Все полно света. Но ум скажет рано или поздно, что надо быть чем-то еще, быть где-то еще, “стать”. Ум не разрешает вам быть. Ум – становящееся, а ваша душа – бытие. Вот почему Будды говорят: “Вы не достигнете, пока вы не отбросите все желания”. Желания означают “становление”. Желание означает “быть кем-то еще”. Желание означает не принимать то, какой вы есть, не быть в настроении полного “да”, какова бы ни была ситуация.

Сказать жизни “да” – значит быть религиозным; сказать жизни “нет” – значит быть нерелигиозным. А как только вы желаете чего-то, вы говорите “нет”. Вы говорите, что возможно что-то лучшее. Деревья счастливы, птицы счастливы, облака счастливы – ведь у них нет никакого желания чем-то стать. Они просто то, что они есть. Розовый куст не пытается стать лотосом. Розовый куст вполне счастлив быть розовым кустом. Нельзя переубедить розовый куст. Как ни расписывайте лотос, вам не удастся внушить розовому кусту желание

стать лотосом. Розовый куст просто будет смеяться, потому что розовый куст – это розовый куст. Он укоренился, утвердился в своем существе. Вот почему его существо избавлено от лихорадки: он тихий, спокойный, мирный. И утвердившийся!

Только человеческий ум в хаосе, потому что каждый жаждет быть кем-то другим. Вот чем вы заняты в течение тысячи жизней. Если вы не пробудитесь сейчас, когда вы еще думаете пробудиться? Вы уже созрели для пробуждения. Начните прямо сейчас жить, наслаждаться, радоваться. Отбросьте желания! Чем бы вы ни были, наслаждайтесь этим. Радуйтесь всем своим бытием. И тогда внезапно время исчезнет, потому что время существует только вместе с желаниями. Будущее существует, так как вы желаете. Тогда вы будете как птицы; послушайте их. Тогда вы будете как деревья; посмотрите – свежесть, зелень, цветы.

Пожалуйста, будьте там, где вы есть. Я не собираюсь создавать в вас новые желания. Я здесь просто для того, чтобы вы осознали всю абсурдность желания.

Желание – это сансара.

Понять преходящий характер желания – значит стать просветленным. Тот, кто нашел, что он уже является тем, кем он всегда хотел быть, есть Будда. И вы все – Будды. Как бы глубоко вы ни спали и ни храпели. Неважно. Позвольте мне быть вашим будильником. Откройте глаза, вы спали достаточно долго. Время проснуться; утро стучится в дверь.

Когда я встречаюсь с вами, вы всегда полное сострадание и любящее тепло. Почему мы никогда не противостоям вам в полном гневе, как это было у Гурджиева или у Мастеров Дзен? Кроме всего прочего, иногда мы в самом деле заслуживаем этого.

Конечно, вы заслуживаете этого, но я работаю не так. Я не таков. Я не работаю согласно вам, я функционирую согласно мне самому. Я не делаю ни единой вещи из-за вас потому, что это выглядит ненатурально. Это было бы притворством, я бы выходил за мою собственную природу. Вы заслуживаете этого, я знаю; но ничего нельзя сделать, я беспомощен. Вы можете заслуживать гнева, но я буду продолжать давать мою любовь. Это я знаю: единственный путь сделать вас бдительными и сознающими – оставаться в моей собственной природе, так, чтобы это стало для вас постоянным напоминанием войти в вашу собственную природу.

Я хотел чтобы вы были центрированы в самих себе, чтобы ничего не отвлекало, ничего не раздражало. Что бы ни случилось вокруг вас, это остается сном и вы укоренились в своем бытии. Это может быть сделано только следующим образом: я должен оставаться абсолютно укорененным в себе. Я не должен отвлекаться вами; и не имеет значения, что вы делаете, единственное, что рассматривается – это то, что делает спонтанно моя собственная природа.

И я знаю: если моя любовь не может трансформировать вас, мой гнев тем более не сможет этого, потому что любовь – это большая сила, чем твой гнев. Если мое сострадание не может помочь вам, то ничто не поможет. Чем более бдительными вы становитесь, тем более вы чувствуете это. Вы можете легко перенести мой гнев, вы к этому уже подготовлены, но вы не можете вынести сострадания. Оно затрагивает вас глубоко и сильно.

Поэтому, может быть, Гурджиев работал своим собственным образом. Для него это была спонтанность. Люди различны и уникальны. Или, может быть, он работал в странных условиях. Он работал с западным умом в западном климате. Он был первый, кто привнес в него восточные методы. Это было трудно, это должно было быть переведено на их понимание.

Мастера Дзен били своих учеников, выбрасывали их из окон и дверей. Они иногда прыгали на них, но одно вы должны помнить: они не злились, это было тоже частью их сострадания. Они совершенно не злились потому, что если бы они были злы, тогда вся суть теряется. Как вы сможете тогда преобразить другого? Тогда вы в той же лодке. Тогда вы пошли вниз. Нет! Это не поможет.

Гнев – тоже ощущение, но это возможно только в Японии. Ни в одной другой стране это невозможно, нужна определенная традиция. Такая традиция существовала в течение почти тысячи лет. Потому что когда Мастер дзен бьет и прыгает на своих учеников, ученики понимают этот язык. Если я начну бить вас, вы не поймете, вы просто разозлитесь, вы сообщите в полицию. И это никому не поможет. Нет, вы не поймете этого. В Японии это понимают.

Когда Мастер дзен бьет ученика, ученик принимает это с глубокой благодарностью. Вы, может быть, удивитесь, но если Мастер дзен избьет ученика, он становится главным учеником. Он чего-то достиг. Вот почему Мастер проявил к нему такую любовь и сочувствие; вот почему Мастер, избивая его, благословляет.

Ученики дзен про себя мечтают о том дне, когда Мастер побьет их. Они ждут. Они молятся об этом. Они соперничают друг с другом. Но это возможно только потому, что существует долгая традиция. Странная традиция; но когда она укоренилась в подсознании расы, страны, она действительна. Но это не мой путь. Я знаю, что нет лучшего лекарства, чем любовь. Другое не может проникать так глубоко. Если не удастся любви, то ничто не поможет. Итак, я знаю, что вы заслуживаете гнева. Пожалуйста, не заслуживайте его.

Даже пересказывая ваши шутки другим, мы сами громко смеемся. А вы рассказываете забавнейшие истории, и пока аудитория ревет от смеха, даже легкая улыбка не появляется на вашем лице. В чем секрет?

Секрет прост: я знаю, как рассказывать анекдоты, а вы – нет.

Чем ближе я к вам, тем больше кажется, что вы исчезаете. Как река: она есть – и ее нет. Где вы, багван? Чем ближе я чувствую вас, тем больше кажется, что вы исчезаете.

Так это и происходит. Потому что все мои усилия – помочь вам исчезнуть. Чем ближе вы ко мне, тем больше оказывается, что я исчезаю. Это просто намек, указание для вас следовать мне, исчезнуть. Так что вы приблизитесь ко мне, только если захотите исчезнуть. Вот почему есть много умных – они не подходят слишком близко. Это опасно; это приближение к огню. Это приближение к смерти!

В древних индийских писаниях Мастера называют смертью. Мастер – это смерть; но это также и воскресение. Вы должны умереть в нем. И затем родиться вновь. Но смерть – начало. Так что когда вы близко подходите ко мне, вы непременно чувствуете, что я исчезаю. Поймите намек и следуйте мне в исчезании. Потому что меня можно встретить, только когда ни вас, ни меня нет. Когда обоих нет – встреча, единство.

“Чем ближе я к вам, тем больше кажется, что вы исчезаете”.

Вы на верном пути. Не бойтесь. Подойдите ближе! Когда Рама Прия навестила меня, она села подальше. И я сказал ей: “Сядь поближе”. Она подвинулась на два дюйма. Я повторил: “Еще поближе”. Опять на два дюйма. “Еще ближе”. Она наверняка знала, что совсем близко – значит умереть. Она села ближе, но не без колебаний, это естественно. Она подошла смеясь и радуясь, но также со страхом и колебанием.

Я зову вас быть ближе, и я не оставляю вас, пока вы не исчезнете. Я буду преследовать вас днем и ночью, в мыслях и снах. Где бы вы ни были; если вы однажды встретились со мной, только однажды – я начну преследовать вас. Вы никогда не останетесь в мире, до самой смерти.

“Это подобно тому, как подойти к реке: она есть – и ее нет”.

Да, я здесь, и меня нет. Если вы далеко от меня, я здесь. Если близко, меня нет. Если вы войдете в меня, вы никого там не найдете. Никого, ничего, глубокая пустота.

Вы спрашиваете: “Где вы, Багван?” Нигде.

“Где” исчезло. “Когда” исчезло. Понятия времени и пространства больше не подходят. И учтите: если хотите быть всем, нельзя себе позволить быть кем-то. Если хотите быть везде, надо не быть нигде. Если хотите стать вечностью, то вам нельзя быть ни в какой точке времени. Если хотите быть Богом, надо потерять все. Это величайшая игра. Ставя на всеобъемлющее, теряют себя. Но никогда не проигрывают. Теряют себя, но целое достигается.

Иисус сказал ученикам; “Держитесь за себя – потеряете себя. Если вы потеряете себя – вы достигнете. Держащийся за жизнь умрет. Готовый умереть перешагивает смерть, становится бессмертным”. Я нигде. И я

зову вас из моего нигде прийти и самим стать никогда. Я никогда. И я зову вас из моего никогда, моего безвременного, чтобы вы тоже могли отбросить. Необычайно прекрасно исчезнуть. Необычайный экстаз! Величайшее благословение – не быть.

Шекспир говорит: “Быть или не быть...” Это то, что всегда говорит ум. Я бы изменил это: “Быть и не быть”, – не или. Быть и не быть вместе – вот как я сейчас. Если взглянуть на меня издали, это форма быть. Если подойти ближе, форма становится неясной. Вы вступаете в “не быть”. Быть – это только мое наружное, не быть – мое внутреннее. Быть – только мое тело; не быть – моя душа. Вот почему Будда говорит, что душа – это “не душа”; анатта. Это “не-я”. Нельзя сказать, что это есть. Лучше сказать, что этого нет. Быть и не быть одновременно, вместе – значит быть истинным мудрецом. Не выбирайте между быть или не быть. Оба возможны вместе; примите их вместе, не выбирая.

Тогда вы будете в мире – и вы не будете в мире. Вы будете в сознании – и не будете в сознании. Вы будете в теле – и не будете в теле. Вы будете во времени и пространстве – и вне времени и пространства. И это единственный путь стать свободным. Быть и не быть вместе – значит достигнуть полной свободы – нирваны, мокши – назовите ее как хотите.

Как просветленный может умереть?

Он никогда не умирает, потому что он уже мертв. Вы умираете, так как держитесь за жизнь. В этом случае жизнь приходится отнять, вам приходится умереть. Просветленный никогда не умирает, потому что он не держится за жизнь. Он добровольно отказался от нее; он уже мертв. Но вам кажется, что он умирает, как и вы. Это только кажется – не обманывайтесь кажущимся. Будда, конечно, умирает. Махавира умирает. Баал Шем Тов умирает, Моисей умирает – все умрут. И на первый взгляд они умирают, как вы, но это только на первый взгляд.

Посмотрите, как умирает обыкновенный человек. Он прикладывает все усилия к тому, чтобы не умереть, он цепляется за жизнь до самого конца. Он кричит и плачет от страдания и страха и весь дрожит. Ужас окружает его, он ошеломлен ужасом.

И посмотрите, как умирает просветленный. Он умирает, как будто он жених, встречающий невесту. Он умирает, как будто отправляется в далекое прекрасное путешествие, которого он всегда ждал, о котором думал. Он умирает – закончился земной период обучения. Он принят. Он стал зрелым. Теперь он возвращается домой из школы. Он умирает, но смерти нет; есть Бог. Лицо смерти для просветленного – это лицо Бога. Лицо Бога для просветленного – это лицо смерти.

Когда вы узнаете, что такое жизнь, Бог ожидает вас у двери, которую вы называете смертью. Пока вы не узнали, что такое жизнь, вы просто боитесь, так боитесь, что когда дверь и в самом деле открывается, вы почти без сознания – вы упускаете. Вы упускали миг уже много раз. Вы

умирали уже много раз, и всякий раз упустили это. Есть только один способ не упустить: умереть прежде смерти! Вот почему я называю медитацию добровольной смертью прежде смерти; так, чтобы почувствовать ее вкус. И это так прекрасно, так благодатно, что вы готовы танцевать, когда приходит смерть. Вы готовы петь, когда приходит смерть. Будете ждать в глубоком молчании, благодарности и вере. Вас не заберут; вы будете плыть на волне – «не как побежденный, а как победитель».

Просветленный никогда не умирает. Он уже умер и знает, что смерти нет. Снаружи все другое. Но внутри сущность человека всегда та же. Та же болезнь и то же здоровье. Смерть – это ложь. Она существует потому, что вы привязываетесь к жизни. Почувствуйте разницу. Когда несчастный человек дает даже один пайс нищему, он привязывается к этому; он подумает тысячу и один раз: давать или не давать. Начнет спорить, чтобы не давать. Начнет думать, что эти нищие – просто обманщики; думать, что давать что-то нищему – значит помогать расти нищенству. Находится тысяча и один аргумент, чтобы не давать. И если даже он дает, он дает неохотно. Вот так умирает обычный человек: неохотно, цепляясь. Пытаясь найти любое извинение, чтобы протянуть немного дольше.

Человек любящий и приносящий дары, чтобы дать, совершенно отличен. Физическая часть выглядит такой же. Подарок может не иметь никакой ценности – может быть лишь цветком, сорванным у дороги, обычным полевым цветком. Но он подходит и дарит его. Или это может быть Кохинором; не имеет значения. Когда он дает, он дает с тотальностью. И он рад, что его подарок принят. Он чувствует благодарность, что его подарок не отвергнут. Он благодарит получателя. Он мечтает, фантазирует о том мгновении, когда он будет дарить его. Физический факт у двух дающих один и тот же. Они оба используют руки, что-то нужно передать. Если вы спросите ученого, он не будет способен сделать какое-либо разделение, провести какое-либо различие. Он не будет способен почувствовать некую разницу. Даете ли вы с удовольствием, с неохотой или с любовью – физический факт тот же самый. Но глубоко внутри вы знаете, что они абсолютно различны. Они ни капли не похожи. Когда вы даете неохотно, вы, на самом деле, не даете. Когда вы даете с любовью, лишь тогда вы даете. Когда вы даете неохотно – это отбирается, изымается у вас. Вы чувствуете, что вы ограблены. Когда вы даете это с любовью, нечто расцветает в вас. Кто-то принял ваше желание поделиться, принял ваш дар. Вас одарили блаженством.

Смерть для непросветленного человека – это борьба. Он сдается, но лишь после борьбы всеми возможными путями, поэтому он чувствует поражение. Для просветленного это значит только отпустить себя, он ждет и ждет. Он ждет прихода корабля, а затем он уйдет. Он выучил то, что может дать эта жизнь. Теперь он готов. Он не смотрит назад ни единого раза. Нет – ни единого раза. Когда корабль прибыл, он просто

входит и забывает все о мире, который он покинул, потому что он идет в больший мир, в большее бытие – к самому Богу.

Глядя на себя и других здесь, я думаю: возможно ли, что были другие, как мы, ученики Будды? Удивлялись ли они, смеялись ли они над тем, какими жадными, хитрыми, невосприимчивыми они пришли? И как им казалось, что саньяса – это нечто другое, – или только мы таковы?

Человек всегда был тем же самым. Ученики Будды или ученики Махавиры – человек всегда был тем же самым. То же несчастье, тот же экстаз; та же жадность, тот же уход, то же привязывание к материальным вещам и та же свобода неба, открытого пространства. Человек всегда был тот же самый. Лишь внешнее меняется. Дома другие, дорога другие, транспорт другой. Воловьи повозки исчезли, появились космические корабли, автобусы.

Я вспоминаю один хадис, одно высказывание Магомета. Человек пришел к Магомету и спросил: «Кто был первый, созданный на Земле?» «Адам», – ответил Магомет. «А до Адама?» «Адам» – опять ответил Магомет. «А до этого?» Магомет сказал: «Если ты будешь задавать этот вопрос до скончания времени, я буду продолжать повторять: Адам, Адам, Адам... Так что, пожалуйста, остановись». Тот был очень удивлен, а Магомет не пожелал дать никаких пояснений. Тут какая-то тайна. Почему Магомет настаивал: «Адам, Адам, Адам...»? Дело как раз в том, о чем я вам говорю. Человек всегда был здесь. С самого начала вы были здесь, – и не было времени, когда вас не было. Человек – одно из самых важных созданий в существующем. Вот почему Магомет говорит, что не было никого до него. Человек всегда был здесь.

Вам трудно будет это понять, потому что современный ум приучен верить в эволюцию. Да, была и эволюция, но не в сердцевине человека. Есть в человеке что-то, остающееся неизменным. Снаружи все меняется и меняется. Человек как колесо повозки: колесо все поворачивается, но колесо поворачивается вокруг оси, которая остается неподвижной, не меняется. И колесо может двигаться только потому, что опирается на нечто неподвижное. Все меняется: общество, культура, цивилизация. Но глубинное в человеке остается тем же. Это то, что Магомет назвал «Адам».

Человек, его сущность, остается той же. И всегда помните: он тот же в двух отношениях. Если вернуться и заглянуть глубоко в учеников Будды, вы увидите те же проблемы. Загляните в священные тексты буддизма – те же проблемы. Та же зависть, то же раздражение, та же злоба, та же жадность, то же соперничество – как превзойти другого, те же амбиции, то же эго.

Почему я это говорю? – потому, что если взглянуть на учение, которое Будда оставил своим ученикам, вы тут же поймете. Он говорит: «Не будьте злы, не будьте завистливы, избавьтесь от страстей». Если бы у учеников уже не было страстей, Будда выглядел бы дураком. Почему

вы учите не иметь страстей? Ученики должны были иметь страсти. Будда говорит: “Не будьте жадны”. Ученики должны быть жадны. Будда говорит: “Не будьте завистливы”.

Ученики должны были быть завистливы. В мире нет ни одного священного писания, которое не учило бы тому же. Везде те же десять заповедей. Это показывает, что человек остается тем же, ведь ему нужно то же учение – и то же учение будет нужно всегда.

Человек может существовать только в двух состояниях; нет никакой эволюции. Либо вы живете, как невежественный человек, неосознанный, в глубоком сне, – тогда зависть, раздражение, амбиции, эгоизм будут следовать за вами, – или становитесь пробужденным. Пробуждение – это прыжок! Тогда возникает другая категория человека. Тогда любовь, сочувствие следуют за вами. Тогда нет никакой зависимости, никакой зависти, никакого раздражения.

У невежественного человека сегодня те же свойства, что и всегда. У просветленного те же свойства, что и всегда. И это единственные два состояния человека: или сонный, упускающий представляющуюся возможность; или пробужденный, наслаждающийся в этом и празднующий.

Так что не думайте, что в прошедшие времена, в “золотом веке”, люди отличались от вас. Они не отличались, хоть ваши священники и продолжают твердить это. Вот почему вы называете то время “золотым веком”. Никогда не было золотого века; никогда не будет золотого века. Были золотые люди, но никогда не было золотого века.

Перед Буддой благоговели. Это показывает, что другие крепко спали, потому что только те, кто спит, уважают Будду. Если бы каждый был Буддой, кого бы это волновало? Будду помнят двадцать пять веков. Это показывает, какой редкостью было состояние Будды также и в те дни. Иначе кого бы это волновало? Если бы Будда был в каждой деревне, в каждом городе, во все времена, в каждом закоулке, кто бы тогда стал помнить Гаутаму Сиддхартху? Его бы уже забыли сейчас. Но он был таким редким цветком, что прошли века – и не появилось ни одного Будды. Вот почему мы продолжаем нести с глубоким благоговением – имя, уважение, благодарность, которую чувствуем.

Человек всегда был тем же. Величайшие священные тексты мира всегда говорили о худших человеческих свойствах; им приходилось. Я читал... Есть китайская книга, которую считают самой старой, древнейшей – ей почти десять тысяч лет. Книга очень мала, сохранилось только несколько страниц. И эти несколько страниц написаны на человеческой коже. Но учение то же: не завидуй, не воруй, не будь жестоким. Десять тысяч лет прошло, а учение осталось актуальным; потому что человек остался тем же... В Вавилоне нашли камень с надписью. Почти пятьдесят лет ушло на ее расшифровку. Но если прочесть, не скажешь, что ей семь тысяч лет. Она выглядит как передовица в сегодняшней газете.

Она гласит: “В доброе старое время все было прекрасно; теперь все пришло в упадок. И новое поколение совершенно безнравственно”. Семь тысяч лет назад – и новое поколение безнравственно. “Никто не уважает старших. Больше не уважают отца; больше не уважают мать. Семья разрушена. Сами основы общества пошатнулись...” Можно ли подумать, что это написано семь тысяч лет назад? Похоже на передовицу из сегодняшней “Пуна Геральд”.

Человек тот же. Никакой эволюции. Человек может пройти перерождение, но нет никакой эволюции. Либо вы спите, либо пробудились – вот единственное преобразование. Но эволюции нет.

Спящий человек всегда тот же. И те, которые пробудились, всегда те же.

Так что не осуждайте себя. Не говорите, что век в глубоком кризисе; всегда так было. И не говорите, что в прошлом было все прекрасно. Это извечное человеческое представление: вот раньше... Этого раньше не было.

И не думайте, что в будущем все будет хорошо. Так тоже думали всегда.

Все, что возможно – здесь и сейчас! И скачок полностью индивидуален. Общество остается тем же. Скачок полностью индивидуален. Если хотите совершить его – пробудитесь.

Прыгайте, не ждите, пока придет золотой век. Никогда не будет золотого века. Конечно, было несколько золотых людей; они и сейчас есть.

Многие люди здесь, в ашраме, находятся в молчании. Это вы посоветовали им? С какой целью? Может ли это помочь?

Я не советовал, но они поняли. Я не советую ничего в частности – кроме понимания. Но если вы поняли, вы полюбите молчание. Я не говорю: “Молчите”, потому что это стало бы подавлением. Если вы понимаете меня, если вы глядите в мою сторону, вы увидите перед собой молчание. И в вас возникнет глубокое желание замолчать. Потому что в глубоком молчании все прекрасное и подлинное становится доступно.

Но вы постоянно болтаете; не прерывается внутренняя речь. Или вы говорите, с другими, или с собой. Вы говорите целый день, даже ночью во сне; вы говорите. Эта непрерывная речь становится барьером, через который не видно; это похоже на плотный туман, который плотно окружает вас. Ваша интеллигентность разрушена из-за этой непрерывной речи.

Я ничего не советую, потому что тогда это станет учением. Тогда вы принуждены будете молчать, так как я это говорю. Принужденное молчание выглядит уродливо. Принужденное молчание не даст вам вкуса настоящего молчания. Нет. Просто поймите. Постарайтесь понять меня, почувствовать меня. И тогда вам понравится молчание. И только

тогда, когда вам понравится молчание, это станет прекрасно. Когда молчание поднимается из вашего сердца, с глубоким пониманием, постепенно вы умолкнете. На самом деле, вы не умолкаете; постепенно вы отбрасываете разговор – внутреннюю речь и внешнее занятие. Тогда молчание – не что-то особенное; вы просто понимаете, что все разговоры – глупость. Зачем говорить? Для чего? Сказать нечего, а вы продолжаете говорить.

В китайском языке есть идеограмма, которая имеет сразу два значения. Китайский действительно очень отличается от всех других языков, потому что в нем нет алфавита, а только картинки. А каждая картинка означает много всего. Идеограмма “пи” имеет два смысла. Один: “объяснять”, одно значение – “объяснять”. Другое значение: “напрасно”. Объяснять – это объяснять напрасно. Разве это не прекрасно? Нечего объяснять. Нечего сказать. В самом деле. Только наблюдайте! О чем вы говорите целый день? Девяносто девять процентов легко можно не говорить. Я не говорю о ста процентах, потому что знаю: кое-что – несколько повседневных фраз – приходится сказать. Но как в телеграмме. Не надо ходить все кругом да около. Часто достаточно только “да” и “нет”. Часто даже этого не нужно: просто кивнуть головой. А часто и этого не нужно, потому что другому не интересно, что ты думаешь, он просто разгружает себя. Пронаблюдайте: даже слушать не надо.

Если вы станете осознанными, внешняя речь, внутренняя речь постепенно исчезают. Не то чтобы вы практиковали молчание. Просто внешняя и внутренняя речь становятся совершенно абсурдны, бессмысленны. Вы отбрасываете речь. И наступает молчание. Когда слова исчезают, возникает молчание. Его не достигают прямо, это побочный продукт понимания. Да, многие понимают. Я надеюсь, вы тоже поймете, я хочу, чтобы вы поняли. Но со мной всегда помните, что я ничего не советую, потому что вам и так советуют слишком много. И советы становятся уродливы. Я не даю вам учение, я не даю вам внешний образ жизни. Я даю вам только внутренний свет. В этом внутреннем свете вы найдете свое учение.

Я хочу, чтобы вы поняли определенные вещи. Поймите намек и не ждите прямых рекомендаций, потому что тогда вы промахнетесь. Я ничего не собираюсь вам давать прямо, потому что прямая дисциплина нужна только ограниченному уму. Я надеюсь найти в вас больше ума, больше ответственности. Станьте более ответственными.

Вы видите разницу? Если я говорю: “Умолкните!” – вам остается следовать этому, это будет вынуждено, как если насильно раскрыть бутон цветка. Он не открылся сам. Цветы раскрываются сами. Пусть ваше молчание станет цветком, который раскрывается сам, сам по себе.

Я чувствую потребность в усилии, чтобы остаться в настоящем. И это усилие не дает расслабиться до конца. “Пусть будет как есть” часто

возвращает прошлое или будущее. Не объясните ли вы, как быть пробужденным без напряжения?

Мысль в том, чтобы быть в настоящем, не дает вам расслабиться. На самом деле, если вы расслабитесь, вы будете в настоящем. Поначалу, когда вы расслабляетесь, прошлое устремляется на вас. Все, что вы подавляли, все, чему вы не позволяли подняться к сознанию, все, чего вы избегали, – устремляется на вас. Когда вы расслаблены, двери открыты. Все это всегда хотело появиться перед вашим сознанием, но вы не позволяли. Теперь, когда вы не удерживаете, оно устремляется на вас. Но это не будет продолжаться долго.

Придет много подавляемых мыслей о будущем. Вначале будет хаос. Надо расслабиться и наблюдать хаос. Вовсе не надо тревожиться: это естественно. Это подобно много дней непроветриваемой комнате. Ее открывают, и начинает выходить дурной запах. Но если продолжать держать ее открытой, будет течь свежий воздух, и дурной запах совсем уйдет. Ваше подсознание накопило весьма дурной запах. Подобно запертому дому, который стал свалкой. Все дурное – или то, что считают дурным ваши священники и воспитатели – вы продолжаете выкидывать на эту свалку. Вы сидите на вулкане. Когда вы расслабляетесь, все всплывает вверх, становится поверхностью. Дозвольте это. Так должно быть. И не тревожьтесь.

Итак, не пытайтесь быть в настоящем. Лучше расслабьтесь; пусть будут и прошлое, и будущее – они уйдут сами. Не тревожьтесь: просто наблюдайте. Ничего с этим не делайте, так или иначе вы снова начнете подавлять. Ничего не делайте. Просто наблюдайте. Словно птицы летят по небу, а вы смотрите, лежа на траве. Птицы летят по небу, облака ползут медленно, лениво. Мысли тоже как облака; желанья – как птицы. Будьте наблюдателем. Проблемы возникают оттого, что вы становитесь действующим. Говорите: “Этой мысли не должно быть”. Кто вы такой, чтобы говорить: “Этого облака не должно быть”? Кто вы такой? Почему вы пытаетесь изменить?

Облака идут по внешнему небу, мысли идут по внутреннему небу. Ну и пусть. Расслабьтесь. Дремлите. Пусть они будут. Хотите посмотреть – смотрите. Не хотите смотреть – дремлите. Но ничего не делайте. Скоро небо очистится. Если вы ничего не делаете, многое начнет происходить. И первое: все подавленное, а теперь освобожденное, улетит от вас. Скоро придет день, когда небо станет совершенно чистым. Тогда вы будете в настоящем.

Так что не начинайте с неверного конца. Не пытайтесь быть в настоящем; лучше будьте в позволении. Не думайте о том, что должно быть и чего не должно быть. Иначе вы не сможете быть в “позволении”. “Позволение” может быть только безусловным. Вы просто расслабляетесь; теперь, что бы ни было, пусть будет. А если ничего не будет, тоже хорошо.

“Позволение” – это позволение! Нет ни одной мысли о том, что должно произойти. Если наваливается прошлое – пусть наваливается; если приходит будущее – пусть приходит. Не надо даже беспокоиться о том, чтобы быть в настоящем, потому что это не позволяет быть в “позволении”. Просто расслабьтесь. Но расслабление становится почти невозможным, потому что у вас много условий: этого не должно быть, это должно быть; эта мысль дурная, эта мысль хорошая; это от дьявола, это от Бога. Вы постоянно выбираете, что-то делаете, боретесь и наводите порядок. Вы не можете быть в “позволении”.

Отбросьте всю мораль. Отбросьте все оценки. Нет ничего хорошего. Нет ничего плохого. Что бы ни было, это есть. Расслабьтесь. Вдруг, однажды, настоящее возникнет в глубоком слиянии. Тогда не будет никаких облаков, никаких мыслей, никаких желаний. А быть в настоящем значит войти в дверь существования.

Я чувствую себя подлинным. Но через час чувствую, что все же не был подлинным. А еще через час новая подлинность снова кажется ложной. Когда я смеюсь над этой глупой ситуацией, я чувствую, что это уж подлинно на самом деле. Но рано или поздно я начинаю сомневаться и в этом. Не абсурдна ли сама концепция подлинности?

Нет, концепция подлинности не абсурдна. Но это не концепция. И проблема возникает не из-за подлинности. Она возникает из-за сравнения.

В этот миг вы чувствуете себя подлинным. Вы вспоминаете об этом через час – возникает сравнение. Через час подлинность – уже не подлинность, это память. Память кажется слабой, память уже туманная, смутная. И вы сравниваете эту память с настоящим мигом. Конечно, она покажется неподлинной, а настоящий миг подлинным. И снова, через час, этот настоящий миг уже не настоящий миг. Снова вы сравниваете. Проблема возникает из-за сравнения. Каждое мгновение уникально и несравнимо; его нельзя сравнить. Забудьте о нем! Подлинное или неподлинное – оно ушло. Забудьте о нем. Вовсе не нужно нести его с собой и сравнивать. Утро было прекрасно, но день – это не утро. Вы несете с собой утро, а потом возникает подозрение, было ли оно таким прекрасным или нет. Потому что теперь день, и реальность утра исчезла. Теперь это только память, легкое воспоминание о том, что было. Было ли оно на самом деле? Как теперь решить? Его больше нет. И вы сравниваете утро с днем. День реален. Но вечером день уходит, и вы уже сравниваете день с вечером. Теперь взойшли прекрасные звезды, и вы думаете “Было ли то реальностью – или я только все себе вообразил?”

Настоящее всегда реально; прошлое – всегда память. Не сравнивайте настоящее с прошедшим, иначе прошедшее покажется неподлинным. Дело не в подлинности, дело в сравнении. А ум упорно стремится сравнивать; он сравнивает каждый миг и так продолжает упускать

славу. Совершенная слава упускается, потому что ум продолжает сравнивать.

Вы видите розовый куст и розу на нем; ум тут же начинает сравнивать: вы видели розы больше, а эта так себе. Но эта роза есть эта роза, ей нет никакого дела до других роз. Есть, может быть, розы больше, есть, может быть, розы красивее; но у этой розы своя красота и реальность, своя подлинность, здесь и сейчас. Отчего же вы упускаете это, внося сравнение? Взгляните на эту розу. То, что может дать эта роза, не может дать ни одна другая. Смотрите. Наслаждайтесь. Танцуйте с ней. Пойте рядом с ней. Откройте ей свое сердце. Пусть она распространит свой аромат на все ваше существо. Пусть она плывет к вашему сердцу, и пусть ваше сердце плывет к ней. Зачем приносить сравнение?

Если вы не поняли абсурдность сравнения, вы упустите все. На следующий день будет другая роза – ее вы тоже упустите. Особенно глупо, что вы упускаете и вчерашнюю, и сегодняшнюю розы. Когда вы смотрите на розу, вы вспоминаете о вчерашней. А стоя рядом со вчерашней розой, вы думаете о других. Вы ни разу ни на что не смотрели.

Сравнивающий ум упускает все и продолжает думать, что другие, которых больше нет, были лучше. Будьте верными мигу. И прожив его, не несите его с собой; не нужно. Переплыв реку, не несите в голове лодку. Оставьте ее там. Она больше не нужна. Иначе она станет обузой. И в миру люди будут смеяться над тобой.

Что самое глупое сделал Мулла Насреддин?

На это трудно ответить, потому что он все еще жив. И одно можно сказать наверняка: он умрет не раньше меня. Не спрашивайте; никто не может предугадать; он непредсказуем. И он будет делать все большие и большие глупости: человек усовершенствуется с опытом. Он вряд ли умрет до меня. Я не могу этого допустить. Так что не могу сказать. Когда я уйду, и он уйдет. Тогда и подумайте над этим. Придется здорово покопаться.

Мулла Насреддин – не человек; он – все человечество. Он – это вы; он – это вы, все вместе. Что бы вы ни делали, Мулла сделает еще глупее. Он совершенен. Что бы ни делал человек, он может сделать это в совершенстве. Он – ваша глупость. И если вы поймете это, вы будете смеяться и плакать одновременно. Вы будете смеяться над своей глупостью, и вы будете плакать, потому что глупость эта – ваша. Когда вы смеетесь над Муллой Насреддином, помните, что вы смеетесь над собой. Он просто ставит вас лицом к лицу с тем, что вы есть; так, чтобы можно было встретиться.

Мулла Насреддин не молод; он давняя находка суфиев. Есть истории о Мулле Насреддине, которым сто, двести, даже триста лет. Он давняя находка. Много стран считают себя родиной Муллы Насреддина,

борются за эту честь. Русские говорят, что он родился в России. У них есть могильная плита, доказывающая, что он их. Иранцы говорят, что он их. Арабы говорят, что он их. В Бухаре есть место, посвященное памяти Насреддина. Он побывал всюду. Везде, где есть глупость, там Мулла Насреддин. Он принадлежит всем; ни у кого нет исключительных прав на него. А я говорю: он все еще жив. Он мог умереть в одной стране и воскреснуть в другой. Много раз я сам видел, как он умирал, а на следующий день он стучался в мою дверь. Невозможно. По-видимому, он не может умереть. Он – людская глупость.

Но если глубоко заглянуть в эту глупость, вы увидите в ней и мудрость. Во всех его глупостях есть росток скрытой мудрости.

Как раз на днях случилось так... Он сидел в своей лавке, а я сидел рядом. Маленькая, подвижная женщина пришла в самое людное время и перевернула всю лавку. Часами она не давала покоя Насреддину. Только после долгих часов борьбы она была удовлетворена, купив, что она хотела. И тогда женщина сказала: “Знаешь, Мулла, когда я пришла в твою лавку, у меня была страшная головная боль.

А теперь она ушла”. Мулла Насреддин ответил: “О, не тревожьтесь, мадам. Не тревожьтесь! Она не ушла. Она перешла ко мне”.

Может быть, он выглядит глупо, но он еще и мудр. Если вы поймете его, вы будете смеяться и будете плакать, потому что в этом вы увидите себя и все человечество. Не спрашивайте: “Что самое глупое сделал Насреддин?” Он всегда делает еще большие глупости, чем раньше. Каждый его поступок уникален, несравним. Если вы заглянете в него, то сочтете его лучшим; но когда последует новый, он будет совершенно бесподобен, что-то истинно великое.

Почитайте о Мулле Насреддине и попробуйте понять его. Сделайте это медитацией. Это веками было медитацией для суфиев. Учителя-суфии обычно давали шутки Муллы Насреддина своим учеником для размышления, обдумывания и медитации. Потому что во всем, что он говорит, есть смысл. Во всем, что он делает, есть смысл.

Это не просто шутки – учтите. Я их рассказываю не для того, чтобы вы просто посмеялись. Это не просто шутки, это указатели. Они не для того, чтобы посмеяться и забыть, их надо сделать частью своего понимания. И тогда вы увидите, как Мулла Насреддин постоянно возникает в вас – действующий, совершающий поступки. Вот тогда вы посмеетесь. И если вы сумеете смеяться над собой, вы засмеетесь впервые.

Глава 9 Истинная мудрость

19 октября 1975

Однажды раввин Хаим из Занса стоял у окна и смотрел на улицу. Увидев прохожего, он постучал в окно и сделал ему знак войти в дом. Когда тот вошел в комнату, раввин Хаим спросил:

“Скажи мне, если ты найдешь кошелек с золотыми, вернешь ли ты его хозяину?”

“Раввин, – ответил тот, – если бы я знал, кто хозяин, я бы вернул кошелек, не колеблясь ни минуты”.

“Ты дурак”, – сказал раввин из Занса.

Затем он вернулся к окну, позвал другого прохожего и задал ему тот же вопрос

“Я не такой дурак, чтобы отдавать кошелек с деньгами, который я нашел”, – ответил тот.

“Ты нехороший”, – сказал раввин из Занса. И позвал третьего.

Тот ответил на вопрос так: “Раввин, откуда мне знать, каким я буду, когда найду кошелек, и удастся ли мне оградить себя от злой воли? Может быть, она возобладает надо мной, и я присвою себе то, что принадлежит другому. Но, может быть, Бог, он благословен, поможет мне справиться, я верну то, что нашел, законному владельцу”.

“Это хорошие слова, – воскликнул цадик, – ты истинный мудрец”.

Человек – это машина. Он рождается, живет, любит, умирает – но не как человек; он рождается, живет, любит, умирает, как машина. Он не сознает. Все происходит, человек не действует. У него нет своей воли. Но он думает, что он действует, он думает, что у него есть сила воли, своя воля. Он верит, что она есть. Это самая большая глупость, основа невежества. Из-за этой веры он никогда не поймет ситуацию, как она есть. Человек обычно бывает в двух состояниях: спящий с закрытыми глазами и спящий с открытыми глазами. И сон длится постоянно, как подводное течение.

Говорить “Я есть” не соответствует обычному состоянию человека, потому что в вас много “я”. В вас нет одного “Я”, нет одного центра. Одно настроение приходит и уходит, другое настроение приходит и уходит. И с каждым настроением в вас преобладает другое “я”. Когда вы раздражены, это не “я”, которое было, когда вы любили. Вами владеют самые различные личности – и вы не раз это подозревали. Не раз, разозлившись, вы говорили потом: “Разозлился, хотя я этого не хотел”. Что вы имеете в виду, говоря: “хотя этого не хотел”? Кто же тогда разозлился? Вы справедливо заподозрили, что то “я”, с которым вы обычно себя отождествляете, было не властно. Кто-то другой обладал вами – бродячее “я”, необычное “я”.

Как раз на днях ко мне пришла саньясинка. Она была счастлива, что влюбилась и нашла замечательного любовника. Она была в экстазе. И попросила, не могу ли я сообщить ей тантрическую технику, чтобы она

могла достигнуть более глубокого оргазма в любви. Я взглянул на нее и сказал: “Подожди неделю. И в следующий раз приведи своего любовника”. Она пришла через неделю и сказала: “Мы поссорились и расстались”. “Как насчет тантрической техники? Я готов дать ее тебе”. “Но теперь у меня нет любовника”. И она была так печальна и подавлена, – и даже не подозревала, что произошло.

Когда вы влюбляетесь, вы ведете себя так: вы думаете, что что-то произошло с вами навсегда. Когда вы печальные, вы уверены, что это подлинное. Вы так легковверны. Вы ни разу не подумали, даже на миг, что все это настроения, и они проходят, как облака по небу, они всегда текут, как течет река. В вас нет ничего вечного. Как можно говорить “Я есть”? Это ложно. Утверждать “Я есть” – значит говорить неправду. Нельзя так сказать. Вы – это много “я” – множество, целая толпа. Вы полипсихичны. Вы как колесо. Представьте колесо движущейся повозки. Одна спица поднимается вверх, затем опускается. Другая поднимается и тоже движется вниз. А колесо продолжает вращаться. Каждое мгновение новая спица оказывается вверху. Вы как колесо, все время в движении. И многие спицы вы называете “я”. Вы отождествляете себя с тем “я”, которое сейчас находится наверху.

Раздражаясь, вы не видите, что раздражение – как окружающее вас облако. Вы становитесь с ним одним. Настроения полностью владеют вами; вы – их владение. Бессмысленно говорить “Я раздражен”, лучше сказать “Я раздражение”. Когда вами владеет любовь, вы становитесь любовью. Не говорите “Я люблю”. Вы любовь. Вы так отождествляете себя с настроением, что вашей отдельной сущности больше нет. И это продолжается постоянно с мига рождения до самой смерти. Вы молоды и думаете, что вы молоды. А знаете, тело меняется каждое мгновение. Затем вы стареете и думаете: “Я стар”. В молодости вы наслаждались тем, что молоды, полны энергии. В старости вы печальны и подавлены, потому что теперь энергия ушла. Пока вы живы, думаете, что вы – это тело, а когда приходит смерть, говорите: “Я умираю”. Что бы ни происходило, вы отождествляете себя с этим.

Так обстоит дело с человечеством, которое крепко спит. Вот почему нельзя еще сказать, что вы человек: вы – машина. Человек рождается в вас, когда вы поймете весь этот механизм – и все же не будете отождествлять себя с ним.

Можно видеть, как приходит раздражение, можно видеть раздражение, окружившее вас, и все же оставаться наблюдателем на холме. Все же продолжать наблюдать... пришло облако. Туман вокруг, но вы остаетесь отдельно. Хорошо знаете: “Я познающий, а не познаваемое”. Хорошо знайте: “Я свидетель, а не свидетельствуемое”. Хорошо знайте бесконечное расстояние, отделяющее вас от окружающего. Оно может касаться вас, но останется бесконечное расстояние, потому что познающего никогда не может коснуться то, что он познает; видящего никогда не может коснуться то, что он видит. Видящий трансцендирует; видящий – сама трансцендентность.

На днях я говорил вам, что есть три обычных типа человека. Первый отождествляет себя с телом, второй – с чувствами, эмоциями. Третий отождествляет себя с умом, мышлением, мыслями. Все они крепко спят. Сон их может быть различен. Один спит в теле, другой спит в эмоциях, третий спит в своих мыслях. Но сон тот же: состояние бессознательности, ступора.

Есть и четвертый. Он становится пробужденным. Он наблюдает свое тело, но не отождествляет себя с ним. Он пользуется телом, но никогда не теряется в нем. Он остается в стороне, отличный, отдельный. Он пользуется чувствами; часто он окружен своими чувствами, но никогда не обладаем ими. Он остается отдельным. Есть мысли; ум продолжает действовать и создавать мысли. Но четвертый остается пробужденным. Тело, сердце, ум – все они действуют. Они действуют даже лучше, чем действуют в вас, так как нет вмешательства от внутреннего существа; внутреннее существо остается в стороне. Это четвертый. Четвертый – это то, что я понимаю под саньясином. Никуда не нужно идти; где бы вы ни были, сознавайте. Саньяса действует всюду и всегда. И именно там и тогда начинает действовать саньяса. Дело не в перемене места; дело в изменении внутреннего состояния, внутреннего отношения. Вы остаетесь в теле, но теперь вы знаете, что вы не тело. И как только есть четвертый – человек родился.

Вы родились только с возможностью быть человеком, вы не родились человеком. Вы родились только со способностью стать человеком: можно стать, можно и не стать. Можно все упустить. Можно ходить все кругом, кругом и никогда не достичь, не проникнуть в центр вашего существа. Но если возникает осознанность и вы становитесь наблюдателем, человек родился.

Индусы называют это состояние двидж, состояние дваждырожденного. Первое рождение дается вам родителями – отцом и матерью. Второе рождение – от осознанности, и это настоящее рождение. Первое рождение кульминирует в смерти. Так что первое рождение – рождение только по названию; на самом деле это – путь к смерти. День, когда вы родились, – это день, с которого вы начали умирать. Однажды этот процесс завершится. Так что ваше рождение – это просто путь к смерти. Может потребоваться семьдесят или восемьдесят лет, чтобы достичь ее, но каждое мгновение жизни вы идете к смерти. Только когда вы дваждырожденный, двидж, только когда произошло второе рождение и в вас родился четвертый, вдруг вы узнаете, что смерти нет.

Смерть существует только в отождествлении. Если вы отождествляете себя с телом, вы умираете. Тело – это не вы; его придется оставить однажды. Нельзя остаться в нем навсегда. Это переходная фаза; это верстовой камень, а не цель. Можно отдохнуть пока немного в тени дерева, но надо идти дальше. Можно отождествлять себя с чувствами, но и тогда настает смерть – и вы знаете это. Тело умирает раз в семь лет, чувства умирают все время, каждый день. Если вы любили, а потом

любовь ушла, вы чувствуете, что произошла как бы тонкая смерть... Вы дружили – и раздружились – смерть. Все время вы умираете в своих чувствах.

А мысли умирают еще быстрее. Трудно удержать в уме одну мысль даже на несколько секунд, она все время пытается улизнуть. Попробуйте, просто попробуйте удержать в уме одну мысль несколько минут. Она там не останется: сбежит, и след ее простыл. Все время пытается улизнуть. Ум умирает непрерывно, каждое мгновение. Сердце умирает непрерывно, каждый час. Тело умирает тоже непрерывно, но это продолжается семьдесят лет, восемьдесят лет. Все трое – это отождествления. Когда вы не отождествляете себя, возникает сознание четвертого.

И еще кое-что. Есть четыре пути достичь Бога. Один – пролагать путь через тело; это делает хатха-йога. Это не истинный путь. Им можно кое-что достичь, поскольку тело, в конце концов, тоже принадлежит Богу, – но это не вы во всей полноте. Гурджиев называет это “путь факиров”. В Индии можно встретить много факиров. Их достижения производят впечатление. Факиры достигают определенной силы. Например, можно встретить факира, стоящего неподвижно десять, двадцать лет. Он не позволяет своему телу отдохнуть ни минуты, сесть или поспать. Даже спит он стоя. Теперь его тело одеревенело, почти парализовано. Оно не может двинуться; гибкость утрачена. Но в нем появились определенные силы, так как он овладел высшим видом воли, – чтобы простоять, не двигаясь, десять лет, нужна воля. Попробуйте десять дней – и вы поймете. Попробуйте десять часов – и вы поймете. Попробуйте десять минут – не двигаясь стоять, и вы поймете. Возникает тысяча проблем. Ум говорит “А что я здесь делаю? Брось эту чушь. Каждый наслаждается жизнью, а я? – стою, как дурак?” Десять лет не двигаясь... и приходит низший вид воли, относящийся к телу. Это очень материалистично, но воля возникает. Человек достигает определенной кристаллизации. Он может делать некоторые вещи: он может исцелять. Он может дотронуться до вашего тела, и исцеляющая сила перельется через его тело на ваше. Он может благословлять, он может проклинать. И что бы он ни сказал, случится. Потому что человек, простоявший без движения десять лет, достигает значительной силы. Если он что-то говорит, слова обладают большой силой и скоро сбудутся. Они, как атомная бомба, несут в себе энергию. Если он проклянет вас, проклятие должно исполниться, если благословит, благословение пребудет с вами.

Но сам человек останется на очень низком уровне существования. Если заглянуть в его глаза, в них не увидите ума, он из глупых святых. Нет ничего, кроме кристаллизации низшей воли. Можно чувствовать вибрацию силы, окружающей его; не ума, неосознанности, не медитации – но концентрации. Он может прожить долго; сто или двести лет не составляют для него никакого труда, потому что тело послушно ему. Он может делать с телом, что захочет. Но тут нет ничего

духовного, ничего религиозного. Если для своего пути вы пользуетесь телом, вы пользуетесь низшей своей возможностью. Если факиру повезет, он может получить руководство Мастера, который сумеет вытянуть его из тела. Иначе он умрет, укоренившись в теле. И в следующей жизни все будет снова потеряно.

Пока сознание чего-то не достигло, оно не станет вечным, потому что тело сменится. Достигнутое в этом теле не будет сохранено в следующем. Можно стать Мухаммедом Али, но нельзя перенести это тело в следующее рождение; тело останется здесь. Можно быть прекрасным мужчиной, можно быть прекрасной женщиной, Клеопатрой – но это тело должно остаться здесь. Все, достигнутое телом и через тело, будет утрачено.

Пока факиру не случится попасть под руководство Мастера, его не вытянуть из тела. В Индии это стало одним из проявлений милосердия Мастера... Вы, должно быть, знаете, что, по древним преданиям, Мастера обычно странствовали по стране. Внешне они были похожи на великих мыслителей: Шанкарачарья, Рамануджа, Балабха, Нимбарк, Будда, Махавира. Внешне было похоже, что они собираются обращать людей. Но это только внешне. Заглянув глубже, видно, что они делали многое. Одним из самых важных дел было ходить от города к городу в поисках факиров – факиры не могли прийти сами. Они укоренились в теле; они потеряли ум. Это были неплохие люди; они были незнающими, но обладали большой силой. Если освободить их энергию, они могли бы совершить скачок к высшему уровню своего существа. В нашем веке это делал Мехер Баба. Он годами странствовал по стране, ища факиров. Услышав, что где-то есть факир, он шел туда, чтобы вывести его из ступора. Факир хороший человек, очень хороший человек, но незнающий.

Есть второй путь. Гурджиев назвал его “путь монаха”. Можно назвать его путем преданного, бхакти марг. Первый – это хатха-йога, второй – бхакти марг, путь монаха. Путь монаха – в достижении Божества чувствами, молитвами, слезами, вздохами, в глубокой любви и преданности, в глубокой жажде приблизиться к Богу. Но такой человек вовлечен в чувства. Он достиг большего, высшего состояния, чем первый, факир, – но все же он связан. Тут тоже нужен кто-то, чтобы вывести его.

Есть еще третий путь, путь йоги. Он действует через интеллект, он действует через мышление. Это путь философов, интеллектуала. Он достиг еще более высокого состояния, но все же он в плену, он схвачен. Все трое схвачены!

Только четвертый оказывается вне и никогда не бывает схвачен. Вот почему Гурджиев называет его путь “четвертым путем”. Это важно понять, потому что путь хасидов – четвертый путь. Хасидизм, хасидский подход тоже относится к четвертому. Тело, чувства, ум должны быть оставлены по ту сторону. Нужно только стать пробужденным; пробужденным от всего, что происходит внутри вас и

снаружи. Единственный путь к четвертому – быть мудрым, осозанным, наблюдателем, проникать в сущность и не отождествлять себя. Теперь послушайте эту историю, замечательную историю, относящуюся к четвертому пути.

Однажды раввин Хаим из Занса стоял у окна и смотрел на улицу. Увидев прохожего, он постучал в окно и сделал ему знак войти в дом. Когда тот вошел в комнату, раввин Хаим спросил:

“Скажи мне, если ты найдешь кошелек с золотыми, вернешь ли ты его хозяину?” Очень простой вопрос, но и не такой уж простой.

Прохожий был обманут его простотой.

“Скажи мне, если ты найдешь кошелек с золотыми, вернешь ли ты его хозяину?”

Прохожий подумал, что его спрашивают о нравственности; поэтому он обманулся. Рабби не спрашивал его о нравственности. Подлинно религиозный человек никогда не думает о морали, потому что мораль – только игра. Приходится играть по правилам, потому что приходится жить среди людей. Мораль существует, поскольку приходится общаться с таким количеством народа. Она не имеет никакого отношения к сущности; ей нечего делать с вашими отношениями. К примеру, вы один на целом свете и нашли кошелек с золотыми. Нравственно ли будет хранить его у себя? Вопрос о нравственности и безнравственности не возникает. Если вы один на целом свете, как можно стать вором? Невозможно, так как, чтобы украсть, нужен кто-то еще. Если вы один на Земле, можете ли вы лгать? Это невозможно. Кому вы будете лгать? Чтобы лгать, нужен кто-то еще. Мораль всегда в отношениях, а религия – это то, что вы делаете со своим одиночеством.

Так что раввин не задавал вопрос о морали; он задавал вопрос очень важный и значительный о вашем внутреннем существе. Он спросил:

“Скажи, если ты найдешь кошелек с золотыми, отдашь ли ты его хозяину?”

Формулировка моралиста, чем обманулся прохожий.

“Раввин, – ответил тот, – если бы я знал, кто хозяин, я бы вернул кошелек не колеблясь ни минуты”.

Таков каждый. В теории все просто. В теории каждый нравственен. Все проблемы возникают, когда все становится на самом деле реально. Иногда вы даже в теории становитесь аморальны.

Я был знаком с одним человеком в моей деревне; он был доктором, но у него это не получалось. Практика у него совсем не шла, он всегда был беден. Он вовсе не походил на доктора, был маленьким, болезненным. Иногда я посылал людей к нему, но все думали, что он не доктор, а фельдшер. Спрашивали: “Мистер фельдшер, а где доктор?” Конечно, он очень сердился. Ему, конечно, было трудно преуспеть как

доктору, и он все свободное время тратил на кроссворды. Он верил, что на сей раз он выиграет сто тысяч рупий, двести тысяч, триста... Так повторялось каждый месяц, а когда конкурс кончался, он забывал обо всем и начинал составлять новый кроссворд.

Однажды я пошутил над ним. “Посмотри, – сказал я, – ты так много трудишься. Вот уже больше года я наблюдаю за тобой, а ты ничего не выиграл. Мне кажется, тебе не судьба. Послушай, я согласен соединить твою судьбу с моей”. “Как это можно сделать?” – спросил он. “Очень просто. Скажи, сколько ты собираешься мне дать? Если ты получишь сто тысяч, сколько ты мне дашь?” Он задумался. Он был беден. Потом прикрыл глаза и сказал: “Хорошо. Половину”. Трудно было сказать “половину”; это очень много – пятьдесят тысяч. Я сказал: “Хорошо. Согласен. Теперь все в порядке, можешь приступать. Теперь моя судьба связана с твоей, и ты наверняка выиграешь”. Ночью, около двенадцати часов, он постучался ко мне и сказал: “Послушай. Пятьдесят тысяч – это слишком много; я не могу заснуть. Я чувствую, на этот раз мне должно повезти, а ты обманываешь меня. Я чувствую, ты откуда-то знаешь, что в этот раз должно получиться. И дело не в том, что ты соединишь свою судьбу с моей; мне кажется, ты чувствуешь, что это должно произойти. Но я тоже абсолютно уверен: на сей раз это случится. Извини, но пятьдесят тысяч слишком много”.

– Хорошо, сколько ты предлагаешь теперь.

– Десяти тысяч хватит. Я-то подумал, что и десять тысяч слишком много. Он был бедняк, никогда не видавший десяти тысяч. Это было слишком много.

– Хорошо, я согласен.

Утром он вернулся очень невеселый и, очень угнетенный и немного пристыженный:

– Извини меня, пожалуйста. Прости меня. Но я все время не перестаю думать... Ты знаешь, я бедный... Десять тысяч тоже много.

Он еще не получил ничего! Одно его воображение!

– Что же ты предлагаешь?

– Пусть на сей раз я получу всю сумму. В следующий раз, когда бы он ни был, я дам тебе столько, сколько ты скажешь. А в этот раз я так уверен.

– Хорошо, ты можешь взять все. Но потом на меня не жалуйся, потому что я больше не связан с твоей судьбой.

Тогда он испугался. Он пришел вечером и сказал:

– Можешь взять одну рупию как символ, что ты со мной. А то я боюсь, у меня ничего не получится.

Ум так жаден; вы не знаете об этом. В мыслях, абстрактно, вы вполне нравственны. Все вы хорошие. Вы злитесь, потом раскаиваетесь. В раскаянии каждый замечателен. Вы говорите: “Никогда больше не буду так делать”. Но вы не знаете, что говорите. Вы не знаете, что вы это говорите всю жизнь. Всякий раз, разозлившись, вы потом говорите: “Больше никогда”. А потом это происходит снова и снова – и вы даже

настолько не наблюдательны, чтобы понять абсурдность этого. Если вы на самом деле осознаны, вы бросите каяться, потому что поймете всю глупость этого. Вы уже каялись много раз, и ничего не происходит.

Был здесь очень злой человек. Постоянно был зол. Он говорил: “Мне не надо Бога, мне не надо медитации. Выведите меня из этого состояния злобы. Я каюсь, но ничего не меняется. Что делать?” Я ответил ему: “Только одно. Прежде всего, брось каяться; отныне и навсегда больше никогда не раскаивайся. Будь зол, но не сожалей об этом”. “Как же это может помочь? – спросил он. – Даже раскаяние ничуть не помогло. Если я не буду каяться, я стану еще злее”. “Это уж предоставь мне. Прежде брось каяться”. Через неделю он пришел и сказал: “Невозможно. Я не могу перестать раскаиваться: всякий раз, как я злюсь, оно следует, словно тень. Это происходит само собой”.

Главное, что тут надо понять: у вас нет никакой воли. Главное, что надо понять: у вас нет пробужденного взгляда на себя. Вы не знаете себя! Вы нарушаете все свои обещания, потому что вы не знаете того, кто обещает. Как вы можете обещать? Как вы можете выполнять обещание? Одно настроение обещает, а когда приходит время выполнять, этого настроения больше нет; в вас говорит уже другое настроение. А это другое настроение и слыхом не слыхало о первом.

Вечером вы решаете: “Я встану завтра утром в четыре часа. На этот раз уж я точно встану!” Но вы не знаете настроения, которое будет в четыре часа утра. Сейчас вечер, сейчас не четыре часа утра. Вы можете легко поверить, что у вас есть воля. Наутро в четыре кто-то в вас говорит: “Что за ерунда! Вставать в такую рань? Холодно и идет дождь, а поспать так прекрасно. Поспи еще немного, ты еще не выспался”. Вы позабыли вовсе свое обещание. Поворачиваетесь на другой бок и сладко засыпаете. Утром, за чаем, вы уже раскаиваетесь, теперь вы осуждаете себя: “Что я за человек! Решил же я подняться в четыре часа, почему же я передумал?” Теперь эта стадия, третье состояние, третья спица наверху. Можно снова решить встать в четыре часа, потому что утром так легко решать. Но снова все изменится. И вы поступаете так постоянно, всю жизнь. И вы все еще ничего не поняли!

“Скажи мне, если ты найдешь кошелек с золотыми, вернешь ли ты его хозяину?”

Это теоретический вопрос; ничего еще не поставлено на карту. Вы не нашли кошелек, и ничего еще о себе не знаете.

“Раввин, – ответил тот, – если бы я знал, кто хозяин, я бы вернул кошелек, не колеблясь ни минуты”.

Как будто дело в том, чтобы знать, кто хозяин. “Если бы я знал, кто хозяин, я бы возвратил его немедленно; а вот если бы не знал, то потратил бы много времени, чтобы его найти”. В городе Муллы Насреддина есть традиция: если кто-то что-то найдет, он должен пойти на рынок и трижды громко крикнуть: “Я нашел то-то и то-то”. Если

окажется, что вещь ничья, он может считать ее своей. Однажды Мулла нашел бриллиант. Он пошел на рынок, прокричал трижды и вернулся домой. “Где ты был?” – спросила жена. “Я нашел бриллиант. А по традиции надо было пойти на рынок. Вот я и был там”. “Разве сейчас время? Среди ночи, когда все спят!? Ты в самом деле прокричал три раза?” “Да, я кричал, но очень тихо. Честно говоря, я сам себя не слышал. Я пробормотал чуть слышно, потому что рядом спал нищий, и я боялся, что он проснется и скажет, что это его. Но я следовал правилу, так что все в порядке. Теперь это наш бриллиант”.

“Раввин, – ответил тот, – если бы я знал, кто хозяин, я бы вернул кошелек, не колеблясь ни минуты”.

Подумайте, вы тоже могли бы так сказать. Ничего не поставлено на карту; нет никакого кошелька, ничего нет. Можно так просто быть нравственным. И прохожий говорит: “Если бы я знал, кто хозяин, то не о чем и говорить. Я тут же бы пошел и отдал ему. Заминка могла бы возникнуть, если бы не было известно, кто хозяин, но не из-за меня”. Подумайте об этом, поставьте себя на его место. Разве вы не ответили бы так же? Ничего не поставлено на карту. И раввину должно это понравиться, он должен был похвалить вас за нравственность.

“Ты дурак”, – сказал раввин из Занса.

Но почему же такой хороший человек – дурак? Почему раввин сказал так? Раввин говорит: “Ты не знаешь, о чем говоришь, ты не осознал себя. Вся твоя жизнь прошла, а ты еще ничего не знаешь о себе: в тебе сидит зависть, жадность, амбиция, эго, наконец. Ты дурак”. Кто дурак? – тот, кто не осознал себя.

Затем он вернулся к окну, позвал другого прохожего и задал ему тот же вопрос.

“Я не такой дурак, чтобы отдавать кошелек с деньгами, который я нашел”, – ответил тот.

Второй говорит: “Я не дурак”. Но глупость в его понимании – совсем не то, что у раввина. Слова иногда обманывают, потому что они одни у всех. Раввин сказал первому: “Ты дурак, потому что не знаешь себя”. Второй говорит:

“Я не такой дурак, чтобы отказываться от кошелька с деньгами, который я нашел”.

Нет, у этого второго слово “глупость” имеет совсем другую глубину и значение. Он говорит: “Если найдешь деньги, если ты умный, надо быстро сматываться, чтобы никто не узнал”. Он говорит: “Я не разиня, я не дурак. Меня не обманешь моралистической чушью: надо, мол, отдать хозяину, не твое – не трогай, а то будешь гореть в аду. Или, если отдашь, будет награда на небесах; я не дурак”.

Второй – обычный мирской человек, но все же лучше, чем первый, потому что, каков бы он ни был, он это знает. У него, по крайней мере, есть проблеск понимания себя, и он знает: “Я не дурак”. Он хитрый, умный, расчетливый. Первый – простофиля. Первый такой же, как и второй. Случись все на самом деле, первый повел бы себя так же, как и второй, но он верит, что он нравственный. В этом разница между так называемыми верующими и неверующими. Единственная разница. Верующий ходит в храм, в церковь, в мечеть. Он молится, говорит о Боге, носится с Писанием, обрядами – и выглядит очень верующим. Но когда складывается ситуация, он ведет себя так же, как любой неверующий, иногда и почище.

Индия – хороший пример. Вся страна думает, что религиозна. В Индии даже думают, что их страна – единственная религиозная страна в мире. Этим без конца хвалятся. Думают, что они религиозные лидеры мира, и что весь мир должен прийти поклониться им. Думают, что они должны наставлять мир в том, что касается религии, Бога, духовности. Но если вы посмотрите, как они живут, то вы нигде не найдете более материалистичных людей.

Таково мое наблюдение: те, кто приходит с Запада, менее материалистичны, чем те, кто живет в Индии. Внешне они могут казаться материалистами, они, может быть, не притворяются религиозными, но они менее материалистичны, они менее привязаны к вещам. Индусы просто сумасшедшие: они привязаны к деньгам, дому, ко всему. И в то же время они делают вид и хвастаются, что религиозны: они не верят в материю, они верят в Бога. Они без конца говорят, что мир – это иллюзия, но попробуйте выпросить у них гривенник: невозможно! Отчего так? Есть два типа людей: индус и человек Запада. Человек Запада знает, что он не дурак; если попадутся деньги, он возьмет их – очень просто. Индус скажет: “Нет, я не дотронусь до них”. Но внутри он уже начал соображать, что он с ними сделает. Снаружи одно, внутри другое. В этом единственная разница между людьми нравственными и безнравственными. Нравственные – лицемеры.

“Я не такой дурак, чтобы отдавать кошелек с деньгами, который я нашел”.

Второй искреннее, потому что говорит правду. “Я не такой дурак, я не собираюсь отдавать кошелек никому. Если я его нашел, он мой, и все, что в нем есть, мое”. Может быть, это выглядит аморально, но так искренне. А в конце концов, помогает искренность, а не мораль. Он, по крайней мере, знает свою хитрость! Первый совершенно не знает, что он за человек. Он верит в свою невинность. Если вы верите в свою невинность, а вы не невинны, вы в большой опасности; вы дурак. Потому что вы верите в то, чего нет. Лучше быть простым мирским человеком, чем религиозным лицемером. Хорошо быть искренним, даже если ваша искренность обнаруживает не самое лучшее в вас. Ибо,

раз вы знаете свои слабости, вы можете преодолеть их. Если не знаете – они за вашим “я”. Ваши враги – в подсознании, они могут захватить вас в любой миг. Лучше знать врага, чем не знать; тогда можно что-то сделать.

“Ты нехороший”, – сказал раввин из Занса. И позвал третьего.

Он сказал: “Ты нехороший”, но не сказал: “Ты дурак”. Вы не так уж хороши – это правда – но не дурак. Первый тоже не ангел, но он, к тому же, и дурак, потому что не знает своего внутренней хитрости. Раввин позвал третьего и задал тот же вопрос.

Тот ответил на вопрос так: “Раввин, откуда мне знать, каким я буду, когда найду кошелек...”

Этот действительно понимает всю ситуацию. Он говорит, что не может обещать. Он знает свою лживость, он знает свою хитрость, он знает свои черные минуты, он знает о той борьбе, которая поднимается в нем, когда он найдет кошелек. Он действительно пришел к пониманию.

“Раввин, откуда мне знать, каким я буду, когда найду кошелек...”

Может быть, я буду в религиозном настроении, может быть, нет. Потому что настроения приходят, и я им не хозяин. У меня нет своей воли. Разные настроения владеют мной; и я веду себя соответственно: я машина. Что я могу обещать? Как я могу обещать? Вы задаете абсурдный вопрос.

“...откуда мне знать, каким я буду, когда найду кошелек, и удастся ли мне оградить себя от злой воли?”

Я знаю и о своей злой воле. И я не знаю! – может быть, эта злая воля будет слишком сильна, и мне не удастся уберечься от нее. А может быть, дурное побуждение и не будет столь сильным – но я не смогу сказать, что случится: это непредсказуемо. Я знаю свое прошлое: сколько раз случалось то же самое, и злая воля была столь сильна, что мне не удавалось победить ее. Мне приходилось сдаваться.

“Может быть, она возобладает надо мной, и я присвою себе то, что принадлежит другому”.

Сейчас этот вопрос не стоит, это абстрактный вопрос. Но он делает его реальным. Вопрос не о кошельке, вопрос о вашем понимании. Знаете ли вы? Что вы сделаете? Осознавший хорошо знает, что ничего нельзя сказать. Первый прохожий совершенно не знает. Второй немного знает, но отождествляет себя с хитростью. Третий знает, но не отождествляет себя с дурным побуждением. Это надо понять. Первый совершенно бессознателен. Второй немного понимает, но он не пользуется своим пониманием, чтобы перешагнуть; он, скорее, пользуется своим знанием, чтобы стать “хитрее”. Он отождествляет себя со своей злой волей. Он говорит: “Я не дурак”. Он отождествляет

себя с хитростью. Что он говорит? Он говорит: “Я умный и хитрый. Я не дурак”. Третий не отождествляет себя ни с чем. Он говорит: “Я не знаю”. Ничего нельзя сказать наверняка.

“Может быть, она возобладает надо мной, и я присвою себе то, что принадлежит другому. Но, может быть, Бог...

– и это главное, что надо понять, центр этой притчи –

...но, может быть, Бог, он благословен, поможет мне справиться...”

Я знаю себя. Один я не могу справиться, один я буду побежден. Это возможно только Его благостью. Если я остаюсь один, то при первом искушении злая воля победит меня. Я знаю себя, я знаю свою силу. Она ничего не стоит”. Хорошо, если вопрос теоретический. Но когда ситуация возникает на самом деле, он знает себя: “Как часто я был побежден, когда оставался один”.

“Но, может быть, Бог, он благословен, поможет мне справиться, я верну то, что нашел, законному владельцу”.

Что он говорит? Он говорит: “Только если Бог поможет, я верну; иначе нет”. Он говорит следующее: “Если я верну, то верну не я – вернет Бог. Если это и случится, то случится из-за него, а не из-за меня”. Это особенность религиозного человека. Даже его достоинства – не его. Он не отождествляет себя даже со своими добродетелями. Даже его добродетели – через Него – Его благодать, Его дар. Иначе ваши добродетели станут вашим эго. А всегда, когда добродетель становится эго, вы уже совершили грех. Теперь это уже не добродетель. Она уже отравлена, подменена.

“Но, может быть, Бог, он благословен, поможет мне справиться, я верну то, что нашел, законному владельцу”.

“Это хорошие слова, – воскликнул цадик, – ты истинный мудрец”.

Четвертая стадия сознания: она не отождествляет себя ни с чем. Даже со своими достоинствами.

Бодхидхарма путешествовал из Индии в Китай. Император Ву пришел повидаться с ним. Он склонился к ногам Бодхидхармы и сказал: “Я построил множество храмов и множество буддийских ашрамов, миллионы бхиккху, буддийских саньясинов, кормятся и поддерживаются мной. Я превратил страну в мир Будды. Что вы думаете обо всех этих достоинствах? Что получу я за них? Какая будет награда?”

Бодхидхарма взглянул на императора Ву и сказал: “Ты попадешь в седьмой ад”.

Император не мог поверить. Другие монахи, общепринятые святые, в один голос говорили: “Ты приобрел такие добродетели, пуняя, что достигнешь конечной нирваны”. А этот человек говорит: “Попадешь в

седьмой ад”. Император спросил: “Ты что, сошел с ума? Ты понимаешь, что ты говоришь? Ты понимаешь?”

Бодхидхарма ответил: “Я понимаю, что говорю. И можешь положиться на меня: ты попадешь в седьмой ад”.

“Но почему? – вскричал император. – Я не сделал ничего дурного!”

“Дело не в том, делал ты дурное или хорошее. Дело в самом эго, в том, что ты что-то делал. Благодарю Бога, благодарю Будду; да благословенно будет Имя Его. Все, что случилось, случилось Его благодатью. Не будь делающим; пожалуйста, не привноси себя – потому что эго попадает в седьмой ад, и если ты связан с эго, тебе придется последовать за ним. Ты не попадешь в ад, но твое эго попадет туда. И если ты отождествляешь себя с ним, и тебе придется там оказаться. Тут ничего не поделаешь. Никакие добродетели не спасут”, – ответил Бодхидхарма.

“Это хорошие слова, – воскликнул цадик, – ты истинный мудрец”.

А кто же неистинный мудрец? – тот, кто думает, что совершил столько добрых дел, аскез, постов, молений, кто думает, что прожил религиозную жизнь, и доволен собой. Это эго. Он ненастоящий мудрец. Настоящий мудрец всегда чувствует: что бы ни случилось, случается Его благодатью. Он не привносит себя ни во что. Настоящий мудрец укоренился в понимании, утвердился в понимании. А понимание и принесет вам это: вы перестанете обещать.

Кто же может обещать? Нельзя с уверенностью сказать: “Я сделаю то-то и то-то”. Вы скажете: “Ничего нельзя сказать. Я знаю себя, знаю, как хрупка моя воля, как слаба моя кристаллизация. Я толпа, во мне много “я”. Одно “я” может обещать, но когда придет время исполнить, может преобладать другое “я”. И тогда вы окажетесь лгуном.

Я видел любовников, обещавших любить друг друга вечно, не зная ничего о следующем мгновении. Не зная ничего, что они имеют в виду, говоря “вечно”? Будь они немного пробуждены, они бы сказали: “Я чувствую сейчас, это правда сейчас, в этом состоянии, что я буду любить тебя вечно. Но никто не знает следующего мгновения”. Вот почему любовники всегда оказываются обманщиками друг друга. Под конец они думают, что их обманули. Оба они обещали то, чего не могли.

Кто-то спросил Будду: “Дай мне наставление. Я хотел бы служить человечеству”. Будда начал вглядываться в него; тот почувствовал себя очень неудобно, а Будда смотрел и смотрел. Он аж вспотел и спросил Будду: “Что это ты? Если можешь дать мне какой-то намек, то, пожалуйста, дай. Иначе почему ты смотришь мне в глаза?”

“Я смотрел, есть ли ты или нет, – ответил Будда, – а тебя нет. Кто же будет служить человечеству?! Ты не существуешь вовсе. Ты – пузырь. Ты существуешь только мгновение, царь на миг, коронованный на мгновение. В следующий миг тебя не будет, и царем станет другой. Кто же будет служить человечеству? Хорошо было бы, если бы ты

попытался найти, где ты и кто ты. Сначала будь! И тогда не надо будет меня спрашивать. Потому что когда ты есть, сострадание приходит. Быть – единственное, что надо делать! Как ты можешь быть, если тебя обманывают твоё эго, желания, настроения, мысли, чувства?”

Цадик прав. Он говорит: “Ты настоящий мудрец, потому что сказал как есть. Ты не пытаешься никоим образом обмануть меня или себя. Ты просто говоришь: “Я не могу себе верить. Раньше я верил, но вера не оправдалась. Я знаю себя в прошлом: злая воля может быть так сильна, что я не смогу оградить себя. Одна надежда, если Бог, Он благословен, поможет мне. Я корыстный; только если бескорыстный источник поможет мне... Я хитрый; только если невинный, девственный источник поможет мне, прольется на меня... Надежда только на это”.

Случилось так: одна из величайших из всех живущих женщин, Святая Тереза, собралась построить церковь. А она была очень бедна. Весь город собрался, когда она говорила в экстазе: “Большая церковь будет построена на этом месте”. Люди говорили: “Хорошо. У тебя хорошие мечты, но откуда возьмутся деньги?” Святая Тереза вытащила из своей сумы две монетки и сказала: “Не бойтесь, деньги у меня есть”. Это были только две мелкие монетки! Все рассмеялись и сказали; “Мы всегда хорошо знали, что ты немного не от мира. Это две мелкие монеты, на них не купить и кирпича! А ты думаешь построить большую церковь?” Тереза засмеялась и сказала: “Да, у меня слабые руки и мелкие монетки. Но вы не видите: со мною Бог. Две монетки плюс Бог – и все возможно”. И на этом месте стоит большая церковь – одна из самых прекрасных. Две монетки плюс Бог. Бог значит бесконечность. Бог значит все.

“Он благословен, – сказал прохожий. – Я не могу ничего обещать от себя, но если Он захочет, то все возможно. Я могу быть очень слаб, а злая воля очень сильна, но если Он поможет, то тогда не о чем говорить. Моя сила – ничто, плюс все – вполне достаточно”.

И цадик сказал ему: “Ты истинный мудрец”. Так что истинный мудрец должен начать с четвертого состояния ума: сознания. Тогда двери открываются. Как только вы достигли его, Бог доступен вам, и вы доступны Богу. Тогда двери открываются. Вплоть до третьего двери закрыты. И можно сделать только одно: стать понимающим. Вплоть до третьего – ничего нельзя сделать, за четвертым – ничего не надо делать. Это надо помнить. Вплоть до третьего вы бессознательны, ничего не можете сделать – вы живете механически. За четвертым ничего не надо делать; Бог доступен, действовать начинает Он. Тогда вы покоитесь на Его поверхности. Он берет вас.

Так что единственное, что можно сделать и что надо делать, – становится все более и более понимающим, пробужденным, сознающим. Гуляйте, но сделайте прогулку медитацией; гуляйте, зная это. Дыхание входит: наблюдайте. Дышите, но позвольте вашему дыханию стать постоянной медитацией. Дышите осознавая. Дыхание выходит: наблюдайте. Ешьте, но ешьте с полной осознанностью.

Откусите кусочек, жуйте, но продолжайте наблюдать. Пусть наблюдающий присутствует в каждый миг, что бы вы ни делали.

Ложитесь спать – ложитесь в постель и наблюдайте. Засыпаете – продолжайте наблюдать. Много раз сначала вы станете теряться, наблюдение исчезнет, и сон овладеет вами. Однажды вы увидите, как вами постепенно овладевает сон, но ваша осознанность остается. И тогда вы сможете видеть себя спящим, вы увидите всю человеческую ситуацию. Тогда постепенно вами овладевает сон, но вы сохраняете пробужденность. Где-то внутри вас продолжает гореть пламя. Темная ночь может охватить все вокруг, но пламя продолжает гореть. Всю ночь вы спите, но все же вы не спите. В этом смысл слов Кришны, обращенных к Арджуне в Гите: “Я нишасарвабхутаям тасьям джагрити самьями” – “Когда для всех ночь, даже тогда йог, самьями, тот, кто стал властелином себя, остается бодрствующим, пробужденным”.

Тело спит, ум спит, сердце спит, – но вы остаетесь пробужденным, потому что вы – не что иное, как пробужденность. Все остальное – ложное отождествление. Пробужденность – ваша природа.

Тело – ваше пристанище. Ум – ваш компьютер. Сознание – это вы, самое ваше существо. Сатчитананд – наше определение абсолютной истины. Тут три слова: сат, чит, ананд. Сат означает правду, истину, сущее. Чит означает сознание, пробужденность, понимание. Ананд означает блаженство. Быть – и единственный способ быть – это понимание. А когда вы понимаете, приходит блаженство.

Сатчитананд – глубочайшая сердцевина вашего существа. И тут ничего не надо достигать; это уже здесь. Его нужно только открыть, раскрыть. Это ваше спрятанное сокровище.

Цадик прав, потому что этот человек пробужден. Первый луч пробуждения проник в него. Он стал истинно мудрым. Я хотел бы, чтобы вы стали мудрыми. Я не хотел бы, чтобы вы стали святыми. Святые – достойные люди, хорошие люди. Они принадлежат к первой категории: к тем, кто остается добрым, нравственным, добродетельным, справедливым, верующим. Я не хотел бы, чтобы вы стали святыми. Я хотел бы, чтобы вы стали мудрыми. Быть мудрым никак не связано с нравственностью, достоинствами. Я не говорю, что мудрец не добродетелен, я говорю, что для него это не главное. Это приходит как следствие, он не упражняется в этом. Управляемая добродетель – это не добродетель вовсе, она нарисованная вовне. Можно практиковать ее столь настойчиво, что она создает вокруг вас корку, но в глубине все остается тем же.

Святой против грешника, грешник против святого. Первый прохожий может стать святым, второй – грешником, третий может стать мудрецом. Грешник – тот, кто отождествляет себя со своими дурными свойствами, со своими дурными побуждениями. Он не добродетелен, не религиозен. Мудрец – тот, кто не отождествляет себя. Грешник думает, что он – воплощенный дьявол. Он собирается грешить все больше и больше; он думает, что в этом его ум. Ум – в упражнении

добродетелей, думает святой, ум – в том, чтобы становиться все более невинным – не делать ничего плохого. Тогда он все более и более отождествляет себя с хорoshiм.

Мудрец не отождествляет себя вовсе. Мудрец – это состояние неотожествления – ни то, ни это, неги-неги. Он говорит: “Я ни на том берегу, ни на этом; я, скорее, река. Я не святой и не грешник, ни хорoshiй, ни плохой. Грешники живут в подобии ада; святые представляют, что живут в подобии рая. А мудрец? – для него – мокша, для него – совершенная свобода. Он освобожден от двойственного. Потайной ключ, единственный ключ – понимание. Для понимания не надо отправляться в Гималаи; никуда не надо отправляться. Ваша жизнь даст вам достаточную возможность для понимания. Кто-то оскорбляет вас – слушайте в полном понимании. И вы удивитесь: оскорбление перестало быть оскорблением. Можно даже улыбнуться. Оно не задевает. Оно задевает, только если оставаться в непонимании. Кто-то вас хвалит – слушайте пробужденно. И тогда никто не сможет убедить вас сделать глупость. Никто не сможет подкупить вас – лесь становится невозможной. Вы улыбаетесь над всей этой чушью.

Слушайте, наблюдайте, понимайте. И постепенно в вас возникнет другой способ существования, не являющийся ни телом, ни чувством, ни мыслями. Некий столб пламени начинает собираться у вас внутри и все более и более кристаллизуется. Когда это понимание кристаллизуется, вы впервые все больше чувствуете, что вы есть, чувство бытия. Тогда настроения будут становиться все более и более безразличны. Они будут приходить и уходить. Но вы останетесь невзволнованы. Климат вокруг вас будет меняться, но вы останетесь неизменны. Что бы ни происходило снаружи, это никак не будет влиять на то, что внутри. Внутреннее остается чистым, нетронутым.

Я расскажу вам одну историю. Один немецкий мыслитель, Херригель, был в Японии. Он сидел с друзьями и пригласил на обед Мастера. Внезапно началось землетрясение. Они сидели на седьмом этаже. Здание зашаталось, и все бросились к лестнице. Начался хаос. Сам Херригель автоматически бросился к двери. Никто не думает в такой ситуации; каждый ведет себя, как робот. В этом смысле человек – машина.

Но вдруг у двери он вспомнил... была такая толкучка, что нельзя было пробраться... и вот промелькнула мысль: “Что случилось с Мастером, которого я позвал?”

Он оглянулся. Мастер сидел на стуле, как и прежде, но теперь глаза его были закрыты. Ни тени страха на лице, ни тени беспокойства – как будто ничего не происходит. Присутствие Мастера было столь чарующим... присутствие незапятнанного; аромат, окружающий его; климат, создавшийся вокруг него; пространство, в котором он жил... Херригель говорит: “Я был зачарован. Я не знаю, что произошло. Я просто вернулся и сел рядом с мастером. Рядом с ним я почувствовал себя в полной безопасности, как если бы ничего не могло случиться”.

Землетрясение пришло и ушло. Мастер открыл глаза и начал говорить с того места, где прервался из-за землетрясения.

“Я совершенно забыл, о чем вы говорили раньше, – сказал Херригель. – Кажется, прошли века... я совершенно сбит с толку. Пожалуйста. Теперь я не в состоянии понять, что вы говорите. Продолжим как-нибудь в другой раз, я хотел бы немного прийти в себя. Я хотел бы спросить только об одном: почему вы не двинулись с места, когда все мы бросились бежать?”

Мастер сказал: “Я тоже двинулся, но в другом направлении – внутрь. Вы побежали наружу, я тоже побежал, но внутрь. Потому что знаю: снаружи нет убежища. Землетрясение везде – куда же вы побежали? Просто бежать не поможет. Я углубился в свое существо. А туда не проникает никакое землетрясение. Я двинулся в пространство внутри себя, куда не проникает никакое беспокойство, где молчание абсолютно, тишина полная. Я тоже побежал. Я тоже стремился к убежищу. Но в верном направлении”.

Если вы стремитесь к пониманию, вы движетесь в верном направлении. Рано или поздно вы станете истинно мудрым. Не стремитесь упражняться в добродетели. Упражняйтесь только в одном: в понимании; добродетель последует за ним как тень. Добродетель – следствие. Как только вы вступили в самое существо и укоренились, утвердились в нем – все уже произошло; все двери уже открыты. Бог открыт вам. Вы открыты Богу.

Позвольте мне повторить: до третьей стадии вы ничего не сможете сделать, потому что вас нет. После четвертой ничего не надо делать: Божья благодать стала доступна. Только четвертым. Станьте понимающим – и вы вступите в храм. А теперь я повторю всю притчу.

Однажды раввин Хаим из Занса стоял у окна и смотрел на улицу. Увидев прохожего, он постучал в окно и сделал ему знак войти в дом. Когда тот вошел в комнату, раввин Хаим спросил:

“Скажи мне, если ты найдешь кошелек с золотыми, вернешь ли ты его хозяину?”

“Раввин, – ответил тот, – если бы я знал, кто хозяин, я бы вернул кошелек, не колеблясь ни минуты”.

“Ты дурак”, – сказал раввин из Занса.

Затем он вернулся к окну, позвал другого прохожего и задал ему тот же вопрос

“Я не такой дурак, чтобы отдавать кошелек с деньгами, который я нашел”, – ответил тот.

“Ты нехороший”, – сказал раввин из Занса. И позвал третьего.

Тот ответил на вопрос так: “Раввин, откуда мне знать, каким я буду, когда найду кошелек, и удастся ли мне оградить себя от злой воли? Может быть, она возобладает надо мной, и я присвою себе то, что принадлежит другому. Но, может быть, Бог, он благословен, поможет мне справиться, я верну то, что нашел, законному владельцу”.

“Это хорошие слова, – воскликнул цадик, – ты истинный мудрец”.

20 октября 1975

В чем разница между пассивностью и течением с рекой?

Огромная разница. И не только в количестве, но и в качестве, в направлении, плане, измерении. Это надо понять очень точно, потому что разница очень тонкая. Может показаться, что пассивный ум течет вместе с рекой; но в то же время пассивный ум не течет вместе с рекой: в нем есть определенная позиция пассивности. Пассивный ум – это тоже ум. Для того чтобы плыть вместе с рекой, нужно состояние “не-ума”. Во все века многие обманывались этим сходством. А возвращать пассивность легче, чем плыть с рекой. Расположить ум к пассивности очень легко. Вот почему раньше, да и сейчас существовали и существуют монастыри, монахи, саньясины – люди, отказавшиеся от мира.

К чему они стремились на самом деле? Они стремились стать абсолютно пассивными. Но их пассивность – отрицание. Они выбрали некое отношение. Прежде эти люди были слишком активны в миру: суета, желания, амбиции. Их ум был активен – возбужден желаниями, будущим, надеждами. Затем они потерпели крушение: на что бы вы ни надеялись, это никогда не сбудется. Все надежды безнадежны, все желания становятся огорчением, все ожидания уже несут в себе семя огорчения.

Так что рано или поздно каждый неизбежно приходит к такой точке в жизни, когда деятельный ум кажется настоящим адом. Излишняя активность – и никакого результата. Бегать, бегать – и ничего не удается достигать. Если вы умны, это произойдет достаточно быстро. Если глупы, это займет немного больше времени, – но все равно это случится. Если вы очень умны, вы поймете это уже в юности. Если не так умны, то уже в зрелом возрасте. Но рано или поздно каждый начинает чувствовать, что жизнь, когда ум активен, огорчает, она никуда не ведет. Много обещает, но никогда не выполняет эти обещания. Оставляет неприятный привкус, неудовлетворенность существованием. Человек чувствует усталость, изношенность, поражение. Чувствует, что все было тщетно.

Как только ум это чувствует, то сразу предлагает: “Попробуй противоположное”. Потому что ум живет в противоположностях, в двойственном. Он говорит: “Ты испробовал активность. Теперь попробуй пассивность. Ты слишком замотался в мире. Теперь откажись от него. Ты слишком был привязан к деньгам. Откажись от денег. Ты слишком был увлечен женщиной, детьми. Оставь их и удались от всего этого”. Ум предлагает испробовать противоположное: это кажется естественным и логичным. В одном вы потерпели неудачу; попробуйте теперь другое. Может быть, это получится.

Таковы прежние саньясины, монахи, монастыри, Гималаи и тому подобное. Они рождаются, а потом, разочаровавшись, они уходят от

деятельности. Они испытывают противоположное. Они стараются не желать, – но пытаться не желать – это тоже желание. Они пытаются оставить мир – но само их усилие оставить мир показывает их привязанность. Если вы на самом деле не привязаны, то какой же смысл оставлять что бы то ни было? Отказаться от чего-то можно лишь будучи привязанным к этому. Вы уходите от женщины, – но это только показывает, что ваш ум все еще мечтает о женщинах. Куда бы вы ни двинулись, даже к противоположному, вы остаетесь тем же. Это надо понять: вы никогда не изменитесь, переходя к противоположному. Кажется, что вы изменились, но вы остаетесь тем же. Это очень важно понять, иначе вы снова попадете в ту же ловушку. Теперь это будет ловушка не желания, а пассивности, непривязанности, невзволнованности. Прежде мир был полем вашей деятельности, теперь он стал вам безразличен. Но вы остаетесь тем же! Теперь полем вашей деятельности станет Бог, мокша, дальний мир где-то в небе, где все прекрасно. Этот мир стал внушать отвращение, теперь красота перенесена в другой мир. Изменился объект вашего желания, но вы не изменились. Прежде вы стремились к деньгам, теперь стремитесь к медитации, – но жажда осталась. Прежде вы стремились к чему-то в этом мире, теперь вы стремитесь к тому, что в мире ином. Но стремление осталось, оно то же самое.

Те, кто смотрит на вас со стороны, могут быть введены в заблуждение, потому что внешне вы полностью переменялись: вы не притрагиваетесь к деньгам, у вас мало собственности, живете в хижине или под деревом, вы голый факир. Миряне станут молиться на вас: они думают, что вы преобразились, а они все еще в мире. Приходя к вам, они сравнивают. Они думают, что вы достигли полного мира: вид у вас такой спокойный. Пассивность может казаться миром. Но это не мир; это мертвенность. Мир – это жизнь; пассивность – это смерть. Представьте, к примеру, что вы плаваете в реке: пытаетесь плыть против течения, боретесь; вы активны. И мертвое тело, плывущее по реке: никакой борьбы, просто дрейфует вниз по течению. Но оно мертвое! – недвижимый труп. Жизнь – это борьба. Смерть пассивна.

Но тот, кого я называю действительно текущим вместе с рекой, ни жив, в понятиях борьбы, ни мертв, как труп. Он течет вместе с рекой, но течет сознательно. Он течет вместе с рекой не потому, что мертв, а потому, что сотрудничает. Он течет вместе с рекой не потому, что не хочет бороться, но потому что наконец понял, что борьба тщетна, – и не ринулся в противоположное. Он течет. Он общается с рекой. Он стал единым с ней. Иногда вы увидите его действующим, иногда бездействующим. Активность и пассивность – не две полярности, из которых надо выбирать; он принимает и то и другое. Вот что я называю “струиться с рекой”.

Иногда вы встретите его в миру, и весьма активным. Иногда встретите его в храме, глубоко пассивным. Но теперь он не закрепляет свои состояния. Он может от активности перейти к пассивности, он может от

пассивности перейти к активности. Нет никакого барьера, он не создал вокруг себя изгороди. Он плывет, течет, струится. Иначе сама пассивность может стать тюрьмой.

Я слышал такую хасидскую притчу. Один человек отправился навестить своего друга. Тот был фермером в небольшой долине, укрытой в горах. Подойдя ближе к дому своего друга, он увидел зрелище, ошеломившее его. Он увидел полянку. Не больше двух километров шириной. Но странно и дико: тысячи зверей и птиц столпились на этой полянке. Тысячи! Не счастье. Жуткая давка, яблоку негде упасть. А во всем прекрасном лесу вокруг поляны не было ни одной птички, ни одного зверька. Человек глазам своим не верил: “Почему они устроили такую давку? Почему они не летят на небо, другие – на деревья? Ведь им доступно беспредельное пространство”. Звери и птицы производили жалкое впечатление: возбужденные, напряженные, нервные, они явно чувствовали себя очень плохо.

Конечно же, каждому нужно некоторое жизненное пространство, чтобы жить. Когда это пространство стеснено, возникает нервозность. Но никто не мешал им разлететься и разбежаться, не было даже изгороди. Войдя в дом своего друга, человек первым делом спросил: “Что за несчастье обрушилось на птиц и зверей?” Друг ответил: “Я точно не знаю, я только слышал, что давным-давно жил здесь хозяин, очень жестокий человек, садист. Он в свое удовольствие наслаждался жестоким экспериментом. Построил высокую ограду вокруг полянки, поставил стражу и приказал ей убивать всякую живность, пытающуюся убежать за нее. Силой нагнал тысячи животных и птиц в эту тюрьму, на этот луг. Так длилось многие годы; убивали всякого, пытавшегося бежать. Постепенно звери и птицы прижились, приняли тюрьму. Забыли о свободе, она ассоциировалась у них со смертью. Хозяин умер, стража исчезла, ограда разрушилась. Никто больше не мешал им уйти. Но они создали ограду в своем уме. Они на самом деле видят ограду! Она глубоко укоренилась в них, стала условием их существования”.

“Но почему же никто не пытается заставить их понять?” – спросил гость. “Многие добрые люди пытались это сделать, но птицы не слушают. Они не только сами верят в ограду у них воспитывают детей в этом представлении. Ограда вошла в их кровь и плоть, стала частью их видения мира. Дети рождаются с мыслью об изгороди. Добрые люди пытались, пытаются и сейчас. Но невероятно: звери набрасываются на этих людей. Они не хотят, чтобы их тревожили. Они даже создали свою философию, что они свободны, а мир вокруг них – это тюрьма. Все же добрые люди продолжают попытки, но, кажется, невозможно убедить их, что ограды нет, что они свободны, что они могут лететь в небо”.

Мне нравится эта притча. С этим приходили к вам, зверям и птицам, Иисус, Баал Шем, Моисей, Махавира, Будда, но вы создали ограду в своем уме; вы им не верите. Вы или активны, или пассивны, но это принадлежит к той же ограде – уму. Представьте деревянную изгородь: одна доска белая, другая черная, белая, черная... Деревянная изгородь,

покрашенная в два цвета: одна доска белая, другая черная; это и есть ум. Стремление к активности – стремление к пассивности, янь – инь, хорошо – плохо, приятно – неприятно, мир – нирвана, – все это доски одной и той же изгороди.

И вы продолжаете выбирать. То вы выбираете белую, потом пресыщаетесь ею. Тогда начинаете любить черную, молиться на нее; но черная доска такая же часть вашей тюрьмы, как и белая. Ум активен, ум пассивен. Но и то и другое – состояния ума. А то, что я имею в виду, говоря “струитесь с рекой” – вне пассивности и активности, белого и черного, дня и ночи, любви и ненависти, мира и Бога. Выйдите за пределы этого. Поймите ситуацию в целом: активное переходит в пассивное, пассивное снова перейдет в активное. Это я вижу постоянно. Живущие в мире слишком активны. Но где-то в глубине они тоскуют и желают отказаться от всей этой чепухи. И я знаю монахов, всю свою жизнь проживших в монастыре; говоря со мной, они сознавались, что постоянно думают, что упустили жизнь. И всегда мечтают вернуться обратно в мир. Активность хочет стать пассивной, пассивность хочет стать активной.

Выбор от ума! Отсутствие выбора – это течение вместе с рекой. Вот почему хасидизм и я не советую оставлять мира. Откажитесь от него и будьте в нем! Уму кажется трудным, почти невозможным уразуметь это. Ум может понять мир и отказ от мира; и то и другое вмещается в его схему. Но когда ум слышит, как я говорю: “Будьте в мире, но не от мира”, – ему очень неуютно. Непонятно, что такое он говорит?

Ко мне приходят и говорят, что желали бы стать саньясинами, но живут в мире. “А как же возможно в мире быть саньясином!” Особенно абсурдным это выглядит в Индии. Саньясины – те, кто оставляет мир. Но я говорю: саньясин – тот, кто живет в мире, и все же он не от мира. Когда я говорю это людям, они смущаются. Говорят: либо то, либо другое. Я говорю: и то, и другое.

Когда вы принимаете и то, и другое, пассивность и деятельность, они отменяют друг друга; вы становитесь нейтральным. Тогда вы ни мужчина и ни женщина, ни инь и ни янь, ни тело и ни душа. Вы перешагнули через двойственность, стали трансцендентны. Эта трансцендентность и есть “струение вместе с рекой”.

Струение с рекой – величайшее искусство. Это означает быть в одно и то же время деятельным и пассивным, в глубоком согласии с существованием. Что-то делать надо. Надо жить, зарабатывать на жизнь. По меньшей мере, приходится дышать, приходится двигаться. Надо быть деятельным. И надо расслабляться. Иначе активность станет невозможной.

Так что будьте иногда активны, иногда пассивны, но не отождествляйте себя ни с тем и ни с другим. Оставайтесь в стороне. Пользуйтесь активностью, пользуйтесь пассивностью, – но будьте третьим. Как с одеждой: иногда в белом, иногда в черном. Так же, как днем вы работаете, а ночью спите. Точно так же. Пользуйтесь обеими

сторонами двойственности. Это средства; не отождествляйте себя с ними. Тогда вы будете течь вместе с рекой. И это – весть хасидизма.

Хасиды – величайшие люди, жившие в мире, и все же не дающие миру подкупить их. Легко отправиться в Гималаи и стать неподкупным. Очень легко! Потому что кто ж вас здесь купит? Живя с горами, человек делается невинным, но эта невинность может оказаться лишь видимостью. Вернитесь в мир. Ярмарка, рынок – ваше испытание. Вы должны прийти туда, чтобы проверить, действительно ли вы невинны; потому что когда возникает возможность купить вас, только тогда вы узнаете: можно ли все еще купить вас или нет. Гималаи, их молчание могут обмануть вас. Они обманули миллионы людей. Хасиды говорят: живите в миру. Общайтесь с людьми, потому что люди – это ваше окружение.

У Сократа кто-то спросил: “Почему вы не отправитесь в горы для постижения? – рядом с горами, реками, деревьями, зверями и птицами”. Он ответил: “Мы слышали о древних мудрецах, удалявшихся далеко в горы, чтобы жить там и постигать природу. Моя природа – люди. Чему меня могут научить деревья? Чему меня могут научить горы? Они хороши, чтобы расслабиться. Чему меня могут научить реки? Мои реки, мои горы, мои деревья – люди. Люди – мое окружение”. Все свою жизнь Сократ прожил в Афинах, жил там и умер среди людей. И был прав. Настоящий мудрец не станет отшельником. Он будет жить на людях и учиться, как остаться неподкупным, неиспорченным, когда все искушает и подкупает вас. Тогда вы достигаете высочайшей вершины. А высочайшая вершина – пользуется обеими противоположностями жизни. И высочайшая вершина таит несметное богатство.

Мне попадались люди, которые всю свою жизнь провели в лесу. Они очень святы, но еще и немного простоваты, среди деревьев станешь простоватым, естественно, мудрость Сократа осталась им недоступна. Вы станете деревом. Станете произрастать. Вы достигнете большой чистоты, но эта чистота – еще не высочайшее откровение; в этой чистоте есть некая регрессия, это шаг назад. В своих прошлых рождениях вы уже были деревом, вы уже прошли через это. Теперь это шаг назад. Подумайте, вам тридцать, а то и больше, вы можете достигнуть невинности двумя способами. Один из них – каким-то образом снова стать ребенком, но тогда вы снова станете глупым. Вы станете невинным, но также и глупым: ведь ребенок глуп. Есть другая возможность: вырасти и стать мудрым через опыт.

Зрелым, познавшим. И в самом конце, став древним стариком, вы снова достигнете детства. Но это достижение не будет регрессией.

Вперед! Пусть круг завершится. Не отступайте назад! Только вперед и вперед! И придет день, когда вы увидите: круг замкнулся. Вы старик – и в то же время ребенок. Мудрец – и то, и другое. Тогда глупость оставляет вас. Мудрец похож на ребенка и в то же время не похож на ребенка. Мудрец – и то и другое. Он взрослый, взрослый на самом деле, зрелый, живет в жизни, проживает ее, испытывает, обогащается ею – и

в то же время он пришел к пониманию, что невинность – единственный способ быть, единственный путь быть божественным. Старец снова во втором детстве, но это детство – второе детство. Он рождается заново.

Когда я говорю “струитесь вместе с рекой”, я не советую вам стать плавучим бревном. Я не советую вам стать трупом, плывущим по течению. Если вы мертвы, вы будете плыть по течению: вы же не можете сопротивляться. Прежде вы были в клетке активности. Теперь – в клетке пассивности. Никогда не бросайтесь в противоположное. Всегда оставайтесь и в том и в другом; и все же – вне. Помните: никогда нельзя кидаться в крайности; потому что путь лежит как раз посередине. Будда назвал этот путь “срединным путем” – маджхим никоя. И он прав.

Однажды случилось вот что. Жил был попугай, очень красивый попугай. После полудня, когда все в доме затихало, ему позволялось свободно летать по дому. И вот однажды было очень жарко, все крепко спали, и слуга, как обычно, выпустил попугая полетать. Домашний пес тоже спал. Попугай подлетел поближе и прямо над его ухом проорал: “Рекс!” Пес, конечно, же проснулся и вскочил: “Рекс!” Повертелся, обошел всю комнату, заглянул в каждый угол. Ничего не найдя, он снова улегся спать. Попугай подождал. Шутка удалась, удалось одурачить пса. Он снова подлетел поближе и гаркнул: “Рекс!” И снова пес открыл глаза, встрепнулся, обошел весь дом и вернулся очень расстроенный. Он почувствовал, что его дурачат: никого нет, все спят крепким сном – мышь не пробежит; и только этот попугай. Может быть это он? Пес притворился спящим, прищурил один глаз. Попугай тихонько подлетел и попробовал ту же шутку в третий раз. Пес как прыгнет... Позднее слышали, как попугай жаловался: “Вечно так со мной: никогда не умею вовремя остановиться”. Те же трудности и у вас, у всех попугаев: где остановиться?

От активности вы переходите к пассивности. И наоборот. Вы не знаете, где остановиться. Если бы вы знали, где остановиться, если бы вы знали середину... Потому что середина превосходит и то, и другое. Эту точку вы проходите каждый день снова и снова, но не знаете, где остановиться. Есть точка, когда вы переходите от любви к ненависти. Вы проходите точку, где остается Будда. Посередине – где уже нет любви и еще не возникла ненависть; когда вы переходите от сочувствия к гневу, вы проходите точку, где остается Будда.

Понаблюдайте: за двадцать четыре часа вы проходите эту точку двадцать четыре тысячи раз, то место, где находится Будда, бытие Будды. Место Блаженства Будды. Вы спешите – переходите от одной крайности к другой. Вы даже не сознаете, когда минуете точку Блаженства Будды: срединный путь, срединная тропа, абсолютная середина. И тогда вы вдруг ни мужчина и ни женщина, ни живой и ни мертвый, ни активный и ни пассивный. Знать эту точку – значит знать все. Знать эту точку – значит знать все, что может дать вам религия. Это не священные тексты. Это то, что минуется вами каждый день. Вы

выходите на перекресток каждое мгновение. Каждый раз, проходя от одной противоположности к другой, вы минуете его: нет другого пути к другой противоположности. Но вы движетесь слишком быстро и потому не замечаете, проходя эту точку.

Говоря “струитесь с рекой”, я имею в виду: отбросьте все противоположности, выберите реку между ними. Соединяйтесь с ней, общайтесь с ней. Будьте рекой. В этом вся саньяса, по крайней мере, моя саньяса.

Там одиноко?

Не одиноко, а один. Говоря “одиноко”, вы показываете желание другого; вам недостает другого. Слово “одиноко” указывает, что вы не счастливы с самим собой, что одиночество ранит вас, что это одиночество надоедает, что вы хотели бы выйти из состояния одиночества. Когда вы говорите “одиноко” вы уже осудили одиночество. “Одиночество” означает, что нет другого, а не то, что вы есть. Вам не хватает другого, ваши глаза сосредоточены на этой нехватке, отсутствии. Там я абсолютно один. Вот почему Махавира назвал это кайвалья. “Кайвалья” означает “абсолютно один”. Но качество того “одни” совсем другое, чем у одиночества. В словаре они могут значить одно и то же; я не о словаре говорю. Но в жизни они совершенно различны.

“Один” означает присутствие вас самих, вы так полны собой, вы полностью в себе, другой не нужен. “Одному” достаточно себя. Одиночество – когда чего-то не хватает; одиночество – это брешь: там, где был другой, или там, где хотелось бы, чтобы он был. Одиночество – это рана. “Один” – цветение. Вы так счастливы быть самим собой; у вас есть все. Полная самостоятельность, устойчивость, удовлетворенность. Да, там ты совсем один, совсем, совсем. И это-то и прекрасно.

Ты существуешь один, по ты существуешь в Боге, ты существуешь в Космосе, ты существуешь в самом существовании. Солнце, звезды, луна движутся в тебе. Деревья, облака – в тебе. Реки и океаны текут в тебе. Ты стал целым, вот почему ты один. “Я” исчезло; ты не можешь быть одиноким.

“Я” всегда чувствует одиночество. Вот почему “я” всегда ищет общество, клуб, кино, то и это. “Я” всегда ищет другого, потому что без другого его просто нет. Другой совершенно необходим. Помните это. “Я” и “ты” существуют вместе; если “ты” исчезло, исчезнет и “я” – окон не может быть. Если есть “ты”, то могут быть “я”. Но если вас нет, как “я” может существовать? “Я” и “ты” – два полюса одного и того же явления, два полюса одного и того же. Если исчезает “я”, исчезает и “ты”. Если исчезает “ты”, исчезает “я”. “Один” – ни “ты”, ни “я”. “Один” абсолютен. В нем нет никакого центра. Тут целое. В этом состоянии нельзя сказать, где вы: вас нет. Целое есть, а вас нет. Есть океан – капля исчезла. Или можно сказать “капля стала океаном” – то же самое.

Первое, что надо понять – одиночество невозможно; существует “единство”. В этом “единстве” нет ничего от одиночества. Одиночество печально. “Единство” – благословение. Одиночество всегда зависимо. Это рабство, рана, шип в сердце. “Единство” – это цветение, исполнение, достижение цели, возвращение домой. Одиночество – вид болезни. “Единство” – это здравость. “Единство” – это цельность. Одиночество – нечто от мира болезни, напряжения, страдания, несчастья. “Единство” не от этого мира; это за его пределами, абсолютная благодать, сатчитананд.

И второе – не называйте это “там”, “вверху”; это не так. Это не вверху и не внизу. “Вверху” и “внизу” для целого теряют смысл. Целое просто есть. Для него нет верха или низа. Эти слова становятся бессмысленными. Но в детском уме человечества Бог всегда “там наверху”, дьявол – “там внизу”, а человек – посередине. Мир посередине, ад внизу, рай наверху. Это разделение ума. Бог – это все: не вверху, не внизу и не посередине. Есть только Бог. Сказать, что “Бог есть”, – значит повторяться: “Бог” и значит “то, что есть”, “сущий”. “Сущее” значит Бог. Сказать “Бог есть” значит повторить одно и то же. Достаточно только “бог” или только “сущее”. Ум вязнет на этом, чувствует себя очень неудобно. Рассуждать невозможно, что-то утверждать невозможно. Он не может утверждать то, что вне всяких рассуждений.

Бог никак не может быть определен. Все определения ложны. Так что, что бы ни было сказано о Боге, будет ошибочным. Бог может быть только показан в глубоком молчании; словами тут ничего не скажешь. Так что прошу вас, не говорите “там” и не говорите “вверху”. Он всегда здесь. “Там” – только фантазия. “Там” ничего нет. Все здесь. В это мгновение, здесь и сейчас, все, целое, кульминирует, соединяется. “Все” соединяется в “целое”. И никуда “здесь” не уходит. И никуда “сейчас” не уходит. Помните. Вот почему я говорю “здесьсейчас” как одно слово. Я не говорю их как два слова. “Здесьсейчас” – одно слово.

Это то, что понял Эйнштейн в итоге всей своей жизни и работы. Он перестал употреблять “время” и “пространство” как два разных понятия. Он создал новое слово “пространство-время”. Время – это сейчас. Пространство – это здесь. Если верно “пространство-время”, то “здесьсейчас” должно быть одним словом. И я говорю его как одно слово. Бог – это “здесьсейчас”.

Я слышал замечательную историю. Ее часто рассказывал Свами Рам. Был у него друг, очень известный юрист, адвокат верховного суда. Но он был атеистом. Над своим рабочим местом он повесил плакат: “Бог нигде”. Со временем у него родился ребенок. Он рос, учился читать. И однажды ребенок попробовал прочесть это высказывание. “Бог нигде”. Но слово “нигде” было для него еще очень длинным и ребенок разделил его на два. Он сказал “Бог сейчас здесь”. (Nowhere – нигде, now – сейчас, here – здесь) Услышав его, отец взглянул на высказывание: “Да, можно и так”. “Бог нигде” можно прочесть как “Бог сейчас здесь”. И

говорят, это очень беспокоило отца. Он возвращался к этой мысли снова и снова, так что она стала постоянной медитацией. С этого дня он уже не мог читать надпись, как раньше: “Бог нигде”. Взгляд спотыкался о нее. Вглядываясь, всякий раз он читал, как ребенок: “Бог сейчас здесь”. Это стало мантрой. Говорят, что отец преобразился, повторяя “Бог сейчас здесь” чаще и чаще, он начал чувствовать некое спокойствие, возникающее в его сердце. Так он пользовался этой мантрой, не говоря никому ни слова. Он просто смотрел все чаще и чаще и при любой возможности повторял про себя: “Бог сейчас здесь”. Он стал верующим. Видение ребенка преобразило его, невинность ребенка преобразила его.

Так что не говорите “там”. “Там” не экзистенциально. “Там” не существует, не может существовать. Все, что есть в жизни: здесьсейчас. Чуть отойдя от “здесьсейчас”, вы уже в несчастье. Как только вы отдаётесь желанию, вы уходите от “сейчасздесь” и создаете себе тысячи несчастий. Будьте здесь, сейчас. И забудьте о Боге. Если вы в “здесьсейчас”, вы в Боге, и Бог откроет себя вам. Не нужно Его искать; сами поиски невероятная глупость. Его нельзя искать, Он – это все. Его нельзя увидеть ни в одном направлении: все направления Его. Вы не найдете Его нигде: Он везде. Так что все поиски обречены на неудачу с самого начала. Не ищите. Просто будьте в “здесьсейчас”, и Он станет искать вас. Он станет стремиться к вам. Это и говорят хасиды.

Один из величайших вкладов хасидизма в этом: нельзя Его искать, Он ищет вас. Как можете искать Его вы? Адреса вы не знаете. Не знаете Его лица. Вы не сможете Его узнать. Вдруг встретив Его на улице, даже не поздороваетесь. Вы Его не узнаете. Он покажется таким незнакомым, что вы можете испугаться. Или вы вообще не сможете Его увидеть: мы видим обычно то, что уже знаем. Того, что не знаем, мы обычно не видим.

Ученые говорят, что через зрение поступает только два процента информации. А девяносто восемь процентов не доставляется. Если поступали бы сто, получилась бы страшная путаница, вы бы сошли с ума. Это было бы слишком. Вы бы не справились со всем этим. Так что в сознание поступает только немного отобранной информации. Девяносто восемь процентов – мимо.

И я знаю: если Бог вас встретит... а встречает Он вас миллионы раз каждый день. Но сознание упускает Его: это странное, неизвестное; ваше сознание ни в каком смысле не может вместить Его... Он очень бы мешал. Так что вы Его просто не видите. Как вы можете Его искать? Где вы можете Его искать? Хасиды говорят “Вы не можете искать Его. Он вас ищет. Вам нужно только быть доступными и готовыми”.

Я вчера прочел анекдот. Студент-медик провалился на выпускных экзаменах. Он очень боялся отца и послал сестре домой телеграмму: “Я провалился. Подготовь отца. Удар для него будет слишком силен”. Сестра попробовала, но отец страшно рассердился. И она телеграфирует брату: “Отец готов. Готовься ты”. Дело обстоит именно

так: отец всегда готов; приготовьтесь вы. Бог всегда готов вас встретить; подготовьтесь сами, будьте готовы, где бы вы ни были. Он станет искать вас. Он устремится к вам отовсюду со всех сторон. Он проникнет в вас тысячько способами и достигнет вашего сердца.

Отчаивались ли вы когда-нибудь в нас и в своей работе?

Вы делаете все, что можно на вашем уровне. Что касается меня, то я не отчаиваюсь: я не могу. Отчаяние бывает только тогда, когда есть ожидания. Ничто не может привести меня в отчаяние: я ничего от вас не жду. Если это случится – прекрасно. Если не случится – тоже прекрасно. Для меня это не желание, чтобы вы стали просветленными. Если бы это было желание, а вы упорно ничего бы не понимали, тогда я был бы в отчаянии. Но это вовсе не желание. Разделить с вами то, чего я достиг – в этом мое счастье. Я делюсь, потому что это у меня есть. Возьмете – хорошо. Не возьмете – тоже хорошо. Потому что в основе своей просветление не может быть ничем иным, как вашей свободой. Это часть вашей свободы: хотите взять – берите; не хотите брать – не берите. Что бы я ни сказал, если вы этому следуете, это ваша свобода. Если вы этому не следуете, – вы свободны в этом. Я же здесь для того, чтобы освободить вас! Так что какие же у меня могут быть надежды? – любые надежды становятся рабством, ограничениями.

Если я жду, что вы станете просветленными, а вы не становитесь, то придет отчаяние. А если человек в отчаянии, как он может помочь вам стать просветленными? Совершенно невозможно. Я могу помочь вам только потому, что вы никак не можете привести меня в отчаяние чем бы то ни было. Я останусь счастлив, останетесь ли вы в аду или в раю, останетесь ли вы невежественными или просветленными. Для меня ваше несчастье – это ваш выбор. Оно и есть только в вашем выборе. Выбираете его? – хорошо! Любите его? – отлично! Кто я такой, чтобы мешать вам? Выбор за вами.

Что я здесь тогда делаю? – просто делюсь своим пониманием. В этом мое счастье: поделиться им. Ваше счастье – принять его или нет, мне это безразлично. Даже если бы вас здесь не было, даже если бы никого не было, если бы я сидел здесь один, я все равно делился бы своим счастьем с деревьями, камнями. Даже неправильно говорить, что я делюсь им. Оно делает это само. Говорить, что я делюсь им, значит исказить его – как будто бы я что-то делю. Нет, оно делает это само.

Цветет цветок, струится его аромат. Цветок не делится им; цветок не может не делиться. У аромата свои крылья, он разносится все дальше. Будет ли кто-либо способен почувствовать его существо с этим ароматом или нет, к цветку это не относится. Он цветет, и все тут. Цветок счастлив: он преисполнен, и эта преисполненность распространяется ароматом вокруг. Если вы зажжете лампу, струится свет. Не то, чтобы лампа стремится поделиться светом – что ей остается делать? Она иначе не может. Не то чтобы свет ждет, придет ли кто-

нибудь насладиться им. Если никто не придет, будет то же самое... Если придут многие, будет то же. Скорее, не я разделяю, я разделяем.

Обычно вы думаете, что это вы дышите. Когда-нибудь вы поймете и увидите: вы не дышите, через вас дышат. Обычно вы думаете, что вы есть. Когда вы поймете, вы скажете: “Бог есть”. И я не называю это работой. Я ничего не делаю. Если хотите, назовите это игрой, но не называйте это работой. Игра. Если бы это было работой, это было бы серьезно. Если бы это было работой, то было бы желание достигнуть каких-то результатов. Если бы это было работой, она бы чем-то обременяла, была бы выполняемым долгом. Если бы это было работой, было бы и нежелание. Если вы не последуете мне, не будет никакого огорчения. Это просто игра. Я даже не называю это игрой, игра начнет двигаться к работе. Она сама уже конец.

Я люблю рассказывать вам истории, я рассказчик. И нет никакого результата, это только в моем сознании. Рассказал я вам красивую историю – все. Это прекрасно. Мне понравилось. Я наслаждался ею. Насладились вы ею или нет – решать вам.

Один из моих учителей был редкое существо. Он был немного эксцентричен, как и следует быть философу. Он был одним из величайших философов Индии этого века. Редчайший человек, не слишком известный, – настоящий философ, а не профессор философии. Он был очень эксцентричен. Студенты давно бросили ходить к нему на лекции в то время, как я его встретил. К нему никто не ходил много лет, потому что иногда он говорил непрерывно: три, четыре, пять, шесть часов подряд. Он, бывало, говорил: “Университет может решать, когда начать лекцию, но университет не может решить, когда ее кончить: это зависит только от моего потока. Если что-то незавершено, я не могу это так оставить. Я должен завершить”. Поэтому слушать его было очень трудно. Иногда он занимал все время. А иногда от него неделями слова не услышишь. “Ничего не будет”, – говорил он. “Идите домой”.

Когда я пришел к нему на занятия, он сказал, посмотрев на меня: “Да, ты мне, кажется, подходишь. У тебя вид тоже несколько эксцентричный. Но учти: если я начинаю говорить, я кончаю там, где я кончил. Я не поддельваюсь. Иногда я не буду говорить неделю; ты придешь и уйдешь. Иногда я буду говорить часами. Если ты устанешь или тебе надо будет выйти, уходи, – но мне не мешай. Я буду продолжать. Можешь вернуться. Тихо сядь на место. Я буду продолжать, я не могу остановиться посередине”.

Незабываемым впечатлением было его слушать. Он совершенно забывал обо мне, своем единственном студенте. Он редко смотрел на меня. Иногда он говорил, обращаясь к стенам. Он говорил такие глубокие вещи, из такой сердечной глубины, что было не до обращения к кому-то; он наслаждался. Иногда он смеялся от радости и сам себе радовался. Не раз я выходил поболтать. Через несколько минут, а то и часов, он все еще был там. И продолжал говорить. Это искусство, а не игра.

Я говорю с вами; это не работа. Может быть, для вас это работа; для меня это не работа. Благословенным будет тот день, когда это не будет работой для вас, когда это станет игрой, когда вы будете наслаждаться вместе со мной, наслаждаться, участвовать в том, чем я могу поделиться. В эти редкие мгновения соучастия вы становитесь едины со мной. И вся работа завершена. Вот так это делается.

Ученики Гурджиева называют свою дисциплину работой. Я называю свою дисциплину игрой. Ученики Гурджиева очень серьезные, делают большое дело. Пожалуйста, здесь, со мной, не будьте серьезны. Серьезность – это болезнь, опаснее рака. Когда-нибудь рак научиться лечить, но серьезность неизлечима. Будьте светлы, легки, счастливы в этот миг рядом со мной. Участвуйте. Наслаждайтесь. Работа сама пойдет своим чередом. Работа пойдет сама собой. Играйте, и работа пойдет сама собой. Я акцентирую внимание именно на радостной игре. Если вы научитесь радостно играть, все пойдет само собой. Так что для меня это не работа. Я люблю вас. Я наслаждаюсь вами. Я просто в счастливом восторге от того, что вы есть. Я счастлив, что вы здесь. Кроме этого мгновения, нет другой цели. В это мгновение все исполняется. Я не заглядываю за него: для меня это мгновение – вечность; оно всегда здесь. Никакого другого мгновения не будет. Это вот мгновение. Это – вечность.

Когда вы поймете, как играть, как быть в счастливой игре со мной, вокруг меня, вы открыли дверь. Дверь открывается сама, – вам ее никогда не открыть. Просто играйте, и она откроется. В этом тайная формула: как открыть ее. Дверь жизни, дверь любви, дверь Бога – все они откроются, когда вы в счастливой игре. Все они закрываются, когда вы становитесь серьезны, когда вы настраиваетесь на работу. Тогда вы упускаете Бога. Бог – это любовь, песня, танец. Бог не товар; Он абсолютно бесполезен. Для чего Он нужен? Какую пользу можно извлечь из Бога? Он не использует.

Вот я здесь: абсолютно бесполезен. На что меня можно употребить? Какая от меня польза? Мной можно наслаждаться, как наслаждаются цветами поутру, или наслаждаются облаками на небе, или пением птиц. Все это нельзя продать на рынке, это не товары, но в них безграничная красота. Все, что вы превращаете в товар, профанируется. Все, что вы любите ради его самого, тут же становится святым, священным.

Вопрос от Сомендры

Недавно, сидя перед вами, я оказался купающимся в сладости.

Что происходит?

Радуйся, Сомендра, происходит любовь! Всегда, когда случается любовь, вы чувствуете себя очень неудобно: ведь вы движетесь в неизвестность. Вы движетесь в то, чем вы не можете управлять, что-то вне вас, в чем можно потеряться – потеряться навсегда. Может быть точка, после которой нет возврата; вы никогда не вернетесь. Вот что происходит. Вся личность дрожит, боится, потеет, нервничает.

Происходит смерть: вот что я имею в виду, когда я говорю, что происходит любовь. Любовь и смерть – два имени одного и того же явления. На грани любви испытывается священный ужас быть поглощенным ею настолько, что вернуться обратно будет уже невозможно. Это смерть, зарей занимающаяся над вами. Любовь – это смерть, и если вы познали любовь как смерть, вы открыли тайное святилище жизни. Тогда вы и смерть познаете как любовь. Тогда смерть становится Богом.

Прежде, чем я отдаю себе отчет, наблюдатель во мне становится моим судьей. Что делать?

Не судите это. Если наблюдатель в вас становится судящим – прекрасно. Не осуждайте судью – наблюдайте его. Если и тут приходит судящий, – наблюдайте и его. Всегда отступайте к наблюдателю; не будьте жертвой судьбы. И не тревожьтесь. Дело не в том, что вы не должны осуждать. Если подавлять его, вы не будете счастливы, вы будете подавлены. Что бы вы ни делали, будет судья, какие бы ни прилагать усилия, как бы ни подавлять. Нет! Освободите его!

Если приходит мысль, а за ней следует другая – осуждение, наблюдайте осуждение. Всегда отступайте вглубь, к наблюдателю, – вот и все. Если снова приходит судья, пусть приходит. Не бойтесь. Вы всегда свободны снова стать наблюдателем. Весь метод наблюдения в том, чтобы не обманываться и не отталкиваться от судящего. Пусть будет, никто не запрещает. Что можно сделать, если возникает судящий? Что вы можете сделать? Ничего. Можете снова стать наблюдателем. Пусть все так и продолжается. И когда-то судья потеряется, и наблюдатель станет центром.

Процесс этот будет долгим, ведь вы всегда помогаете войти судье. За многие жизни, за тысячи лет вы всегда отождествляли себя с судящим. Так что судящий не знает, что вы передумали. Он будет приходить еще несколько лет. Все зависит от вас. Если вы неизменно будете отступать к наблюдателю, рано или поздно судящий поймет, что он больше не нужен, он незваный гость. Он еще не раз будет стучаться в дверь, но стук будет становиться все слабее и слабее. Однажды, поняв, что вы им больше не интересуетесь, судящий исчезнет. А подавить его нельзя.

Как получается, что всегда, без исключений, вы говорите то, о чем я подумал только что или минутой или днем раньше?

Когда я говорю, вы часть меня. Вы не просто аудитория, ведь вы говорите через меня с собой. Я тоже не только говорящий, я тоже один из слушающих, я тоже слушаю. Это глубокое соучастие. В этом и есть смысл сообщения. Это не только общение, это общность. Если вы по-настоящему меня слушаете, я говорю, и вы тоже говорите через меня. Вы создаете многое, о чем я бы не говорил, не будь вас здесь. Вот входит кто-то новый – аудитория меняется. Мне приходится говорить о чем-то еще. Я могу и не знать этого человека – не важно. Когда

аудитория меняется, меняется и говорящий: это общение. Если это готовая речь, то ничего не меняется. Кто бы тут ни был, не важно.

Я не говорю ничего готового. Я просто здесь и сейчас, отвечаю вам и вашему существу. Так что если у вас есть какие-то мысли, это неизбежно отразится в моей речи. Если у вас есть какие-то вопросы, так или иначе все будет происходить одновременно: они же и принесут ответ. Это и происходит. Тут нет никакого чуда. Это просто чудо общности. Если вы любите всем существом, вы отражаетесь во мне, а я в вас. Тогда вы мое зеркало, а я ваше. Мое зеркало отражается в вашем, ваше зеркало – в моем. И так все время. Два зеркала одно перед другим могут отражать друг друга бесконечно, снова и снова.

Чем ближе вы ко мне, тем меньше будет нужды спрашивать. Тут возникает вопрос, и здесь возникает ответ. Приходится задавать вопросы, потому что вы еще не вполне уверены в общности. Так что не удивляйтесь! Это просто чудо общения, тут дело не во мне. Я не пытаюсь читать ваши мысли, запомните: я не чтец мыслей. Никогда я такими глупостями не занимаюсь. Никогда не читаю ваши мысли. Но я здесь, я просто зеркало – вот вы и отражаетесь.

Если вы любите меня, ваш вопрос получит ответ. Если вы глубоко участвуете во мне, вы услышите себя, открывающимся через меня. Ведь и я слушаю через вас. Слушающий и говорящий исчезают; создается круг энергии. В этом разница между общением и общностью. В общении вы студент, я учитель. В общности я становлюсь Мастером, вы – учеником. Нужно только немного веры, и все получит ответ, и не только ответ – разрешение.

Наблюдая свои настроения, я вязну в них по колено. Тогда дело не столько в том, чтобы наблюдать, сколько в том, чтобы нести вместе с волной, пока она не пройдет.

Ну и неситесь с ней. Но все равно наблюдайте. Можно нести вместе с волной. Как может это помешать наблюдателю? При этом, несясь вместе с волной, можно в совершенстве разглядеть саму волну. Единственное, что надо запомнить: не позволяйте волне нести вас, не позволяйте волне накрывать вас. Неситесь с волной – очень хорошо. Неситесь с волной гнева и наблюдайте его. Плохо, когда гнев накрывает вас и наблюдатель утерян. Тогда вы отождествляете себя с гневом.

Нет ничего плохого в гневе. Только не отождествляйте себя с ним; наблюдайте его. Это прекрасное переживание, энергетическое переживание. Гнев – это чистая энергия. Я называю его белым горячим: чистейшая форма энергии. Она становится разрушительной, потому что вы отождествляете себя с ней. Она невоспламеняема, потому что чиста. Человек, который не может злиться, беспомощен: у него нет энергии. Тот, кто может злиться, силен, в нем большие запасы энергии. Но ее нужно правильно использовать, потому что чем больше у вас энергии, тем опаснее. Чем больше у вас энергии, тем больше

опасность взорваться. Так что нужна большая пробужденность и понимание.

Если есть понимание, то есть и энергия, но она никогда не станет разрушительной. А обладать энергией – значит обладать глубиной, высотой, резервуаром. Есть два типа не-гневающихся людей. Одни – те, у кого нет энергии; это пустые раковины. Вам знаком этот тип – слабые измочаленные создания. Они не рассердятся, и не будут способны любить. У кого нет энергии сердиться, нет энергии, чтобы любить. Изношенные, опустошенные мертвецы. Лишь часть от них живет – девяносто девять процентов уже ушло. Только малая часть трепещет жизнью. Живые частично!

Есть и другие люди, преисполненные энергией, ставшее ее резервуарами. Такой человек тоже не гневается – он пробудился к сознанию. Его негневливость – не есть отсутствие энергии гнева; его негневливость пришла от понимания. Этот человек открылся для любви, и она достигает в нем невероятной силы. Такой человек преисполняется величайшим сочувствием.

Весь мир может быть заполнен состраданием одного человека. Мир не так уж велик: сочувствие одного человека, когда оно хлынет половодьем, может заполнить весь космос. Когда в мир приходит Будда, когда в мир приходит Иисус – происходит именно это. Энергия одного человека – очищенная, абсолютно чистая, без отождествления, струится смягчающим ливнем на все существующее.

О Будде и Махавире рассказывают... Что за чудо эти притчи! Однажды Будда вошел в лес... не понимайте эти притчи буквально, – и на дереве стали распускаться цветы, хотя для них было еще не время. Когда он достиг просветления, весь лес, окружавший это место, расцвел в одно утро. Деревья начисто забыли, что сейчас не время, что стоит другое время года. И не такое забудешь, когда случается подобное чудо. Будда благодатным ливнем пролился на эти деревья. Они были счастливы. Как еще дерево может проявить свое счастье?

О Махавире рассказывают: куда бы он ни пошел, а ходил он абсолютно голый, без всякой обуви и без одежды, колючки, попадавшиеся на пути, оборачивались острием вниз. Колючки поворачивались острием вниз, чтобы не повредить Махавире. Прекрасные притчи, указывающие на очень важное явление. Да, так должно быть. Я знаю, колючки так не поступают. Я хорошо знаю. Но так должно быть. Когда мимо проходит Махавира, даже колючка должна стать цветком.

Энергия – это хорошо. Отождествление – плохо. Потенциально Махавира был, должно быть, очень сексуален. Иначе откуда бы такая незлобность, спокойствие и любовь? Та же энергия, но освобожденная. При понимании она становится любовью; при отождествлении, неосознанности она становится сексуальностью. Будда, должно быть, был очень гневливым, неистовым. Я это доподлинно знаю. Не важно, что говорят священные тексты. Должно

быть, изначально он был очень злобный, жестокий человек. Иначе откуда прийти такому сочувствию?

В этом объяснение исторического факта, что в Индии все двадцать четыре тиртханкары джайнов, Будда, Рама, Кришна – все они были кшатриями, воинами. Все индийские аватары, кроме одного, Парашурама, были кшатриями, воинами: людьми гневливыми, жестокими. Двадцать четыре тиртханкары джайнов – все кшатрии. Ни одного брахмана. Сам Будда был кшатрием. В Индии все указывает на что-то. Отчего именно кшатрии? Отчего они стали величайшим источником сострадания в мире? – это борцы, в них было много гнева. Как только возникает понимание и энергия освобождается, понимание несется вместе с волной энергии.

Из всех аватаров только один брахман – Парашурам – был в числе аватар. Но он вообще не был брахманом... не было, говорят, человека более неистового, чем он, за всю историю мира. Он был настолько против воинов, кшатриев, что тридцать шесть раз убивал всех кшатриев в мире. Он хотел, чтобы кшатрии исчезли с лица земли. Он не был брахманом вообще. Мир не знал еще столь великого воина. Почему?

Факт объясняется просто и научно. Если высвобождена любовь, прежде на ее месте должен был быть секс. Если освободинлось сострадание, на его месте должен был быть гнев, ненависть, жестокость. Если освобождается непривязанность, то там прежде были жадность, ревность, желание обладать.

Дерево узнают по плодам. Так же и с человеком: то, что мы видим в нем в состоянии просветления – его плод. Видно, откуда он вырос.

Цветок лотоса растет из простой грязи. Глядя на цветок лотоса, невозможно себе представить, что он появился из обычной грязи. Они кажутся столь противоположными, но жизнь соединяет противоположности. Прекраснейший цветок в мире, самый тонкий, растет из обычной грязи.

Любовь распускается из грязи секса. Сострадание происходит из грязи гнева. А нирвана – из грязи этого мира.

Багван, мне хотелось бы знать... что такое хасидизм?

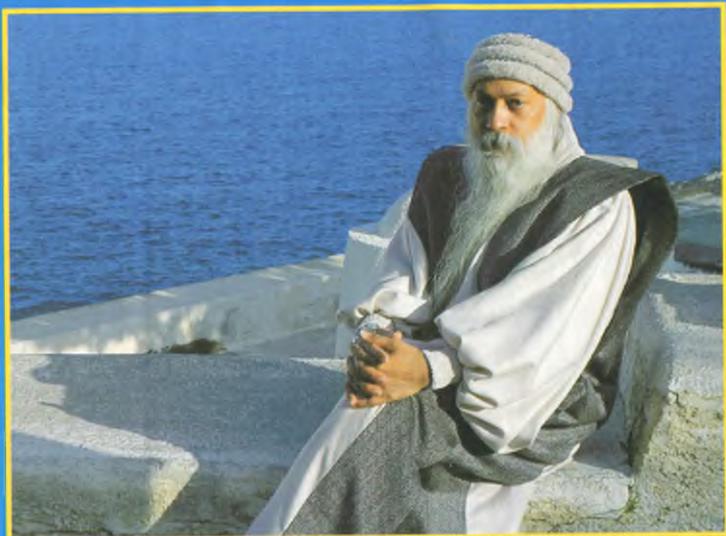
Мне тоже.

Искусство умирать

Глава 1.	Искусство умирать	3
Глава 2.	Путаница — мой метод	20
Глава 3.	Идущий по канату	39
Глава 4.	Пусть будет так	58
Глава 5.	Крестьянская мудрость	78
Глава 6.	Почему нет женщин?	98
Глава 7.	Сокровище	113
Глава 8.	Ребенок на берегу времени	132
Глава 9.	“Я вижу все, что нужно!”	149
Глава 10.	Всякая всячина	165

Истинный мудрец

Глава 1.	Идти со своим светом	185
Глава 2.	Вопросы и ответы	199
Глава 3.	Сторож	215
Глава 4.	Вопросы и ответы	229
Глава 5.	Совершенный пловец	245
Глава 6.	Вопросы и ответы	258
Глава 7.	Свет за окном	275
Глава 8.	Вопросы и ответы	288
Глава 9.	Истинная мудрость	303
Глава 10.	Вопросы и ответы	320

**Все книги Шри Раджниша
продаются в магазине «Белые облака»,
г. Москва, метро Китай-город, ул. Покровка д. 4,
телефон 621-61-25 www.clouds.ru,
и в Центральном Доме Книги, метро Арбатская.
Заказ книг оптом www.amrita-rus.ru, e-mail: iva184@post.ru**

**Центр духовного туризма «ПРЕМА» поможет паломникам
и саньясинам в их странствиях по Индии и Непалу.
Телефон 246-86-05, 234-59-65. www.prema.ru
Москва, метро Фрунзенская, Олсуфьевский пер д. 2/4.**

